ПУТЯМИ ИСТОРИИ

ОБЩЕРУССКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ, ДУХОВНОЕ И КУЛЬТУРНОЕ ЕДИНСТВО НА ОСНОВАНИИ ДАННЫХ НАУКИ И ЖИЗНИ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ ОЛЕГА АЛЕКСЕЕВИЧА ГРАБАРЯ

ТОМ I

•

ИЗДАТЕЛЬСТВО „СВОБОДНОГО СЛОВА КАРПАТСКОЙ РУСИ"
НЬЮ ЙОРК 1977

ПУТЯМИ ИСТОРИИ

ОБЩЕРУССКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ, ДУХОВНОЕ И КУЛЬТУРНОЕ ЕДИНСТВО НА ОСНОВАНИИ ДАННЫХ НАУКИ И ЖИЗНИ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ОЛЕГА АЛЕКСЕЕВИЧА ГРАБАРЯ

ТОМ I

●

ИЗДАТЕЛЬСТВО „СВОБОДНОГО СЛОВА КАРПАТСКОЙ РУСИ"
НЬЮ ЙОРК 1977

Федор Федорович Аристов, профессор московского университета, великий друг карпаторусского народа, исследователь культурной жизни русских на Карпатах, писал 25(12) декабря 1928 года правлению Русского культурно-просветительного общества имени А. В. Духновича (в Ужгороде), между прочим следующее:

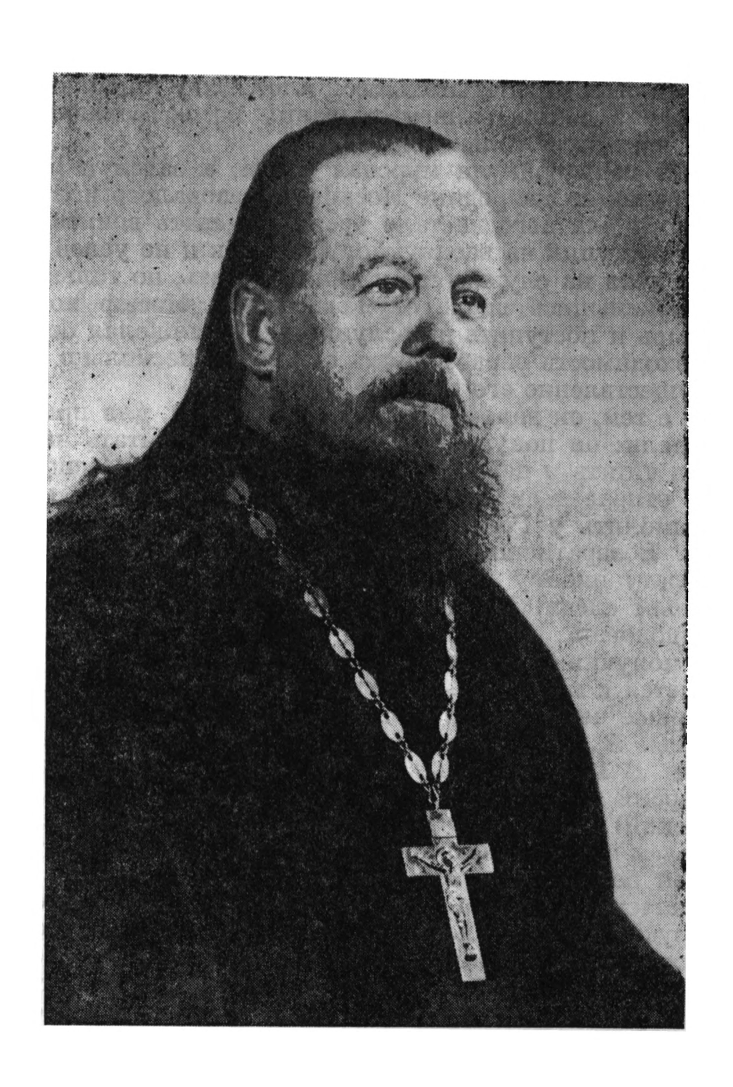
„Все книжки, посвященные общерусскому национально-культурному единству и врагам его сепаратистам (проф. И. И. Лаппо, Н. Павловича, д-ра Каминского и Валерия С. Вилинского) очень интересны, хотя и не дают исчерпывающего ответа на поставленные вопросы. В дальнейшем было бы не только желательно, но и прямо необходимо, вместо издания брошюр отдельных авторов, выпустить большой коллективный труд — „Общерусское национально-культурное единство на основании данных науки и жизни", где весь материал расположить по отделам ... и в каждом из них, после кратких вступительных очерков, перепечатать мысли авторитетных людей, отстаивающих единство русского народа. Этот труд явился бы настольной книгой, незаменимым справочником, своего рода национальным катехизисом для каждого мыслящего русского человека".

„Карпатский свет", Ужгород, № 2-3, 1929.

Изданием этой книги и дальнейших томов мы осуществляем желание проф. Ф. Ф. Аристова.

Адрес издательства

"FREE WORD"
P. O. Box 509
Mount Vernon, N. Y. 10550 U.S.A.

ИГУМЕН ИУЛИАН ТРОЦКИЙ

I/III 1902 г. в селе Толстики, Волпенского прихода, Гродненской губернии от родителей Иосифа и Елены Троцких родился мальчик, также названный Иосифом, который впоследствии стал игуменом Иулианом.

Детство маленького Иосифа было тяжелым. В возрасте семи лет он был отдан отцом в пастухи — пасти большое стадо овец в родном селе, а село состояло из шестидесяти дворов. С такого

возраста он стал зарабатывать свой хлеб. Тягу к церкви он начал испытывать в самом раннем возрасте, но возможность бывать в церкви выпадала только зимой.

В 1914 году грянула мировая война, а затем и революция. После революции на родине Иосифа образовалось польское правительство и для него настало время отбывать воинскую повинность. Он поступил на военную службу, так и не успев научиться грамоте и хотя на службе его и учили читать, но только по-польски. Возвратившись после службы домой, Иосиф хотел пойти в монастырь и поступить в послушники, но тяжелая болезнь брата и необходимость обрабатывать землю на несколько лет задержали осуществление его мечты.

Вместе с тем, он делает все, что в его силах, для приближения к своей цели: он покупает Часослов, учится читать часы, ходит в церковь читать и петь на клиросе. Тогда же у Иосифа созрело решение отправиться на богомолье в Жировицкий монастырь, чтобы вымолить у Господа здоровье для своего тяжело больного брата. Возвратившись из своего паломничества, он передал своему брату иконку Жировицкой Божьей Матери и пузырек с освященным елеем. Их молитвы были услышаны и вскоре его брат выздоровел.

Затем, получив благословение своего престарелого отца, Иосиф отправляется в монастырь и делается послушником. Там он проводит первые четыре года в изучении славянского языка и устава службы. В 1937 г. он принимает монашество и нарекается Иулианом. В 1938 г. он был уже рукоположен в иеродиакона.

В то время в монастыре находился архиепископ Пантелеймон (Рожновский), который в 1940 году был вызван в Москву местоблюстителем патриаршего престола, митрополитом Сергием и был награжден белым клобуком и титулом митрополита. К нему и был назначен келейником о. Иулиан. Владыкой Пантелеймоном он был рукоположен в иеромонахи в 1942 году. По проискам белорусских сепаратистов владыка Пантелеймон был насильно отправлен немцами из Минска в местечко Ляды, а оттуда в маленький городок Вилейку, потом опять в Минск, где о. Иулиан пробыл с владыкой до 1944 года. При отступлении немцы увезли их с собой в Германию.

Много поработал о. Иулиан на ниве Христовой среди русских беженцев в Западной Германии, но в 1949 году он переезжает в США. Игумен Иулиан прошел долгий и тяжелый путь и принес с собой в Новый Свет чистый светоч веры служения Богу и любви к ближним. В Америке он издал пять акафистов, „Последование общего молебна и панахиды" и „Службу пасхальной седмице". Игумен Иулиан всегда был щедрым жертвователем на „Свободное слово Карпатской Руси". Он также помог нам выпустить этот труд.

ГЛАВА I

РУССКИЙ—РУСИН—РУСНАК

Проф. Г. Геровский

О СЛОВЕ „РУСИН"

Слово Ру́син есть древнерусское обозначение русского человека в единственном числе, по тому же образцу и с тем же окончанием -ин, как и другие названия людей в ед. ч. по признаку народкости: Гречин, Литвин, Угрин, Чудин, и т.п. Ср. в договоре Киевского князя Олега с Греками 912 года: „. . . аще полоняник обою страну держи(м) есть или о(т) Руси или о(т) Грек продан в ину страну, еже обрящеть(ся) или Русин или Гречин, да не куплять и взвратять искупленое лице в св(о)ю страну" (Ипатьевский список Начальной летописи под указанным годом). В договоре Игоря с Греками 945 года: „Ащели ключится украсти Русину о(т) Грек что или Гречину (от) Руси, достойно есть да взврати(т) не точию едино, но и цену его" (там же, под 945 годом). В договоре Смоленского князя Мстислава Давыдовича с Ригою 1223 года: „Русину не звати Латина на поле бится (ошибно написано битвся) у Русской земли,а Латинину не звати Русина на поле битося (вместо — биться) у Ризе и на Готском березе" (Хрестоматия Буслаева, 3 изд., стр. 132). В Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку повествуется о татарских зверствах в Курской и Воронежской волости под 1263 годом: „...а что изимано людей черны(х) и з женами и з детми, то все попровадил прочь. А трупья бояр те(х) повеле по деревью извешати, о(т)имая голову и правую руку.И начаша бесурмене вязати головы боярскые к тороко(м), а рукы вкладоша в судно, вставиша на сани Чернысе Русину и поидоша от Ворогла. И пришедше в село в Туров, и хотеша послати по земля(м) головы и рукы боярскые, ино некуда послати, зане вся волость изимана. И тако пометаша головы и рукы п(с)ом на изьедь" (Полное собрание русских летописей, 2 изд., 1, 2, стр. 481). Черныха (а не „Черныса", как читаем в Указателе, приложенном к изданию летописи) назван Русином в противоположность встретившимся с ним Татарам, и это не прозвище (тем более не фамилия), а название народности (относительно чего в Указателе тоже неясность). Сравнивая эти известия по месту написания, видим, что название Русин употреблялось как в древней Киевской Руси, так на Смоленщине и в Курско-Воронежской волости (— нынешней южно-великорусской области), т. е. явля-

лось названием общим. Великорусы и позднее его употребляли, говоря о себе. В „Хождении в Индию" (за три моря) Тверского купца Афанасия Никитина (1466-1472 гг.) читаем: „И язь грешный привез жеребца в Индейскую землю, дошел есми до Чюнеря. . . . А в том Чюнере хан у меня взял жеребца, а увидел, что язь не бесерменин, Русин, и он молвит: И жеребца дам да тысячу золотых дам, а стань в веру нашу в Махмет-дени; а не станеш в веру нашу в Махмет-дени, и жеребца возьму и тысячу золотых на главе твоей возьму" (Буслаев, ук. соч., стр. 214); правописание подновлено Буслаевым. Тверская область, в то время древнерусское Тверское княжество, принадлежит ныне в большей своей части к северно-великорусскому наречию, в связи с чем нужно заметить, что на глубоком севере (например в Олонецком крае), северный Великорус, по свидетельству описаний путешественников (мне теперь недоступных), до сих пор говорит о себе: „Я здешний Ру́син".

Слово Ру́син во всех помещенных выше примерах употребляется лишь в единственном числе, а множественным числом к нему служит в древне-русском собирательное Русь. Например, в договоре с Греками Игоря 945 года: „Входя ж(е) Русь в Город (— Константинополь), да не творя(т) пакости и не имеють власти купити паволок, лише по пятидесят золотник" (Ипатьевский список Начальной летописи). В договоре Смоленского князя Мстислава 1229 года: „Урядили пак мир, како было любо Руси и всему латинскому языку, кто то у Русе гостить". (Хрестоматия Буслаева, 3, стр. 132). В суздальской летописи по Лаврентьевскому списку под 1284 годом: „Два бесурменина идоста ис свободы в другую свободу, а Ру́си с нима боле 30 ч(е)л(о)в(е)к" (Полное собрание русских летописей, 2 изд., 1, 2,481). Иногда множественное число заменяется в древне-русском и выражением русьстии людье, как и в современном русском языке (русские люди). Так например, пишет игумен Даниил в своем Хождении в Иерусалим (ок. 1112 года): „Мне же худому Бог послух есть и святый Гроб Господень и вся дружина моя, Русьстии сынове, и приключишася тогда Новгородци и Кыяне: Седеслав Иванович, Горослав Михайлович, Кашкыча два и инии мнози, иже сведеють о мне и сказании" (Буслаев, ук. соч., стр. 71). Из этого выражения, употребительного уже в древнерусском, выделилось, как известно, с пропуском существительного, современное, обычное в русском литературном языке название Русский, Русские.

Проф. Г. Геровский

К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ НАЗВАНИЯ РУСНАК

В Братиславском журнале "Kultúrny život" (№ 21 от 25 мая 1957) была помещена статья Петра Раткоша „О понятии Руснак" ("O pojme Rusnák"), в которой автор высказывает мнение, что это не этноним (название народности), но „кличка принадлежащих к восточному обряду", которая „имеет презрительный оттенок". С таким объяснением и со способом, как старается обосновать свое толкование автор, невозможно согласиться.

Для того, чтобы объяснение этого названия было правильно, необходимо прежде всего начать с того, что находим относительно названия Руснак в словаре Бернолака (Slowár slowenskí, IV, Будин 1828): "Rusnák v(id) Rus, Rusňačka v(id) Ruska, Rusńacki, adj. v(id) ruskí, а на стр. 2851: "Rus n. Russus, Ruthenus, ein Russe, orosz, muszka". Из этого видно, что название Руснак считалось в словацком языке того времени этнонимом (названием народа) и употреблялось для обозначения не только населения края на юге Карпатских гор, известного в то время под названием Угорской Руси, но и всего русского этника вообще. Притом вероятно, что из этих двух упомянутых у Бернолака названий, нужно название Руснак считать первоначальным в словацком языке, между тем как синоним Rus был заимствован из чешского подобно тому, как позднее было заимствовано в словацкий язык название Slovan (=Славянин) для более точного обозначения этого понятия. Дело в том, что еще в первой половине XIX столетия термин „Словак" употреблялся в словацком не только в нынешнем значении „Словака", но и в смысле „Славянина". Ср. у Бернолака (Slowár, III, 3010): "Slowák m. Slavus, ein Slave, Slawack (!), tóth . . . 2) Slavinus, Slavonius, ein Slavonier, Tóth, Horváth." — "Slowenskí, á, é adj. slavus, slavicus, tóth. 2) Slavinus, Slavonicus, slavonisch, tòth, horváth; boh(emice) slovanski". Бернолак, как видно из этого, приводит это название (Slovanský, Slovan) как чешское. В словацких журналах штуровского времени slovenskí обозначает одинаково „словацкий" и „славянский". Названия "Rus" и „Slovan" были, следовательно, заимствованы из чешского.

Название Руснак имеет свою историю. Прежде всего нужно иметь в виду, что с тем же самым суффиксом -ак встречаемся и в названиях двух соседних западнославянских народов (Словак, Поляк), а именно с конца XV столетия, между тем как прежде их названия звучали Словѣнин (=Slovienin), Полянин (множ. ч. Словѣне, Поляне). Вследствие выравнивания между единственным и множественным числом суффикс -ин отпал и осталось Словѣн, Полян, причем вместо -ѣн, -ян стал употребляться также и суффикс -ак: Словак, Поляк — сначала в качестве клички; со временем эти названия стали общеупотребительными и вытеснили первоначальное Словѣнин и Полянин. Третьим соседом этих двух

западнославянских народов была древняя Южнокарпатская или Угорская Русь, жители которой назывались по древнерусски Ру́син (в единственном числе, ибо суффикс -ин обозначает единичность), множ. ч. Русь (собирательное женск рода). В этом соседстве и это название было изменено подобным же способом и приняло то же самое окончание -ак (Руснак); это случилось вследствие взаимных сношений трех упомянутых славянских народностей. Ср. названия Pražan и Pražák, Moravan и Moravák, Bratislavčan и Bratislavák и др.; у Бернолака Poliak и Polan. Встречается название Руснак и в польском языке, как это видно из известного польского словаря Линде 1827 года: Rusin, Rusnak, Rusak употреблялись в польском языке без какого-либо различия как названия русского человека ("z Rusi rodowtiy, ein Reusse"). К этому нужно прибавить, что независимо от этого, то же самое имя находим и в современном болгарском, где название Руснак известно и употребляется для обозначения человека русской народности (Младенов, Етимологичен и правописен речник, 546) наряду с Ру́син (множ. ч. Руси) и Русец (Геров, Речник s.v.).

Решающим в этом вопросе является то, что названием Руснак обозначает себя само население как в бывшей Подкарпатской Руси (в советском Закарпатьи), так и в Пряшевском крае, все „беседующие по-русски". Является это название этнонимом на всем пространстве бывшей Угорской Руси, а потому невозможно отрицать того факта, что такое восточнославянское население под названием Руснак, Руснаки (Руснаци) на юге Бескидов и Полонинских Карпат существовало и существует. Упомянутое название этого края засвидетельствовано с половины XVIII столетия, а именно в титуле епископа Мукачевского восточного обряда (униатского) Мануила Ольшавского: „и во Угроросіи викарий апостолскій" (Протоколы объезда епархии в долине реки Топли 1750 года, издание А. Л. Петрова, Научовый Зборник Просвѣты, Ужгород, 1924). Притом нужно отметить, что этот епископ Мануил был родом из Ольшавицы на Спише (теперь округ Левоча), которая в грамотах упоминается под 1300 годом, т. е. принадлежит вместе с соседними селами Репаши, Ториски и др. к заселению горных пространств в XIII веке, которое шло с равнины в верхнем Потисьи на север в горы, в данном случае долиной реки Торисы с ее нижнего течения. Поселенцы несли с собой кельтское название этой реки (по-кельтски torisse значит „ставшая известной") к ее истокам, где новое поселение было названо уменьшительным „Ториски". Если бы заселение шло с севера (с пограничных гор) или с запада, поселенцам название реки не было бы известно. Ср. подобные же уменьшительные у истоков рек, из стечения которых возникает Бодрог: Ондава — Ондавка, Ужанская река — Ужок, Латорица — Латорка; и эти верховья рек были заселены точно так же с юга, с равнины в горном Потисьи (из Прибодрожья).

Уже из этого видно, что автор не прав, говоря о „пастушеских

русских группах", появление которых автор относит к XIV-XV столетиям и которые, по его мнению, „оседали в Карпатском польско-словацком пограничьи". Прежде всего — это анахронизм, если автор говорит о польско-словацком пограничьи в восточных Карпатах в XIV веке, ибо в то время к северу от Карпатских гор существовало еще древнерусское Галицкое княжество, включая сюда и княжество Перемышльское (было захвачено Поляками в 1349 году), границы которого простирались далеко на запад. Это было, следовательно, угорско-древнерусское пограничье. Мнение автора соответствует точке зрения мадьярской шовинистической историографии времен мадьярско-помещичьего правительства в эпоху Австро-Венгрии и Гортиевского регентства , которая не только Южно-карпатскую Русь, но и Словаков и остальных Славян бывшей Венгрии считала позднейшими пришельцами, которые явились сюда после исчезновения древне-славянского населения Дунайской котловины, поглощенного (ассимилированного) угро-финскими захватчиками. Приход славянских племен в среднюю Европу приурочивается, как известно, к VI-VII столетиям нашей эры.

Исследовал эти вопросы известный чешский ученый Л. Нидерле в своих „Славянских древностях". Восточнославянские племена появились на юге Карпатских гор, в верхнем Потисьи, не в „XIV-XV столетиях", как утверждает Раткош, но в VI-VII веках, как установлено наукой (ср. Нидерле, IV, „Происхождение и начало Славян восточных"). Это были части восточно-славянского племени Дулебов, которые были завлечены на юг Карпатских гор Аварами, и которые осели в верхнем Потисьи, на равнине по Бодрогу с притоками; в IX столетии (после 860 года) были это части восточно-славянских Уличей и Тиверцев, вытесненные сюда Уграми из Приднестровья и Причерноморья, которые осели по течению Ужанской реки и Латорицы; а в X столетии восточно-славянское племя Хорватов заняло Мороморыш и весь край по левые притоки Тисы — Красну и Криж, а также части Семиградья. „Пастушеские русские группы" не существовали ни в то время ни позднее, в XIV и XV столетиях, ибо восточно-славянские племена пастушеством не занимались, но были издавна земледельцами, знавшими плуг с железным ралом и чересло, как это доказано археологическими разысканиями (ср. П. Н. Третьяков, Восточно-славянские племена, 1953). А потому после прихода в Карпатские горы эти племена в горах не остались, но осели в верхнем Потисьи на равнине — в крае, который прежде (с IV века до н. э.) был населен Кельтами, остатки которых тут еще жили. От них восточные Славяне усвоили кельтские названия главных рек (Латорица, Лаборец, Олька, Ториса, Горнад, Бодва*). К этому нужно

---

*) Латорица от кельтского lathar „сторона" (с славянским суффиксом -ица), Лаборец от кельского labar „болтливый" (с славянским суффиксом -ец), Олька из кельтского olc (олк) „плохой", Горнад из

прибавить, что после уничтожения Аварской державы с севера Карлом Великим, а с юга болгарским Крумом, верхнее Потисье принадлежало до конца IX века к Болгарии, а после вторжения Угров (896 г.), которые осели в удобной для кочевья Дунайской степи, оставалось в течение нескольких столетий „ничьей землей". Ибо границы Болгарии были вследствие вторжения Угров и под натиском Печенегов на Дунай передвинуты к нижнему Дунаю, а угорская держава еще не существовала. Лишь со времен Стефана I (который умер в 1038 году) началось постепенное присоединение к угорской державе восточно-славянской „ничьей земли", что продолжалось три столетия (от начала XI до половины XIII века).

Пастушество пришло с так называемой валашской пастушеской колонизацией, которую Раткош относит ко времени до XIV столетия, что нужно считать опять анахронизмом, ибо в действительности это пастушеское движение, имевшее с самого начала румынско(волошско)-русский вид, происходило с конца XV до XVII столетия. Оно принесло в Карпатские горы обширную терминологию овцеводства и выделки сыра, а также такие слова, как цап (из албанского tsap), причем Румыны (Волохи) были инструкторами. Это пастушеское движение имело значение только для горных пространств, ибо шло стороной от заселенных долин, где господствовала панщина (крепостное право), исключительно горами, куда власть феодалов не доходила. Эти пастушеские группы шли не только на запад, по направлению к Малым Карпатам и нынешнему Моравскому Валашску, но и возвращались обратно, пася свои стада на богатых травой горных склонах. Этим объясняется, что не только на запад Словакии были занесены личные имена типа Иван (уменьшительное Ваня, ср. Vaňovo pleso), Курила (как звучит в древнерусском имя Кирилл), отчества вроде Валкович (с русским суффиксом -ичь вместо словацкого -иц), названия гор и горная терминология (gruň, diel, lãz и др.) и иные „русские" черты (dumat и т. п.), но и наоборот, при возвращении к востоку были занесены многие словакизмы, как например (в Лаборской долине) гнутися в значении двигаться, волати „звать", вр'іти (по словацки vriet) в значении ненавидеть, облечі „одеть", владати „быть в силах" и т. д. Для заселения волошское пастушеское движение имело значение только в смысле появления новых селений на высоких горах.

Если Раткош говорит о „постоянном приливе беглых крепостных селян и духовенства в течение целых столетий с другой стороны Карпат", то нужно отметить, что „флуктуация" населения происходила и в иных местах. Например, в средней Словакии имеются польские села. Духовенство приходило на Угорскую Русь во время насильственного введения церковной унии во второй половине XVII столетия при помощи униатских епископов, при-

---

кельтского horn „железо", hornad „полный железа", Бодва кельтское название богини войны, boduo „битва".

званных из Галичины мадьярскими феодалами (Другетами, Софией Батори и др.); для заселения этот „прилив духовенства" не имел никакого значения. Это были епископы Василий Тарасович, а потом Иосиф Волошиновский в XVII веке, который после изгнания законного Мукачевского епископа Иоаникия Зейкана действовал до восстания Текели (1682), когда на место Волошиновского был избран Мефодий, низложенный после подавления восстания (в 1691 г.) призванным из Рима униатским Греком Декамелисом. Происходило все это в рамках Мукачевской епархии восточного (кирилло-мефодиевского) обряда, границы которой охватывали столицы Ужанскую, Земплинскую, Шаришскую, Абауй-торнянскую, Спишскую, части Гемера, а также столицы в нынешней Венгрии: Боршод, Нижний Земплин, Саболч, Сатмар, которые в настоящее время вполне омадьярены и где с 1907 года существовала выделенная из Мукачевской епархии униатская епархия Гайдудорожская.

После введения унии следовала латинизация (в рамках противореформации) которая коснулась многих общин восточного обряда на основе принципа "cuius regio, eius religio" (чья область, того и вера"), вследствие чего землевладельцы паны, римские католики, уничтожали кирилло-мефодиевские традиции и вводили римско-католический обряд, причем плебан требовал от верующих, чтобы они перестали „беседовать по-русски" и начали „гуториц по католицки". Единство „новокрещенных" католиков с „кирилло-мефодиевскими" Руснаками должно было быть нарушено и в отношении языка. На это указывал Ионаш Заборский, который, действуя сам как священник на области нынешнего Пряшевского края, хорошо знал население католических сел на основании собственного наблюдения и их прошлого из церковных (приходских) архивов. Предание об этих событиях из времен латинизации живет еще теперь, и различаются Руснаки, которые еще "bešeduju po ruski", и Руснаки, которые "hutoria po katolicki". Подобно же и Само Цамбель различает несколько стадий „смешанной речи". Латинизации и появлению „смешанной речи" способствовал прилив из Польши Поляков, которые, убегая от своих феодалов на лучшие, более плодородные земли, засели в равнинных частях края на юге Карпатских гор в эпоху после войн Семиградских князей против Габсбургов и после восстания нашего народа при Франце Раковци. Они упоминаются в общинах того времени под названием „жидляров" (т е. поселенцев без дома и земли). Историческим свидетельством об этом являются протоколы объезда епархии 50-х годов XVIII века упомянутым униатским епископом Мануилом Олшавским, согласно которым число „жидляров" в селе часто превышало коренное население в несколько раз (например, газдов 5, жидляров 16 и т. п.) и в которых перечисляются общины восточного обряда, ныне являющиеся римско-католическими и „гуторящими по-католицки" (например, в Ондавской долине Добра, Трепец и т.д.). Название Руснак не является, следовательно, презрительной кличкой, как утверждает Раткош. Яв-

ляется историческим фактом, что большая часть Руснаков, насильственно переведенная из восточного (кирилло-мефодиевского) обряда в обряд латинский, под натиском перешла к смешанной речи („начала гуториц"). Вместе с тем к ним с течением времени перестало применяться название „Руснак". Нужно прибавить, что само слово „гуториц" не является ни польским, ни словацким; оно встречается в северно-великорусских говорах (ср. Даль, Толковый словарь, I, 411, Ушаков, I, 642), а также в южно-великорусских говорах в Донской области (ср. Шолохов, Тихий Дон); в южно-карпатских наречиях употребляется слово гутонит и в том же значении (Снинский округ). Если Раткош в этой связи пишет, что „после 1818 года поселился в Пряшеве прогнанный из Кошиц униатский епископ", то это ошибка, ибо в действительности из Мукачевской епархии восточного обряда была выделена вновь учрежденная униатская епархия Пряшевская в 1817 году, первым епископом которой был поэт и цензор славянских книг в Пеште, Григорий Таркович (стихотворение его цитирует Карамзин в своей „Истории государства Российского"); притом в Пряшеве он мог поселиться только в 1820 году — по прямому приказу из Вены, ибо фанатизм пряшевских католиков не допускал тут даже существование храма восточного обряда.

Название Руснак не является кличкой, не есть обозначение принадлежащих к восточному (кирилло-мефодиевскому) обряду, но является названием, которым обозначают себя и свою народность Руснаки. В тех местах Пряшевского и Кошицкого края, где большинство населения теперь принадлежит к римско-католическому обряду, это имя служит для обозначения групп населения, которые после проведения насильственной латинизации XVIII века остались в обряде кирилло-мефодиевском, но потеряли свою речь.

Статья Г. Ю. Геровского заимствована из журнала „Дукля". Там она появилась в опровержение статьи сотрудника Словацкой Академии Наук П. Раткоша — „О понятии руснак" (Kultúrny život", № 21, от 25 мая 1957 г.), заведомо неправильно информировавшего об этом предмете словацкую общественность. Статья Геровского появилась в „Дукле" после того, как присланное им опровержение "Kultúrny život" отказался опубликовать. — О.Г.

ГЛАВА II

ГАЛИЦКАЯ РУСЬ

И. Наумович (1826-1891)

О ГАЛИЦКОЙ РУСИ

Часть Польши, присоединенная к Австрии в 1772 году под именем Галицко-Владимирского королевства, или Галиции, заключает в себе два миллиона с половиною душ настоящих Мало- или Южноруссов, придерживающихся крепко как отеческой Греко-восточной церкви, так и Русской народности.

Этот народ живет сплошною массою от восточной и северной границы Галиции на юг до Карпатских гор и за ними, на запад до рек Сяна и Попрада и за ними, где уже более или менее смешан с Мазурами, настоящим польским народом. В разных местах он имеет и разные местные названия, как-то: Лемки, Бойки, Гуцулы и Подоляки.

До 1848 г. только ученые славискты знали о существовании Галицко-Русского народа в Галиции. Мы помним, когда приходили на Венгерскую войну Русские полки, как офицеры удивлялись, что здесь не Немецкий край; об этом крае и об его столичном городе „Лемберге" они имели совершенно другое представление. Так и Австриские Немцы называли Галицию попросту Polen; полки, состоявшие из Русских солдат, звались polnische Regimente. И ничего удивительного в этом не было; ибо народ Русский ничем не заявлял своего народного политического существования. Под напором Польско-иезуитской политики, интеллигенция, какая она ни была, стыдилась своего Русского происхождения, принимала вместе с образованием и Латинский обряд, и ополячивала даже свои Русские названия. Так из Ивановых выходили Яновичи или Яновские, из Кузьминых — Куземские, из Коваля делался Ковальский, из Савчина Савчинский и пр. Язык Польский был общественным языком всего образованного сословия и всякого, кто обучался какому-нибудь ремеслу и переоделся в капоту (кафтан). Духовенство Русское называло себя Русским только по различию обрядности церковной от латинов, а не по языку народности, которая у него самого была в презрении, как народность холопов; большая часть священников не только по большим, ополяченным городам, но и по чисто-Русским деревням, проповедывали даже слово Божие на Польском языке. О помещиках, купцах, промышленниках и мещанстве в больших городах нечего и говорить: они издавна отреклись от веры отцев своих и прилепились к Польше телом и душей.

Несмотря на все это, масса Русского народа по местечкам и деревням не только не изменила своей народности, но в своей среде она еще русила Польских пришельцев, переселявшихся в разные времена (как напр. в 1846 году, после ужасного наводнения в Мазурской стране) в хлебородный Русский край питаться его хлебом, так что одни из них, хотя придерживаясь латинства, приняли понемножку и язык и одежу и обычаи народные Русские, другие оставили и латинство и, приняв церковный Русский обряд, слились совершенно с массою настоящего Русского народа.

Уже в первые годы присоединения Галиции к Австрии правительственные чины не могли не узнать о существовании Русского народа, как большинства всего народонаселения в крае, и Русской церкви, обнимающей две большие епархии. Как в докладах правительственных чинов центральному правительству в Вене, так и в распоряжениях и декретах того же правительства того времени читается везде: russische Bevölkerung, russische Kirche, russische Geistlichkeit и пр. Но все это писалось большею частью только в смысле вероисповедном, так как вопрос народности еще тогда не был на исторической очереди. Поляк и католик, Русин и униат — были тогда синонимы, и до сих пор еще в устах не только простого народа, но даже в разговорах интеллигенции между народностию и народным церковным обрядом не делается различия.

Пока выражения „russisch" и „polnisch" в Австрийском делопроизводстве имело только значение вероисповедное, церковное, обрядовое, пока о существовании и правах Русской народности в Галиции еще и речи не было, до тех пор свободно можно было зваться официально по немецки „Russen". Но когда к этим выражениям прибавилось и значение народно-политическое, предводители Русского народа в Галиции, желая отстранить от себя подозрения в каком-нибудь сближении с Россией или в симпатии к ней, — придумали переменить неприятное Австрийским и Польским ушам название „Russisch" на куриальное Римское „Rutenisch". Вот откуда нынешнее официальное наименование Русского народа в Галиции, — народа, по мнению Немцев, специально-Австрийского, не имеющего ничего общего с великим русским народом, — народа, нарочно изобретенного графом Стадионом в 1848 году для противовеса мятежным Полякам.

Как ни смешно это дело, но оно при настоящих обстоятельствах Галицкой Руси тем важнее, что от этого названия „Ruthenen" зависят условия развития ее народной и политической жизни. Австрийское правительство, как конституционное, дав гарантию всем народам, что под его защитою всякая народность может свободно развиваться, довольно благосклонно смотрело на Галицкую Русь в начале ее народного возрождения с 1848 года, как на партию непоколебимо-верную империи и династии Габсбургов, и способствовало ее народному развитию до тех пор, пока

граф Голуховский, Поляк по происхождению, не взял правление края в свои руки. С этого времени Русь, все более и более прижимаемая к стене и потеряв уже надежду на справедливость Австрийского правительства, подняла отчаянный вопль о своем народном и литературном единстве со всем прочим Русским миром. Вследствие того посыпались из Польского табора на Русинов бесчисленные доносы, в Вене считали Галицкую Русь второю Венециею, и решено было Русскую народность уничтожить (niederhalten). На место Русского языка в школах введен везде Польский; Польский язык признан во всех ведомствах и судах правительственным; помещикам дано исключительное право представления священников на Русские приходы; и так сделалось, благодаря Польскому влиянию, что всякий, кто убивает Русь Галицкую, мнится служить службу Австрии.

В таком печальном положении твердая Галицкая Русь выдержала все возможные испытания, не теряя надежды на лучшую будущность. Со времени катастрофы под Седаном, когда Польский вопрос перестал быть уж вопросом Европейским, значение Польской партии в Австрии тоже глубоко упало, а тем самым поднялись акции Галицкой Руси. Предводители ее обратили в настоящее время наибольшее внимание на образование народных масс, на возбуждение в них Русско-народного сознания, и, стремясь неусыпно всеми силами к этой единоспасительной цели, подвизаются под именем „Ruthenen", как в Галицком сейме, так и в Венской державной думе для блага своего отечества.

Русским читателям любопытно будет узнать кое-что об этом закоулке древнего Русского края, — каковы его жители, в чем они сходны со всею Русью, какими народными оттенками различаются их различные группы.

Все жители Галиции, принадлежащие к Греко-восточной церкви, униаты, зовутся Русинами, только в некоторых местностях зовут их Руснаками, в противуположность Полякам. Русины, живущие на всем хлебородном пространстве Галиции и занимающиеся приемущественно земледелием, не имеют особого названия; Только жителей в окрестности Тернополя и Черткова зовут Подоляками; за то жители гор в разных местностях Карпат представляют разные типы и имеют различные названия. Все Русины земледельцы, от Российской восточной границы до Сяна и за ним, сходны между собою и наречием, и костюмом, и обычаями; но между жителями гор Лемками и Бойками, живущими в самом близком соседстве, есть большая разница в наречии, в сложении тела, в одежде, в нравах и обычаях; еще больше отличаются Лемки и Гуцулы.

Мы опишем вкратце все эти группы Русского народонаселения Галиции, начиная от самого рубежа Русского края, от Лемков.

О. Алексей И. Торонский, родом Лемко, превосходно описал родную свою сторону и земляков своих в „Зоре", сборнике по-

священном покойному митрополиту Галицкому, Григорию Ехимовичу, изданном во Львове в 1861 году. Из пространной его статьи заимствуем в сокращении следующее:

Русины-Лемки живут по обеим сторнам Бескид (Карпатских гор) в Галичине и Угорщине. Галицкие Лемки занимают узкую полосу подкарпатской страны, начиная от городке Пивничный на Попраде. За Попрадом есть только четыре их деревни: Шляхтова, Яворки, Бела-Вода и Черна-Вода. В стране Лемков находятся следующие города: Грибов, Горлицы, Жмийгород, Дукля, Риманов, Новостанец, Буковско. Число душ Русинов Лемков 90.000 на 500 кв. милях пространства.

Земля, Лемками заселенная, — по большей части бесплодные горы, где процветает только скотоводство. В Лемковских горах есть славные минеральные купанья в Щавнице, Кринице и в Ивониче.

Название Лемков происходит от слова „лем", которое они употребляют в значении „лишь", „только".

Наречие Лемков-Русское, только замечательно, что ударение у них всегда на предпоследнем слоге, как у Поляков. Все они придерживаются крепко своей народности и восточно-униатского вероисповедания.

Только в приходах заселенных Лемками встречается такое явление, что в иных самых больших деревнях нет ни одного латинника, — в остальной Галичине это редко бывает.

Как все жители гор, они очень благочестивы, но есть у них и много суеверий разного рода, ничем неискоренимых.

Обычаи Лемков сходны с обычаями других жителей Галичины с местными только разницами. Все свои работы и обряды они сопровождают песнями, которых множество. Песни эти чисто Русские; Словацкая стихия не имела на них влияния. Вот некоторые образцы:

Песня свадебная при витии венца.

Встала Марися рано,
Ще раньше як свитало,
Почалася журити,
Що не е з чего венца вити;

Прийшол к неи Василько еи:
Не журися, Марисенько,
Маю я талярок битый,
Куплю веночок витый,
Ой мам я и червеный,
Куплю венок зеленый,
Такий он буде красный,
Як месяченько ясный,
Таки на нем листочки,
Як на неби звездочки.

Песня свадебная при наряжении невесте женского завитья.

Подумай, Марисю, соби,
Чи не жаль буде тоби
От паняночок отстати,
Межи невисты пристати.

Подумай, Марисю, соби,
Чи не жаль буде тоби
Той жовтой косоньки,
И дивоцкой подобоньки и пр.

Лемки, как жители гор, различаются от Русинов земледельцев и одеждою, только им одним свойственною. Верхняя их одежда, „чуга", есть род длинного плаща, с пелериною на спине, на нижнем рубце которой находятся так называемые „тороки", т. е. плетеные чернобелые шерстяные нитки, висящие как бахрома. Обыкновенно же домашняя их одежда называется гуня: она коротка, достигает только до колен; штаны из белого сукна, узкие, шляпа широкая; вместо сапог „керпцы* или ходаки; богатые Лемки ходят и в сапогах.

Женщины одеваются довольно красиво. На головах носят белые или сении платки, от которых один длинный конец спускается вниз; девушки не повязывают голов, а заплетают волосы в одну косу. Одежда их состоит из сподницы или „кабата", в простые дни из синей материи с белыми точками, в праздничные дни из белой с цветами; в будни ходят в керпцах или ходаках, в праздники в Угорских сапогах, черных или желтых „сафиянах".

Это замечательное племя, живущее на самих рубежах Русской земли, отличается прекрасными свойствами. В своих пустых и бесплодных горах, куда мало заходит чужого, оно сохранило древнюю простоту обычаев народных и религиозных. Между Лемками очень мало Евреев, потому и мало деморализации; редко слышно о воре или мошеннике; только пьянство, этот рак, точащий здоровое тело Галицкой Руси, хотя не в такой степени, как в других странах, похищает и между Лемками свои жертвы.

Горные соседи Лемков — **Бойки.** Они живут в части Сяноцких гор и в Стрыйских горах, и различаются от Лемков не только одеждою и наречием чисто Русским, но также и нравами. „Бойко" — это человек пылкого характера, от слова „бойкий" (бить),** любит драться, и на войне мужественный солдат. Полки из Бойков обыкновенно употреблялись Австрийскими генера-

---

*) Кожаные лапти

**) В настоящее время филологи производят название „бойки" от наречия „бо" (ибо), которое те непрестанно употребляют в разговоре; название „лемки" или „лемаки" от наречия „лем" (лишь, только). - О.Г.

лами в первый огонь, и бывали часто совершенно истребляемы, как это случилось в 1848 году, когда из всего полка Гартмана осталось только несколько человек.

В горах своих Бойки занимаются скотоводством и отчасти деревянными изделиями. Можно их видеть во Львове, торгующих орехами, сливами, виноградом и каштанами. Все это они привозят из Угорщины верхом, в боченках привязанных по обеим сторонам лошади.

Одежда их — обыкновенный шерстяной сердак, или короткий бараний кожух, черная баранья шапка или широкая шляпа, на ногах ходаки. Женщины одеваются точно также, только споднишы у них шерстяные, на головах белые платки. Они вместе с мужьями своими ездят хорошо верхом, курят трубку, и на-ходу, или сидя на лошади, прядут вовну (шерсть).

Бойки не пользуются расположением прочих Галицких жителей. Именно между Бойками и Гуцулами существует племенная ненависть, которой причина очень загадочна. Так у Гуцула самая большая обида, если он кому скажет: „Ты Бойко печеный!" Есть у них и следующая песня:

Ой, Гуцулы-Гуцулоньки, де вы Бойка дили?
Чи вы его испекли, чи живого зъили?
Ни мы его испекли, ни живого зъили:
Пойшов Бойко на грибы, вовки го имили.

Далее на восток и юг в роскошных горах живут Гуцулы, Русские Черногорцы, краса и поэзия Галицкой Руси; отсюда расходится по всем сторонам неисчерпаемое богатство песней в природной их древней красоте под именем „коломыек", отсюда мелодия и танец „коломыйка", которого не может галицкий Русин ни слышать, ни видеть равнодушно, и который увлекает его волшебною силою.

Имя Гуцул взято с Румынского „хуцуль", что значит „разбойник" или по Галицко-Русски „опрышок", так как в коломыйских и Буковинских горах, в прежние времена нелегко доступных, скрывались шайки опришков, из которых один, „Добош", живший в половине минувшего века, приобрел себе славу Русского Ринальдо Ринальдини, и живет еще в песнях народа как знаменитый богатырь и благодетель мужиков, и как гроза Ляхов, Армян и Евреев.

Гуцулы в недавнее еще время были очень богатым народом; но теперь, когда распоряжения властей вытеснили их с широких и роскошных пастбищ под предлогом сервитутных прав, они до крайности обеднели, и в отчаянии взялись за водку, которая в скверных руках евреев с каждым днем больше делается их материальною и моральною отравою; и таким образом страна эта, до 1848 года славившаяся богатством и благосостоянием, которую сами Русины звали „Палестиною, молоком и медом текущею", теперь истинно уже Палестина Еврейская, а народ, вытесненный

из своих первобытных гнезд, идет толпами на заработок в Молдавию и Бессарабию, и по всему белому свету.

Как гордо возносится над долинами Прута и Черемоша славная Черногора с своими сотоварищами Стохою, Попадьею и другими, так гордо стоял в своей орлиной красоте и силе Русский Гуцул над другими жителями Галичины. Свободный в горах своих, он не знал панщины, не знал плуга или серпа, лишь одну косу. Стада волов, коней и овец давали ему довольно средств к удобной жизни; он родился счастливый, рос как птица на чистом воздухе, здоровый и веселый при своих стадах, в борьбе с дикими зверями, и не имел другого дела, как беспрестанно создавать и петь песни свои. Теперь же, о горе! грустно и тоскливо в Гуцульских горах! Перед домами Гуцулов развешены Еврейские перины, Гуцулы пасут стада, но уже не свои, а Еврейские! Только изредка можно еще видеть богатого Гуцула в полном его прекрасном народном костюме.

Гуцулы-мужчины отличаются особенною красотою лица. Волоса и глаза у них обыкновенно черные, лицо с резкими чертами, нос орлиный. Рост Гуцула высокий, походка бодрая, движения свободны и смелы. Соответственно своей горной жизни Гуцул носит короткий шерстяной сердак, черный, штаны широкие, красные или голубые, пояс очень широкий, а за поясом пару пистолетов и нож, с которыми ходит даже в церковь. На ногах ходаки, обыкновенные у всех Верховинцев. К костюму гуцула принадлежит еще и топорец, прекрасно и со вкусом сделанный и служащий вместо палицы. Женщины Гуцульские не так красивы, как мужчины, и костюм их, тяжелый и безвкусный, состоит из сердака, вышивной сорочки и шерстяной обгортки, сапогов желтых, червоных или черных.

А. Геровский

ОПРИШКИ

О подвигах опришков мы знаем не много, в сущности почти только то, что сохранилось в народных преданиях и песнях. Это были разбойники-мстители, мстившие панам и их прислужникам за кривды, причиняемые ими народу. Народ был русский, а паны были чужие, — поляки на север от Карпат, в Галицкой Руси, и мадьяры на южных склонах гор, в Угорской (Карпатской) Руси. В те времена, в семнадцатом и в восемнадцатом столетиях, от русского народа остались только „хлоп и поп", которые угнетались и эксплуатировались чужими панами на все лады, не только в экономическом, но и в национальном, религиозном и социальном отношении. Русские были „быдло" (скот). Они были презренные „схизматики" (православные), их мадьярские и польские паны едва считали людьми. И вот эту обездоленную, без-

правную хлопскую Русь защищали, или, вернее, за нее мстили панам опришки. В глазах карпаторусского народа они были народные герои. И теперь еще, двести лет спустя, не найдешь в Карпатской Руси человека, который не слыхал бы про Олексу Довбуша, прославившегося своими подвигами двести лет тому назад.

Карпатские опришки возникли по тем же причинам, по которым, на восточных границах Польши, возникло козачество. Это была реакция на своеволие польских панов, превративших русских в безправных, нищих рабов, реакция на жестокое преследование православной веры и насильственное насаждение унии. В запорожскую Сечь устремлялись русские люди, решившие бороться против панской Польши, со всех концов „Ржечи Посполитой" и с самой западной окрайны русской земли, с далеких Карпат. Один их самых известных гетманов Запорожья был уроженец карпатских гор. Это был Петро Коношевич Сагайдачний, имя которого часто упоминается в малороссийских былинах — думах.

Цель у козаков и у опришков была одна и та же: месть и свобода. Но козачество выросло в грозную силу и сыграло историческую роль в борьбе Руси против Польши, в то время как карпатские опришки особенного значения в истории народа не имели. Это были только вспышки местного характера, поддерживающие до некоторой степени дух оппозиции в русском населении. Сфера их действий была ограничена Карпатами, хотя они иногда и подвизались на Подолье, уничтожая польских панов и их еврейских прислужников. Раз они дошли даже до самого Каменца Подольского.

Причина разницы в развитии запорожского козачества и карпатской опришнины состояла в географических условиях. Запорожские козаки граничили на севере с русским государством, на которое они могли опереться и которое им помогало. А на востоке была беспредельная степь, в которой козаки, в случае нужды, могли найти убежище и которую они заселяли и тем самым крепли. А карпатские опришки были сжаты со всех сторон панской Польшей и панской Венгрией. И помощи им не было ниоткуда. У них не было своей территории, как у запорожских козаков, на которой бы они могли обосноваться. Они были принуждены действовать небольшими шайками, „ватагами", которые все время переходили с места на место. Но для народа нашего они были герои, так как они проливали свою кровь, мстя польским и мадьярским панам за обездоленный народ. И будь в Карпатской Руси автономия, которую ей гарантировали своими подписями Великие Державы, то вместо улиц Масарика, Выскочила и Недожрала, во всех городах и местечках Карпатской Руси улицы были бы названы именем Олексы Довбуша,*) карпатского козака — опришки, мстившего за наш народ по мере своих сил.

Опришки водились в Карпатах не только в давно прошедшие времена. Были они и в наше время. Мне самому довелось познакомиться близко с ватагой опришков накануне первой ми-

ровой войны. Жил я тогда в Черновцах, столице австрийской Буковины, где я был „адвокатским кандидатом", то есть помощником присяжного поверенного. В 1913-м году в декабре месяце, я угодил в тюрьму за „государственную измену", состоявшую в том, что я, как юрист, помогал приходам, считавшимся, согласно официальной австрийской статистике, униатскими, стряхнуть с себя папское иго. Так как по мнению австрийских властей я это делал в интересах России", дабы оторвать их не только от римского папы, но и от римокатолического австрийского кайзера, то я оказался изменником и попал в тюрьму. Просидел я в ней пол года и успел бежать перед самой первой мировой войной, спасшись этим от виселицы, которая была уже приготовлена для меня. Месяца через два я вернулся в Черновцы с русской армией и имел удовольствие потрогать во дворе тюрьмы виселицу, на которой меня повесили бы, если б я не бежал.

Но вернемся к нашей теме. В тюрьме оказалось пятнадцать опришков, русских горцев из племен гуцулов. С одним из них я просидел все шесть месяцев в одной и той же камере. Другой, „ватажко", то есть атаман, сидел в соседней камере, и меня с ним ежедневно выводили гулять в тюремном дворе. Кроме того, я часто виделся с ним и с другими членами его ватаги наедине в отдельной комнате, где я писал для них письма родным, так как почти все они были неграмотны. Нас в этой комнате запирали на ключ вдвоем и оставляли там, пока я не нажимал кнопку звонка, извещая нашего дежурного сторожа, что мы уже кончили. В те времена еще не было скрытых аппаратов в стенах, при помощи которых можно было бы подслушивать то, о чем мы говорили. Да и меня в отношении опришков в тюрьме не подозревали. Ведь что же могло быть у меня, образованного человека, общего, — думали они, — с этими неграмотными разбойниками.

Итак я разговаривал с ними свободно обо всем. Меня они чрезвычайно интересовали, ибо я видел в них потомков тех опришков 17-го столетия, которые вспоминались в наших народных песнях. У них была та же психология и те же мотивы, которые заставляли их быть разбойниками, чтобы мстить ростовщикам, — евреям и по возможности отнять у них хоть часть награбленного у нашего народа.

Мои товарищи по тюрьме, опришки, были народ чрезвычайно интересный. В особенности их ватажко, атаман. Его звали Кифа (Никифор) Гнатюк. Он был уроженец села Игрище* (какое название!Должно быть, еще с до-христианских языческих времен!) — Был он высокого роста, широкоплечий блондин. Нос у него был довольно большой, орлиный, а глаза светло-голубые. По своей природе он был весьма одаренный и в нем чувствовалась сильная воля и решимость. Природный вождь! Глядя на него и слушая его, я всегда думал: какой из него был бы полководец!

---

*) Известный всей Карпатской Руси опришок Олекса Довбуш был родом из села Печенегово. — О. Г.

Ведь люди, как я убедился не раз, в особенности во время гражданской войны в России, как-то инстинктивно чувствуют сильную волю, которая притягивает их, как магнит железо. Его помощник был Григорий Боршан, уроженец Волошского Банилова. Он был вполне грамотный, окончивший даже несколько классов гимназии, и говорил довольно хорошо по-немецки. Но командовал Кифа, хотя и неграмотный, но за то умный по природе и человек сильной воли. Его все слушались.

Как Гнатюк, так и Боршан были со мною очень откровенны. Они верили, что я их не выдам так же, как они знали, что и члены их ватаги друг друга никогда не выдавали и не выдадут.

Я спросил у Гнатюка, что его заставило пойти в разбойники. Он мне откровенно рассказал все.

— Я так дольше жить не мог! Ведь вы, как адвокат, наверное знаете, в каком положении мы находимся. Мы, гуцулы, были народ богатый. Всего у нас было вдоволь. Были леса и прекрасные пастбища. Было много скота. Панов, помещиков, у нас в наших горах не было. Жилось нам прекрасно пока к нам не пришли ростовщики-евреи. Они нас опутали так долгами, как пауки окутывают мух в своей паутине. Они забрали у нас все. У нас ничего не осталось. В поземельных книгах все еще как будто наше. Но посмотрите, сколько на каждом имуществе долгов. По книгам этих долгов больше, чем все наше имущество стоит. В любой день нас могут продать с торгов. Мы превратились в рабов. Когда то „на долине" была панщина. Паны с нашими людьми обращались, как с скотом. У нас в горах панщины не было, пока... пока не пришли ростовщики. И теперь у нас панщина. Да какая! Я уже жить рабом больше не мог. И теперь мы их уничтожаем!

Кифа Гнатюк со своей ватагой воевал много лет. Он сжигал дома ростовщиков, грабил их, стрелял их скот на „полонинах" (горных пастбищах), которые они, как он выражался, „украли у нас". Жандармы преследовали его шайку безуспешно много лет. Но поймать они опришков не могли потому, что опришки знали свои леса и горы лучше жандармов и, в особенности, также и потому, что за ними стоял народ. Их никогда никто не предавал, хотя зимой они жили в хатах своих же земляков, переходя с места на место. Из награбленных денег, они помогали многим беднякам. В глазах народа, они были национальные герои. Попался Гнатюк жандармам в руки только случайно. Выдалось, как-то, чрезвычайно дождливое лето. Гнатюк, уходя от гнавшихся за ним жандармов, завяз в овраге, в котором никогда раньше не было болота. Но благодаря постоянным дождям, овраг превратился в трясину, в которой он завяз по пояс, но все же добрался до противоположного берега, откуда хотел выстрелить в жандарма. Но тот его опередил и выстрелил в него, попав в большой палец правой руки, вследствие чего у Гнатюка выпала винтовка из рук. Палец с раздробленною костью болтался у него на

руке, когда его поймали жандармы. И тут Гнатюк на их глазах совершил ампутацию, отрезав левой рукой раздробленный палец. Об этом рассказал жандарм, выступая на суде как свидетель, в моем присутствии, так как меня вызвали из камеры на разбирательство в качестве переводчика.

Вот таков был Гнатюк. И такими были члены его ватаги.

Разбирательств было несколько и я всегда на них присутствовал. Суд предложил мне быть переводчиком на этих разбирательствах через судебного следователя, который разбирал мое дело. Он сказал мне: Я предполагаю, что вы согласитесь, а то вам, наверное, скучно сидеть по целым дням в вашей камере, ничего не делая.

На одном из разбирательств появились две женщины: жена Гнатюка и ее незамужняя сестра. Они были удивительно красивы, настоящие гуцулки, высокого роста, стройные брюнетки в живописных гуцульских костюмах. Обвинялись они в том, что совершили насилие над жандармом и помешали ему в исполнении его служебных обязанностей. Дело было весьма необычайное и, по всей вероятности, никогда еще в истории черновского краевого суда, как судьи, так и присяжные и вся публика, столько не смеялась во время разбирательства.

Суть этого дела состояла вот в чем. Жена арестованного опришка Гнатюка жила вместе со своей незамужной сестрой в собственном доме. Кроме них в доме никого не было. Не было ни соседей, как это часто бывает в стране гуцулов, потому, что хаты там разбросаны по склонам и вершинам гор, иногда в расстоянии на несколько сот метров. В хату Гнатюка часто заглядывали жандармы, надеясь поймать в ней хозяина. Но его там никогда не находили. Обыкновенно жандармы приходили, как полагается, вдвоем. Но в один прекрасный день появился с винтовкой, конечно, какой-то жандарм в одиночку. Ему приглядели́сь эти гуцулки и он попытался изнасиловать одну из них. Но не тут то было. Они оказались сильнее его. Отняв у него винтовку, они его раздели до нага, и затем его голого привели из Игрища в ближайшее местечко, Русскую Молдавицу, где находился жандармский пост. Зрелище получилось не из обыкновенных: впереди шествовал австрийский жандарм, совершенно голый, а за ним шли две гуцулки, из которых одна держала в руках жандармскую винтовку на изготовку.

Другой случай, который еще лучше характеризует дух опришков, был следующий. За несколько лет до того, как попался в руки жандармов Гнатюк, был пойман и приговорен к 15 годам тюремного заключения один из членов его ватаги. Я не помню, как его звали, но, если мне не изменяет память, он был родом из села Ростоки. Его привезли в Черновцы из Станиславова, где находилась тюрьма для уголовных преступников, отбывающих многолетнее наказание. Но судился он в свое время в Черновцах и поэтому его привезли туда, так как там должно было состоять-

ся новое разбирательство, ибо оказалось, что он не совершил того преступления, за которое был осужден и отсидел уже пять лет. Меня вызвали из моей камеры, как переводчика, так как среди присяжных были немецкие колонисты, не понимающие по-русски

Дело было в следующем. В Ростоках умер гуцул, который, как выяснилось после его смерти, был членом ватаги Гнатюка. Умирая, он попросил священника сообщить властям, что он совершил преступление, за которое был приговорен к пятнадцати годам тюремного заключения другой член ватаги, находящийся уже пять лет в тюрьме в Станиславове. Он сообщил священнику такие факты, которые ясно доказывали, что преступление совершил именно он, а не другой, приговоренный к пятнадцати годам. Судебные власти проверили все и пришли к заключению, что умирающий сказал правду. На этом основании черновской краевой суд назначил новое разбирательство. Невинно осужденного привезли из Станиславова. Он был оправдан и освобожден. Во время разбирательства произошел между председателем суда и невинно осужденным, следующий разговор:

— Ты ведь знал, кто совершил преступление?

— Да, знал.

— Почему же ты не сказал, кто это сделал?

Потому, что мы все обязались не выдавать друг друга.

Но у тебя же была жена и дети. И ты сидел пять лет в тюрьме?

Да, но он их содержал и они никогда ни в чем не нуждались. Я в этом был уверен. И я сделал бы то же самое и для его жены и для его детей, если бы он попал в тюрьму вместо меня...

После этого диалога некоторое время все в суде молчали. На всех слова опришка произвели глубокое впечатление.

Вот такими были карпатские опришки, Люди сильной воли, взбунтовавшиеся против рабства, мстители и, хотя и разбойники, но люди слова.

Хотя они, согласно законам, и были разбойниками, мне было приятно в их обществе. Мне не стыдно сознаться в этом. Они мне доверяли и я знал, что я могу положиться на них. От них я узнал все о порядках в тюрьме, так как они в ней сидели уже два года. Они охарактеризовали мне и всех тюремных надзирателей. И это помогло мне организовать мое бегство из тюрьмы. Интересно было то, что они относились ко мне с чрезвычайной симпатией, хотя они знали, что я не простой уголовный преступник, а попал в тюрьму „за политику”, за то, что меня подозревали в работе в пользу России. Не раз они мне говорили: Будь у нас Россия, мы бы не попали в тюрьму. Россия не дала бы нас так обирать еврейским ростовщикам...

Как я уже упомянул, месяца через два после моего побега, я вернулся в Черновцы с русской армией. В первый же день я пошел в тюрьму и освободил моих опришков.

РОМАН ГАЛИЦКИЙ

К Роману Мстиславичу в Галич послом
  Прислал папа римский легата.
И вот, над Днестром, среди светлых хором,
  В венце из царьградского злата,
Князь слушает, сидя, посольскую речь,
Глаза опустив, опершися на меч...
  И молвит легат: далеко ты,
О княже, прославлен за доблесть свою!
    Ты в русском краю,
    Как солнце изливаешь щедроты.
    Врагам ты в бою
    Являешься Божиим громом.
Могучей рукой ты Царьград поддержал,
В земле половецкой не раз испивал
    От Синего Дона шеломом!
Ты храбр, аки тур, и сердит, аки рысь,
  Но ждет тебя большая слава,
Лишь римскому папе душой покорись,
  Святое признай его право.
Он может по воле решить и вязать,
На дом он на твой призовет благодать,
  На недругов — Божье проклятье.
Прими-ж от него королевскую власть,
  К стопам его пасть
Спеши, — и тебе он отверзет объятья
  И, сыном коль будешь его нареком,
  Тебя опояшет духовным мечом!
Замолк... И лукавую выслушав речь,
  Роман на свой меч
  Взглянул — и его вполовину
Он выдвинул вон из нарядных ножен:
  Скажи своему господину,
Когда он духовным мечом так силен,
  То он и хвалить его волен,
Но пусть он владеет попрежнему им,
А я вот и этим, железным своим,
  Доволен...
А впрочем, за ласку к Червонной Руси
  Поклон ему наш отнеси!

М. Ф. Глушкевич

ПАМЯТИ ГОГОЛЯ

Где старый Днепр броней как витязь блещет,
С тревожной думой в даль степей стремясь,
Где по курганам лишь ковыль трепещет,
И стражем ходит белый месяц-князь,
Где триста лет в борьбе за Русь с врагами
Кровавый пир справляли козаки,
Где славу предков грозными стихами
Козацким внукам пели кобзари, —
Там ты рожден, там зрел твой звездный гений,

Родных степей там чувства расцвели,
Там воплотились светлым сном видений
И мысль, и дух измученной земли.
То вещим словом, то бичем упрека
Пожар тревоги ты зажег в сердцах,
Развеял лень, и отвращение к пороку
И веру в Русь ты пробудил в борцах.

С тех пор все снится мне, как счастье,
Без слез, перерожденная борьбой,
Без пут, низвергнувшая чужевластье,
Родная Русь, воспетая тобой...

Но мы в плену... Тот бой, что вечной славой
Покрыл Пожарского священный щит,
Тот бой, что вновь был поднят под Полтавой,
Его-ль победно Галич довершит?

Увы!.. Нет пороха в пороховницах,
Тупится меч и взор ослеп от бурь,
И гнутся козаки. На бледных лицах
Андрия Бульбы тень, Мазепы хмурь...

В плену мы. И в плену огонь и силы,
В плену умы, и души, и сердца,—
Живые мертвецы, мы ждем могилы
И камни мечем в братнего борца

И стыд и ужас, горе и страданья
На части сердце рвут, Судьбы
Оковам ржавым ищем оправданья!
Мы не в плену. Но мы рабы, рабы!..

А. Г. Быковник

И. И. ТЁРОХ

Илья Иванович Терох родился в Галиции, в дер. Колбаевичи, Рудецкого уезда. Родители его — простые крестьяне — видя незаурядные способности своего сына, приложили все силы к тому, чтобы он получил должное образование. Илья Иванович, живя в бурсе Ставропигийского Института, окончил гимназию во Львове, а затем получил высшее юридическое и музыкальное образование. Поокончании гимназии, И. И. Терох, как один из самых способных воспитанников Бурсы, получил приглашение заведывать ею и руководить хором Ставропигийского Института.

Патриархом Антиохийским Иоакимом, прибывшим во Львов в 1585 г., по просьбе православных жителей г. Львова, было основано Ставропигийское Братство — (по гречески) Братство „Крестовоздвижения". Братство открыло школу и больницу. В 1788 г. Ставропигийское Братство было реорганизовано в Ставропигийский Институт. Этот Институт являлся оплотом православия и рассадником русской культуры во всей Прикарпатской Руси, включая Галицию, Буковину, а также и на Волыни. Ко времени заведывания Бурсой Ставропигийского Института И. И. Терохом, Институт имел огромную фундаментальную библиотеку, типографию, богатый музей, где хранилось много различных памятников русской старины, Бурсу, Церковь Успения Божьей Матери с башней-колокольней, с огромным „звон-колоколом Кириллом" на ней. Там же в здании Института помещался клир и замечательный хор, которым управлял И. И. Терох, а также редакции газет: „Русское Слово" и „Галичанин".

Задачей всей работы Института было стоять на страже чаяний народа Карпатской Руси, отстаивать православную веру, охранять русский язык, русскую самобытность.

С первых дней самостоятельной сознательной жизни И. И. Терох всю свою кипучую энергию и недюжинный талант отдает на служение русскому народу — Руси — культурно-воспитательной и творческой патриотической работе. Он заведует Бурсой, дирижирует хором Института, пользующимся огромным заслуженным успехом далеко за пределами Галиции, пишет музыку на слова Дмитрия Вергуна „Марш Русских Студентов", который поют все студенты Карпатской Руси. В 1906 г. он заканчивает композицию полной литургии. Кроме того, он оставил свыше двадцати музыкальных произведений на религиозные, патриотические и бытовые темы. Илья Иванович обладал редким даром излагать сложные научные проблемы простым, доступным и понятным языком. Читая лекции по русской истории, он своим огненным словом умел заронить в сердца слушателей любовь к родной Руси, к исконно-русскому и внушить желание трудиться на благо Руси. Ему обязаны воспитанники Института знакомством

с гениями Русской литературы — Пушкиным, Лермонтовым, Гоголем, Тургеневым, Достоевским, Толстым и Чеховым. „Илья Иванович так живо и талантливо передавал слова и дух творений этих гениев", пишут его студенты, „что мы забывали, где мы находимся и перелетали мыслью в Россию". Кроме того, он же был редактором патриотической русской газеты „Воля Народа", вплоть до войны 1914 г. Одним словом, И. И. Терох был душой всей патриотической работы Института, всех его лучших начинаний. Излишне говорить о том, сколько неприятностей и горя он перенес от врагов России — сепаратствующих элементов. Его отец погиб в концлагере Талергоф (юго-восток Австрии, возле города Грац-а), как и многие тысячи карпаторуссов, замученных только за то, что они считали себя русскими.

В 1915 г. И. И. Терох вместе с потоком беженцев из Галиции переезжает в Россию, где создается Народный Совет Беженцев из Галиции, душой которого является И. И. Терох. В 1919 г., по поручению Народного Совета, Илья Иванович вместе с двумя другими членами Совета добивается переезда в США. Здесь он является творцом устава Карпаторусского зарубежья, принятого 3-им Карпаторусским Конгрессом. Здесь же он организует блестящий показ Русско-Славянской культуры в 1921 г. на фестивале народного творчества, где организованный им стенд карпатороссов и массовые народные концертные выступления пользовались исключительным успехом. Его заставили провести концерт вторично, что он и сделал, объединив свои силы с югославянами и чехами и дал русско-славянский концерт. Но венцом всей его творческой научной деятельности явились ценные работы по русско-славянской мифологии: книги „Сварог", „Славяне и Карпаты", „Серый Свет" и „Черная потьма" и брошюра „Славяне и германцы". Будучи по складу своей натуры истинно-русским человеком, с широкой душой, большим сердцем и глубоким пытливым умом, беззаветно любя Россию, свой русский народ, Илья Иванович с малых лет тянулся к нему, к его душе, желая вникнуть не только в его настоящее, но и в далекое прошлое. Он любовно и упорно собирал среди народа и записывал старинные предания, пословицы, поговорки, изучал обряды, танцы, песни, вникая в таящуюся в них сущность. Он приник к чистому, живому источнику народного творчества, им питался и оттуда черпал силу творческой — правды. Полем деятельности И. И. Тероха был народ, он творил вместе с народом, его лабораторией была живая народная гуща, это, а также его личная одаренность, позволили ему, преодолевая время и пространство, заглянуть в былое, далекое, почувствовать его, увидеть, понять и живо и правдиво представить в своих замечательных трудах. Эти труды являются первой смелой попыткой широко начертать цельную картину нашей мифологии. Они раскрывают перед нами ясную, светлую высоконравственную и глубокосодержательную картину духовной жизни наших далеких предков.

Впереди предстоит большая работа, но основа заложена и

творцом этой основы явился Илья Иванович Терох. В этом его исключительная заслуга. Нам должно и нужно заслуженно гордиться талантами своего народа и уметь их ценить; ценить большого русского патриота, смелого и талантливого начертателя основ нашей мифологии.

Тяжелая напряженная работа подорвала его силы и в 1942 году И. И. Тероха не стало — он отошел в иной мир. Склоним головы перед его памятью, а его супруге Иоанне Владимировне Терох, верной помощнице, соавтору и другу, пожелаем многая лета.

Сергей Лесной

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ 55-ЛЕТНЕЙ ДАВНОСТИ

Перед нами книга: **Иероним Я. Луцык** (Роман Сурмач) — Народная история Руси. От найдавнейших времен до нынешних дней. С коротким очерком истории Русской Церкви и с приложением истории Угорской, Буковинской и Американской Руси. Издал Иван Гр. Борух. Нью Иорк, 1911 г., 347 стр.

Хотя прошло уже 55 лет со дня ее опубликования, книга разошлась и о ней забыли, — она заслуживает того, чтобы ее оценить, хотя-бы и поздно, но уже с новой точки зрения.

Подумать только: издана в 1911 году! Значит, еще до первой мировой войны, перевернувшей многое в Европе, возродившей к новой жизни несколько славянских и других государств, и наверное в свое время не оцененная.

Что может сказать нового книга, более чем полувековой давности? Нового почти ничего, зато она **сохраняет много ценного старого.**

Прежде всего это **народная** история Руси, — это не история царей, династий, которую мы изучали в школах, — это история самого Русского народа. Особенная ее ценность заключается в том, что она написана не только человеком из оторванного историей куска древней Руси — Прикарпатской Руси, — но и написана и напечатана в далекой Северной Америке.

Она показывает необыкновенно цепкую любовь к родине и своему народу в самой его гуще; она показывает, как русины Прикарпатья почти за 1500 лет, через гнет чужих народов (угров, немцев, поляков, румын итд.), войны, пожары и всякие народные бедствия, пронесли свой язык, свою национальность, свою веру с исключительным упорством и самосознанием.

Ценно не только то, что они пронесли через века любовь к своей родной земле, а главное то, что пронесли они и сохранили **идею Руси**, идею не части ее, а **ее целого.** Именно они явились ядром русской традиции: не украинизованный Киев, не объазиа-

ченная Москва, и не онемеченный Петербург сохранили идею Руси (как народа), — а Прикарпатская Русь.

Именно она понимала единство народа, она связывала наших славных предков с нами, потомками, которые готовы признать даже то, что мы — только немного подученные немцами дикари (так убеждал нас по крайней мере онемеченный Петербург).

Именно в Прикарпатьи сохранился верный взгляд на русский народ: он может быть разорван политически на части: часть под уграми, часть под поляками, часть под Литвой, часть (московская) самостоятельная, но **народ один.** За эту идею страдали и умирали наши предки.

ГЛАВА III.

А. Геровский

УКРАИНИЗАЦИЯ ГАЛИЧИНЫ И БУКОВИНЫ

ГАЛЕРЕЯ УКРАИНСКИХ ВОЖДЕЙ В АВСТРИИ

(УКРАИНСКИЕ ВОЖДИ В БУКОВИНЕ ПЕРЕД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНОЙ)

Эту статью мы взяли из журнала „Свободное слово" (№ 19-20, 21-22, 23-24, за 1960 год)

1. Степан Смаль-Стоцкий

О Смале-Стоцком имеются следующие данные в„Украинской Всеобщей Енциклопедии" (Українська Загальна Енциклопедія", на стр. 131-ой, том III):

> „Смаль-Стоцький, Степан, украинский лингвист, политический, общественный, культурный и экономический „діяч" (деятель) в Буковине. Родился в 1859-ом году, профессор университета в Черновцах (1884-1918) и украинского университета в Праге, член ВУАН (Вільна Українська Академія Наук), НТШ (Наукове Товариство Шевченка), долголетний национальный вождь буковинских украинцев, основавший почти все украинские общества, просветительные и экономические в Черновцах, член буковинского сойма и австрийского парламента, вице-маршал краевого комитета Буковины (1904-13), посол ЗУНР (Западно-украинской Народной Республики) в Праге (1919); враг (!) так называемого прарусского языка; он выводит украинский язык из праславянского. (Немецкая научная грамматика украинского языка в сотрудничестве с профессором Гартнером; школьные пособия, украинская грамматика, и т. д.).

Кроме того, имеются еще следующие данные о Смале-Стоцком на стр. 676-ой того-же третьего тома:

> „Национальное движение чрезвычайно усилилось с появлением в Буковине д-ра Ст. Смаля-Стоцкого в качестве профессора черновского университета. С его личностью связано все политическое, экономическое и культурное буковинское украинское движение до самой мировой войны."

Все это верно. Беда только в том, что многое недосказано, многие существенные факты пропущены, и многое просто переврано. Из того, что сказано в украинской энциклопедии, читатель получает впечатление, что Смаль-Стоцкий был ученый лин-

гвист и выдающийся человек во всех отношениях. На самом же деле это был человек бесхарактерный, продажный, и просто уголовный преступник, который не кончил своей карьеры в тюрьме только потому, что началась первая мировая война.

Согласно Украинской Энциклопедии Смаль-Стоцкий родился в 1859-м году и сделался профессором университета в Черновцах в 1884-м году, когда ему было всего 25 лет. К этому необходимо добавить следующие: будучи сыном сельского дьячка и не имея никаких средств, он воспитывался во Львове на средства Ставропигии, живя в русской (не украинской) бурсе, и был русских убеждений. Это мне известно от моего отца, который в то время был членом правления Ставропигии и лично знал студента Смаля-Стоцкого. Смаль метил в учители гимназии, но какимто чудом выскочил в профессора университета, не имея для этого никаких данных, не написав ни одного научного труда. Указанные выше в Украинской Энциклопедии книги вышли гораздо позже. „Руска граматика" в 1897-м году, а „Grammatik der ruthenischen (ukrainischen) Sprache" в 1913-м году, при чем обе эти книги были написаны не самим Смалем. На заглавном листе указаны два автора: Смаль-Стоцкий и немец Гартнер (Theodor Gartner), профессор ... романских языков. „Руска граматика" маленькая, мизерная книжечка; только немецкая „Grammatik der ruthenischen (ukrainichen) Sprache", напечатанная на средства австрийского министерства „FÜr Kultus und Unterricht", может претендовать на научное значение.

Появилась она в Вене в 1913-м году, то есть почти тридцать лет после того, как Смаль был произведен в профессора. Все это очень странно. Возникает прежде всего вопрос: на каком основании Смаль был назначен профессором? На этот вопрос дал исчерпывающий ответ б. член буковинского сойма Тыминский, который часто бывал в нашем доме в Черновцах. Тыминский был воспитан в противо-русском духе, сделался Jungruthen-ом („младорусином") и поэтому считался благонадежным и попал в члены местного сойма.

Кроме того он удостоился еще и особого доверия австрийских властей и был своим человеком в „черном кабинете" губернатора, где он переводил русские письма, перехваченные на почте, и всякого рода русские бумаги и газетные статьи. В черном кабинете хранились всевозможные документы, имеющие отношение к русскому вопросу; между прочим также и документ, касающийся производства пана Смаль-Стоцкого в профессора „руского" языка в черновском университете. Тыминский снял с него копию,

Со временем Тыминский пришел к убеждению, что сепаратисты не правы, что сепаратизм и ненависть к „москалям" насаждаются австрийскими властями. Работа в „черном кабинете" показала ему наглядно, что местные сепаратисты просто агенты австрийских властей, исполняющие их волю за теплые местечки,

за деньги и страха ради иудейска. Располагая достаточными средствами, чтобы покупать книги, Тыминский начал изучать историю и в конечном итоге превратился в сознательного русского человека. Обо всем этом он говорил открыто всем. Само собою разумеется, он лишился доверия властей и места в буковинском сойме, в члены которого можно было быть „избранным" только с согласия правительства. Мне помнится, с какой злобой он говорил о том, как ему, гимназисту без гроша, пришлось читать только то, что ему давали читать, и как он потом прозрел. Самостийников он не называл иначе, как „свиньями", продавшими свою душу. Особенное впечатление произвел на него „реверс" Смаля-Стоцкого, оригинал которого он видел в „черном кабинете", он показывал нам копию этого реверса. Я до сих пор помню наизусть его содержание:

> „Im Falle meiner Ernennung zum Professor der ruthenischen Sprache an der Czernowitzer Universitaet verplichte ich mich den wissenschaftlichen Standpunkt zu vertreten, dass die ruthenische Sprache eine selbstaendige Sprache und kein Dialekt der russischen Sprache ist".

Вот русский перевод:

„В случае назначения меня профессором рутенского языка в черновском университете, я обязываюсь защищать научную точку зрения, что рутенский язык самостоятельный язык, а не наречие русского языка".

Вот вся его „научная" квалификация. Никакие знания не были нужны для того, чтобы попасть в украинские профессора. Нужна была только бесхарактерность и продажность.

Австрийское правительство, конечно, знало, что Смаль-Стоцкий — неуч, и поэтому, назначая его профессором „руской мовы", ему было приказано самому ничего не писать. Ему дали в менторы настоящего профессора университета, настоящего филолога, в лице немца Теодора Гартнера, профессора романских языков. Тайну эту разоблачил тот-же Тыминский. Этим объясняется странное обстоятельство, что „ученый украинский лингвист" в течении десятилетий ничего не написал, и что когда, наконец, появилась его украинская грамматика на немецком языке, на заглавном листе красовалось имя немецкого профессора рядом с именем ученого Смаля. Кстати, на заглавном листе имя Смаля-Стоцкого украшено дворянским титулом „Edler von", что в русском переводе значит „Благородный из". Неизвестно, за какие заслуги он получил этот титул, но догадаться не трудно.

Наша семья жила в Черновцах несколько лет на той-же улице, на которой жил Смаль-Стоцкий, на Landhaus Gasse („Соймовой улице"), где было здание буковинского сойма. Дом, в котором он жил, находился наискось от нашего дома, и я часто встречал его на улице. Я его знал в лицо, но никогда с ним не разговаривал. Но моего отца он иногда останавливал при встрече, чтоб обменяться несколькими словами, пока в один прекрасный день

мой отец не сказал ему, что он о нем думает, назвав его продажной душой и попросил его больше не подходить к нему на улице. Смаль растерялся и проговорил: „Пане дохторе, то вже занадто!" (это уже слишком). Непосредственным поводом к этому разрыву было следующее происшествие, вполне освещающее характер и твердость украинских убеждений этого главы и основоположника украинского движения в Буковине.

В Буковине, как и в Галичине, полагалось, чтобы в пасхальный понедельник мужчины посещали знакомые дома, даже такие, в которых они в другое время редко бывали. Всюду был накрыт пасхальный стол и с утра до вечера приходили знакомые. В пасхальный понедельник заглядывал к нам и русский консул Доливо-Добровольский. Здесь я должен отметить, что описываемый мною случай произошел за несколько лет до первой мировой войны. Время было тревожное. Австрия готовилась к войне. В Черновцах было общеизвестно, что офицерам было приказано заглядывать ежедневно по вечерам в казармы и разговаривать с солдатами „частным образом, так, между прочим" о необходимости войны с Россией. В 1910-м году в один и тот же день полицейские комиссары нагрянули на все русские организации и общества, закрыли их и конфисковали все их имущество. В Черновцах запахло войной, а русская граница находилась всего лишь в двадцати верстах... Вот тут-то пан Смаль-Стоцкий и решил застраховать себя на случай победы России в надвигающейся войне,

Для этой цели он избрал пасхальный понедельник. Он зашел перед полуднем к русскому консулу Доливо-Добровольскому и поздравил его с праздником. При этом он так, между прочим, сказал Добровольскому, что он отнюдь не украинский сепаратист, но что он под видом самостийничества „спасает русское дело, пока не придет Россия, и т. д. В тот же день после обеда был у нас консул Добровольский и рассказал нам, что ему сказал Смаль-Стоцкий. Несколько дней спустя Стоцкий, встретив моего отца на улице, остановил его и начал что то говорить на ту же тему, что мы, мол, все русские, стремимся к одной цели, но идем к ней разными путями, и тому подобное. Мой отец не выдержал, назвал его продажной душой и еще раз попросил его не подходить к нему больше на улице.

За несколько лет до первой мировой войны буковинским губернатором был назначен граф фон Меран, родственник австрийского императора Франца Иосифа. Он был сын эрцгерцога, который женился не на аристократке и поэтому его сын официально уже не считался эрцгерцогом, но получил титул графа фон Меран. Человек он был молодой, с характером. Благодаря своим родственным связям, он мог себе позволить то, чего другой губернатор не посмел бы сделать. Свой самостоятельный образ мышления он показал сразу же после своего назначения, взяв себе в секретари протестанта д-ра Мебиуса.

Протестантов в Австрии было чрезвычайно мало и они были в загоне, хотя их и не преследовали открыто.

До этого Мебиус был комиссаром при уездном начальнике в Васьковцах. Там мой отец был несколько лет адвокатом, и я у него проходил свой стаж в качестве „Advokaturskandidat"-а (кандидата в адвокаты).

С д-ром Мебиусом я познакомился в местном клубе, куда ежедневно приходили члены немногочисленной местной интеллигенции: два адвоката, судьи уездного суда и чиновники уездной администрации. С Мебиусом мы были одних лет и мы с ним быстро подружились. Мы вместе обедали в одном частном доме — (ресторанов в Васьковцах не было) — а летом мы с ним ходили купаться в реке Черемош. Само собою разумеется, мы часто говорили о политике, о „руссофилах" и „юнгрутенах", и я не скрывал от него моих убеждений. Мебиус был уроженец западной Австрии и, как таковой, владел не только немецким литературным языком, но и австрийско-баварским наречием, как и я. Поэтому ему было не трудно понять, в чем состоит „рутенский" вопрос. Он начал учиться местному русскому наречию и убедился из личного опыта в том, что местные крестьяне, с которыми ему постоянно приходилось сталкиваться, как комиссару при уездном начальстве, называют и считают себя русскими.

Когда граф Меран взял его к себе в секретари, Мебиус переселился в губернский город, в Черновцы. Я уже раньше переселился туда, и наша дружба продолжалась. Я там женился на моей первой жене. Мебиус часто бывал у нас и от него я узнал о многом, что происходило за кулисами в губернаторском доме.

Так как за мной постоянно следила полиция, то графу Мерану, конечно, донесли, что д-р Мебиус мой друг, и что он бывает в моем доме. Но от этого Мебиус не пострадал. Напротив, граф Меран заинтересовался „рутенским" вопросом и расспрашивал своего секретаря о нем. Впоследствии, ознакомившись с данными о Смаль-Стоцком и о других украинских „діячах", имеющимися в губернаторских архивах, он относился с отвращением к этим патентованным австрийским патриотам. Свое отвращение к ним он показал открыто, когда по случаю нового года члены буковинского сойма вкупе с другими высокопоставленными лицами, явились к нему с поздравлениями и выражениями своих верноподданнических чувств. Граф Меран здоровался со всеми за руку, но украинским „діячам" во главе со Смаль-Стоцким и Васильком он демонстративно руки не подал. Это публичное осрамление украинских вождей было в течение многих дней главной темой разговоров в местных кофейнях.

Как мне впоследствии рассказывал д-р Мебиус, Смаль-Стоцкий и Василько пожаловались в Вене, и австрийское правительство потребовало объяснений от своего губернатора. Граф Меран не стесняясь ответил, что ему противно подавать руку людям такого низкого морального уровня, и что он им руки подать

не может. При этом он воспользовался случаем, чтобы высказать также и свое мнение о том, что вся австрийская политика в отношении „рутенов" ошибочна. Ответ из Вены был прост и ясен: военное министерство настаивает на этой политике, считая ее государственной необходимостью. Венское правительство предложило графу Мерану во имя „высших государственных интересов" подчиниться и публично больше не оскорблять украинских „діячей".

Во имя патриотического долга граф Меран подчинился и больше украинских „діячей" публично не оскорблял. Но в скором времени они сами ударили публично лицом в грязь так, что всем стало ясно, кто они такие. Вот как это случилось.

Среди клиентов моего отца был один армянин помещик, по фамилии Богосьевич. У него было имение в Русском Банилове, по соседству с Васьковцами, где у моего отца была адвокатская контора. Я был знаком с Богосьевичем, а также с некоторыми из его многочисленных дочерей, хорошенькими армяночками. Если мне не изменяет память, их было восемь. Дочерей надо было выдавать замуж и надо было им дать приданое. Итак, Богосьевич решил продать свое имение. Он просил нас помочь ему найти покупателя. Хотел он получить за свое имение 450.000 корон. Но кому мы не говорили об этом, все отмахивались смеясь и говорили, что его имение столько не стоит.

Вскоре после этого умерла тетка Василька и оставила ему небольшое имение в Становцах, серетского уезда. Цена этому имению была никак не больше 350.000 корон. Василько был видный украинский „діяч", член австрийского парламента и буковинского сойма.

Вслед за этим я узнал, что „Селянска Каса", главой которой был Смаль-Стоцкий, купила имение Богосьевича за 850.000 корон и имение, доставшееся по наследству пану фон Василько, за 700.000 корон. Для меня было ясно, что украинские „діячи" проворовались, и я об этом написал в русской печати. Все самостийные газеты, включая и орган социал-демократов „Борба" набросились на меня, обвиняя меня в том, что я — государственный изменник, что я клевещу на Смаля-Стоцкого, потому что он австрийский патриот и т. п.

„Селянска Каса" — был союз кредитных кооперативов, которые имелись во многих русских селах в Буковине. Каждый такой кооператив состоял из нескольких десятков или нескольких сот членов, которые по уставу ручались всем своим имуществом за все долги Селянской Касы. Это давало им возможность получать займы в Селянской Касе, которая финансировалась Центральным Банком Чешских Сберегательных Касс в Праге. Ко времени разыгравшегося скандала чешский банк уже дал взаймы Селянской Касе свыше десяти миллионов австрийских корон (т. е. больше двух миллионов долларов). У нас, русских (с двумя „с"), тогда были кредитные кассы, которые были более кре-

дитоспособны, чем „руские" (через одно „с"), но нас австрийское правительство не любило, и поэтому братья чехи нашим кассам денег не давали. Такова была политика чешских банков также в Триесте, где они поддерживали итальянцев, но не словенцев. У меня по этому поводу был разговор с паном Патеком, директором чешского Центрального Банка, причем я ему указал на то, что в наших кассах членами являются более зажиточные крестьяне, в то время как самостийная Селянска Каса принимала в члены кого угодно, и что поэтому наши кассы были более кредитоспособны. Мой разговор с паном Патеком не привел ни к чему, и нашим кассам пришлось и дальше брать деньги под большие проценты в маленьких еврейских банках.

В разгар поднятой против меня травли я как-то зашел по делу в краевой суд в Черновцах и там, в корридоре, встретил приехавшего из Праги пана Патка, директора Банка Чешских Сберегательных Касс. Пан Патек подошел ко мне и, не здороваясь, и с трудом подавляя свою злобу, сказал: „Что вы делаете? Вы ведь попадети в тюрьму!" — „За что?" спросил я — „За клевету! Ведь все то, что вы говорите и пишете про Селянску Касу, неправда!" На это я ему ответил: „Я с нетерпением жду, чтобы меня Смаль-Стоцкий и его сообщники привлекли к суду за клевету. Но они этого не делают, ибо они боятся суда. Вы бы лучше прислали из Праги ревизоров, чтобы они проверили дела Селянской Касы. Я в тюрьму не попаду, но ваш банк понесет большие убытки!" Патек как-то растерянно посмотрел на меня и, не простившись, ушел.

Через несколько дней приехали из Праги ревизоры. Об этом было объявлено в газетах. После двух месяцев работы они объявили результат: украдено от четырех до шести миллионов корон. И об этом сообщила во всеуслышание как местная, буковинская, так и чешская и венская печать. Не взирая на все ходатайства влиятельных друзей пана Василька (он был „на ты" с некоторыми членами габсбургской династии) — правительство отказалось возместить убытки из секретных фондов. Сумма была слишком велика, да и было уже слишком поздно, ибо все знали о происшедшем. Если бы правительство все же решилось покрыть украденное из казенных средств, это не спасло бы репутацию проворовавшихся патентованных австрийских патриотов и подорвало бы престиж правительства.

Итак, было решено пожертвовать Смалем-Стоцким, который возглавлял Селянскую Кассу и которого поэтому нельзя было обойти. Дело было передано в уголовный суд, который ознакомившись с фактами, обратился в парламент и потребовал выдачи Смаля-Стоцкого. Парламент это требование удовлетворил. Сообщая об этом деле, венская печать отметила, что то, в чем обвинялся Смаль-Стоцкий, является самым крупным мошенничеством в австрийской истории за последние пятьдесят лет.

Следствие затянулось, так как дело было чрезвычайно слож-

ное. Покупка имений Богосьевича и Василька составляла только небольшую часть мошенничеств, проделанных Стоцким и его сообщниками. Началась мировая война. Недели две спустя, город Черновцы был занят русской армией. Смаль бежал с австрийскими войсками. Это его спасло от неминуемой тюрьмы.

2. МИКОЛА ВАСИЛЬКО

О Васильке имеются следующие данные в Украинской Всеобщей Энциклопедии (Українська Загальна Енцикльопедія) том III, стр. 475:

„Василько, Микола, украинский политик и дипломат (1868-(1924), член буковинского сойма и венского парламента. В последние десятилетия перед мировой войной он сильно влиял на общественную и политическую жизнь буковинской Украины. 1918-1924 дипломатический представитель ЗУНР (Западно-Украинской Народной Республики) в Австрии, а потом УНР (Украинской Народной Республики) в Швейцарии и Германии".

Как сведения о Смале Стоцком, так и сведения о Васильке страдают одним и тем же недостатком. То, что сказано — верно, но главное недосказано, так что получается совершенно ложное представление не только о том, что собой представлял Микола Василько, но и обо всем украинском движении в Буковине.

Прежде всего необходимо отметить факт, что Микола Василько ни по своему происхождению, ни по своему воспитанию не имел ничего общего ни с русскими", ни с „украинцами". Отец его был богатый румынский помещик, а мать — румынская армянка.

В Буковине все помещики были румыны. Это были потомки константинопольских греков,*) которых турецкое правительство назначало за взятки на разные доходные места в Молдавии. Когда в конце восемнадцатого столетия Австрия отняла от тогда еще турецкой Молдавии ее северную часть, Буковину, то эти уже вполне орумынившиеся греки были признаны австрийским правительством местной аристократией и наделены титулом „фон" или даже произведены в бароны. Так Николай Василько именовался официально Николаус фон Вассилко, а его двоюродный брат пользовался титулом барона.

Николай Василько не только не был по своему происхождению ни русским, ни „украинцем". Он даже не знал ни слова ни по-русски, ни по-„украински" несмотря на то, что имение его отца находилось в русской части Буковины. Это было село Лукавец на верхнем течении реки Серета. Все свое воспитание он получил в Вене, в Терезианум-е, закрытом учебном заведении, в ко-

*) В Молдавии эти греки были известны под именем Фанариотов, так как они происходили из Фанара, части тогда уже Константинополя, в которой жили греки.

тором воспитывались сыновья австрийской аристократии, в том числе и австрийские эрцгерцоги, члены габсбургской династии. В Терезиануме преподавание велось на немецком языке. Кроме того ученики усиленно обучались французскому языку. Таким образом молодой Василько, окончив Терезианум, владел тремя языками: румынским, немецким и французским, но он совершенно не знал русского языка. Для него были гораздо важнее связи, которые он приобрел в Терезиануме. С некоторыми австрийскими эрцгерцогами он даже был на ты.

Родители Василька умерли рано, когда он был еще малолетним. Когда ему исполнилось 24 года, ему досталось миллионное наследство. Но он все прогулял без остатка в течение нескольких лет со своими высокопоставленными товарищами, тратя огромные деньги на женщин. Женолюбием или, вернее, женоманией он страдал до конца своих дней. На женщин он тратил все, что он впоследствии зарабатывал на украинской политике.

Прокутив все наследство, он решил сделаться профессиональным политиком. Для этого у него были данные из за его связей в высочайших сферах в Вене. Сперва он предложил свои услуги своим же румынам. Но они его предложения не приняли. У них было достаточно своих дворян со связями в Вене. К тому же, зная хорошо Василька, они ему не доверяли.

Получив отказ от румын, Василько обратился к русским. Очень может быть, что он взял пример с графа Шептицкого, который из польского графа и кавалерийского офицера превратился в русского епископа. По примеру Шептицкого он „почувствовал в своих жилах русскую кровь и вернулся к своему народу”. Так же, следуя примеру Шептицкого, он сперва примкнул к „старо-русской” партии, ибо в то время в Буковине, как раньше и в соседней Галичине, самостійники составляли незначительное меньшинство. К тому же самостійники были галичане, „зайды”, т. е. пришлые, к которым местное русское население относилось с недоверием, считая самостійничество польской интригой, как это признает упомянутая Украинская Энциклопедия. В то время среди всего буковинского духовенства был только один самостійник, некто Козарищук. Его родной брат, тоже священник, считал себя румыном.

Объявив себя русским, Василько прибрал к себе некоего Крушинского, русского галичанина, который издавал в Черновцах еженедельную русскую газету „Буковинские Ведомости”. В его сопровождении он обошел всех более или менее влиятельных интеллигентов в Черновцах и православных священников провинции. Приближались выборы в австрийский парламент, и он выставил свою кандидатуру. Ему только что исполнилось тридцать лет, так что по закону он уже мог быть избранным в парламент. Выбрал он себе чисто-русский избирательный округ (Выжница-Путилов).

Обходя русских интеллигентов в Черновцах, Василько на-

нес визит и нам. Мой отец, только недавно приехавший из ссылки, из далекого Иннсбрука, тогда политикой не занимался, но он пользовался авторитетом в русских кругах, как бывший член австрийского парламента и зять А. И. Добрянского. Василько явился к нам в сопровождении Крушинского. Я хорошо помню его первый визит. Это был смазливый, элегантный молодой господин с изящными манерами, говорящий прекрасно по-немецки. Говорил он о своем желании послужить „своему русскому народу" в Буковине, у которого „так мало своих интеллигентных сил". Не преминул он упомянуть и моего деда, Добрянского, который де должен служить примером для каждого русского политика, и т. д.Мой отец отнесся скептически к личности новоявленного русского вождя. По его мнению, это был „новый Шептицкий". Это было верно до некоторой степени. Тактика у них была одна и та же. Оба они притворялись сперва русскими, а потом „украинцами". Но побуждения и цели были разные. Шептицкий преследовал религиозно-политические цели. В интересах Польши и Рима он желал превратить русских галичан в настоящих римокатоликов и оторвать их от русского народа, переделав их в „украинцев". У Василька же единственной целью были деньги.

Если мне память не изменяет, то в выжницко-путиловском избирательном округе, в котором Василько выставил свою кандидатуру, не было другого кандидата. Так как Василько выступал под видом „алтрутена", то есть приверженца национально-культурного единства всех ветвей русского народа, то с русской стороны против него не выдвинули другого кандидата. А „юнгрутенам"-самостійникам очевидно австрийское правительство приказало не мешать Миколе, планы которого были несомненно заранее одобрены в Вене в высочайших сферах.

Итак Василько был избран в парламент в округе, в котором его никто не знал и с жителями которого он даже не мог поговорить, не зная русского языка. Из любопытства я поехал на одно из его предвыборных собраний. Это было в местечке Путилове, на гуцульской верховине. Началось с того что Василько с трудом произнес (затверженную) фразу приветствия на русском языке. Затем впереди него стал неизвестный мне человек — (кажется учитель местной школы) — и произнес от его имени заранее приготовленную речь. В том же избирательном округе Василько был затем избран в буковинский сойм. Впоследствии он переизбирался несколько раз на всех парламентских и соймовых выборах вплоть до первой мировой войны.

Будучи уже членом парламента Василько приступил к осуществлении своих финансовых планов. Он предложил свои услуги Доливо-Добровольскому, русскому консулу в Черновцах, обещая работать в пользу России с тем, чтобы русское правительство выдавало ему ещегодно 50.000 — я уже не помню — австрийских ли крон или русских рублей. Консул его предложения не принял.

Невзирая на это Василько все же оставался еще некоторое время „алтрутеном", русским (с двумя „с") и лишь постепенно превратился в „руского" (через одно „с"), то есть в самостійника. Но странным образом он не рвал окончательно своих связей с русскими, хотя они считались государственными изменниками. Так, например, он ежегодно без приглашения приходил на бал общества русских студентов черновского университета даже тогда, когда я был председателем этого общества. Он покупал свой билет при входе и демонстративно клал на стол сто крон.

Как сказано правильно в Украинской Энциклопедии, Василько вдвоем со Смалем-Стоцким составляли „дуумвират", который руководил украинской политикой в Буковине.

Василько жил постоянно в Вене. В Черновцы он приезжал только на заседания сойма или по своим личным делам. Денег, которые он получал как член буковинского сойма и австрийского парламента, ему не хватало на его великосветскую жизнь в Вене. Но у него были значительные побочные доходы благодаря его связям в венских высоких сферах, которые давали ему возможность устраивать богатым комерсантам всякого рода протекции у власть имущих. Главным источником доходов для него был „Греко-восточный Церковный Фонд", которым безконтрольно управляло министерство земледелия в Вене. Этот фонд был образован из огромных имений буковинской православной Церкви, состоявших преимущественно из лесов. Министерство земледелия ежегодно продавало большие количества леса частным лесопильным заводам. Ни для кого не было секретом, что легче всего было добиться выгодной сделки с министерством через Василька, которому лесопромышленники платили по одной кроне за каждый купленный им кубический метр. При сделке в сто тысяч кубических метров это составляло кругленькую сумму в сто тысяч крон.

Скандальную историю с Селянской Касой, которая угрожала полным разорением тысячам русских крестьян, ее членам, я вкратце описал в прошлом номере „Свободного Слова". В этот скандал был замешан и Василько, который продал имение, доставшееся ему после смерти тетки, Селянской Касе за 700.000 крон, хотя оно стоило никак не больше половины этой суммы. За эту сделку и за другие мошенничества подобного рода Смаль-Стоцкий, возглавлявший Селянску Касу, попал под суд. Василька к суду не привлекли, как имевшего высокопоставленных друзей и покровителей в Вене. Дело это кончилось ничем, ибо вскоре началась первая мировая война. Русские войска заняли Черновцы через две недели, а потом и вся Австро-Венгрия рухнула.

Об этом грязном деле писали все газеты. Венский парламент выдал Смаля Стоцкого. Но это не помешало ни Смалю Стоцкому, ни Васильку быть после первой мировой войны „дипломатическими представителями" сперва „Западно-Украинской", а затем „Украинской Народной Республики" в Праге, Вене, Берлине и в Швейцарии.

Весьма любопытно, как Украинская Энциклопедия представила дело Селянской Касы. Промолчать об этой нашумевшей истории было очевидно невозможно.

Так, видите ли, по словам Украинской Энциклопедии, к тому времени украинское движение в Буковине настолько окрепло, что австрийское правительство его испугалось. Поэтому, дабы подорвать его, оно устроило банкротство Селянской Касы, запретив ее заправилам эксплуатацию лесов в имениях, купленных ими для Селянской Касы. Дабы окончательно скомпрометировать украинское движение, согласно той же Украинской Энциклопедии, австрийское правительство впутало в это грязное дело „почти всю украинскую интеллигенцию в Буковине"!..

Невольно возникает вопрос: Каким образом Василько так сильно влиял на украинское движение в Буковине и в каком направлении?

Ответ на это прост. Направления у Василька не было никакого. Он только старался раздобыть побольше денег. Пользуясь своими личными связями в высоких сферах, он шантажировал Вену „русской опасностью". (Как я упомянул уже в прошлом номере в статье о Васильке, он воспитывался в Терезиануме, закрытом учебном заведении, в котором воспитывались сыновья высшей аристократии, также и эрцгерцоги, с которыми он был на ты). Политика для него была только авантюрой, средством для легкой наживы. Во время первой мировой войны он выдвигал своего приятеля эрцгерцога Вилгельма в будущие короли Украйны, о чем только так, между прочим, упоминает и Украинская Энциклопедия в статье „Україна, історія (том III стр.). Эрцгерцог Вильгельм попался на удочку. Он даже щеголял в вышитой „украинской" рубашке и был известен под именем „Василь Вышиваный". Но эта авантюра окончилась для него печально; он умер в советском концентрационном лагере.

Итак, украинским движением в Буковине заправляли самовластно Стоцкий и Василько. По словам Украинской Энциклопедии, их самовластием не были довольны некоторые более молодые „украинцы". Энциклопедия называет три фамилии: Беспалко, возглавлявший укр. соц. дем. партию, Бигарий и Галип — радикальную. Бигарий и Беспалко были моими товарищами по гимназии. Беспалко был сын дворника в одном банке на Панской улице в Черновцах. Он был чрезвычайно тупоумен и был исключен из гимназии за неуспеваемость. Не помогла Беспалко его религиозность или, вернее, суеверие. Он обмакивал свои тетради в священной воде в униатской церкви. Впоследствии Беспалко издавал в Черновцах газетку „Борба", в которой защищал Смаля Стоцкого и уверял своих читателей, что Геровский ложно обвиняет Стоцкого в обворовывании Селянской Кассы только потому, что Стоцкий является истинным австрийским патриотом, в то время как сам Геровский государственный изменник. Во время первой мировой войны украинский социал демократ Беспалко состоял на службе у немцев в Германии. Там он работал

по немецкой указке в лагерях военнопленных малороссов в Раштате, в западной Германии, где из них воспитывал янычар, врагов своего отечества — самостийников. О раштатском лагере самостийники издали целую книгу, в которой описана и роль пана Беспалка.

Наполеон Бигарий — основатель „радикальной" украинской партии, тоже мой товарищ по гимназии, был сыном чистокровного мадьяра, унтер-офицера в мадьярском гусарском полку, не говорившего ни слова по-русски. Только мать его была русская женщина без образования. Я ее знал. Она никак не могла примирить я с тем, что по настоянию мужа, ее сыну дали „поганое" имя Наполеон. Сынок особенными способностями в гимназии не отличался. Он мечтал сделаться атлетом и дома постоянно упражнялся с гирями. Ничто другое его не интересовало. Во время первой мировой войны он плавал на немецком броненосце „Гебен" в Черном море в роли русского переводчика.

Ни Беспалко, ни Бигарий в гимназии не были „украинцами". Это слово тогда в Буковине было просто неизвестно. Оба они считали себя русскими, такими же как и все другие гимназисты. В то время во всей черновской гимназии были только два самостийника, оба галичанина, Бачинский и Ярошинский, в моем же классе не было ни одного. Как Беспалко, так и Бигарий примкнули впоследствии к самостийникам — хлеба ради насущного. В Украинской Энциклопедии сказано: Наполеон Бигарий будучи недоволен „дуумвиратом" Стоцкого и Василька, основал „радикальную" украинскую партию. Прочитав это, мне невольно вспомнилось, как после первой мировой войны, в Вене, в начале 20-х годов, я повстречал Наполеона Бигария и Миколу Василька. На Кертнерштрассе, неподалеку от меня остановился автомобиль; из него выпрыгнул Наполеон Бигарий и, рабски наклонившись, держал открытой дверь из которой выходил ясновельможный пан Василько. Затем он стремглав, как мальчишка, подбежал к дому, открыл входную дверь и держал ее, наклонив голову, пока в нее не вошел Василько. Трудно описать все подхалимство, выявленное Наполеоном по отношению к ясновельможному пану Миколе.

Галипов было два брата. Я их знал обоих. Один из них был старше меня, а другой моложе. Никакой особенной политической роли они не играли, но зато они выделялись своей наружностью. Смуглые лица, черные как смоль глаза и волосы указывали на то, что они были потомками турок или татар. И фамилия „Галип" была у них бусурманская.

Вот имена людей, которых „Загальна Українська Енциклопедія" упоминает, как основоположников украинского движения в Буковине перед первой мировой войной: Смаль Стоцкий, Василько, Беспалко, Бигарий, Галип . . . Ароматный букет.

Украинская Энциклопедия признает что украинский сепаратизм был импортирован в Буковину **галичанами,** и что местное русское население считало его „польской интригой". До прихода

галицких самостийников все местные организации были русские: „Русская Беседа", основанная в 1869-м году, и политическая организация „Русская Рада", основанная в 1870-м году. Это признает и Украинская Энциклопедия, которая указывает, между прочим, на то, что „идеалы этой группы лежали в далеком прошлом, в Галицко-Волынской державе XII-XIII веков". Язык, на котором писались издания „Русской Беседы", как-то „Месяцеслов, „Буковинская Зоря", был, по выражению Укр. Энциклопедии, не украинским, а „язычием". Русскому литературному языку в те времена в Буковине негде было учиться, и поэтому все печаталось на местном русском наречии с примесью слов церковно-славянских и русских литературных, насколько они были известны пишущим. О каком либо „украинском" языке никто и не думал, и сам этот термин был совершенно неизвестен. Все буковинцы считали себя сознательно русскими, точно такими же, как и русские в России. Украинская Энциклопедия всемилостивейше им прощает этот грех, полагая что они „старались спасти свою народность такой, какой они ее понимали".

Итак вожди украинского „руху", Смаль-Стоцкий и Василько, составлявшие „дуумвират", который диктаторски руководил этим движением, были безхарактерными и преступными типами, слепо служившими австрийскому правительству ради карьеры и наживы, без каких либо „украинских" убеждений. А все остальные самостийные „діячи", попавшие по милости австрийских властей в венский парламент или в буковинский сойм, были мелюзгой, ничего из себя не представлявшей.

Зная их, я предполагал что после войны (первой мировой), я их всех приглашу на интимный разговор и предложу им, чтобы они по плану Смаля Стоцкого, изложенному им в свое время Доливо-Добровольскому, русскому консулу в Черновцах, заявили, что они под видом украинского сепаратизма спасли русское дело, ожидая прихода России. Зная всю их подноготную, я был убежден, что все они охотно сделают такое заявление. Я это хотел сделать в интересах России не взирая на то, что благодаря этим господам, арестован и попал под суд за государственную измену и не был повешен только потому, что мне удалось бежать из черновской тюрьмы перед самым началом первой мироровой войны. Я вернулся в Черновцы с русской армией и был старшим чиновником особых поручений при черновском губернаторе Д. М. Евреинове. С моим мнением считались, и мой план был одобрен. Но война кончилась не так, как мы все предполагали и как надеялось все русское население Буковины.

Касательно „украинских" убеждений вождей украинского „руху" в Буковине, не будет лишним упомянуть разговор, который у меня был с одним буковинским крестьянином за несколько лет до войны. Это был Левицкий, староста общины Чорторыя, в трех верстах от Васьковцов, где у моего отца была адвокатская контора. Левицкий был нашим клиентом. Я его хорошо знал, и часто с ним встречался. На последних выборах он попал по ре-

шению дуумвирата, т. е. Василька и Стоцкого, в буковинский сойм. Левицкий был импозантной наружности, хороший сельский оратор, известный во всей околице. В своем живописном национальном костюме он являлся прекрасным статистом для „дуумвирата". Левицкий был убежденный русский и презирал самостийников. Когда я спросил его, как он решился принять предложение быть в сойме в одной компании с самостийниками, он разсмеялся и сказал:

„Та-ж то все кумедия. Коли прийдет Россия, то всі тоті паны будут лизати ноги русскому цареви".

Д-р А. Геровский

УКРАИНИЗАЦИЯ БУКОВИНЫ

Всем известно, что русское население Буковины исстари считало себя русским и не имело никакого понятия о том, что существует какая то украинская нация и что они должны превратиться в „украинцев" и больше не называть ни себя, ни своего языка русскими. Когда, в конце прошлого столетия, пришлые галичане начали пропагандировать в Буковине идею сепаратизма, они в начале, в течение нескольких десятилетий, не смели называть ни себя, ни свой новый „литературный" язык украинским, но называли себя и свой язык руским (через одно „с"). Все русские буковинцы сочли это польской интригой. В этом сознается даже „Українська Енцикльопедія". Во главе этой пропаганды стояли два „украинских великана": профессор черновского университета Стефан Смаль-Стоцкий, человек без какой либо научной квалификации, получивший место профессора на основании письменного обязательства, хранившегося в архиве черновского австрийского губернатора, что он обязуется в случае своего назначения профессором „рутенского" языка, пропагандировать „научную точку зрения", что рутенский язык - самостоятельный язык, а не наречие русского языка. Только несколько лет после своего назначения он написал при помощи профессора романских языков, Гартнера, мизерную грамматику, заглавие которой было „Руска грамматика". Впоследствии, незадолго до первой мировой войны, он попал под суд за растрату нескольких миллионов крон, которую он совершил, будучи председателем „Селянской Касы". Только мировая война спасла его от тюрьмы. Иным украинским „великаном" в Буковине был Николай фон Вассилко, отец которого был румын, а мать румынская армянка. Николай фон Вассилко не знал ни слова ни по русски, ни по „украински", но это не помешало ему сделаться вождем буковинской Украины и быть „избранным" в австрийский парламент и буковинский сойм в чисто русском путиловском округе. Вассилко воспитывался в Терезиануме вместе с австрийскими аристократами и членами габс-

бургской династии. Благодаря этому у него были большие связи. К тому же он был сын богатых родителей. Имение его отца оценивалось в несколько миллионов крон. Он был единственный сын, родители его умерли рано. Когда ему стукнуло двадцать четыре года, он унаследовал имение отца и прокутил его в течение нескольких лет в Вене вместе со своими высокопоставленными приятелями. Оставшись без гроша, он решил заняться политикой. Сперва он предложил услугу своим румынам, но они, зная Вассилка, их не приняли. Затем он предложил свои услуги русскому консулу в Черновцах, обещая за плату в пятьдесят тысяч не то крон, не то рублей, работать в пользу России. Но и там он получил отказ. В конце концов он решил превратиться в украинца и в конечном итоге он вместе со Смаль-Стоцким составил „дуумвират", который, по словам украинской энциклопедии, руководил всем украинским движением в Буковине. Как выяснило судебное следствие, Вассилко был тоже причастен к растрате миллионов „Селянской Кассы". В это дело были замешаны, по словам украинской энциклопедии, тоже „почти все украинские интеллигенты в Буковине". (Українська Енцикльопедія" том III стр. 678).

В дуумвирате решающее значение имел фон Вассилко вследствие своих связей в высочайших сферах Вены. Что Стоцкий был весьма недоволен своей второстепенной ролью в „дуумвирате", было общеизвестной тайной. Но он волей-неволей должен был подчиняться.

Итак, как в Галичине, так и в Буковине, во главе украинского движения не были „украинцы". В Галичине главой был поляк, граф Шептыцкий, а в Буковине — румын фон Вассилко.

Как же случилось, что накануне первой мировой войны уже было много интеллигентов и полуинтеллигентов самостийников, хотя их родители все еще называли себя русскими. Вот как это произошло.

В последних десятилетиях прошлого столетия буковинская русская „интеллигенция" состояла главным образом из православных священников. Униатов в Буковине было очень мало и то только по городам. Но и униаты в то время считали себя русскими. В главном городе, Черновцах, униатская церковь всеми называлась просто русской церковью, а улица, на которой эта церковь находилась, даже официально называлась по немецки Руссише Гассе (официальный язык в Буковине был немецкий). На всех углах этой улицы были надписи на трех языках: Руссише Гассе, Руска улица, Страда Русяска. А на фасаде городского дома красовались три огромных мраморных доски, в ознаменование двадцатипятилетия, сорокалетия и пятидесятилетия царствования Франца Иосифа. Надписи на таблицах были составлены на немецком, румынском и русском языках. На первых двух таблицах русский текст был составлен на чистом литературном русском языке. Франц Иосиф на них величался „Его Императорское Величество". Только на третьей таблице (1898-го

года) текст был составлен на украинской мове, и Франц Иосиф из Императорского Величества превратился в „Найяснійшого Пана”.

Я попал в конце прошлого столетия из Инсбрука в Черновцы. Гимназия там была немецкая, так же как и в Инсбруке. Когда в первый день занятий классный наставник читал список учеников, я жадно прислушивался к их фамилиям.

Значительно больше половины учеников были евреи с немецкими фамилиями, говорившие между собою на еврейском жаргоне. Было несколько сыновей немецких колонистов и чиновников, два поляка, а остальные были румыны и русские. По фамилиям не всегда можно было угадать национальность ученика. Оказалось, что Григорович, Литвинюк и Волчинский были румыны, а Тотоеску, Тевтул и Падура — русские. Но были русские и с русскими фамилиями в моем классе: Василович, Григорий, Клим, Залозецкий. Кроме меня, в гимназии были еще мои два брата, старший Роман и младший Георгий. И у них были среди их товарищей русские. Большинство из них были сыновья крестьян. Было несколько сыновей русских священников и очень мало сыновей русских интеллигентов-мирян. В моем классе кроме меня, только Залозецкий был сын русского интеллигента, врача. С нашими русскими товарищами мы быстро подружились и они часто к нам заходили. Мои родители были очень гостеприимны, и наш дом был всегда открыт для них. Когда они заходили к нам, во время обеда или во время ужина, они всегда обедали или ужинали с нами, а в остальное время на стол всегда ставился большой самовар и было вдоволь белого хлеба, масла, сыра и другой еды. Делалось это у нас безо всякой предвзятой мысли. После чисто немецкого Инсбрука, где во всем городе, да и во всем крае не было кроме нашей семьи ни одного русского человека, нам было всем приятно проводить время с русскими. Но не так на это смотрели австрийские власти. Когда после трех лет нас исключили из гимназии и не только из черновской гимназии, но согласно решению министерства народного просвещения в Вене, из всех среднеучебных заведений Буковины и Галичины, то есть, из тех австрийских провинций, в которых имелось русское население, то в своем постановлении австрийское правительство не постеснялось поставить нам в вину то обстоятельство, что в нашем доме „всегда кипел большой самовар” и что мы кормили наших товарищей очевидно с целью их обработки в „руссофильском” духе. Другое преступление, которое было поставлено нам в вину, было то, что после смерти православного русского законоучителя Ивановича, по городу были расклеены, по тогдашнему обычаю, посмертные объявления от имени его учеников, которые были составлены на русском литературном языке. Кроме того, мы обвинялись в том, что русские ученики, посещавшие уроки русского языка, которые давались для них два раза в неделю, отказывались писать „фонетикой”, только что введенной, и настаивали на старом правописании. В этом импе-

раторско-королевское министерство народного просвещения тоже увидело что то вроде государственной измены.

Мы были принуждены продолжать наше образование частным образом и затем держать ежегодно экзамены в других гимназиях. Но продолжали мы жить в Черновцах, и наше знакомство с бывшими товарищами не прекращалось.

Как я уже упомянул, большинство русских учеников черновской гимназии были сыновья крестьян. Крестьяне эти были чрезвычайно бедны. Их дети, наши товарищи, жили в подвалах или полуподвалах, которые никогда не отапливались, хотя зимы в Буковине были чрезвычайно суровые и долгие. Снег иногда лежал, не тая, около шести месяцев, причем температура понижалась нередко до 30 градусов ниже нуля, по Цельсию. Денег у них не было никаких. Еду им привозили родители не чаще, чем два раза в неделю, а обыкновенно только один раз, и эта еда состояла из холодной мамалыги (кукурузной каши), кислого молока и вареного картофеля. Согреть эту еду было негде. Ее всегда ели холодной.

Обрабатывать этих крестьянских сыновей в „руссофильском духе" было нечего. Все они не только были русские и называли себя русскими, но они все прекрасно сознавали, что это значит. Русская граница была тут же, под боком, от города Черновцов всего только в двадцати километрах, т. е. в 12-ти американских милях. Почти в каждом селе были люди, которые побывали в России на работах или сплавляли лес по Пруту в Россию. О них упоминает даже Максим Горький в одном из своих рассказов. Поэтому все буковинские крестьяне знали, на каком языке говорят в России, не только простонародие, но и представители власти, пограничные стражники и другие государственные служащие, с которым им приходилось встречаться. Язык этот они, конечно, не называли литературным русским языком, ибо они слова „литературный" не знали, но они считали литературный русский язык **настоящим русским языком**, выражая эту мысль словами „там говорят твердо по-русски".

Во всей восьмиклассной гимназии в Черновцах среди русских учеников было только двое, считавщих себя не такими русскими, как „москали". Это были два галичанина: Бачинский и Ярошинский. Бачинский был известен своими доносами на своих русских товарищей, и его все избегали. Ярошинский был сыном народного учителя, который почему-то переселился из Галичины в Буковину и продолжал учительствовать там. Когда я попал в черновскую гимназию, Ярошинский был уже в восьмом классе и скоро исчез с горизонта. Но не лишним будет отметить здесь факт, что когда за несколько лет до этого правительство решило упразднить в школах старое общерусское правописание и заменить его фонетическим, то оно встретило единодушное сопротивление со стороны всех учителей начальных школ. Правительство устроило что-то в роде плебисцита учителей, который дал совершенно неожиданный результат для их начальства, За „фо-

нетику" высказались только два учителя, оба „зайды", т. е. пришлые галичане. Один из них был Ярошинский. Не взирая на это, было приказано ввести фонетику. Но название языка было оставлено русским (через одно „с"). Однако лет двадцать спустя уже почти все народные учителя были самостийники, как и значительная часть интеллигенции новых поколений. Среди православных священников в конце прошлого столетия был только один единственный самостийник, по фамилии Козарищук.

Итак, среди православных священников все, кроме одного, считали себя русскими, и были сознательными русскими людьми. Лет через двадцать, среди новой генерации духовенства уже было немало самостийников. Случилось это очень просто. Были учреждены на казенный счет „бурсы", т. е. бесплатные общежития для гимназистов, в которых их воспитывали в самостийно-украинском духе. Затем было приказано православному митрополиту представлять ежегодно список кандидатов, желающих поступить на богословский факультет, губернатору, который вычеркивал всех неблагонадежных, то есть, не желающих отречься от своего русского имени и превратиться в самостийных украинцев. Студенты богословского факультета жили в общежитии в здании митрополии, на всем готовом. Все это делалось за счет православной церкви, которая в Буковине была чрезвычайно богата и не нуждалась и не получала от правительства никаких пособий в то время, как все римокатолическое духовенство, а также и униатское оплачивалось из казенных фондов. Имущество православной церкви состояло из богатейших земельных угодий, но ими управляло австрийское министерство земледелия, которое получало в свои руки все доходы с этих земель и выдавало православной церкви ежегодно столько, сколько по его усмотрению было необходимо для покрытия нужд церкви. Таким образом в начале этого столетия доступ в православное духовенство был закрыт для русских.

Русскую мирскую интеллигенцию австрийское правительство постепенно превращало в самостийную украинскую через посредство „бурс", бесплатных общежитий для гимназистов, в которых их воспитывали в самостийно-украинском духе и в ненависти ко всему русскому. В этих общежитиях были сотни гимназистов, в то время как в русских общежитиях, которые содержались на частные средства, были только десятки. При этом русские общежития были, конечно, гораздо беднее казенных.

Тоже самое происходило и в учительской семинарии с той только разницей, что там русскому ученику делать было нечего, ибо все знали, что русский, не желающий отречься от своей русскости, по окончании семинарии ни в коем случае не получит места учителя.

При всем этом необходимо иметь в виду, как мы уже упомянули, что подавляющее большинство учеников как гимназии, так и учительской семинарии были сыновья крестьян, которым вне общежития приходилось вести полуголодное существование. Ка-

зенное общежитие представлялось им настоящим раем. Мне часто приходилось разговаривать с родителями этих бурсаков, воспитываемых в украинском духе. Не раз мне жаловался тот или другой отец, что его сын, возвращаясь летом домой на каникулы, называет его, отца дураком за то, что тот считает себя русским. „Подумайте только, что сделали из моего сына в бурсе", сетовал отец. „Он меня, своего отца, называет дураком и уверяет меня, что мы не русские, а какие-то украинцы". И когда я спрашивал такого отца, почему он все же посылает своего сына в эту бурсу, он мне отвечал: „Потому, что он там не голодает и не живет в холодном подвале, и еще потому, что он оттуда выйдет в люди и будет паном". И при этом такой отец утешал себя мыслью что когда его сын выростет, он поумнеет, и что вся эта „украинская дурь" вылетит у него из головы. Такие случаи, конечно, бывали, но очень редко ибо, окончив гимназию, а затем и университет, надо было подумать о дальнейшей карьере, а всякая карьера зависела в той или иной степени от всемогущего императорско-королевского правительства, которое „москофилам" не только не давало ходу, но и сажало их в тюрьму за государственную измену.

Австрийское правительство не довольствовалось тем, что оно воспитывало в своих бурсах сотни и тысячи самостийников. Восьмого мая, 1910 года, буковинский губернатор в один и тот же день закрыл все русские общества и организации: русскую бурсу для мальчиков, русскую бурсу для девушек, общество русских студентов „Карпат" и общество русских женщин, которое содержало школу кройки и шитья. При этом правительство конфисковало все имущество организаций, в том числе и библиотеку общества русских студентов. А гимназистов и гимназисток полиция выбросила из общежитий на улицу, не заботясь о том, куда они денутся.

Не будет лишним отметить, что точно так же поступил в Карпатской Руси в 1939-м году украинский монсиньор Волошин, назначенный чехами по приказу Гитлера карпаторусским диктатором. Воцарившись, он сразу же издал приказ о закрытии всех русских политических организаций, культурных учреждений, студенческих организаций, спортивных обществ, русского скаута и т. д.

Таким образом русская Буковина была украинизирована насильственно аппаратом, во главе которого стоял **румын** — Николай фон Вассилко.

Заслуживает внимания и то, что в соседней Галицкой Руси во главе украинского движения стоял **поляк**, граф Шептыцкий, который в течение своего сорокалетнего владычества в роли униатского митрополита во Львове сделал больше для украинизации Галицкой Руси, чем все остальные украинские „діячі", вместе взятые.

И. И. Тёрох

УКРАИНИЗАЦИЯ ГАЛИЧИНЫ

От редакции: Ниже помещаем статью покойного И. И. Тереха — крупного общественного деятеля Галицкой (Червонной) Руси, известного русского мифолога, — в которой автор четко и ясно рассказывает нам о той страшной кровавой бешенной борьбе Ватикана, немцев и поляков против русских людей Галичины во имя создания искуственного антинародного украинизма и **антихристианской унии.**

Статья была написана И. И. Терехом вскоре после присоединения к Советскому Союзу Галичины и других западнорусских земель, находившхся под польской оккупацией. Вот почему у автора статьи могла сохраниться капелька надежды на то, что советы примут во внимание (уважат) историю Галицкой Руси и не будут насильственным образом продолжать подлое дело украинизации.

Но коммунисты своей антирусской политикой в Галичине, в Буковине и на Закарпатской Руси, которая была присоедина к СССР непосредственно после второй мировой войны, лишний раз демонстрируют свой **антинародный характер.** ,

Теперь стало еще труднее, еще опаснее бороться за русское единство, чем это было во времена Австрии или Польши. Но русский народ Червонной Руси не сдается: приспособившись к советским условиям, он ведет и дальше борьбу за народную общерусскую правду.

Весь трагизм галицких „украинцев" состоит в том, что они хотят присоединить „Великую Украину", 35 мил., к маленькой „Западной Украине", (так они стали называть после первой мировой войны Галичину) — 4 миллиона, т. е., выражаясь образно, хотят пришить кожух к гузику (пуговице), а не гузик к кожуху. Да и эти четыре миллиона галичан нужно разделить надвое. Более или менее половина из них, т. е. те, которых полякам и немцам не удалось перевести в украинство, считают себя издревле русскими, не украинцами, и к этому термину, как чужому и навязанному насильно, они относятся с омерзением. Они всегда стремились к объединению не с „Украиной", а с Россией, как с Русью, с которой они жили одной государственной и культурной жизнью до неволи. Из других двух миллионов галичан, называющих себя термином, насильно внедряемым немцами, поляками и Ватиканом, нужно отнять порядочный миллион несознательных и малосознательных „украинцев", не фанатиков, которые, если им так скажут, будут называть себя опять рускими или русинами. Остается всего около полмиллиона „завзятущих" галичан, которые стремятся привить свое украинство (то есть ненависть к России и всему русскому) 35-ти миллионам русских

людей Южной России и с помощью этой ненависти создать новый народ, литературный язык и государство.

Здесь будет уместно изложить вкратце историю украинизации поляками, а затем немцами Галицкой (Червонной) Руси, о которой „украинцы" умалчивают, а мир о ней почти не знает.

После раздела старой Польши в 1772 г и присоединения Галичины к Австрии и после неудавшихся польских восстаний в России в 1830 и 1863 г.г. и Австрии (в 1848 г.) с целью восстановления польского государства, польская шляхта Галичины, состоявшая из владельцев крупных латифундий, заявила свое верноподданничество Францу Иосифу (пресловутое: „Пржи тобе стоимы и стаць хцемы!") и в награду получила полную власть над всей Галичиной, русской ее частью*). Получив такую власть, поляки и их иезуитское духовенство продолжали, как и в старой Польше, полонизировать и окатоличивать коренное русское население края. По их внушению, австрийские власти неоднократно пытались уничтожить слово „русский", которым с незапамятных времен называло себя население Галичины, придумывая для него разные другие названия.

В этом отношении особенно прославился наместник Галичины — граф Голуховский, известный руссоед. В 60-ых годах прошлого столетия поляки пытались уничтожить кириллицу и ввести вместо нее для русского населения латинскую азбуку. Но бурные протесты и чуть ли не восстание русского населения устрашили центральное венское правительство, и польские политические махеры принуждены были отказаться от своего плана отделить русский галицкий народ от остального русского мира.

Дух национального сепаратизма и ненависти к России поляки постоянно поддерживали среди русского населения Галичины, особенно среди ее интеллигенции, лаская и наделяя теплыми местечками тех из них, которые согласны были ненавидеть „москалей", и преследуя тех, кто ратовал за Русь и православие (наделавший шум в 80-ых годах процесс против Ольги Грабарь и свящ. И. Наумовича).**) В 70-ых годах поляки начали при-

---

*) Получивши при первом разделе Польши ту часть Речи Посполитой, которая впоследствии была известна под названием „Галиция", австрийское правительство создало из нее отдельную провинцию под названием „Королевство Галицкое и Владимирское" (Koenigreih Galizien und Lodomerien). Две трети этой територии были заселены коренным русским населением.

**) После покушения на жизнь А. Добрянского в Ужгороде, организованного мадьярами, он переселился со своей дочерью Ольгой Грабарь во Львов, где тогда проживала другая дочье его — Алексия Геровская.

К нему во Львов начали приезжать русские галичане, в особенности униатские священники, из которых многие впоследствие переписывались с ним. Ольга Грабарь исполняла роль секретарши при своем от-

вивать чувство национального сепаратизма и галицко-русскому сельскому населению — крестьянству, учредив для него во Львове с помощью вышеупомянутой т. н. интелигенции, общество „Просвита", которое стало издавать популярные книжечки злобно сепаратистического-руссофобского содержания.

Чтобы противодействовать работе поляков, галичане в противовес „Просвите", создали „Общество имени Михаила Качковского". Таким образом в 70-ых годах начался раскол.

В 1890 году два галицко-русских депутата галицкого сейма — Ю. Романчук и А. Вахнянин — объявили с сеймовой трибуны, „от имени" представляемого ими населения Галичины, что народ, населяющий ее — не русский, а особый, украинский. Поляки и немцы не раз уже и раньше пытались найти среди русских депутатов людей, которые провозгласили бы галичан особым, отдельным от русского, народом, но не находили никого, кто решился бы на такую очевидную бессмыслицу, на измену горячо в Галичине любимой Руси. Романчук и Вахнянин были преподавателями русской (с одним „с") гимназии во Львове. В молодости они были горячими русскими патриотами. Вахнянин, будучи композитором, писал пламенную музыку к патриотическим русским боевым песням („Ура! На бой, орлы, за нашу Русь святую"!)

До конца 19-го ст. термины „украинец, украинский" были употребляемы только кучкой украинствующих галицко-русских интеллигентов. Народ не имел о них никакого понятия, зная лишь тысячелетние названия — Русь, русский, русин, землю свою называл русской и язык свой — русским. Официально слово „руский" писалось с одним „с", для того чтобы отличить его от правильного начертания с двумя „с", употребляемого в России. Нового правописания (без букв — ѣ, ы, ъ) в галицко-русском наречии до этого времени не было. Все журналы, газеты и книги, даже украинствующих, печатались „по-русски" (галицким наречием), старым правописанием. На ряде кафедр львовского университета преподавание велось на руском языке, гимназии назывались „рускими", в них преподавали руску историю и руский язык, читали рускую литературу.

С 1890 года, после декларации Романчука и Вахнянина, все это исчезает, как бы по мановению волшебной палочки. Вводится в школах, судах и во всех ведомствах новое правописание. Издания украинствующих переходят на новое правописание, старые

це, и большинство писем было написано ее рукою. Пишущих машинок в то время еще не было. Когда один из священников — о. Наумович открыто перешел со своим приходом в православие и отрекся от папы, то австрийское правительство объявило это государственной изменой. Добрянского, его дочь Ольгу Грабарь и о. Наумовича посадили во Львове в тюрьму, в которой они просидели шесть месяцев. Суд присяжных оправдал их, но Добрянского сослали после этого сначала в Вену, а затем в далекий Тироль (город Инсбрук).

„руские" школьные учебники изымаются, и вместо них вводятся книги с новым правописанием. В учебнике литературы на первом месте помещается в искаженном переводе на галицко-русское наречие монография М. Костомарова: „Две русские народности", где слова Малороссия, Южная Русь заменяются термином „Украина" и где подчеркивается, что „москали" похитили у малороссов имя „Русь", что с тех пор они остались как бы без имени, и им пришлось искать другое название. По всей Галичине распространяется литература об угнетении украинцев москалями. Оргия насаждения украинства и ненависти к России разыгрывается во всю.

Россия, строго хранящая принципы невмешательства в дела других государств, ни словом не реагировала в Вене на польско-немецкие проделки, открыто направленные против русского народа. Галичина стала Пиемонтом украинства. Возглавлять этот Пиемонт приглашается из Киева Михаил Грушевский. Для него во Львовском университете учреждают кафедру „украинской истории" и поручают ему составить историю „Украины" и никогда не существовавшего и не существующего „украинского народа". В награду и благодарность за это каиново дело Грушевский получает „от народа" виллу-дом и именуется „батьком" и „гетманом". Со стороны украинствующих начинают сыпаться клевета и доносы на русских галичан, за что доносчики получают от правительства теплые места и щедро снабжаются австрийскими кронами и немецкими марками. Тех, кто остаются русскими и не переходят в украинство, обвиняют в том, что они получают „царские рубли". Ко всем передовым русским людям приставляются сыщики, но им ни разу не удается перехватить эти рубли для вещественного доказательства.

Население Галичины на собраниях и в печати протестует против нового названия и нового правописания. Посылаются записки и делегации с протестами к краевому и центральному правительствам, но ничего не помагает: народ, мол, устами своих представителей в сейме потребовал этого.

Насаждение украинства по деревням идет туго, и оно почти не принимается. Народ держится крепко своего тысячелетнего названия. В русские села посылаются исключительно учителя украинофилы, а учителей с русскими убеждениями оставляют без мест.

Надобно заметить следующее: когда поляки увидели, что немцы хватились за их изобретение „украинский" и насаждают его для своих целей, они пошли против этого термина и не допускали его оффициально ни в школах, ни в ведомствах, и держались этого даже в новой Польше, употребляя название „руский" или „русинский".

Русское униатское духовенство (священики были с университетским образованием) было чрезвычайно любимо и уважаемо народом, так как оно всегда возглавляло борьбу за Русь и русскую веру, и за улучшение его материального положения, было его вождем, помощником, учителем и утешителем во всех скорбях

и страданиях в тяжелой неволе. Ватикан и поляки решают уничтожить это духовенство. Для этой цели возглавляют они русскую униатскую церковь поляком — графом Шептыцким, возвысив его в сан митрополита. Мечтая стать униатским патриархом „Великой Украины от Кавказа до Карпат" после разгрома России и перевода всех русских людей Южной Руси в унию, Шептыцкий относился с нерадивостью к миссии, для которой наметили его поляки, в планы которых вовсе не входило создание Украины под Габсбургами или Гогенцолернами, а исключительно ополячение русского населения для будущей Польши. Он отдался со всей пылкостью молодости (ему было всего 35 лет, когда его сделали митрополитом) служению Австрии, Германии и Ватикану для осуществления плана разгрома России и мечты о патриаршестве. Тщеславный и честолюбивый, Шептыцкий служил им, нужно признать, всею душою. Несмотря на свой высокий сан, он, переодетый в штатского с подложным паспортом не раз пробирался в Россию, где с украинствующими помещиками и интеллигентами подготовлял вторжение Австро-Венгрии и Германии на „Украину", о чем он лично докладывал Францу-Иосифу, как его тайный советник по „украинским делам", а секретно от него сообщал о сем и германским властям, как это было обнаружено в 1915 г. во время обыска русской разведкой его палаты во Львове, где между другими компрометирующими документами была найдена и копия его записки Вильгельму II-му о прогрессе „украинского движения в России". Мечтательный и жадный к титулам и власти, граф пытаясь прибавить к будущему титулу патриарха титул кардинала, часто ездил в Рим, где он услаждал слух Ватикана своими росказнями о недалеком разгроме схизматической России и о присоединении к св. Престолу под скипетром Его Апостольского Величества Императора Франца-Иосифа 35 миллионов „украинских овечек". Но польские шлягуны-магнаты и польские иезуиты, имевшие влияние в Ватикане, мстя Шептицкому за ослушание, не допустили возвышения его в кардиналы. После создания новой Польши и присоединения к ней Галичины, Шептицкий, надеясь на Гитлера, не переставал мечтать о патриаршестве и ратовал, как и прежде, за разгром России. Но по велению карающего рока, все его идеи, идеалы, мечты и грезы потерпели полное и страшное крушение.

С появлением Красной Армии в восточной Галичине, он, разбитый параличем, 75-тилетний старик лишился сразу всех титулов, и настоящих и будущих, и терпит великие страсти уже на сем белом свете в наказание за свои тяжкие прегрешения против Руси. В русской истории его имя будет стоять рядом с именем Поцяя, Терлецкого, Кунцевича и Мазепы.

Возвращаясь к насаждению украинства в Галичине, нужно отметить, что с назначением Шептыцкого главой униатской церкви прием в духовные семинарии юношей русских убеждений прекращается. Из этих семинарий выходят священниками заядлые политиканы-фанатики, которых народ назвал „попиками".

С церковного амвона они, делая свое каиново дело, внушают народу новую украинскую идею, всячески стараются снискать для нее сторонников и сеют вражду в деревне. Народ противится, просит епископов сместить их, бойкотирует богослужения, но епископы молчат, депутаций не принимают, а на прошения не отвечают. Учитель и „попик" мало-помалу делают свое дело: часть молодежи переходит на их сторону, и в деревне вспыхивает открытая вражда и доходит до схваток, иногда кровопролитных. В одних и тех же семьях одни дети остаются русскими, другие считают себя „украинцами", Смута и вражда проникают не только в деревню, но и в отдельные хаты. Малосознательных жителей деревни „попики" постепенно прибирают к своим рукам. Начинается вражда и борьба между соседними деревнями: одни другим разбивают народные собрания и торжества, уничтожают народное имущество (народные дома, памятники — среди них памятник Пушкину в деревне Заболотовцы). Массовые кровопролитные схватки и убийства учащаются. Церковные и светские власти на стороне воинствующих попиков. Русские деревни не находят нигде помощи. Чтобы избавиться от „попиков", многие из униатства возвращаются в православие и призывают православных священников. Австрийские законы предоставляли полную свободу вероисповедания, о перемене его следовало только заявить административным властям. Но православные богослужения разгоняются жандармами, православные священники арестовываются и им предъявляется обвинение в государственной измене. Клевета о „царских рублях" не сходит со столбцов украинофильской печати. Русских галичан обвиняют в „ретроградстве" и т. п., тогда, как сами клеветники украинофилы, пользуясь щедрой государственной помощью, отличались звериным национализмом и готовились посадить на престол Украины судившегося после войны за обман во Франции — пресловутого Габсбурга „Василя Вышиваного".

Россия и дальше молчит: Дескать, не ее дело вмешиваться во внутрение дела другого государства. Галицко-русские интеллигенты, чтобы удержать фронт в этой неравной борьбе, чтобы содержать свою преследуемую конфискациями прессу и свои общества, облагают себя податью во сто корон и свыше ежемесячно и собирают среди крестьянства средства с помощью так называемой лавины-подати.

Против украинской пропаганды решительнее всех реагировала галицко-русская студенческая молодежь. Она выступила против украинской „Новой Эры" открытым движением — „Новым курсом". Галицко-русские народные и политические деятели опасаясь усиления террора, вели все время консервативную, осторожную и примирительную политику с поляками и с австрийскими властями. Чтоб не дразнить ни одних, ни других, они придерживались в правописании официального термина „руский" (с одним „с") и всячески пытались замаскировать свои настоящие русские чувства, говоря молодежи: „будьте русскими в сердцах,

но никому об этом не говорите, а то нас сотрут с лица земли. Россия никогда не заступалась за Галичину и никогда не заступится. Если мы будем открыто кричать о национальном единстве русского народа, Русь в Галичине погибнет навеки". Хотя вся интеллигенция знала русский литературный язык, выписывая из России книги, журналы и газеты, но по вышеуказаной причине не употребляла его в разговоре. Разговорным языком у нее было местное наречие. По этой же причине и книги и газеты издавались ею на странном языке — „язычии", как его в насмешку называли, т. е. на галицко-русском наречии с примесью русских литературных и церковнославянских слов, чтобы таким образом угодить и Руси и не дразнить чистым литературным языком властей. Словом, ставили свечу и Богу и черту огарок. Молодежь, особенно университетская, не раз протестовала против этих „заячьих" русских чувств своих отцов и пытались открыто говорить о национальном и культурном единстве всех русских племен, но отцы всегда как то успевали подавлять эти рвущиеся наружу стремления детей. Молодежь раньше изучала русский литературный язык в своих студенческих обществах без боязни, открыто, и тайно организовала уроки этого языка для гимназистов в „бурсах" (общежитиях) и издавала свои газетки и журналы на чистом литературном языке. После „Новой Эры" в ответ на украинизацию деревни, студенты стали учить литературному языку и крестьян. На сельских торжествах парни и девушки декламировали стихотворения не только своих галицких поэтов, но и Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Майкова и др. По деревням ставили памятники Пушкину. Член Государственной думы, граф В. А. Бобринский, возвращаясь со Славянского Съезда в Праге через Галичину с галицкими делегатами этого съезда, на котором он с ними познакомился, и присутствуя на одном из таких крестьянских торжеств в деревне, расплакался, говоря: „Я не знал, что за границей России существует настоящая святая Русь, живущая в неописуемом угнетении, тут же, под боком своей сестры Великой России. Я — Колумб, я открыл Америку".

Но когда с „Новой Эрой" оргия насаждения украинства немцами, поляками и Ватиканом разбушевалась во всю, русская галицкая молодежь не выдержала и взбунтовалась против замаскированной политики своих стариков: Дети пошли против своих отцов. Этот бунт известен в истории Галицкой Руси под названием „Нового Курса", а зачинщики и сторонники его под кличкой „новокурсников". „Новый Курс" был следствием украинофильской „Новой Эры" и явился для нее разрушительным тараном. Студенты бросились в народ: созывали веча и открыто стали на них провозглашать национальное и культурное единство с Россией. Русское крестьянство стало сразу на их сторону, и через некоторое время примкнули к ним две третьих галицко-русской интеллигенции и отцов. Употребляемый до тех пор сине-желтый галицко-русский флаг был заменен носившимся раньше под полой трехцветным бело-сине-красным, а главным предметом

всех народных собраний и торжеств по городам и деревням было национальное и культурное единство с Россией. Также были учреждены для проповедывания „новокурсных" идей ежедневная газета („Прикарпатская Русь") на литературном языке и популярный еженедельник („Голос Народа") для крестьянства на галицко-русском наречии против издаваемых отцовских — ежедневной газеты на „язычии" „Галичанина" и еженедельника для народа („Русского Слова"); последние вскоре зачахли и прекратили свое существование. В течение года „Новый Курс" поглотил почти всю галицко-русскую интеллигенцию и крестьянство и воцарился повсеместно. Литературный язык употреблялся теперь не только в печати, но и открыто сделался разговорным языком галицко-русской интеллигенции.

Возвратившийся в Россию, гр. В. А. Бобринский поднял шум о положении дел в Галичине. У русских властей он не имел успеха, а либеральная и левая пресса тоже не поддержала его только потому, что он был в Думе правый, и как бы по указке, единодушно отнеслась к делу враждебно, считая русских галичан „националистами, ретроградами", а украинофилов „либералами, прогрессистами"(!). Не находя нигде поддержки, граф Бобринский организовал с помощью разбирающихся в Галицких делах русских людей в С. Петербурге и Киеве „Галицко-русские общества", которые начали собирать средства на помощь Прикарпатской Руси. Это были первые (и не царские) рубли, которые Галичина стала получать от своих братьев в России. Но средства эти были скудны, и все они шли на помощь по содержанию гимназических общежитий (бурс), в которые принимались талантливые мальчики бедных крестьян на полное содержание.

„Новый Курс" захватил австрийские власти врасплох. Согласно австрийской конституции, они не могли прямо и открыто выступать против него, да и это не возможно было сделать из-за многочиленности „государственных изменников". Раньше, когда обнаруживались такие „преступления" у нескольких лиц, их судили, сажали в тюрьму. Теперь же все свершилось вдруг, и нужно было иметь дело с сотнями тысяч „изменников", государственную измену которых невозможно было доказать. Но власти не дремали и выжидали случая, чтобы было за что зацепиться и подготовляли целый ряд процессов о „шпионстве", из коих первый начался в 1913 году накануне мировой войны. Между тем, они преследовали проявление русского духа намеченными заранее мерами. Чтобы оказать помощь „попикам" и учителям украинофилам власти решают ударить по крестьянскому карману. Они обильно снабжают кооперативы украинофилов деньгами, которые через посредство райфайзенских касс даются взаймы по деревням только своим приверженцам. Крестьяне, не желающие назвать себя украинцами, займов не получают. В отчаянии деятели русских галичан бросаются за помощью к чехам, и по ходатайству Крамаржа и Клофача (Масарик был врагом русских вообще

и в парламенте всегда поддерживал украинофилов) получают в Живностенском Банке кредиты для своих кооперативов.*)

Выборы в сейм и парламент сопровождаются террором, насилиями и убийством жандармами русских крестьян. Украинофилы пользуются на выборах и моральной и финансовой поддержкой власти. Имя избранного громадным большинством галицко-русского депутата при подсчете глосов просто вычеркивается и избранным объявляется кандидат украинофил, получивший менее половины голосов. Борьба русских с украинофилами усиливается из года в год и продолжается под страшным террором вплоть до мировой войны, — войны немецкого мира со славянством, к которой Германия и Австро-Венгрия готовились десятки лет, в связи с чем ими и насаждался украинский сепаратизм и ненависть к России среди искони русского населения в Галичине. Россия очнулась и открыла глаза на происходящее в Червонной Руси только накануне войны, когда во Львове начался нашумевший на всю Европу чудовищный процесс о „государственной измене" и „шпионстве" против двух галицко-русских интеллигентов (Бендасюка и Колдры) и двух православных священников (Сандовича и Гудимы). На этот процесс нежданно явились пять депутатов государственной Думы всех оттенков (среди них и настоящий „украинец" — депутат Макогон) и они, войдя в зал, публично, во время заседания суда, поклонились до земли сидящим на скамьях подсудимых, со словами: „Целуем ваши вериги!" Подсудимые были оправданы присяжными заседателями, несмотря на то, что председательствующий судья в своей напутственной речи заседателям, очевидно по указанию свыше, не скрывал надежды на то, что будет вынесен обвинительный приговор.

В самом начале этой войны австрийские власти арестуют почти всю русскую интеллигенцию Галичины и тысячи передовых крестьян по спискам, вперед заготовленным и переданным административным и военным властям украинофилами (сельскими учителями и „попиками") с благословения преусердного митрополита графа Шептыцкого и его епископов. Арестованных водят из тюрьмы в тюрьму группами и по пути на улицах городов их избивают натравленные толпы подонков и солдатчины. В Перемышле озверелые солдаты изрубили на улице большую партию русских людей.

За арестованных и избиваемых русских священников добровольно заступаются епископы католики: польский и армянский, а униатские епископы во главе с Шептыцким, несмотря на просьбы жен и детей, отказывают в защите своим русским галицким священникам. Этого нужно было ожидать: они же их предали на убиение.

---

*) Самый большой чешский банк — „Центральный Банк Чешских Сберегательных Касс" — давал многомиллионные займы только „украинским кооперативам.

Арестованых вывозят вглубь Австрии в концентрационные лагеря, где несчастные мученики тысячами гибнут от голода и тифа. Самые передовые деятели после процесса о государственной измене в Вене, приговариваются к смертной казни и только заступничество испанского короля Альфонса спасает их от виселицы. В отместку за свои неудачи на русском фронте, улепетывающие австрийские войска убивают и вешают по деревням тысячи русских галицких крестьян. Австрийские солдаты носят в ранцах готовые петли и где попало: на деревьях, в хатах, в сараях, — вешают всех крестьян, на кого доносят украинофилы, за то, что они считают себя русскими.

Галицкая Русь превратилась в исполинскую страшную Голгофу, поросла тысячами виселиц, на которых мученически погибали русские люди только за то, что они не хотели переменить свое тысячелетнее название.

Эти зверства и мучения с иллюстрациями, документами и точными описаниями увековечены основанным после войны Талергофским Комитетом во Львове, издавшим их в нескольких томах.

Такова краткая история происков Ватикана, поляков и немцев в насаждении ими украинства на Карпатах среди издревле русского населения Червонной Руси.

Украинское движение в Галичине под руководством Германии продолжалось и после первой мировой войны. В это время появился для нее новый термин — Западная (Західня) Украина, в которой была организована тайная военная организация (УВО), превратившаяся впоследствии в организацию украинских националистов (ОУН).

Борьба по городам и деревням между русскими и самостийниками, несмотря на ужасные притеснения Польшей одних и других, продолжалась, как и раньше, но уже без крика о рублях. Возвратившиеся из австрийских концентрационных лагерей русские интеллигенты и крестьяне бесстрашно отстаивали свое русское имя и Русь.

Уважат ли Советы историю Галичины и, памятуя, что ее имя не Украина, а Русь, не будут ли мешать, как это делали поляки, немцы и Ватикан, оставшемуся в ней страстотерпцу русскому населению жить своей русской жизнью, или же поощряя и дальше искусственно созданный сепаратизм, утвердят за ней неестественное, неисторическое и подложное новое имя и доконают русских галичан для вящей радости разъединителей русского народа и всего славянства, — покажет недалекое будущее.

1945 год

ГЛАВА IV

ДУША НАРОДА

Михаил Прокоп

ДВА ПИСЬМА

Михаил Прокоп, один из наших закарпато-русских эмигрантов, обратился в свое время с открытым письмом к известному русскому писателю, публицисту и историку — Борису Башилову, проживающему в Аргентине. Его письмо касается тех вопросов, которые после гибели коммунизма станут на очередь дня. Ответ Бориса Башилова — нового эмигранта — показывает нам, что русские люди (великороссы) даже под страшным давлением обезличивающего коммунизма не стали ни интернационалистами, ни великорусскими шовинистами, а стоят дальше на той почве, на какой тысячу с лишком лет стоит Русь — т.е. на почве единства всех племен русского народа.

Редакция
„Свободного Слова"

КТО ЖЕ ТАКИЕ РУССКИЕ?

(Письмо Борису Башилову)

Многоуважаемый г-н Башилов!

Во всех ваших сочинениях видна великая любовь к родному народу, его традициям и прошлому. Вы ратуете за возрождение русского народа и государства. Вы не пошли по дороге многих русских интеллигентов, любящих свои неверные представления о народе, а не народ, каков он есть сам по себе, со всеми его достоинствами и недостатками.

В „Нашей Стране" (№ 94) вы писали о том, что нравственное возрождение нации возможно только тогда, когда она установит духовную связь с национальным прошлым, когда она снова начнет уважать своих предков.

Большевики, и еще до них — старая „прогрессивная" российская интеллигенция, оторванная от народа, от народных идеалов и традиций, всячески извращала и фальсифицировала национальное прошлое и настоящее своего народа, боролась против ос-

новных устоев русской народности и государства. К сожалению, многие и поныне идут тою же дорогой. Они приписывают народу свои идеалы и стремления и отрицают, вопреки очевидности, идеалы и стремления народа.

Один из основных устоев русского народа и государства — это национальное единство его племен и общее самосознание. Следствием интеллигентской и большевистской работы явилась полная дезориентация в этом вопросе, который, так или иначе придется решать после падения большевизма.

Многие, например, помогали украинским сепаратистам по партийным соображениям и дисциплине. Русский социалист, борясь против правительства, считал всякого, делающего то же самое, своим спутником. Никого не интересовали ни соображения, ни побуждения, **по каким** данная личность или движение борется против государственного строя. А громаднейшее большинство **сепаратистских деятелей были социалистами.**

Милюков, в „Последних Новостях", от 12. II. 1939 г. признался, что в „украинском" вопросе он „опростоволосился". Вот его точные слова: „Мы не достаточно отдавали себе отчет в том, что „украинцы", борясь вместе с нами против старого режима, в действительности шли дальше, и вели борьбу против России".

Я прошу вас, многоуважаемый господин Башилов, высказать свое мнение по этому важному внутри-русскому вопросу. Вы не можете быть равнодушны к нему. Зная и любя глубоко русский народ (что видно из всех ваших сочинений), вы — носитель его духа и вы знаете его самосознание. Несчастной ошибкой является тот факт, что современные авторитетные русские писатели, художники и политические деятели **молчат об этом.** А об этом нужно говорить и своим и чужим.

Возрождение русской нации невозможно без ясного ответа на этот стержневой вопрос.

Или идеалы самостийников являются выдумкою, сфабрикованною ими же, или выдумкою является общее самосознание русских племен. **Правда может быть только одна. Нужно найти ее и служить ей.**

Когда я говорю о возрождении русской нации, то я понимаю его как приобщение к органическим идеалам и традиции народа, к духу его. Путь к такому возрождению ведет через раскаяние в своих антинародных идеалах и стремлениях, через проверку своих убеждений и верований. В такого рода возрождении нуждается в первую очередь русская интеллигенция.

Одни из руских интеллигентов признают существование самостийного украинского народа, другие нет. Есть и такие, которые признают самостийность только за галичанами, и всевозможными способами доказывают нежелательность сожительства галичан с остальным русским народом, забывая в то же время, что идеология украинского сепаратизма возникла не в Галичине, а на**Украине.** Нужно быть детски наивным, чтобы верить, что с отделением Галичины от России этот вопрос будет **решен положительно.**

Государственные границы ведь не являются преградою против проникновения идей.

Большевики в последнее время тоже начали признавать единство русского народа, но только в прошлом, хотя А. Мавродин в своей книжке „Древняя Русь", изданной в 1946 г., землю Карпатской Руси, Галичины и Украины называет Русскою землею. Даже сепаратистский националист-идеолог, С. Николишин, признает „общерусское дело" до Гоголя.

Несмотря на путаницу в этом вопросе, все русские люди желают сохранить Украину за Россией. Но если народ Украины не русский, как нам в таком случае квалифицировать безупречную верность этого свободолюбивого народа России. Чем же, на самом деле, была эта верность? Глупостью, изменой ли самим себе или проявлением несознательности, по заверениям самостийников? **Или, может быть, верность Украины покоится на признании ею своего единства с велико-русским племенем.** Не самое ли простое и верное это объяснение? Не тем ли объясняется и верность русских из Карпатской Руси общерусскому самосознанию?

Почему русские люди верят сепаратистским деятелям? Ведь, кажется, ясным, что эти деятели, также как и деятели большевистские, не могут сказать ничего правдивого о народе. И те и другие презирают народ, каков он есть, а вся деятельность их заключается в насильственном навязывании народу враждебных ему идеалов. Как те, так и другие, выполняют партийные задания. Вся их деятельность — это сплошной кровавый опыт.

Почему все русские эмигранты, жившие на Карпатской Руси и работавшие среди крестьянского народа, не признают никакого сепаратизма? Почему галицийским самостийникам приходится от поры до времени резать десятки тысяч крестьян своих „москвофилов"? **Откуда это неистребимое москвофильство?**

Некоторые великорусские интеллигенты не ограничились признанием самостийнической идеологии, но перешли целиком в этот лагерь. Учителем-идеологом, самым авторитетным среди сепаратистов, „учение" которого положено в основу ОУН (Организация Украин. Националистов-бандеровцев), является великоросс — Д. Донцов. Он проповедник такого звериного, человеконенавистнического шовинизма, давшего такие кровавые плоды, что в последнее время даже многие самостийнические деятели, наблюдая этот процесс, взвыли от него. Один из этих деятелей, некто П. Голубенко, забил тревогу. Описывая преступления, творимые ОУН, он приходит к крайне печальному выводу: „Из всего этого видно — говорит он — какие опасности таятся внутри украинского общества. Перед ним возникает угроза самоуничтожения" („Наш Клич", от 1 ноября 1951 г., Буэнос Айрес).

Некоторые из русских эмигрантов будут, возможно, в свое время занимать в возрожденной России разные политические и административные посты. Иные будут культурными деятелями — писателями, художниками, научными работниками. Всем им придется иметь сложившийся взгляд по очень многим вопросам,

важнейшим из которых будет вопрос о национальном единстве русских племен. Никому не избежать ответа на этот вопрос, ни писателю, ни языковеду, ни историку, ни церковному служителю, ни офицеру, решительно никому.

В России мало будет времени для изучения этого вопроса. Быть может, будущее заставит русскую эмиграцию и весь русский народ на поле брани отстаивать единство нации и государства и тогда у всякого должен быть исчерпывающе убедительный ответ, для своих и чужих: почему мы против самостоятельности Украины и остальных малорусских земель.

По затронутым мною вопросам, имеющим чрезвычайно важное значение для сознания национального единства русского народа, я бы хотел, чтобы вы высказались.

Буэнос Айрес.

Михаил Прокоп.

Борис Башилов

ПРАВДА О РУССКОМ НАРОДЕ

(Ответ Михаилу Прокопу)

I.

В письме Михаила Прокопа поставлена важнейшая проблема — об единстве русского народа. Михаил Прокоп, сын крестьянина из Карпатской Руси, народный учитель по профессии, никогда не был в России. Но он более русский, чем многие русские из России. То, что вопрос, от правильного решения которого зависит быть или не быть России после большевиков, поставлен русским из Карпатской Руси, далеко не случайно. Карпатская Русь имела самую горькую и тяжелую историю из всех достаточно многострадальных ветвей русского народа. Оторвавшись в раннем средневековьи от Киевского государства, Карпатская Русь сотни лет находилась под иностранным гнетом. Ею владели то немцы, то венгры, то другие народы.

Но никакие усилия чужеземных завоевателей не уничтожили у жителей Карпатской Руси сознания, что они русские, что они ветвь великого русского народа. Десятки тысяч людей погибли в Карпатской Руси в первую мировую войну **за одно только право называть себя русскими.**

Во время Второй Мировой войны я не раз встречался с русскими из Карпатской Руси. Все они, как и Михаил Прокоп, были в большинстве случаев детьми крестьян. Одни из них имели низшее образование, другие среднее, третьи высшее. Все они поразили меня своим глубоким национальным сознанием и горячей любовью к России, в которой они никогда не были. Это не были

узкие шовинисты, как сепаратисты из Галиции. Сознавая себя частью русского народа, они не питали ненависти ни к одному из других народов, даже к венграм, от которых перенесли много страданий. Они просто хотели жить в дальнейшем вместе с русским народом, вместе с ним делить его беды, вместе с ним делить его счастье, если оно будет.

Много часов я провел в беседах с Василием С., с Михаилом З., стараясь выяснить причину удивительной высоты их национального сознания и несокрушимой силы патриотического чувства. Эти люди были готовы итти на любые муки за право называться русскими, за право в дальнейшем жить в русском национальном государстве.

После долгих бесед я разгадал, наконец, эту тайну. Тайна состояла в том, что интеллигенты на Карпатской Руси не оторвались от народных идеалов, как оторвались интеллигенты Великой России. Интеллигентный русский с Карпатской Руси гораздо более гармоничен, его симпатии не раздвоены между русской и европейской культурами. Духовное и национальное сознание и Василия С. и Михаила З. было более самобытно, чем развитие многих русских интеллигентных людей из России, увлекавшихся западными теориями. Короче говоря, русские Карпатской Руси выглядят так, как выглядели бы все русские России, не будь в России поспешных Петровских реформ и вызванного ими двухвекового добровольного европейского духовного рабства. Они мыслили так, как в будущем, после большевизма, будут мыслить все русские, конечно, если русскому народу удастся сохранить свое национальное единство, когда появится новый, более гармоничный тип русского человека, не левого, не правого, не западника, не славянофила, а просто русского человека.

II.

Попытаюсь ответить на заданные Михаилом Прокопом вопросы так же откровенно и без умолчаний, как поставил их он.

Русский народ, по моему, состоит из нескольких ветвей: великороссов, малороссов или украинцев, белоруссов, галичан и карпатороссов. Каждая из этих ветвей русского народа имеет свои языковые и бытовые отличия от других, но эти отличия не больше, чем отличия бретонцев от жителей провинции Прованс во Франции, и жителей Пруссии от жителей Баварии.

Такие отличия вполне естественны. Всякий великий народ всегда распадается на ряд отличающихся друг от друга ветвей. Между малороссами, или как их принято называть в последнее время — украинцами, и великороссами меньше разницы, чем между великороссами из центральных губерний страны и поморами, живущими на берегах Белого моря. Те, кто считает себя русскими, не могут в географическое наименование части страны вкладывать понятие особого народа.

Сказавши „а", придется сказать и „б", и пойти на дальнейшие уступки сепаратистам, а одна уступка неизбежно повлечет за собою дальнейшие. Признание за малороссами нового имени украинцев **было первой победой сепаратистов.** Признание со стороны великороссов, права белоруссов именоваться кривичами будет первой и самой большой победой белорусских сепаратистов. А потом мы признаем, что казаков нет, а есть казакийцы. Малодушному отношению к выкрутасам сепаратистов должен быть положен конец. Нужно твердо заявить, что русские состоят из таких то и таких то племен. И заявивши это, твердо всегда отстаивать эту позицию.

Россия выйдет невредимой из всех бурь, если найдется хотя бы небольшой слой патриотов, которые будут строить свою политику не на одной ненависти к большевизму, а на идее сохранения русского национального единства после большевиков и **этой идеей определят свою тактику и политику во время вооруженного конфликта западного мира с большевиками.**

III.

Русские националисты должны преследовать в борьбе против большевизма не чужие цели и **не отвлеченную цель борьбы с большевизмом вообще, а конкретную цель создания вместо большевизма национальной независимой России.**

Михаил Прокоп, конечно, прав, говоря, что правда может быть только одна. Не может быть двух правд, одной у русских националистов, другой у сепаратистов. Или украинцы, белоруссы, русские с Карпатской Руси и из Галиции только ветви единого русского народа, или это отдельные народы.

Возрождение русской нации невозможно без ясного ответа на этот стержневой вопрос. Или есть самостоятельный украинский народ, народ кривичей, народ казакийцев, или все это — только бредни, поддерживаемые иностранными разведками сепаратистов.

Если великороссы, малороссы и белоруссы потеряют сознание национального единства, которое у нас всегда было с момента создания Киевского государства, тогда мы потеряем все.

Большевизм — это временная болезнь русского народа, потеря сознания национального единства у разных ветвей русского народа — это национальная смерть.

Распад России на Великороссию, Украину, Белоруссию, создание разного рода Казакий и Мазакий, приведет в недалеком будущем к гибели всех этих государств от руки то ли ищущих себе место под солнцем немцев, то ли какого нибудь другого народа.

Нация, потерявшая сознание национального государства во имя демократических или каких либо иных принципов, неминуемо обречена на смерть, **такая нация не имеет будущего.**

Важно не то, что украинские сепаратисты, вождь кривичей Островский, вождь казакийцев Глазков, считают себя не русски-

ми, а украинцами, кривичами и казакийцами. Важно и опасно то, что точку зрения сепаратистов **начинают разделять и представители главной ветви русского народа — великороссы. Вот где таится главная опасность распада России после гибели большевиков.** Мало ли каких глупостей могут нагородить сепаратисты, но, как русские, которые не считают себя ни кривичами, ни тулами, ни рязанами, начинают разделять дикие теории сепаратистов? А ведь разделяют. Руководители СБОНР-а и других организаций, чтобы понравиться некоторым американским комитетам, уже боятся окрыто и честно сформулировать свое национальнос кредо, сказать, что великороссы, малороссы и белоруссы есть ветви единого народа.

Подобного рода капитуляция только укрепляет позиции сепаратистов и иностранных кругов, враждебных России.

Смотрите, скажут в этих кругах, русские сами уже говорят о народах России, о их праве разбегаться в разные стороны. Спрашивается, что на такой гнилой политической позиции можно построить кроме гнилых политических центров? Конечно, ничего! Если в кругах русского народа не утвердится взгляд, что великороссы, украинцы и белоруссы — единый народ, то **конец большевизма будет одновременно и концом русского государства.**

Каждый, кто считает себя русским, должен немедленно ответить себе на поставленный Михаилом Прокопом грозный вопрос:

Или идеалы самостийников являются выдумками, сфабрикованными ими, или же выдумкой является общее самосознание русских племен.

„Правда может быть одна. Нужно найти ее и служить ей".

Борис Башилов

ПИСЬМО ЧЕСТНОГО УКРАИНЦА

Високодостойний пане редакторе М. Туряниця!

Прочитуючи журнал — „Свободное Слово" — я довідався, що ви є українець, якому теж довелося жити і вчитись в совітській школі, а тому ви знаєте не гірше мене, що Україна, як держава, на сьогодні існує, лише в орбіті т. зв. СРСР.

Живе, розвивається українська нація, має в себе творців слова, — поетів якто: Тараса Шевченка, має Івана Франка, Л. Українку, Мих. Коцюбинського, М. Лисенка і цілий ряд других творителів літератури, які допомагали пробудити нас таки — гречкосіїв.

Так само живе і розвивається російська нація, що є братньою нацією українського народу. Але і російська нація на сьогодні підневолена комуністичним диктаторам, інтернаціональному політичному проводові комуністів.

Та російський народ має в себе творців всесвітнього значення, імена яких з любов'ю вимовляються кожною культурною людиною, згадати хоча би поета — Ол. С. Пушкина, М. Кольцова, Некрасова, Гоголя, Білинського, Достоевского, Тургенева, Л. Толстого, Репина, не згадуючи вже ні про Чернишевського, ні про Добролюбова, а особливо про Герцена, чи др. славних синів Росії.

З цими іменами як російський народ, так і український можуть сміливо перед народами світу сказати: — слухайте! ми теж є люди, і не убогі духом, з не лінивими думками . . .

Цілими століттями українська нація жила і розвивалась під зверхністю російського народу, на протязі усього цього часу український нарід здружив з російським народом, так само як і російський нарід завжди і всюди по діловому захищав українця в його біді чи скруті. Тому мені, як українцю, колишньому студенту „Института права и советского строительства", до того — офіцеру шестої танкової дивізії з II-ої св. війни, перебувавшему на різних фронтових напрямках з совітськими воїнами, керуючи певним боєвим відтинком, який оберігали: росіяни, українці, грузини, білоруси чи інші народи Росії — з якими воїнами я був дружніший, чим на сьогодні з будьяким українським „патріотом" - нацистом, чи индиконадутим сепаратистом, — а тому кажу, що мені прикро спостерігати, коли деякі українці недоброжелательні і з вовчою злістю відносяться до всіх майже росіян.

Цю вовчу злобу, це недружелюбство українців до росіян — роблять не хто інший, як священо-служителі в українських уніятських „костьолах" — католики, а поруч цих „баши-бузуків" і православні священослужителі з укр. пр. церквів, шугнули на цей хуліганський вчинок. І разом ця „еліта" творить найогидніші

вчинки перед своїми мирянами, забуваючи навіть і лоба свого перехрестити во злобі на росіян.

Питається: чи дивуватись нам із них, чи звертати будь яку увагу на цих „вовків" нацистів-сепаратистів, які ніколи не заглиблювалися до дна історичного буття, не визбірували у нім золотих зерен російської легендарної історії, яку створив для себе і для світу — **російський народ.**

Глибоку помилку роблять українські нацисти-сепаратисти, а разом і все укр. духовенство, коли своїх підлеглих „богомольців", чи симпатиків по партії обдурюють, чи зовсім озвірюють проти росіян і цілої Росії.

Не меньша помилка і тих доброжелательних українців, які без будь яких причин зрікаються своєї батьківської віри, замінюють своє національне походження і переходять в другу націю.

Я цей приклад навів тому, щоб сказати, що той, що стає в обороні російської нації — **має право** (коли він дійсно шанує єї), бути теж українцем.

Бо ж таки, минув той лихий час (і дай Боже, щоб вже ніколи не повернувся у руську землю),коли жили аракчеєвські фельдфебеля, які не терпіли розумніших за себе, ненавиділи освіту і всюди горланили: „молчать и не рассуждать"...

Ваш цінний журнал „Свободное Слово" проповідує слово любви, пошани, яку втратили деякі українці до славного руського народу. Цебто — ваш журнал кличе українців чужини, аби вони схаменулися в своїх вчинках і стали европейськими людьми, а не африканськими дикунами. Журнал „Свободное Слово" заслуговує за це повної моєї уваги, він засіває в мою душу золотий засів і я вдячний вам, як редактору, за це! Ви маєте повну рацію, коли говорите, що російський народ так само підневолений комуністичному, колгоспному рабству як і той українець з лемківщини, чи з будь якого іншого кутка України.

А тому, пишучи це в журналі „Свободное Слово" до українців, слідби вам друкувати ці слова в українській мові, цим би ви допомогли багатьом українцям позбавитись сепаратистичного чаду.

Бо справа не в тому, що комуністичні вожді вигадали для себе національні республіки, щоб цим самим показати себе перед другими країнами світу, а справа в тому, що сталися зовсім інші кардинально-історичні зміни світу і в його суспільно-політичному житті.

В наслідок величезного історичного зрушення, що сталося при нашому часі, в наслідок такої епохально-важливої події як II світова війна, чи вірніше — совітська перемога, нам, як українцям-демократам, слід підтримати російський народ, відкинувши будь які недружелюбні дорікання за тих „аракчеевських" фельдфебелів, яких використовують вороги України.

Бо російський народ, який прагне мати свою вільну Росію, зацікавлений не колоніяльними народами, яких-би визискував, а союзними народами, які-би підтримували авторитет російської нації.

Тому, ще раз раджу вам, дорогий пане редакторе М. Туряниця, аби ви журнал „Свободное Слово" в дальнійшому друкували в українській мові, виправляли мову та правописи своїх дописувачів і називали українців чи Україну як націю і державу...

Ваш журнал „Свободное Слово" є по суті для українців, тому немає чого гніватись якомусь моєму собрату росіянину, коли я обдаровую його народньою любов'ю, як брата слов'янина.

Якщо ви, пане редакторе, знайдете корисним для себе, чи не побоїтесь перед іншими видрукувати мій лист, то прошу помістіть його в журналі, за що наперед складаю вам щиру подяку.

Василь Головін, Канада

НАШ ОТВЕТ

Ваше письмо верно отражает образ мышления человека, который искренно верит в то, чему его учили, а именно, что он украинец, и не питает ненависти к „росіянам", потому что ему этой ненависти не привили.

Вы нас хотите убедить в том, что и мы, русские с Карпат, — „украинцы", и что, поэтому, наш журнал следует печатать „в українській мові", а также, что мы должны считать „Україну як націю і державу".

Для нас, русских из Карпатской Руси, совершенно непонятно, почему мы вдруг должны отречься от своего тысячелетнего русского имени и перекреститься в „украинцев", и почему мы должны заменить наш русский литературный язык, который мы до сих пор считали своим, украинскою мовою.

Наш народ в Карпатской Руси в течение всей своей истории не называл себя иначе, как русским. И все его соседи, волохи (румыны), мадьяры, словаки и немцы его называли русским. Румыны называли нас „рус", мадьяры — „орос", словаки — „рус", и немецкие колонисты, которые начали селиться в наших краях в двенадцатом столетии, — „русс". У нас есть села с такими названиями: Русская Воля, Русское, Русская Долина, но нет ни одного селения, в названии которого было бы слово украинский.

„Украинцем" себя у нас никогда никто не называл, и у нас не было никакого „украинского" движения до тех пор, пока, после первой мировой войны, Карпатская Русь не попала под власть чехов, и пока чешское правительство не начало насаждать его у нас через посредство униатской Церкви и бежавших из Польши украинских самостійников, воспитанных австрийским правительством с целью расчленения России. Но, невзирая на все старания чешского правительства, не брезгавшего никакими средствами, невзирая на миллионы чешских корон, израсходованных на украинскую пропаганду, невзирая на насильственную, противозаконную украинизацию школ, украинство у нас не восторжест-

вовало во время чешского режима. Украинствующие составляли после двадцати лет чешского управления Карпатской Русью незначительное меньшинство. И когда осенью 1939-го года образовалось автономное карпаторусское правительство, это правительство было русским. Его ликвидировал грубой силой Гитлер, назначив униатского монсиньора Волошина премьер министром, который переименовал Карпатскую Русь в „Карпатскую Украину".

Должны ли мы поэтому в угоду Гитлеру или в угоду папскому монсиньору Волошину отказаться от нашего тысячелетнего русского имени? И может ли это быть причиною того, чтобы мы заменили наш русский литературный язык украинскою мовою?

Касательно украинской мовы необходимо отметить факт, что у нас не только наша интеллигенция, но и простой народ этой мовы не признал своей. Украинствующих галичан, говорящих мовою, наш народ называл не иначе, как „полячками". Если на какой либо сходке выступал „украинец", говорящий мовою, то на вопрос, кто там говорил, получался непременно один и тот же ответ: „Был там какой-то полячок". О русских же эмигрантах из России, говорящих на русском литературном языке, наши крестьяне говорили, что они говорят „твердо по-русски", подразумевая, что они говорят настоящим литературным русским языком. Кстати, слово „мова" у нас совершенно не существует. У нас обыкновенно говорят „беседа". Наша беседа — русская.

Говоря о языке, не будет лишним указать на несколько примеров из Вашого же письма, свидетельствующих о том, что украинская мова не так уж близка нашей местной русской беседе. Вы пишете „теж", а мы говорим „также". Вы пишете „вчитися", а мы говорим „учитися". Вы — „кожний", а мы — каждый" или „кождый". Вы — „сміливо", а мы — „сміло". Вы — братній", а мы — „братский". Вы пишете „перемога", а у нас говорят „побида", и т. д. Слова „керувати" (вместо „управляти"), „рация" (вместо „правда"), „пошана" (вместо „уважение") — польские. и у нас их никто не поймет.

Зачем же нам коверкать нашу русскую „беседу" и говорить „кожний, вчитель, теж, керувати, рація" вместо по нашему, по карпаторусски, „каждый, учитель, также", и т. д. Разве только потому, чтобы отойти подальше от русского литературного языка который Вы почему-то упорно называете „російским". В вашем письме Вы ведь сами говорите, что только писатели, писавшие на русском литературном языке, имеют „всесвітное" (всемирное) значение и что только ими могут гордиться перед всем миром не только „росіяне", но и „украинцы". Зачем же нам отрекаться и от своей карпаторусской „беседы" и от русского литературного языка и от своего тысячелетнего русского имени, превращаться в украинцев и признавать своим литературным языком нововыкованную мову, которая режет нам ухо своими диковинными формами, кишит полонизмами и новопридуманными словами, и которая, как Вы сами признаете, не дала миру ни одного выдающегося писателя?

Кстати, известно ли Вам, что самый выдающийся польский поэт, польский Пушкин, Мицкевич называл русскими не только нас, малороссов, но и великороссов, а не россиянами. Только позже, когда польские политические деятели решили расчленить русский народ, поляки начали называть русскими только малороссов, а великороссов „росиянами". Их примеру последовали украинские самостийники. Но они пошли еще дальше поляков, отрекшись от русского имени. Должны ли мы последовать их примеру?

В конце скажем еще несколько слов об украинской державе, которую Вы нас убеждаете признать. Позвольте спросить Вас, с каких пор эта держава существует и кто ее создал? Впервые она была „сотворена" немцами в марте 1918-го года брест-литовским договором. Эта украинская держава просуществовала так долго, пока она была оккупирована немцами. Советуем Вам прочесть то, что писали впоследствии сами немцы об этой созданной ими Украине. Они были глубоко разочарованы, ибо они убедились в том, что ее население себя украинским не считало и превращаться в украинцев не желало, невзирая на десятки миллионов марок, затраченных немцами на украинскую пропаганду. Что это было действительно так, в этом не может быть никакого сомнения. Если Вы не читали того, что писал В. Винниченко о стараниях создать украинскую нацию, в которых он принимал деятельное и даже руководящее участие, то достаточно Вам прочесть те выдержки из его писаний, которые были приведены в 7-8 выпуске „Свободного Слова". Народ не только не желал и не сочувствовал „украинизации", но народные массы, по словам Винниченка, не могли слышать без злобы даже слово „Украина".

Вторую Украину создала коммунистическая партия всего только через несколько лет после брест-литовского мира. Думаете ли Вы, что она сделала это согласно желанию народа? Украинизация была приказана свыше и ни с какими желаниями народа не считались так же, как не считались с волей народа в вопросах экономических, коллективизации и т. п. Почему же мы должны „признать" эту Украйну, созданную против воли народа? Почему мы должны изменить тому идеалу национального и культурного единства русского народа, за который были разстреляны, повешены и замучены в Австро-Венгрии в наше время тысячи и тысячи русских людей Галичины?

С тех пор, как началась под коммунистическим режимом насильственная украинизация южной Руси, прошло сорок лет. Поколения, хранившие многовековые традиции нашего народа, по большей части вымерли. В новосозданной „Украинской Державе" вся власть находится в руках людей, воспитанных в „украинском" духе, под режимом которых будет продолжаться воспитание новых поколений в таком же духе.

Пример такого воспитания — Вы, г. Головин. Вы, может быть, не родились на Украине. Может быть, Вы подолянин или волынец, но считаете себя украинцем, потому что Вас так воспитали в со-

ветских школах. Живя в СССР, у Вас не было возможности убедиться в том, что все то, чему Вас учили в советских школах относительно украинской мовы и украинской истории, основано на лжи и на извращении фактов. Но так как у Вас нет той слепой, зверинной ненависти к „росіянам", которой дышут галицкие самостийники, то Вы, находясь в свободной Америке, сможете ознакомиться с неподдельной историей Вашего народа и отряхнуть с себя всю ту ложь, которую Вам привили в советской „Украине".

Олекса Верховинец

От Редакции „ССКР":

Мы послали копию письма г. Головина и ответ г. Верховинца д-ру А. Ю. Геровскому, который по этому поводу нам написал между прочим:

Письмо Головина очень интересно, так же как и ответ Верховинца.

Мне хотелось бы прибавить к ответу еще несколько слов о том, как в Полтаве, в самом сердце настоящей Украйны, местные люди отнеслись к „украинизации". Мне об этом разсказала интересные подробности моя двоюродная сестра Лида, вышедшая замуж за известного профессора П. И. Новгородцева.

Новгородцевы жили в Москве. В конце гражданской войны Лидия Новгородцева с детьми пробралась в Полтаву, где она получила место учительницы в местной женской гимназии. После того, как в Полтаве утвердилась советская власть, пришел свыше приказ „украинизировать" гимназию. Родительский комитет высказался единогласно против украинизации. Члены комитета указали м. пр. на то, что они считают русский язык своим и что даже нет учебников, написанных на „украинском" языке. Вскоре был получен вторичный приказ украинизировать школу и был прислан ящик с учебниками, напечатанными в Австрии для галицких школ. Большевицкое начальство даже не удосужилось вырвать из учебников портреты „найяснійшого пана цісаря" Франца Иосифа. Члены родительского комитета заявили, что они своих детей в такую школу посылать не будут и объявили бойкот гимназии. За это они были арестованы ЧК. Какова была их дальнейша судьба, неизвестно, так как моя двоюродная сестра вскоре затем бежала в Чехословакию, где я с ней встретился в Праге.

А. Геровский

ВТОРОЕ ПИСЬМО ЧЕСТНОГО УКРАИНЦА

Дорогой Редактор!

В своем письме к Вам я затронул единственно только то, что говорила мне моя чистая душа без влияния посторонних лиц. Я упомянул то, что дорого для каждого **уроженца Украины,** а именно: имя И. Котляревского, Гр. Сковороды, Тараса Шевченка П. Мирного, И. Тобилевича, М. Коцюбинского, Бориса Гринченка, Ив. Франка, Л. Украинки, Драгоманова, Вл. Винниченка.

Каждый из них является „инженером человеческих душ", **патриотом своего народа, как Украины, так и России,** разница лишь только в том, что украинские писатели-поэты, артисты, композиторы, доктора, как и весь украинский народ, говорят на своем родном украинском языке; с таким же правом, как русский писатель-поэт, доктор, публицист и весь русский народ — говорят на своем родном русском языке.

Смешивать украинцев, белоруссов, русских в одну национальную группу — никак нельзя, хотя-бы я этого и хотел во имя „интересов" всей России! . . .

Для меня не все еще ясно: почему как вы, так и Олекса Верховинец и др. работники редакции журнала „Свободного Слова" считаете, что я вдруг отрекся от русского языка, от русской истории, от всего того, что украшает славный русский народ?

Это не совсем соответствует правде, если вы считаете, что тот, кто **заговорил украинским языком,** — „заблудившаяся овца", отрекся от русского имени, от русского народа и русского культурного языка.

Я знаю, что Карпатская Русь долгими веками была пленником и перенесла в своей истомленной душе римское рабство т. называемой „христианской цивилизации", подвергшей народ, а в том числе и вас — политическому террору.

На Востоке было обратное. В России, на Украине, в Белоруссии, в Грузии и др. частях Великой России мы украинцы, как и русские, **не были под террором** „христианской цивилизации", мы не были поклонниками Рима.

Но читая в вашем журнале — „Св. Слово" №1-2 за 1960 год „Наш ответ", автором которого является Олекса Верховинец, мне сразу бросилось в глаза, что он хотя и блещет умом, но умолчал о том, что украинским языком сегодня разговаривает 45-46 миллионов украинских людей, не считая галичан и других польских униатов.

Господин О. Верховинец умалчивает еще и то, что укр. язы-

ком написаны в настоящее время — 3.2 миллионов книг, созданы укр. университеты, институты, техникумы, консерватории, школы, Укр. Академия Наук, имеются украинские театры, оперы, балет и т. д. и т. д.

Что же, по вашему, теперь сделать? Все это закрыть, уничтожить, по приказу одного голоса „аракчеевского" гражданского „фельдфебеля", применяя закон Валуева?

Я желаю только единого крепкого союза народов, входящих в состав Русского Государства, на правах своей национальной культуры и языка. К примеру можно взять Канаду, где, кроме английского языка, не меньшую роль играет и французский язык.

Несколько слов о названии русского языка, который я (по словам О. Верховинца) „упорно" называю российским языком.

Может и прав господин О. Верховинец, что русский язык надо называть русским языком, русскую историю русской историей, он больше проел зубов на том, но я придерживался правописания книги великого русского историка Ник Мих. Карамзина 1765-1826 г.г. Он писал:„ . . . я с охотою и ревностию посвятил двенадцать лет и лучшее время моей жизни на сочинение девяти томов, могу желать хвалы и бояться осуждения; и если бы не находил я истинного удовольствия в самом труде и не имел надежды быть полезным, т. е. сделать российскую историю известнее для многих, даже и для строгих моих сусед" . . . и т. д.

Не осмелится-ли господин Ол. Верховинец вопрошать мертвых историков России в лице. Н. М. Карамзина, который так много послужил русскому народу и отечеству.

От нас украинцев требуется одно: любить своих доброжелательных соседей (но дубинку из рук своих не выпускать), желать, как себе, так и соседу — поляку, фину, французу благоденствия, славы, исполнять правила святой веры, укреплять союз с православной Россией по крайней мере так долго, покуда будет жить безсмертная слава воинов — Суворова, Хмельницкого, Кутузова, слава С. А. Пушкина, слава украинского поэта — Тараса Григоровича Шевченка!

Ваш читатель и подписчик

В. Н. Головин (Канада)

ОТВЕТ ОЛЕКСЫ ВЕРХОВИНЦА

Я не сомневаюсь в том, что Вы высказываете Ваши убеждения без того, чтобы на Вас влияли „посторонние лица" **теперь.** Но раньше, когда Вас воспитывали в советских украинских школах, на Вас влияли посторонние лица. Они воспитали Вас в украинском духе.

У нас, в Карпатской Руси, во времена Венгрии школы были мадьярские. В них многих русских воспитали в мадьярском духе. Многие интеллигенты омадьярились совершенно до такой сте-

пени, что чувстовали себя настоящими мадьярами. То же самое делали поляки, сперва в независимой Польше, а потом в Галицкой Руси под Австрией. Даже детей русского князя Острожского, борца за православие, боровшегося против унии, иезуитская школа превратила не только в римокатоликов, но и в поляков. Турки отнимали мальчиков у православных сербов и болгар и превращали их в завзятых мусульман. Из них они составляли „иени чери" (новые отряды), которые потом зверствовали против своих же родичей и стали известны под именем „янычары". Гораздо легче, конечно, сделать из южнорусского человека „украинца", в особенности в советской Украине, где Вас воспитали „украинцем", чем янычара.

Каждое наречие и каждый говор можно развить в литературный язык. И из каждого племени можно сотворить нацию. Всюду, среди всех народов, в особенности больших имелись и имеются сепаратисты, например в Италии, во Франции и, в особенности, также и среди немцев. У немцев до сих пор существуют наречия, совершенно непонятные для немцев, говорящих на иных наречиях или на литературном языке. Немец из Кельна, Берлина или Гамбурга не понимает баварца. Немец из Мюнхена или из Берлина не понимает немца, говорящего „платт", то-есть, немца из северонемецкой равнины (Бремен, Гамбург, Любек). В нашумевшем уголовном процессе князя Айленбурга в Берлине судьи, не понимая свидетелей, приехавших из Баварии, крестьян, окончивших немецкие школы, так что пришлось отсрочить разбирательство и достать из Баварии переводчиков, владеющих баварским наречием и немецким литературным языком. Я не знаю, каким путем Вы попали в Канаду. Божет быть, Вы прожили некоторое время в Германии и имеете понятие о немецком языке. Но даже если Вы совершенно не знакомы с немецким языком, следующий пример Вам наглядно покажет разницу между литературным немецким языком и баварским наречием:

На литературном языке „я пошел бы" — ich würde gehen,
а на баварском наречии: i ganget;
на литературном языке слово „вверх" — hinauf,
а по-баварски: auffi;
„вниз" на литературном языке: hinunter,
по-баварски: obi,
Немецкое слово „я": ich, по-баварски — i.
Немецкое слово „вы": ihr, по-баварски: ös,
„да" на литературном: ja, по-баварски: jo;
„также" на литературном: auch, по-баварски: aa
„нет" на литературном: nein, по-баварски: naa

Еще пожалуй хуже обстоит дело с немецкими наречиями, на которых говорят в Швейцарии. Они настолько различаются от других немецких наречий, что даже немцу из соседнего Тироля, где говорят на баварском наречии, не только совершенно непонятно, о чем говорят между собою немцы из Берна, столицы

Швейцарии ,но даже трудно догадаться, что это вообще немецкое наречие.

И все эти немцы продолжают говорить на своих наречиях. Все они имеют своих писателей, которые пишут на этих наречиях. Но у всех один и тот же общий литературный язык, на котором ведется преподавание в школах, даже в Швейцарии и в Австрии, странах, которые не входят в состав Германии. У них есть своя литература, своя музыка, они танцуют свои танцы, но им не приходит в голову создавать свою научную терминологию, различную от общенемецкой или заменить немецкий преподавательный язык в школах какими либо своими наречиями.

Вот Вам ответ на Ваш вопрос, что надо сделать с украинскими театрами, операми, балетом и т. д. Все это может существовать, как может существовать тоже и литература на всех русских наречиях, в том числе и на всех карпаторусских, на лемковском, бойковском, гуцульском. Но нечего выдумывать отдельную научную, техническую, медицинскую терминологию, гуцульскую, донскую, кубанскую или казачью.

Суть нашего спора вот в чем. Вы едва ли можете оспаривать факт, что все мы, все наши предки, всегда называли себя русскими и свой язык — русским. Если вы знакомы с историей, неподдельной историей южно-русского народа хоть за последних сто лет, Вы также не можете оспаривать факт, что самостийное „украинское" движение не народное. Народ наш этому движению нигде не сочувствовал, ни в Карпатской Руси, ни в Галицкой Руси, ни на Подолье, ни на Украйне. Его насаждали сверху и извне.

Первое автономное украинское правительство во главе с Грушевским было создано после революции в 1917-ом году Временным правительством, состоявшим из одних великороссов, князя Львова, Милюкова, Керенского, и т. д. До этого пан Грушевский в течение многих лет жил в Австрии, во Львове, где он занимался украинской пропагандой. Народ ни его, ни его товарищей в украинские министры не выбирал, и никто народ не спрашивал, чего он хочет. Когда министерство народного просвещения предложило общинам украинизировать школы, то ни одна община доборвольно сделать это не согласилась. Об этом было сообщено в киевских газетах, после чего правительство пана Грушевского постановило произвести украинизацию школ принудительно, так как народ „очевидно не понимает", что ему нужно. Когда провалилось в Петрограде Временное Правительство, настал конец и самостийному правительству пана Грушевского.

Воспользовавшись развалом России вследствие революции и немецкого наступления, в Киеве образовались новые самостийные правительства. Как потом сам Винниченко, один из украинских главарей и министр-председатель, сознался в своих воспоминаниях, никто этих правительств не выбирал, они сами себя выбирали. И тот же Винниченко в своих воспоминаниях покаянно написал еще и то, что „украинский народ" просто ненавидел его правительство и издевался не только над возглавляемой им укра-

инской „Радой", но и вообще над всем самостійно-украинским, включая и самостійную мову.

Немцы миром, который они заключили в Берестье (Брест-Литовске) в 1918-м году весной с большевиками, сотворили самостійную Украину под своей пятой. Заняв Киев, они создали новое правительство во главе с генералом Скоропадским. После того, как они проиграли войну и вернулись к себе, в Германию, многие немцы, занимавшие должности в завоеванной Украйне, писали что они убедились воочию, что никакого украинского народа, отдельного от русского, нет, что там все считают себя русскими и говорят по-русски, и не желают отрываться от России, и что жаль миллионов немецких марок, затраченных на украинскую пропаганду.

Польский диктатор Пилсудский попытался создать самостийную Украйну под пятой Польши совместно с Петлюрой в 1920-м году. Затея эта кончилась полной неудачей, после чего в польской печати писали о том, что народ на Украине относится к идее самостійной Украйны „с полным безразличием".

Нынешнюю Украинскую Республику создало большевицкое правительство. Оно насильственно украинизовало школы, подавляло национальное сознание и воспитало новую „украинскую" генерацию при помощи Булаховских, Бажанов, Рыбаков и прочих, не говоря о прямых ставленниках Коминтерна.

Как это делалось, мы сами испытали на себе в Карпатской Руси. Когда переписывали население, всех русских записывали украинцами. Когда кто-нибудь осмеливался протестовать, советский чиновник ему заявлял: вы украинец! А когда какой-либо смельчак все же продолжал утверждать, что мы русские, и что наш народ тысячу лет называл себя не иначе как русским, невзирая на все гонения, ему отвечали: „вы украинец" — так приказано!"

Здесь в Америке, имеются живые свидетели, которые испытали на себе это советско-украинское насилие. Так было и в южной России. Когда в двадцатых годах советское правительство начало издавать в Харькове и в Киеве газеты на украинской мове, их никто не хотел читать. Пришлось печатать газеты также и на русском языке, и на эти русские газеты был большой спрос, о чем свидетельствует статистика этих газет. Теперь, после сорока лет, конечно уже читают украинские газеты. Ибо старая генерация, унаследовавшая русское национальное сознание от своих предков, боровшихся столетиями против ополяченья и сохранивших русское имя, вымерла. Остались воспитанники советских украинских школ, не помнящих и не знающих прошлого своего народа благодаря искажению русской истории в советских учебниках.

Как видите, все самостийные Украины были созданы или сверху Временным правительством, состоявшим из одних только великороссов-„россиян" или извне, немцами (брест-литовский мир и правительство генерала Скоропадского) или поляками

(Пилсудский-Петлюра), или немногочисленными авантюристами, никем не избранными и никем не уполномоченными и никого не представляющими (Винниченко и ему подобные). А существующая ныне „Украинская Республика" была сотворена опять таки не „украинцами" и, во всяком случае, не народом южной Руси, а большевицким интернационалом во главе со Сталиным Джугашвили.

В связи с этим следует отметить, что даже иностранцам, мало знакомым с украинским вопросом, кажется странным факт, что Украйна создавалась всегда не народом, без его участия, и только с помощью „иностранных костылей", как выразился известный американский журналист, Сайрус Сулцбергер, постоянный сотрудник Нью-Йорк Таймс.

Несколько лет тому назад профессор Колумбийского университета Маннинг написал книгу об Украйне. Написал он ее, очевидно, совершенно не зная предмета, просто по данным, подсунутым ему украинской пропагандой. Сулцбергер написал об этой книге рецензию в воскресном приложении к Нью-Иорк Таймс. Он, как видно из его рецензии, тоже совершенно не знаком с украинском вопросом. Но, прочитав книгу Маннинга, он не мог не высказать своего удивления по поводу того, что такой многочисленный народ всегда ковылял на „иностранных костылях" (on foreign crutches). Он так и озаглавил свою статью: On Foreign Crutches.

Остается еще вкратце описать „украинскую мову", новый литературный „украинский" язык, который самостийные лингвисты сварганили так, чтобы возможно больше отдалить его не только от русского литературного языка и великорусских наречий, но и от южно русских, „украинских" наречий. Об этом я напишу в следующем номере „Свободного Слова".

Сергий Лесной

КАРПАТОРУС ИЛИ УКРАИНЕЦ?

На страницах „Свободного слова" нашла себе место довольно интересная дискуссия. Имеются особые причины, заставляющие и автора этих строк сказать несколько слов.

После 15 лет работы над историей древней Руси нам удалось найти и опубликовать („История „руссов" в неизвращенном виде", 10 вып., 1175 стр., 1953-1960, Париж-Мюнхен) новые, большинству совершенно неизвестные факты, заставляющие коренным образом изменить наш взгляд на древнюю историю Руси.

Закончив упомянутый труд, мы продолжаем другой: „Пересмотр основ истории славян" (1-й вып.опубликован в 1956 г., 2-й вып. в печати), который захватывает вопрос еще шире: не одну только Русь, а и все славянство в целом.

Таким образом мы можем взглянуть на предмет дискуссии и шире, и глубже, чем уже высказавшиеся, исходившие главным образом из своих, чисто местных принципов и убеждений.

Как нами было выяснено, племя Русь гораздо древнее и обширнее, чем это принято думать. Все, говоря о Руси, считаются прежде всего с так называемой „Киевской Русью". Эта Русь вовсе **не единственная Русь и не основная.** Это не западный, а восточный отрог старого племени Русь, издревле жившего в средней Европе.

Теперь бесспорно установлено, что племя ругов, располагавшееся в районе устья Эльбы и до острова Рюгена (по настоящему Ругина), называлось также „русинами", а страна „Рутенией", т. е. Русью. Об этом имеются ясные данные в „Житии" Оттона Бамбергского, епископа и крестителя поморских славян.

Именно из этой области происходил Рюрик со своими братьями. По отцу они были славяне-руги или русины, а по матери „словене" (мать их была дочерью новгородского князя Гостомысла). Когда мужская линия Гостомысла пресеклась, возникла мысль восстановить ее по женской линии, т. е. пригласить в Новгород сыновей средней дочери Гостомысла Умилы. Это и было „призванием варягов".

Когда летописец сказал, что посланцы новгородцев отправились к варягам, он добавил для уточнения — „к Руси", ибо под варягами понимали много совершенно разных племен, это было не название народа, а скорее профессии. Посланцы были направлены именно к славянскому племени Русь, существовавшему тогда в области Эльбы.

Однако, под натиском германцев это племя в 1168 году окончательно пало и сошло с исторической сцены. О существовании русинов в низовьи Эльбы совершенно забыли и вследствии этого (главным образом немецкие ученые и несмотря на протесты Ломоносова) изобрели германское племя Русь, которое нигде и никогда не существовало.

Русины, однако, жили не только в низовьи Эльбы и близких областях, но и дальше на юг и восток. Одной из стариннейших и коренных областей их является Прикарпатская Русь. В настоящее время это, повидимому, самая чистая, если так можно выразиться, ветвь древней Руси. Именно здесь кровно, и „мовно" наиболее удержалась древняя Русь.

Киевская Русь, Московская Русь, — это уже ушедшие далеко в сторону и изменившиеся ветви когда-то весьма древнего корня.

Есть данные, говорящие в пользу того, что русины появились в Прикарпатьи за 650 лет до Р.Х. Ругов на Эльбе знал уже Тацит в 1-м веке нашей эры. Киевских руссов еще долго на западе звали также ругами. В нескольких германских хрониках княгиня Ольга названа „рэгина ругорум", а не „руссорум". Тождество ругов Полабья и ругов Поднепровья не подлежит никакому сомнению.

Традиционное имя русин сохранилось в Прикарпатьи до настоящего времени: во время переписи населения в 1930-м году 60% признало себя оффициально „русинами".

Термин „украинец" является порождением почти нашего времени. Галицкая Русь с того момента, как попала под владычество поляков, называлась всегда — „воеводство Русское".

Различные причины, о которых здесь не место говорить, вызвали разделение двух ветвей русского народа: „украинского" и „русского". И та, и другая ветвь настолько обособлены, что затевать дискуссию на эту тему бесцельно. Единственно правильное решение, — это предоставить всем, кто считает себя „украинцем", возможность развиваться и жить так, как он того хочет. Между „украинцем" и „русским" знака равенства поставить нельзя.

Однако, это не значит, что „украинец" получает право давить и уничтожать в Прикарпатьи людей, которые считают себя „русинами" или „карпаторуссами".

„Если хочешь чтобы тебя уважали, уважай других". Карпаторуссы несомненно национальное меньшинство, но они заслуживают полного и особого покровительства в чьих-бы политических руках они не находились. Если в Германии сейчас существует около 150.000 лужичан, и они имеют полные права и возможности для дальнейшего развития, те же права должны иметь карпаторуссы, находясь на Украине.

Они заслуживают внимания не только как люди и граждане, духовные интересы которых в культурном государстве не должны быть ущемлены, но и как об'ект науки, науки славяноведения,

в котором одинаково заинтересованы и русские, и поляки, и чехи, и украинцы и прочие славянские племена.

Остается сказать несколько слов об украинцах. Эта ветвь старых руссов Прикарпатья и Поднепровья в силу исторических причин утеряла русские традиции. Раз их нет, нечего им их навязывать и делать их насильно „русскими". Но, с другой стороны, если народ забыл своих древних князей, не сохранил о них ни былин, ни исторических песен, ни даже письменности вроде „Слова о полку Игореве", — вряд-ли он имеет моральное право считать прошлое Киевской земли „украинским".

Тот, кто отрекся от имени своих предков, именно русинов, не имеет морального права претендовать на их наследие.

Почему неграмотные русские крестьяне до самого последнего времени в Прионежьи, по берегам Белого моря, на Урале и в Сибири передают от дедов к внукам устную священную память о Киеве, о Вадимире Красном Солнышке, а на Киевщине, Полтавщине, Волыни или в Галиции, т. е. там, где ступали ноги киевских князей, в памяти народа не осталось ровно ничего?

Ответ прост, — живут теперь в указанных местах те, кто кровно, языково, и духовно уже далеко отошел от древних руссов.

Однако, это нисколько не умаляет их качеств или прав, как людей. Если кто-то предпочитает считать себя „окраинцем", т. е. признавать, что он не принадлежит к каким-то коренным землям, зачем ему это возбранять? У украинцев есть хорошая поговорка: „кому нравится поп, а кому попова наймычка", — дело вкуса.

Нам думается, что всякий спор можно решить, если уважать и себя, и другого. Самое лучшее, если право самоопределения будет дано каждому, а свободное научное слово разъяснит всем откуда мы, тогда самоопределение будет основано не на чувствах, развитых и воспитанных политикой, а на исторических фактах.

***

К статье г. Лесного мы считаем необходимым прибавить несколько слов. С. Лесной — историк, интересующийся главным образом или даже исключительно только вопросом о том, откуда взялось имя „Русь", „русский". Судя по его статье, он ученый, специалист. Ему и книги в руки.

Но с историей национального сознания народных масс русского юга и югозапада и с наречиями этого обширного края и их отношением к северным и северовосточным русским наречиям г. Лесной повидимому совершенно незнаком. Г. Лесной живет в настоящее время в далекой Австралии. Мы не знаем, родился ли он там, или же он эмигрировал туда со своими родителями будучи еще мальчиком. Ведь прошло уже больше сорока лет со времен революции и учреждения самостийной Украины большевицким правительством в Москве, в рядах которого в то время не было ни одного русского южанина, ни одного „украинца", но было мно-

го всякого рода „инородцев", и небольшое число великороссов — интернационалистов.

Г. Лесной совершенно прав утверждая, что название „украинец", „украинский" придумано только недавно, в наше время. Но тут невольно возникает вопрос — как называли себя, тоже в наше время, жители Волыни, Подолья, Галицкой и Закарпатской Руси и настоящей Украины, правобережной и левобережной, а также и Новороссии, то есть всех тех земель, из которых, определяя собирательным именем, Сталин сотворил нынешнюю советскую Украину? Каждый человек, знавший эти края в дореволюционное время, знает что вся многомиллионная масса населения этих земель, великороссов включая, называла себя и свой язык не иначе как русским и сознательно считала себя частью единого русского народа.

Г. Лесной глубоко ошибается утверждая, что „украинцы" и „русские" так разошлись в „кровном", и языковом отношениях, что они до такой степени утратили какие либо общие традиции, что они „настолько обособлены", что затевать дискуссию на эту тему бесцельно.

Это совершенно неверно и противоречит неоспоримым фактам, которые легко проверить.

В отношении языка русские наречия несравненно ближе друг другу чем немецкие наречия или французкие или италианские.

Что же касается родства, то в нынешнее время нет уже „чистых" рас за исключением дикарей в африканских или бразильских „джунглях". У русских южан и русских северян основанием является одна и та же русская или славянская кровь. У тех и других имеется некоторая примесь тюркской (или татарской) крови. У южан ее больше.

Что же касается исторических традиций, то главной такой традицией была общая русская православная Церковь, которую народ югозападной Руси, в особенности же Галицкой и Закарпатской Руси, называл просто „Русской Церковью". Народ этот всегда стихийно стремился к соединению с Россией.

Мы весьма обязаны г. Лесному за то, что он затронул эти вопросы. Его точка зрения совпадает с мнением многих русских эмигрантов, считающих, что украинский вопрос уже решен и что им нечего больше заниматься. Они не задумываются над тем, когда он был „решен", кем он был решен и какими средствами.

ИЗ ПИСЬМА ЧЕСТНОГО ГАЛИЧАНИНА

... Я не знав, і ніколи я би не подумав, що так мало наших людей знае по-русски читати. Многі читают латинку і бесіда їх мало зрозуміла. Я знаю що колись давно, за часів Червоної Руси була одна віра, одна мова і звичаї, та сотки літ неволі — польської і мадярської — нас не тільки що разъеднали, но і зробили нас ворогами.

Возьме багато літ поеднати русский народ — от тому то я зрозумів вашу ідею. Теперь я знаю, чому ви пустилися на такий важний, тяжкий і невдячний*) труд видавати журнал „Свободное Слово". Я пишу так тому, що колись давно, ще 1919 года був я соредактором „Січових Вістей", що виходили в Чикаго. На мое місце прийшли „мудріші" люди, котрі наробили довгу, і в „Січовій" організації зробився роздор і по двох роках не стало ни січового журналу, ни січової организації, котра на цілу Америку числила більше як 18 тисяч членов. Може і Бог так зарадив, щоби така організація не істнувала.

Ви идіте одною дорогою, не хитайтесь, твердо стійте і стреміться до одного: соединити тут, в Америці, Канаді і по всіх усюдах де лише живут наші люди, в одно. Дайте початок, а прийде час, що галичане, волиняне, Біла Русь, Холмщина, Закарпатье і поподоляне, гуцули, бойки заговорят, заспівают і станут разом перед Богом переродженi.

Ми — Русь Святая, Русь благословенна Богом, бо творилася наша земля в том часі, як приходив на землю Господь наш Иисус Христос і нікто не посміє розділювати нашу землю і нас поневолювати. Ті часи минули. Час нам теперь кріпко твердо стояти і если ініціятивна группа добре поведе діло, с нею підут всі і вернутся з лихої дороги ненависти до Руси і украïнці, і візантійці, і уніати і всі збаламучені, що за для лакомства несчастного покинули Русь. Скорше чи пнізніше всі они вернуться, бо дальше уже нікуда іти, ибо дорога їх кінчится на смітнику.

А на Руси ясна зоря загорит пламенно і еі світло упаде на путь тіх, котрі вертаються до свого народа, до своеї віри, до своеї Церкви. Приходит великий час, гряде бо велике время: будьме готові на ті часи, як буде вертати блудний син ...

... От тут я залучаю езуитский журнал, що бесперерывно приходит що місяца уже много літ цілком бесплатно і ще маю тут 7 журналів, за котрі я николи не дав цента, а всі они дістали адрес мой із книги телефонічної. И не лише я, но сотні і других людей, що мают свої імена і адреси у телефонічних книгах, достают такі журнали бесплатно. Наші езуітські василіяне с Канади тоже присилают „Світло" — журнал, де можно прочитати подяку (благодарность) за выслухані молитви до „слуги" божого митрополита Шептицького і пожертвованья пять або десять долларів. Людська темнота безгранична!

Петро Кавацин
(Чикаго)

*) неблагодарный

Александр Котомкин

РОДИНЕ

Русь, я верю в Тебя, верю русской душой,
Что ничьей Ты не будешь рабыней, —
Что напрасно вокруг святотатцы толпой
Над Твоей надругались Святыней.

На заветы Твои, на основы Твои,
Чем века жил народ православный,
Наложили кровавые руки свои,
Чтобы сгибла Ты смертью бесславной...

Молви-ж слово Свое, чтобы знали враги,
Что крепка в Тебе сила живая, —
И заветы Свои до конца сбереги, —
Сбереги себя, Русь дорогая!

Из сборника „За Россию" (Париж, 1927).

И как бы в ответ на призыв поэта-эмигранта современный русский писатель в Советском Союзе вещает:

И ничего не может статься
С весной и Русью никогда.

Сергий Орлов

А другой из теперешних русских писателей в СССР как бы откликается на стихотворение А. Котомкина следующими строчками:

Верил каждый из нас: прорастает даже камень седой
У истоков Руси над волшебной днепровской водой.
И пока не покатятся волны днепровские вспять, —
Ты на круче веков выше прежнего будешь стоять.

Николай Рыленков

Это стихотворение о Киеве написано во время второй мировой войны.

Этот отрывок из стихотворения автор поместил в своей статье „Ветер истории", под которым следует текст:

„Не прошло и двух десятилетий, а город древней русской славы не только вернул былую красу, но и стал еще прекраснее, чем прежде.

Как в далекой юности, я люблю глядеть на него по вечерам с земляного вала Королевского бастиона. Я снова вижу отражающий разноцветные переливы огней Днепр, вижу залитое солнцем Заднепровье, вижу выросшие после войны новые промышленные кварталы, которые никак не назовешь окраинами. Передо мною все тот же город и все-таки уже не тот. Глядя на него, я думаю о нерушимой связи времен, о том, что прошлое народа-героя, народа-творца всегда служит его будущему".

(„Литературная Газета" от 6 сент. 1962 г.)

Олег Грабарь

ЖИВА ЛИ РУСЬ?

Мотто —

И скаазл мне (Господь): сын человеческий! оживут ли кости сии?.. изреки пророчество на кости сии и скажи им: „Кости сухие! слушайте слово Господне!"... и стали сближаться кости...

(Иезекииль, гл. 37)

Да, Русь жива, Русь всюду есть,
Где два сойдутся русских.
Зачем же два, один и тот
В себе таит Руси обломок,
А вместе — сила мы.
Ведь корни наши
Ушли в гранит Карпат...
Зайди в село любое
И ты услышишь там
Из уст живых,
А не из хартий полинялых,
Зов Игоря к Руси, кличи Ярославны.
Народ пронес их сквозь века;
Хотя в Кремле и глухи к ним...
Ведь отвели ж для смельчаков,
Идущих с вестию о братьях однокровных,
Бесплодный камень Соловков,
Удушье копей Воркуты
Да горное безбрежье Магадана.
Гримасой Русь Великая,
Верней Союз Советский,
Ответил им на объятья.*
Оскал монгола в Закарпатьи
Нам легче было перенесть
Предательства лукавого Иуды.
Но верим мы, что Кремль однажды

Заговорит иною речью:
Речью крови нашей,
И будет место для тебя народ-герой
На всем просторе Матушки-Руси
В семье свободной,
А не за оградою колючей.
Внемли же, Русь, внемли!
Услышь зов из чужбины любящего сына
И смой позор свой! Он не к лицу тебе.
Роль палача оставь другим.
Иное назначенье предначертал тебе Господь.
Да, лишь Господь!
Велению Его послушна будь.
Воскресни!..
И озари моря и земли светочем гуманным,
А не затворами страши с колючею оградой.
Внемли же, Русь, внемли...

Нью-Иорк, 17 марта 1970 г.

На Закарпатской Руси вторая мир. война вызвала у русского населения небывалый патриотический подъем. Десятки тысяч молодых людей, отождествлявших Советский Союз с Россией, потянулись на восток. Одиночные беглецы, отдельные семьи и даже молодежные ватаги, порой с жнивья, порой со свадбы: с женихом и невестой ,с музыкантами и с гостями переходили советско-венгерскую границу в надежде спасти и от немцев и от венгров самое дорогое — свою русскость.

Эта тяга на восток приняла характер всенародной эпопеи. Всех, бежавших в СоветскийСоюз судили как шпионов и диверсантов и отправляли в Заполярье на принудительные работы. В итоге этого неслыханного вердикта были истреблены тысячи молодых жизней.

Население Закарпатья восприняло расправу советского правительства над молодежью, как самый жестокий момент всей многовековой истории края.

О.Г.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА „СВОБОДНЕ СЛОВО КАРПАТСКОЙ РУСИ"

...Пусть громче и громче раздается в изгнании свободное слово вашего журнала, и ваш призыв к единению и единству русского народа глужбе проникнет в сердце русского зарубежья. Приятно и дорого сознавать, что твердые и непоколебимые в своей Православной Вере, верные искони хранители идеи единства русского народа, славные карпатороссы и в изгнании явились глашатаями этой идеи. В течение тысячи лет беззащитные политически и бедные материально карпатские русские люди проявили большую силу духа, сохранив веру Святого Владимира и национальные заветы преподобного Нестора и славного автора „Слова о полку Игореве" о Руськой Земле. На заре нашей письменности преподобный Нестор говорит о Руськой Земле, когда начинает свою знаменитую повесть словами: „Се повести времяньных лет, откуду есть пошла Русская Земля, кто в Киеве нача первее княжити, и откуда Русская Земля стала есть".

Карпатороссы всегда считали свой край частью Русской земли и себя — частью русского народа. Отделенные искусственными государственными границами от массива русского народа, теснимые и гонимые своими соседями, русские люди Карпат показали редкий пример национальной и православной верности на протяжении всей истории восточного славянства.

Имена братьев Геровских, Бендасюка, и Колдры и всех мучеников мороморыш-сиготского процесса никогда не забудутся теми русскими людьми, которые следили за жизнью Карпатской Руси.

Подробнее раскрывайте жизнь Карпатской Руси, ее многострадального народа, описывайте его обычаи и быт, его твердое стояние за веру православную и его героическую борьбу с своими поработителями. Знакомьте со всем этим Российское зарубежье.

Смиренный архиеп. Савва
(Австралия)

Проф. Г. Геровский

НАША НАРОДНАЯ ПЕСНЯ

Было бы очень хорошо, если бы мы все научились уважать и любить нашу народную песню. Наши деятели просвещения (учительство) и общественность, собственно, мало знают ее. Почему? Потому, что те, кто вырос в селе, хотя слышали эти песни в детстве, потом забыли их и не обращали на них внимания, разве что та или другая песня врезалась в память, часто из менее ценных, новейших. Вообще же своя собственная народная песня у нас не ценится, и когда нужно петь песни в хоровом исполнении — по случаю торжества или в обществе, или в театре, — всегда на очереди песни готовые, давно положенные на ноты, (гармонизованные), из великорусского или малорусского репертуара, которыми заменяются песни карпаторусские. В священнических семействах, таких, где в прежнее время вообще слышалась родная речь, своя народная песня тоже не допускалась дальше кухни, в комнате же пелись — при гостях или по особым случаям — „Широкое болотище", „На войну иду", т.е. песни совсем не народные.

Можно ли примириться с таким безразличием у нас к своей карпаторусской народной песне, которая до сих пор, после всех пережитых режимов, оккупаций и войн, остается попрежнему в неизвестности?

Для того, чтобы ценить народную песню, нужно ее знать. Люди обыкновенно не ценят того, что мало знают, или чего совсем не знают. Стыдно сознаться в этом. Маленький народ, столетиями живший замкнуто в сердце Европы, в глухих, неприступных ущельях и уголках наших гор, обладающий таким неисчерпаемым богатством народной поэзии, мог бы гордиться ею и заявить о ней всему миру. Сербы до своего освобождения от турок в начале XIX столетия (1820 г.), мало известный в Европе народ, уже тогда прославились на всю Европу своей народной песней, в особенности своим героическим эпосом о борьбе с турками. Маленький народ финнов, которых под властью Шведов до присоединения к России при Александре I, никто почти и не знал, славятся своим эпосом „Калевалой". Известны прекрасные русские эпические песни о старорусских богатырях, до сих пор сохраняемые великороссами на крайнем севере. Пленительна красота великорусских и малорусских песен. Почему же наш край, наши южные склоны Карпатских гор не могут заставить нас

пропеть свою карпаторусскую песню во всеуслышание соседям и народам Европы, менее певучим, чем мы, и жаждущим, в своем музыкально-художественном творчестве, услышать новые звуки?

Посмотрим же, чем богата поэзия южно-карпатских руснаков.

Начнем с поэзии обрядовой. Она восходит к глубокой древности и сохраняет ценнейшие черты музыкального дарования наших предков. Кого не тронет проникающий в душу напев, сопровождающийся плетением венков на Лаборской долине? Он будит сознание важности этого действия, ощущение близости чего-то наступающего с роковою неизбежностью — в согласии со взглядом нашего народа (наших предков) на судьбу отдаваемой замуж девушки. Сравним о том поговорку: „Дай, Боже, того рока (этой судьбы) хоць и без одного ока". А сколько других обрядовых песен поется на свадьбе! В доме молодого поют песню заставе (свадебной хорувги), которую там приготовляют свашки. А прекрасные застольные песни, которые поют дружки во время свадебного обеда (гостины) за столом молодой, — и напев иной, радостный и торжественный. Еще иной напев застольных песен за общим столом, где поют свашки, сваты и т. д. У нас свадьбу, если ею занимались с целью воспроизведения, рассматривали всегда лишь с драматической ее стороны, ценя ее сценичность. Но кому из наших знатоков музыки пришло в голову использовать для национальной музыки ее песни? Не менее заметное место среди обрядовой поэзии занимают весенние хороводные песни, которые поются на горке („на гирци") в пасхальные дни. В них живы воспоминания дохристианского времени, так же, как и во многих Рождественских колядах. Колядам посчастливилось больше, чем другим обрядовым песням: о них писали, были и попытки хорового воспроизведения.

Но уж наверно никто не обратил внимания на наши колыбельные песни. Кому была охота — из людей, окончивших школы — прислушиваться, какие слова и каким сложным, протяжным напевом мать, наклонившись в поле, в летний жаркий день над полотняной, на легкой деревянной установке, люльке, напевает проснувшемуся дитяти, чтобы усыпить его опять? А между тем напев этот поистине прекрасен и так же древен, как обрядовые напевы, и достоин того, чтобы не только быть записанным, но и войти в нашу национальную музыку для исполнения.

Как известно, есть у нас песни эпические и исторические. Самая известная из них — о Белой Маковице. Если ее приписывать поэту Маковицы, Александру Павловичу, то это ошибка. Песня эта — народная, и если этот поэт ее записал, то лишь как народную песню. Нужно собрать и другие наши исторические песни с их напевами. Среди них есть песни из времен восстания нашего народа 1703-1711-ых годов, которое по приглашению восставших, возглавил Франц Раковский (Ракоци).

Ту сургентов бубен,
Пищалечка Тургая.

Сургентами (латинским словом) назывались на государственном языке того времени восставшие, а бубен и пищалка, (т. е. свирель) сопровождали их в бой против угнетателей нашего народа, цесарских войск, и феодалов. Запишите эти ценные исторические песни из уст народа, где они еще поются, пока они не вымерли. Они окажутся достойными и со стороны напева.

Кроме перечисленных разрядов песен, у нас имеется, как известно, неисчислимое множество песен лирических, бытовых, семейных и т.д. Не буду их перечислять. Замечу лишь, что ценными, как по содержанию, по поэтическим достоинствам, так и по напеву являются песни старинные, т. е. подлинные наши песни, а не чужие, которые занесены в новейшее время с работ и жнив, т.е. из полосы смешанных цотацких (Долнянских) говоров. Эти долнянские песни бывают часто совсем чужого (мадьярского) происхождения. Записыванием южно-карпаторусских песен с напевами и изучением (сравнительной характеристикой), напевов занимался галичанин Ф. Колесса, но его работа касалась больше песенного материала Закарпатья, и притом он песни не разбирал относительно их происхождения. У нас, в Пряшевской Руси, благородное поле нашли бы наши знатоки музыки. Притом нужно обратить внимание на то, что наши старинные песни разнообразны, как с поэтической, так и с музыкальной стороны, и можно с уверенностью сказать, что в этом отношении наша южнокарпаторусская песня не уступает прославленным песням малорусским. Имеются и песни с веселым, пародическим оттенком.

Потому не подлежит сомнению, что если бы были собраны наши народные песни с напевами, и из них был бы составлен сборник лучших по музыкальности, по поэтичности и содержанию песен, для сольного и хорового исполнения, то не пришлось бы обращаться исключительно к репертуару готовых галицких, малорусских или великорусских песен и исполнять их взамен наших.

Прекрасна великорусская народная песня, рожденная на необъятных лесных просторах, среди задумчивой природы севера, у берегов холодных северных рек. Чарует слух песня безбрежных украинских степей на берегах Днепра Славутича и Донца. Но как веяние горного ветра на зеленых верхах наших гор, как журчание потоков в глубоких зворах-ущельях гор, так и карпаторусские звуки наших песен несравнимы с шумом северного великорусского леса или с молчанием бесконечных далей украинской степи.

Нужно приступить, наконец, к созданию собрания карпаторусских песен, с которыми хоры Пряшевской Руси могли бы выступить, как с национальным знаменем в соревновании с песнями наших северных братьев и других народов.

ГЛАВА V

ИСТОРИЯ КАРПАТСКОЙ РУСИ

Вместо вступительной главы к истории Карпатской Руси.

Написать начальную главу для истории Карпатской Руси в настоящее время совершенно невозможно, так как этой историей никто специально не занимался; мы знаем, так сказать, только средние и последние страницы упомянутой истории. Для первых же нужна огромная предварительная научная работа по разысканию отдельных сведений, разбросанных по сотням самых разнообразных источников и на разных языках, — работа трудная и многолетняя.

Однако, имеются два обстоятельства, которые, вероятно, будут очень способствовать написанию этой истории. Во-первых, открыт совершенно новый, вовсе неизученный источник, названный нами „Влесовой книгой", — это летопись языческих жрецов, последние страницы которой были написаны перед самым захватом Киева Олегом в 890 г. (дата дана исправленной).

В этой летописи, написанной на деревянных дощечках докирилловским алфавитом, и на неизвестном до сих пор славянском языке (повидимому на праславянском), имеется значительное количество сведений и о Карпатской Руси. Сведения эти совершенно новые, освещающие эпоху, о которой мы до сих пор решительно ничего не знали.

Затруднение в том, что тексты всех дощечек еще не опубликованы (известны приблизительно только 2/3 их), некоторые из них разломаны, порядок их неизвестен, много букв и слов погибли под влиянием времени, наконец, язык так малопонятен, что пройдет много лет, пока мы начнем, как следует, понимать его содержание.

В том, что удалось разобрать, имеются следующие интересные пункты: 1) устанавливается (конечно, весьма приблизительно) время прихода древних руссов на Карпаты; это случилось „за 1500 лет до Дира". Если мы примем время Дира округло около 850 г. нашей эры, то появление руссов на Карпатах падает приблизительно на 650 г. до нашей эры. Это, как видим, значительно отличается от 860 г. нашей эры, который до известной степени верно может быть принят за первое историческое и достоверное сведение о Руси в истории, той истории, которую мы знали до сих пор.

2) Прожили руссы на Карпатах довольно благополучно около 500 лет, но затем были вытеснены (не установлено кем) на восток. Этот момент должно быть и был началом Киевской Руси, когда руссы поселились на Припяти и среднем Днепре.

3) Выясняется попутно, что годовщину исхода с Карпат руссы всегда отмечали, — это был день „Красной горки", о котором прямо сказано, что это был день „в споминь горе Карпеньстей". Таким образом мы узнаем, почему этот день праздновался и так назывался: праздновали годовщину своего спасения.

4) Указано прямо, что руссы одно время назывались „карпами" (должно быть оттого, что жили в Карпатах), следовательно все сведения, сообщаемые древне-греческими и римскими историками касательно карпов, должны быть занесены в историю Карпатской Руси. И здесь предстоит еще огромная работа: пересмотреть сотни томов, найти, что сказано о карпах и их объединить в одну цельную картину.

5) Найдено своего рода языческое „Верую", позволяющее понять, какова была в действительности религия восточных славян, так как до сих пор о ней говорили, исходя из сведений о религии западных славян. Оказывается, что религия восточных славян была монотеистической, она признавала единого бога, творца и управителя вселенной (мира видимого и невидимого), этим богом был Триглав. Это не какой-то особый бог, как думали до сих пор, а триединый бог, тройца из Сварога, Световида и Перуна. Эти трое богов — три ипостаси единого бога.

Были еще боги, так сказать, второго ранга, как-бы помощники первых: Хорс, Дажьбог, Ладо, Ярило итд., наконец имелись десятки малых богов: цветов, трав проса, пчел и т.п.

Древние руссы верили в загробную жизнь, предпочитали правду злу, молились не менее три раза в день, и перед молитвой мылись, чтобы стать чистыми перед богом. Ни храмов, ни идолов у них не существовало, человеческие жертвоприношения совершенно отсутствовали; сказано прямо, что они существуют у варягов и аланов, у восточных славян это признавалось страшным, отталкивающим и решительно противорелигиозным.

6) Документально установлено, что „руги" с острова Ругина (ныне немецкий Рюген) и прилежащей части материка назывались также **русинами**. И недаром древне-германские хроники называют книгиню Ольгу не „регина руссорум", а „регина ругорум", оба эти слова означали одно и то же.

Однако, о ругах сохранилось в истории огромное количество сведений ,следовательно все, что касается „ругов" в ближайших к Карпатам областях, должно быть отнесено и к истории Карпатской Руси.

Известно, например, что вождь группы разных племен Одоакр, в 470 г. овладевший Римом и 14 лет им управлявший, был по одним сведениям вождем „ругов", по другим „русинов", по третьим „скирров", но все это разные названия одного и того-же народа.

Народная традиция сохранила воспоминание об этом на Украйне по крайней мере до 1648 г. В этом году Богдан Хмельницкий в воззвании к народу — восстать против поляков, призывал ка-

заков последовать примеру их славных предков, которые под руководством „Одонацера" 14 лет владели Римом.

Сохранилась в Зальцбурге (заметим себе: на немецкой земле) каменная старинная надгробная плита, на которой написано, что в 477 году вождь **„русинов"** Одоакр убил св. Максима с его учениками. Под плитой погребены их останки. Значит, „русины", они-же „руги" уже в 477 г. орудовали в области Зальцбурга.

Таких разбросанных сведений имеется немало, но... их надо отыскать, собрать вместе, привести в порядок; значительная часть их касается и Карпатской Руси.

Проблема „Влесовой книги" несомненно привлечет внимание не только славистов, но и ученых других специальностей и национальностей и заставит обратить гораздо больше внимания на область Карпат.

Вторым обстоятельством, могущим значительно повлиять на наши сведения о Карпатской Руси, являются недавние находки в двух монастырях в Австрии документов, касающихся Карпатской Руси. Прежде всего найдена хроника 8-го-12-го вв., содержащая очень много данных о событиях вокруг и на Карпатах. Найден далее отчет легата, присутствовавшего в 957 г. в Царьграде при приеме княгини Ольги византийским императором. Описано, как она выглядела, откуда она родом, на каком языке говорила, описана ее свита итд., всего 50 страниц.

Найдено далее описание путешествия Ярослава Мудрого от границ Галиции до Будапешта, где он посетил свою дочь, выданную за венгерского короля. Отчет, повидимому, написан лицом, которое встречало Ярослава и провожало его до границы Венгрии. Об этой поездке, имевший вероятно более частный, а не политический характер, мы до сих пор ничего не знали. Значит, русские князья не сидели дикарями, а посещали и соседние государства.

Найдены и другие, не менее интересные документы; к сожалению, согласно условию, заключенному с администрацией монастырей, тексты не могут быть опубликованы ранее 1968 г.

Таким образом мы стоим на пороге интереснейших открытий, хоть и должны ждать по крайней мере 5 лет до их опубликования. Что же касается „Влесовой книги", то автор этих строк надеется, при поддержке интересующихся лиц, начать публикацию ее выпусками.

Изучение всех этих источников несомненно сильно и сразу подвинет наши знания об истории Карпатской Руси в самых ее древних периодах. Карпатоpуссы играли в разных исторических событиях первоклассную роль, но остались в тени, ибо Карпаты не столько объединяли, сколько разъединяли людей. Соседи северных склонов Карпат совершенно отличались от соседей южных склонов; восточная часть Карпат примыкала к областям народов, вовсе отличных от народов примыкавших с запада.

Это обстоятельство обусловило то, что разные части Карпат принадлежали разным государствам и имели свою особую историю, но вместе с тем горы дали возможность сохраниться найболее

древним остаткам Руси, именно в языке, обычаях, обрядах, песнях, вероятно также и в физических и душевных качествах их носителей. В этом отношении карпато-руссы, повидимому, являются ядром славянства, найболее сохранившим свои первоначальные черты.

В связи с политическим подъемом славянства, сбросившего наконец иго германцев, стоит и подъем научного интереса к нему. В этом отношении карпаторуссы несомненно будут в центре внимания, ибо Карпаты стоят посередине между Балтийским и Эгейским морями и вместе с этим определяют собой границу, отделяющую западных славян от восточных.

Подъем национального самосознания, задавленного веками (в особенности германцами), сулит полный расцвет изучения всего славянства, и карпаторуссов в частности.

Написать историю карпаторуссов — это в сущности, написать историю всех славян, ибо где-бы и что-бы не происходило в славянстве, то это всегда как-то отзывалось и в центральной его области.

Сергей Лесной

Проф. Георгий Геровский

ВРЕМЯ ЗАСЕЛЕНИЯ ЮЖНЫХ СКЛОНОВ КАРПАТСКИХ ГОР НАШИМ НАРОДОМ

О времени, с какого наши предки поселились и стали жить на нынешней нашей земле, южнее Карпатских гор, существуют различные мнения ученых. Мадьярские историки и языковеды упорно стараются доказать, что наши предки пришли на южные склоны Карпат не раньше XIII-XIV столетий. Первое появление тут наших предков они приурочивают ко времени после татарского нашествия 1241-1242 годов, когда король Бела IV, стараясь заселить опустошенные татарами земли, стал раздавать различным панам-феодалам, своим и чужеземным, обширные пространства земель в южном Прикарпатье, на равнине у верхней Тисы и по ее притокам, с тою целью, чтобы эти феодалы позаботились об их заселении. По объяснению мадьярских историков, например Годинки (являющегося южнокарпатским уроженцем), паны призывали на эти земли людей с северной стороны Карпат, из Галицко-Волынского княжества. Это древнерусское княжество само подверглось разорению от татарщины и еще более страдало от внутретнних боярских разрух и неурядиц, вследствие чего якобы население там разбегалось и уходило оттуда. Еще более увеличился прилив населения из Галича будто-бы при угорском короле Карле-Роберте и итальянской (сицилийской) династии Ан-

жу, который, чтобы удержаться против отпора недовольных им угорских панов, раздавал щедрою рукою земельные владения своим итальянским феодалам, пришедшим вместе с ним из Сицилии и Южной Италии (у нас — Другетам). Объяснение заселения довольно простое, однако, картина, нарисованная упомянутым историком, слишком фантастична и невероятна для того, чтобы ей поверить. Край издавна имел свои названия, звучащие по-славянски (по древнерусски), которых ,разумеется, не принесли с собою ни мадьярские паны из Угорщины, ни немецкие из Германии, ни итальянские вельможи Карла-Роберта из Италии; они эти названия нашли тут, ибо древнерусское население, тут жившее и пережившее бедствия татарщины, их издавна употребляло. Феодалы — паны получили свои земли с этим населением, тогда еще свободным и этими названиями воспользовались. А то заселение в XIII и XIV веках, о котором идет речь, было ничем иным, как внутренним расселением этих коренных древнерусских жителей на разоренных землях и на новых пространствах в долинах рек и в горах.

Раздача земель южнее Карпатских гор и на склонах этих гор иноземным феодалам в XIII-XIV столетиях не обозначает, следовательно, начало заселения и не представляет начало древней Южнокарпатской Руси. Она обозначает только начало захвата иноземными феодалами земель в южном Прикарпатье, когда началось и угнетение жившего на этих землях свободного древнерусского населения, оказавшегося в руках угнетателей и эксплоататоров, которые стали постепенно, шаг за шагом, ограничивать свободу земледельческого населения, сидевшего тут, чтобы заставить его работать на феодалов. Ясно, что на совершенно пустынных, безлюдных земельных пространствах (как изображает Годинка) феодальным панам было бы нечего делать.

Если грамоты XIII и XIV столетий упоминают о каком-либо селе, то упоминание это не является годом основания села, а говорит лишь о том, что тогда именно понадобилось говорить, иметь суждение о том или другом селе, в связи с потребностями панов-феодалов, которых это касалось. Если бы наши предки в XIII и XIV столетиях массово приходили из другого края и откуда-то массово уходили, то ясно, что такое событие не осталось бы неотмеченным в летописях и грамотах — подобно тому, как об уходе из Мороморыша волохов (румын) с воеводой Богданом в нынешнюю Молдавию при угорском короле Людвике I, упоминают грамоты с указанием года (1363) и с обвинением Богдана в неверности королю и измене. О нашем народе и об его мнимом уходе из Галицко-Волынского княжества в XIII и XIV веках никакого подобного документа нет, А потому вся эта фантастическая теория Годинки, поддержанная будапештским филологом Александром Бонкалом, тоже уроженцем Закарпатья, не заслуживает внимания и не выдерживает критики. Притом нужно заметить, что Бонкало внес некоторую поправку в том смысле, что происходящими из Галичины он считает только Верховинцев и Гуцулов в погранич-

ной полосе (у главного хребта) в Закарпатье; от них он отличает Нижнян, которых он выводит „из Южной Руси".

Совсем иначе судит обо всем этом знаменитый чешский ученый Л. Нидерле. В своих работах ("Slovanské starožitnost", том IV, и "Počátky Karpatské Rusi", журнал Národopisný Véstnik, XV) он разбирает все доводы, высказанные с различных точек зрения разными исследователями, и приходит к заключению, что древняя Южно-карпатская Русь на юг от Карпатского хребта, в верхнем Потисье, начала заселяться восточнославянскими племенами уже с VI-VII столетий по Р. Х. Он ставит это в связь с передвижениями восточнославянских племен, когда различные кочевые народы (Авары, Угры, Печенеги, Половцы), приходившие из Азии, напирали (нажимали) на них и вытесняли из насиженных мест. Восточнославянские племена, переходившие через Карпатские горы на юг, были: Дулебы, Уличи, Тиверцы, восточнославянские Хорваты. Существуют неопровержимые данные, подтверждающие это передвижение племен. Дулебы были завлечены Аварами в VI-VII веках на юг Карпатских гор и осели на равнине по Бодрогу и его притокам. Уличи, сидевшие по нижнему течению Южного Буга и Днестра, а также Тиверцы, сидевшие в Причерноморье по нижний Дунай, в крае, называвшемся Угл (= Угол), уходя перед напиравшими на них кочевниками Уграми и следовавшими за ними Печенегами, перешли через Карпаты в IX столетии (после 860 года). От племенного названия Уличей происходят названия речки Улычки, правого притока Ужанской реки, и села Улычь. Восточно-славянское племя Хорватов, сидевшее в области нынешней Галичины, под напором Печенегов ушло в X столетии в нынешний Мороморыш и осело по верхнему течению Тисы и ее притокам, по реки Красну и Криж, впадающие в среднюю Тису, а также заняли часть Семиградья.

Даже русский историк Петров, вообще все опровергающий и отрицающий на основе какого-то чрезмерного гиперкритицизма (неоправданного сомнения), должен был признать, что восточнославянские племена сидели на юге Карпатских гор с VII-VIII веков. Он признал, что восточными (или русскими) славянами построен тут, на реке Бодроге, укрепленный земляной город Землин, как доказывает название со звуком -л- после губного согласного; ср. земля, по-словацки zem (прежде zemia), по-чешски země. Город этот был построен нашими предками, по мнению Петрова, для защиты с юга, от продвигавшихся в притисскую равнину южных славян. Этот укрепленный город (или замок) существовал тут уже в X столетии, оказывая отпор напавшим на край с севера Уграм или Мадьярам Альмоша и Арпада. Однако, Петров, соглашаясь с доказательствами Нидерле и признавая восточнославянское заселение „с VII-VIII века", захотел примирить оба противоположные взгляда: Нидерле и Годинки. И достигает он этого тем, что восточные Славяне — в его изображении — хотя и „поселились с VII-VIII веков на южных склонах, „в предгорьях и в самых горах (даже междуречьях)", но в XI-XII столетиях исчезли, рас-

плылись „среди других народов", будучи обращены „в римско-католическую веру западными проповедниками" наравне с Мадьярами. Откуда Петров все это узнал, неизвестно. „Других народов" в XI-XII столетиях в Карпатах не было, как это признает и Годинка. „Другим народом", который застали тут в VI-VII веках, при первом своем заселении, восточные славяне, были остатки Кельтов; от них они заимствовали названия рек, из стечения которых образуется Бодраг (Латорица, Лаборец, Олька), а также более западных по соседству (Ториса, Горнад, Бодва). В течение следующих столетий остатки Кельтов слились с осевшими среди них восточными Славянами, и к XI-XII векам их уже не было; но осталось в устах ворвавшихся около 996 года в Дунайскую котловину Угров племенное название этих Кельтов — Tauti, в мадьярской передаче tót, которое стало обозначать Славян. А что касается веры, то сами Мадьяры первоначально приняли христианство от Славян по восточному (славянскому обряду), а не от „западных проповедников", как видно из мадьярской церковной терминологии : kereszt (-крест), csésze (-чаша), pap (-поп), malaszt (— милость), barát (— монастырский брат), koma (кум, кума) и т. д. Ясно, что Петрову нужно было все это для того, чтобы, заставивши „исчезнуть" восточных Славян, расчистить место для отдельного „второго" или „русского" заселения в XIII-XIV веках, как о том учат Годинка и Бонкало (см. выше). И притом нужно отметить, что отрицательные взгляды Петрова нашли отражение даже в таких сочинениях, где господствует противоположная точка зрения на славянскую заселенность и значение ее для исторической жизни Угорщины (например, в книге Мадурека Dějiny Madárů a uherského státu, Прага, 1934, стр. 24-25, 63-64).

Будапешский славяновед Мелих (родом Словак) старался устранить значение сказанного относительно замка Землина тем, что признал это название, а также название реки Топли славяноболгарским, ибо и язык болгарских Славян имел тогда (теперь не имеет) звук -л- после смягченного губного согласного (земля, теперь по-болгарски земя). Относительно названия реки Топля Мелих высказал мнение, что само название по виду славяно-болгарское (наше теплый по-болгарски звучит топл); однако дали название этой реке, по его словам, сами мадьяры из запаса тех заимствованных болгаро-славянских слов в своем языке, которых в нем и теперь много и которые вошли в их язык во время их сидения у нижнего Дуная. Но причин верить этому объяснению нет никаких. Если, например, протекающая через Карловы Вары речка называется по-немецки Тер, по-словацки Тепла, то это оправдано тем, что в нее вливаются горячие источники Карловых Вар; но вблизи нашей реки Топли нигде подобных горячих (теплых) источников нет. Минеральные источники тут все холодные. Исследователю, не жалеющему труда пройтись по долине реки Топли, бросается в глаза полноводность этой реки, постоянно угрожающей затоплением берегов и полей, т.е. берега ее топкие, легко за-

топляющиеся, чем и может объясняться ее название — безо всяких славяно-болгарских слов. Самый вид этого названия (Топля, с мягким окончанием и тем же вставным -л- после губного согласного), говорит в пользу такого истолкования, тем более, что от болгарского прилагательного топл производное существительное с окончанием -я- невозможно и не могло бы получиться. По-словацки река должна бы называться Topľa. Название Землин и Топля, следовательно, несомненно древнерусские, доказывающие присутствие тут восточно-славянского или древнерусского населения с давних времен.

Есть другие данные, подтверджающие, что наш народ не пришел сюда в XIII-XIV веке, как это было бы угодно мадьярским шовинистическим буржуазным и тенденциозным историкам, а живет тут с давних времен. Коренными, первоначальными жителями представляют наших предков и старые писатели Угорщины: магистр Петр или Аноним, писавший при Беле III (умер в 1196 году), и Симон де Кеза, родом из Кезы в нижнем Землине (XIII столетие). Аноним упоминает в своем сочинении "Gesta Hungarorum" („Деяния Угров") о том, что жена угорского короля Андрея I, Анастасия, являющаяся дочерью Киевского великого князя Ярослава Мудрого (1017-1054), любила проводить время в крае по Бодрогу, ибо „чувствовала себя тут ближе к родной земле (ad natale solum)". На Бодроге находился и восточно-славянский город (замок) Землин. Ясно, что не меньше расстояние (не меньше число километров или миль) от Древней Киевской Руси, а древне-русское население в Прибодрожском крае создавало впечатление близости к родной земле. Нужно заметить, что Аноним был знатоком южного Прикарпатья по Бодрог и верхнюю Тису. Симону де Кеза, как уроженцу этого края, этот край был тоже достаточно известен. Перечисляя в своем сочинении пришлые, поселившиеся позднее народности (De nobilibus advenis), он не называет среди них наших предков, древнерусское население на юге Карпатских гор. Подобные перечисления находим и в других угорских летописных записях, и нигде название нашего народа не включено в число позднейших пришельцев. Наш народ считался, следовательно, на своей земле, в древней Угорской Руси, народом старым, коренным, давнишним насельником своей унаследованной от предков южно-карпатской родины.

Оставаясь на почве реальных данных, можно только признать, что земля южнее Карпатских гор, т. е. верхнее Потисье с притоками, была населена с домадьярских времен восточнославянским или древнерусским народом.

Проф. Г. Геровский

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПРЕДКОВ НАШЕГО НАРОДА

Предками нашего народа являются восточно-славянские племена, которые в силу исторических обстоятельств оставили места, где они первоначально сидели, и перешли через Карпатские горы. Тут они осели южнее гор, на равнинах по реке Бодрогу и в верхнем Потисье. Первыми из этих племен, которых постигла такая судьба, были Дулебы. Это восточно-славянское племя, сидевшее на югозападе, в нынешней Волыни, стояло во главе военного союза восточно-славянских племен, а потому, пришедшие из Азии Авары или Обры (единств. число обрин), как их называли Славяне, прежде всего набросились на Дулебов и разбили это племя. Часть разбитого племени Авары завлекли с собой через Карпаты, на юг этих гор, куда направились Авары, а другие уцелевшие части Дулебов отодвинулись к северу и стали называться по месту. Бужане (по реке Южному Бугу) и Волыняне по укрепленному городу Волынь (или Велынь). Это случилось в VI-VII столетиях. Завлеченные Аварами на юг Карпатских гор Дулебы не остались в горах, а как земледельцы (каковыми являлись все восточные Славяне), поселились на равнине по реке Бодрогу и ее притокам.

Край, где осели Дулебы, не был безлюдный; тут, а также в широких долинах рек, еще жили остатки Кельтов, которые заняли (завоевали) этот край, верхнее Потисье или южное Прикарпатье, в IV столетии до Р. Х. Это был народ высокой культуры, который занимался не только земледелием, но имел и свою развитую „промышленность”, в которую входила не только выделка посуды (гончарное производство, керамика), но и добывание и обработка металлов, в том числе и железа. В нашем крае имелись два промышленных центра Кельтов: один на реке Бодроге, в том месте, где потом на его развалинах был построен восточно-славянский замок (укрепленный город) Землин, другой на реке Латорице, в ее среднем течении (позднейший город Мукачево). Все это выяснила археология, т. е. раскопки, которые производились, чтобы выяснить прошлое края. О Кельтах в Средней Европе появилась недавно большая книга чешского ученого А. Филипа (Keltové v stredni Evropé, Praha, 1956), где выяснены эти вопросы. От Кельтов, остатки которых продолжали жить совместно с нашими предками, были заимствованы и сохранились (употребляются) до наших дней названия рек в системе верхней Тисы, реки, из стечения которых образуется Бодрог: Латорица (из кельтского Latar „сторона”), Лаборец (из кельтского Labor — „болтливый,

шумящий"), приток Ондавы — Олька (из кельтского Olc (— olk) „плохой"), а также Горнад (из кельтского Horn „железо", hornad „полный железа"; сравни железные руды в поречьи этой реки и ее притока Гнильца) и приток Горнада — Ториса (кельтское Torisse „ставшая известной"), Бодва (из кельтского Bodva „богиня войны"). Уже эти названия рек свидетельствуют сами по себе о давности восточно-славянского заселения края южнее Карпатских гор в системе упомянутых рек. И если были попытки отрицать кельтское происхождение их названий, как это делал, например, мадьярский ученый Мелих, выводивший название Лаборец из турецкого Алп-баре „храбрый тигр", то такой фантастикой (или „романтизмом") объяснения не могла быть затемнена историческая действительность; Албарс дало бы по-славянски „Лабрас", по-восточно-славянски (по-древнерусски) „Лоборос" или „Лаборос". Между тем Лаборец в славянских устах совершенно точно воспроизводит кельтское Labar со славянским окончанием -ец. Непосредственное преемство от Кельтов этим доказано.

С течением времени восточно-славянские Дулебы распространялись в занятом ими крае во все стороны по течению рек — в долины, откуда эти реки текут в Бодрог, а также в соседние долины рек Торисы, Горнада и Бодвы. При этом продвижении второстепенные притоки получили названия славянские (Гнилец, Свинка, притоки Горнада, Топля, приток Ондавы и т. д.), за исключением Ольки, где и село Кайня имеет название, не объяснимое из славянского (кельтское Cein/-kein „прекрасный"). Дальнейшая судьба восточно-славянского населения (племени Дулебов) в системе упомянутых рек, была зависима от аварской державы, центром которой была Дунайская степь. В начале IX столетия король франков Карл Великий (768-814) с севера и болгарский хан Крум (802-815) с юга нанесли Аварам решительный удар и ликвидировали их державу. Притом весь юг и юговосток Дунайской котловины (включая восточные Карпаты) оказался в руках Крума и был присоединен к Болгарии. Присоединенным оказалось таким образом и верхнее Потисье с системой рек, впадающих в Бодрог и верхнюю Тису, т. е. край заселенный Восточными Славянами (племенем Дулебов). Южным Прикарпатьем управляли болгарские воеводы , о которых рассказывает в своем сочинении, на основе древних записей, магистр Петр или Аноним, живший при угорском короле Бейле III (1173-1196) ; их застали тут при своем вторжении Угры. Эти воеводы назывались греческим словом дукас (из латинского dux), что в устах славян звучало (выговаривалось) дюк; они сидели во всех укрепленных городах (или замках), Слово это до сих пор живет в устах нашего народа в Лаборской долине и горном разделе между рекой Олькой и Ондавой в таких выражениях, как „дюк бы тя взяв" или „идь (иди) до дюка" и т. д. В то время, когда верхнее Потисье принадлежало к Болгарии, состав восточно-славянского заселения на юге Карпатских гор значительно увеличился. А именно во время между 860 и 890 годами через Карпаты пришли сюда части восточно-славянского племе-

ни Уличей, а также восточно-славянское племя Тиверцев. Эти племена первоначально сидели по южному течению рек Южного Буга и Днестра, до их впадения в Черное море, а также в крае при Черном море до южного Дуная. Этот край при Черном море по нижнему течению упомянутых рек был известен под названием Угль (так звучало по-древнерусски слово угол). Под натиском кочевников Угров, которые в указанные годы продвинулись сюда из области у Азовского моря за южным Доном, где на них напали другие кочевики Печенеги, Уличи, под ударами Угров оставляли свои насиженные места; часть их ушла к северу, к верховьям южного Буга, другая часть на юго-запад к Карпатским горам и переходила за эти горы по долине Ужанской реки. Подобно же из того края Углъ (Угол) ушли за Карпаты, на юг этих гор, Тиверцы, ближайшие соседи Уличей. Оба эти племени, Уличи и Тиверцы, заняли на юге Карпатских гор край по рекам в их нижнем течении до их впадения в Бодрог, из которых одна известна под названием Ужанской реки, а другая уже издавна называлась унаследованным кельтским названием Латорица.

Память об этом заселении Запад. Закарпатья сохраняют живущие до сих пор в устах народа названия. Как известно, Дулеба встречается и теперь, как собственное имя (семейное прозвище) в разных местах, как в западной, так и восточной части бывшей Угорской Руси. Об Уличах сохраняется память в местных названиях в местах их древнего расселения: речка Улычка, правый приток Ужанской реки, село Улыч (женского рода) на ее берегах. Имеются собственные имена (прозвища) Уличный, Улична и др. Но самым важным местным названием, связанным с расселением в крае по двум упомянутым рекам Уличей и Тиверцев, является название Ужанская река. Слово „ужанский" есть прилагательное от существительного Ужанин (теперь уже не употребляемого), которое обозначает жителя края, называемого Уг. И действительно, на севере этого края, до сих пор сохранилось название (в уменьшительном виде) Ужок. Не трудно видеть, что название Уг, от которого произведено уменьшительное Ужок, обозначает жителей края Ужанин (с производным от него ужанский) не что иное, как упомянутое выше древнерусское название Причерноморья — Углъ; это две разновидности (два варианта) одного и того же слова, причем первое из них имеет при себе словообразовательное окончание (суффикс) -л, которое во втором отсутствует. Такие разновидности (в образовании слов встречаются наряду с другими различиями в отдельных народных говорах. Угл и Уг это одно и то же название, которое (без окончания -л), было занесено из Причерноморья на юг Карпатских гор Уличами и Тиверцами, называвшими край нового для них заселения старым, привычным для них именем Уг. Мадьярские ученые (Мелих в Будапеште) старались доказать происхождение загадочного названия Уг (которое в X столетии звучало еще с носовым звуком, сохранившимся в мадьярском Ung) из турецкого, на том ос-

новании, что принадлежность верхнего Потисья к Болгарии в IX столетии принесла с собой турецкие названия. Ибо Болгары в собственном смысле были народом турецкого языка, завоевавшими в VII веке край южнее нижнего Дуная, населенный южными Славянами и давшими ему свое название, как название основанной ими „болгарской" державы. Но дело в том, что эта держава была по языку населения славянская, а основатели ее, Болгары, представляли в ней немногочисленную верхушку, управлявшую державой при помощи своих воевод под началом хана (или князя); и сами эти воеводы были окружены помощниками Славянами как в самой Болгарии, так и в принадлежавшем к ней южнокарпатском крае (верхнем Потисье). Поэтому о том, чтобы на юг Карпатских гор проникли от этой турецкой верхушки (от тюрко-болгарских воевод) турецкие слова и местные названия, не может быть никакой речи. Осталось (сохранилось в народной памяти), как мы видели, лишь одно слово дюк, являвшееся названием болгарского воеводы. Таким образом Уг, Ужок и производные Ужанин, ужанский, имеют вполне славянский вид, и нет никакой причины объяснять их из турецкого, ибо их занесли сюда Уличи и Тиверцы из того края, откуда они пришли, т. е. из Причерноморья, называющегося по славянски Угл. На новом месте жительства эти восточно-славянские племена с течением времени перестали называться Уличами и Тиверцами подобно тому, как потеряли свое племенное название и Дулебы. Они получили новое название по краю верхнего Потисья и поречий упомянутых рек, который назывался Уг, и стали известны под именем Ужан, как и река до сих пор называется Ужанской.*)

С временем, когда восточно-славянское верхнее Потисье принадлежало к Болгарии, в IX столетии, связано, начало христианства в нашем крае. В 866 году болгарский князь Борис (852-888) обратился по этому делу сперва в Рим, желая таким образом противодействовать греческому влиянию из соседней восточно-римской или греческой империи. Но через несколько лет (в 870 году), когда в Велико-моравской державе уже действовали (с 863 года) первоучители славян Кирилл и Мефодий, Борис, принявший раньше христианство под именем Михаила, решился в пользу Восточной церкви. В Болгарии начали действовать ученики Кирилла и Мефодия. Это имело значение и для восточно-славянского верхнего Потисья. Известно, что с течением времени работа учеников Кирилла и Мефодия целиком перекинулась в Болгарию. Это случилось после смерти Мефодия (в 885 году), когда одни из его учеников бежали через Дунайскую равнину к крепости Белград, в то время принадлежавшую к Болгарии, а другие были схвачены и проданы в рабство в Венеции. Из рабства выкупил их случайно приехавший на корабле в Венецию высокий функционер из Константинополя, который привез этих славянских учеников

---

*) А перевал через Карпаты, вблизи ее истоков, — Ужанским — **О. Г.**

Мефодия в столицу греческой империи, где им был предоставлен для славянского богослужения храм св. Недели. Потом они были по требованию из Болгарии отправлены туда. С этими событиями, связанными с ликвидацией кирилло-мефодиевских традиций в Велико-Моравской державе и окончательным запрещением славянского богослужения римским папой, было связано и начало христианства у восточных Славян в верхнем Потисье, на юге Карпатских гор. Случилось это на 100 лет раньше, чем было введено христианство в Киеве при князе Владимире (в 988 году). На это обратил внимание уже историк Русской церкви Голубинский, сочинение которого вышло в 1901 году („История Русской Церкви", том I, стр. 167, 91 примечание 2); притом он высказывает обоснованное мнение, что при крещении Руси в 988 году в Киеве присутствовали, кроме славяно-болгарских „и священники из Угорской Руси" (там же, стр. 91)

Дальнейшая судьба восточно-славянского верхнего Потисья представляется в следующем виде. В 896 году вторглись через Карпаты и напали на восточно-славянскую область в верхнем Потисье Угры или Мадьяры. Они подходили по очереди к каждому укрепленному городу (замку), осаждали его и захватывали после долгой осады. Прорвавшись через перевал у нынешних Верецких, они подошли сперва к Мукачеву, потом к замку, называющемуся Уг, который находился при впадении Ужанской реки в реку Бодрог, и наконец, к Землину, который они взяли после долгой осады. Последним из восточно-славянских замков, взятых Уграми, был город Боржава на реке Боржаве, правом притоке Тисы. Об этом рассказывает, как уже сказано, в своем сочинении „Деяния Угров", на основе старых записей, магистр Петр или Аноним. Угры завоевали весь край, заселенный Восточными Славянами, и при этом расправлялись с защищавшими замки болгарскими воеводами или „дюками", после чего они ушли дальше, в удобную для кочевья Дунайскую степь, продолжая свой поход против живших там Южных Славян и против соседящей с Дунайской равниной Велико-моравской державы. Вследствие этих событий границы Болгарии передвинулись к нижнему течению Дуная. Это случилось в связи с тем, что вслед за Уграми появились у нижнего Дуная (у его устьев) напиравшие на них Печенеги, занявшие все Причерноморье до нижнего Дуная. Этим был в свою очередь вызван в X столетии уход восточно-славянского племени Хорватов из края по верхнему течению Днестра (из нынешней Галиции), на юг Карпатских гор, где они осели в восточной части верхнего Потисья, т. е. в поречье верхнего течения Тисы и по ее притоку Боржаве (в нынешнем Мороморыше и Угоче), по левым притокам среднего течения Тисы, Красной и Крижу в нынешнем румынском Мороморыше и столице Сатмарской, а также в частях Семиградья. Тут они оказались соседями с одним из южнославянских племен болгарского типа.

Для восточно-славянского верхнего Потисья создалось после этих событий новое положение. Оно оказалось вне пределов ко-

чевья Угров или Мадьяр, занявших удобную для кочевья Дунайскую степь. Точно так же оно осталось за границами Болгарии и других существовавших или зарождавшихся в то время феодальных держав. Восточно славянское верхнее Потисье на юге Карпатских гор стало „ничьей землей", жившей самостоятельно и независимо своей унаследованной от старины родоплеменной жизнью в течение нескольких столетий. Угорской державы еще не было; она начала формироваться в XI столетии, при Стефане I, при котором началось постепенное присоединение ближайших к Дунайской степи областей лесо-степной полосы. От древней Руси восточно-славянское верхнее Потисье было отделено в X столетии горной цепью Карпат и двумя кочевыми разделами Печенегов, о которых сообщает греческий писатель Константин Багрянородный (Порфирогенит) в своем сочинении „Об управлении государством", написанном около 950 года. В XI столетии Печенеги сменились другими кочевниками, пришедшими из Азии, а именно Половцами или Куманами. С 1018 года половцы занимали уже все Причерноморье до нижнего Дуная и весь край между нижним Дунаем и Карпатами, получивший название Кумании. Восточнославянское верхнее Потисье, слагавшееся из племенных областей трех восточно-славянских племен: Дулебов, Уличей с Тиверцами или Ужан и восточно-славянских Хорватов, продолжало жить как „ничья земля", сохраняя свои родо-племенные традиции и своих племенных князей.

ПИСЬМО ПИСАТЕЛЯ Ю. МИРОЛЮБОВА

В редакцию „Свободного Слова
Карпатской Руси"

Дорогой собрат, господин редактор!

Знаю, как тяжело издавать что-либо в эмиграции. Я четыре с половиной года издавал „Жар-Птицу", и знаю, как это делается. Люди думают, что им должны высылать бесплатно. Почему — бесплатно? Разве им дают в лавке мясо или хлеб „бесплатно"? Для этих людей журнал — „не товар". „Товар" — только хлеб, картошка, и виски, этикетку которого такой человек внимательно „читает", пока не дочитывает виски до дна...

Это и показывает, что кой в чем революция была и правой, как это ни тяжело признать. В частности, что среди русской „элиты" не все были „элитой", а что многих надо было, просто, заставить рубить дрова! Это очень тяжело признать, но непризнающий лишь самообманывается. К чести карпатороссов должен признать, что среди них мало подобных людей. Гораздо больше среди них настоящих русских патриотов, какими мы, русские из России, не часто бывали. Я вам совсем не льщу, но считаю, что

когда вспоминаю покойного проф. Дм. Вергуна, я вспоминаю **великого** русского патриота, а он в России и не учился, и даже не воспитывался, и, кажется, там совсем не бывал. Во всяком случае, если и бывал, то недолго. Всю свою любовь к русскому народу он выносил и взрастил заграницею, — или на Карпатской Руси, или в Чехии, бывшей тогда частью Австро-Венгрии. Российская профессура его не жаловала, потому что она была гнилой и космополитической, полной обезьянего подражания „Европе". Между тем, после Петра Великого, несмотря на его ошибки, после Суворова, Кутузова, Карамзина, Жуковского, Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Влад. Соловьева, даже — поздних — Блока, Белого, Городецкого, Гумилева, Анны Ахматовой, Бунина, Достоевского, Гоголя и Толстых (художников слова), а после Менделеева, акад. Павлова, генерала-профессора химика Ипатьева, и всех других, мы уже с полным правом могли на „Европу" и не оборачиваться! Особенно же — на немцев. Между тем, наша профессура, особенно „каде", так сказать, „Милюковского типа, то и дело оборачивалась, и прислушивалась, как скажут „немецкие паны".

И вот тут карпатороссы — **грандиозны.** Они ни на кого не оборачивались. Они жили своими Карпатами и Криван-Горой. Они ни немцев, ни мадьяр, ни поляков или чехов не приняли и считали себя **русскими** 1000 лет. Сейчас их Советы, которым ничего русского не жалко, переименовали в украинцев. В этом бы еще не было бы большого зла, если бы за словом „украинцы" не скрывались **галицкие униаты.** В сущности, когда в XVI веке „Ржечь Посполита", пытавшаяся надеть Литовско-Русской Украйне (Киевской Руси) ярмо, с клеймом — "Made in Rome"; когда „Ржечь" провалилась, а Богдан Хмельницкий довел войну в Южной Руси до конца и до воссоединения с Московской Русью; когда в Переяславе люди целовали крест и клялись; — тогда уже „Уния" стала искать других путей католической политической акции, через Унию в Галичине, а затем, через „самостийно-украинское" движение в Галичине же. **1000 лет шла борьба папского Рима против русского народа** — то при помощи Тевтонского и других орденов, то через католическую Польшу, то через Швецию, то через Германию, а то даже и через Турцию. Цель была ясная: уничтожить Запорожское казачество, крепко веровавшее в Святую Троицу, и за Нее умиравшее, — и на которое опиралась Южная Русь.

Моря крови были пролиты в Южной и даже Московской Руси „панами" Вишневецкими, Конецпольскими, Заславскими и другими, только бы **окатоличить** Южную и Московскую Русь . . .

И вот тут карпатская Криван-Гора стояла нерушимой крепостью православия. На нее оглядывались и в Киеве, и даже в Москве! И если сейчас перестали (мы говорим об этом веке) оглядываться, то не по вине Карпатской Руси, а по вине русского падения и революции.

Двести лет в Южной Руси умирали верные люди на колах,

вдоль „дорог Вышневецкого". Город Бары, Белз, Немиров, множество сел и местечек были выжжены, жители их посажены на кол, а женщины и грудные младенцы растоптаны конницей за то, что считали себя русскими и православными. Карпаты же принимали беглецов, и на Криван-Горе стоял вечный всадник, рыцарь истинной веры, и глядя на него, верили все — как карпатские русы, так и южно-русы-киевляне.

На Сечь, на низ Днепра-Славуты шли и карпатские русы, и гуцулы, и даже словаки. Все они шли защищать вольность и русское имя. Да будет преславно Имя Божье, Да будет прехвальна Святая Троица и Матерь Божья! Отстояли свою веру в Бога русские люди в Южной Руси. Отстояли, потому что за ними стояла Криван-Гора карпато-русского благочестия.

Слава тебе, карпатский народ, слава тебе, Окраинная Русь, за то что ты была хотя и слаба, мала, немнаголюдна, но тверда в вере, как адамант!

Великую роль сыграла карпатская окраина, крайняя кромка земли Русской Киевской, держа зажженную свечу православия.

Теперь уже недолго ждать. Скоро-скоро вспыхнет очищенный в страданиях Русский Огонь. Скоро-скоро будут вольными Карпатские Руссы. Руссы Севера и Юга будут **едины, что бы ни делали продажные люди.**

Великое будущее сияет славянству!

Юрий Миролюбов

А. Геровский

КОНЕЦ КАРПАТСКОЙ РУСИ?

Краткий обзор истории Закарпатья. В древности почти все Карпатские горы были русскими. Словаки жили за Татрами, а Волохи за Дунаем. — Цельй Ардял (Семигород, Трансильвания) был русским. — Когда и каким способом Мадьяры, Волохи и Словаки захватили русские земли? — Теперь коммунисты насильственно украинизируют Карпатскую Русь.

Карпатской Руси действительно угрожает большая опасность. Народ там останется, но удержит ли он свою русскость? Выживет ли Русь? Не превратится ли она в Украину? Русь в Карпатах старались уничтожить Австрия, мадьяры, Рим и немцы, но никому из них это не удалось. Наш народ остался русским. Но то что не удалось ни Австрии, ни мадьярам, ни Риму, может удастся коммунистам, которые решили во что бы то ни стало уничтожить Русь в Карпатах и насадить там украинство.

История знает наш русский народ в Карпатах более тысячи лет. За это время через Карпаты с востока прошло много наро-

дов: готы, тунны, обры, мадьяры, печенеги, татары. Они уничтожали все, сжигали села, убивали людей. Но все это наш народ перетерпел и пережил и остался тем, чем был: русским.

Не вся та земля в Карпатах, что тысячу лет тому назад была русскою, осталась таковой, далеко не вся. Много стародавной русской земли в Карпатах пропало. Где тысячу лет тому назад жил русский народ, теперь живут словаки, волохи, мадьяры.

Больше всего русской земли в Карпатах присвоили себе волохи. Некогда целый Ардял был русским. Теперь там уже нет ни одного русского села, живут там одни волохи и мадьяры. Волохов в Ардяле — три миллиона, а мадьяр-секелей — полмиллиона.

В западной части Закарпатья вся земля на восток от Татранских гор была русской. На Спише, Шарише, Земплине не было ни одного словацкого села. А кроме того и в долине реки Грон жили русские, достигая самого Будапешта. Теперь в долине этой реки народ говорит по-словацки, и на восток от Татр большая часть Спиша, Шариша и Земплина населена словаками или ословаченными русскими.

Карта на обложке указывает, где русский народ жил в Карпатах и на равнинах Притисья лет 800-1000 тому назад и что им было утеряно.

Как следует из приведенной карты, русский народ удержал в Карпатах не более, как одну десятую часть той земли, которая тысячу лет тому назад была русской.

Когда наш народ потерял эти земли и почему так случилось?

Причина была не одна, их было много. Главные из них — следующие:

1. Нашествие мадьяр в IX столетии;
2. Нашествие татар в XIII столетии;
3. Переселение волохов (румын) с балканского полуострова на север, начавшееся в XII ст. и продолжавшееся в следующих столетиях;
4. Завоевание турками Угорщины в XVI ст.;
5. Борьба ардялских князей с Габсбургами, продолжавшаяся 150 лет на карпаторусской земле.

Нашествие Мадьяр

В конце IX столетия с востока появились мадьяры. Под давлением печенегов они перешли Карпаты и поселились в Паннонии на равнине, на берегах рек Тисы и Дуная. Мадьяры были кочевниками, привыкшими пасти скот в степях и ловить рыбу. Вот почему они поселились на равнине при Тисе. Земледелия они не знали. Со временем они научились обрабатывать землю у славян, среди которых поселились, то есть у наших предков на во-

стоке и у словаков и словенцев на западе. Мадьяры не имели в своем языке земледельческих терминов и выражений. Вместе с земледелием они взяли у славян и нужные для земледелия слова. Так они и теперь еще называют сено — сейно, солому — солмо, грабли — геребле, а косу — косо, вилы — вило, колос — колас. „Копать" по-мадьярски будет „копални". От наших православных предков мадьяры приняли также и христианскую веру[1]). Поэтому еще и теперь они называют своих священников попами; хотя они позднее поддались Риму, но попы остались попами. Вечерню мадьяры называют „вечернье" крест — „керест", чаша — „чейсе", а чудо — „чодо". Некоторые дни недели мадьяры называют по-русски. Среда по-мадьярски — „сердо", четверг — чутёртёк, пятница — пентек, а суббота — сомбот. Один сорт токайского вина мадьяры называют „самородни" — самородное.

Наши предки, жившие на равнине, перемешались с мадьярами и таким образом исчезли. Мадьяры основали на придунайской равнине свою державу и мало-помалу подчинили себе соседние земли и народы.

Нашествие Волохов

Мадьяры забрали от нашего народа равнину, а волохи — горы, верховину в восточных Карпатах. Волохи начали селиться в русских ардяльских (семиградских) горах в двенадцатом столетии. Они не завоевали Ардял силою. Не было никаких войн. Они в Ардяле не основали своей державы. Волохи пришли из-за Дуная и мало-помалу переходили через Карпаты в Ардял со своими стадами овец и селились среди русского населения. Места было много. Волохи были одной веры с русскими. Они были православными и молились они по-русски или по церковно-славянски. Только пятьсот лет спустя, т.е. в семнадцатом столетии церковные книги были переведены у них на волошский язык. Но еще и двести лет потом волохи писали и печатали свои книги хоть и по-волошски, но церковно-славянским письмом. Вот почему наш народ в Ардяле так легко смешался с волохами. Волохов-пришло на ардяльскую верховину великое множество и среди них русские как бы растворились. Но еще в XV столетии во многих частях Ардяла народ говорил по-русски. И теперь еще повсюду там сохра-

---

[1]) На коронационной мантии мадьярского короля св. Стефана вышит иконостас и над ним надпись на церковно-славянском языке: „Буди, Господи, милость Твоя на нас, ныне и во веки", а под ним слова: „Господи, ущедри ны, и благослови ны, просвети лице Твое на ны и помилуй ны". Св. Стефан предоставил своему сыну Эмериху титул: „Дукс Рутенорум", то есть русский князь.

нились русские названия рек, гор и сел. На самом юге, недалеко от сербской границы, имеются горы, которые румыны называют русскими и река, называющаяся „русской".

Д-р Ядор Н. Стрипский в своей брошюре „Где документы старинной истории Подкарпатской Руси?" сообщает: „Антропологические и этнографические признаки румын, заселяющих теперь соседние с Мороморышем жупы (округа), ясно указывают исследователю, что они румынизированные русские, которые до 1900-х годов даже и говорить еще умели по-русски, особенно в жупах Насад и Быстрица. Я сам встречал таких в 1902 году.

То же самое явление наблюдаем в гористых областях Семиградья, заселенных секлерами (мадьярами).

Вкратце скажу, что в жупах Чик, Гаромсек, Марош-Торда, Колош, Быстерица, Силадь и Бихор очень часто повторяются следующие названия: Oroszi, Orosz- Idecs.-Orosz hegy, Valal, Korotno и т. п. Подобные русские названия находятся в огромном количестве. В быту и языке нынешних обывателей Семигродья — секлеров и румын — много этнографических, археологических и языковых русских особенностей. Характерный для русских оборог, (сеновал) находится только у семиградских румын и мадьяр. Припомню здесь один факт.

Король Эмерик говорит в грамоте от 1201 г. о некоей местности под названием Форум Руténорум, находящемся в саксонской части Семиградья. Это очевидно перевод из русского „Русский торг", русское торговище. Саксонцы поселены сюда 1212 г., и переняли от русских их название и зовут это место и доныне Reussmarkt, в старых грамотах Ruz mark, что обозначает „русский торг". Мадьяры прозвали его Szerda-hely; так как ярмарки состоялись здесь по средам, наподобие Csütörtökhely, Szombat-hely; а румыны переняли у мадьяр их форму и зовут его по своему Mercuri, что обозначает также среду. Место находится недалеко от великой полонинной области, которая называется по-румынски, по-мадьярски и по-немецки и доныне Poliana Rusca!".

Волошские (румынские) пастухи проникали в карпатских горах далеко на северо-запад за Татры, но уцелели они только в южной части Мороморыша. На запад от Мороморыша они исчезли, смешавшись с русскими и словаками. Лишь топономические названия рек и гор Закарпатья, как например, Мунчел или Менчул, что по румынски значит „малая гора", Пикуй, Томнатик (Осенняя), Пиетрос (Каменистая) и др. названия говорят о местах их былого расселения.

Самую восточную часть Семиградья (Ардяла) заняло в XII столетии мадьярское племя — секлеры.

Вследствие того, что мадьяры заняли придунайскую равнину (Паннонию), а румыны — восточные Карпаты, русский народ не только потерял эти земли, но был разобщен, отрезан от южных славян — болгар и сербов, хорватов и словенцев — от

северных славян, то есть русских и словаков. До того времени русские соседствовали с сербами, а словенцы и хорваты с словаками.

СЛОВАКИ

Каким способомословачились восточные Татры, часть Спиша, Шариша и Земплина.

Римо-католики на Спише, в Шарише и Земплине, которых теперь именуют словаками, возникли там только недавно, в шестнадцатом и семнадцатом столетиях. До того времени римо-католиками там были только немецкие колонисты „ципсеры", поселившиеся на Спише в XII-ом и XIII-ом столетиях. Кроме немцев „ципсеров" в Спиш стали проникать в четырнадцатом столетии римо-католики поляки, после того, как угорский король, нуждавшийся в деньгах, заложил часть Спиша польскому королю. Эта часть Спиша находилась под владычеством поляков триста лет, до конца XVIII столетия, до раздела Польши. Потом Спиш взяла Австрия. Под Австрией всем римо-католикам на Спише дали словацких плебанов (попов), которые внущали полякам и ополяченным русским, что они „словаки".

Части Шаришской, Земплинской и Ужанской столицы ополячились во время долгой войны, которую австриские Габсбурги вели 150 лет с ардяльскими (семиградскими) князьями. Эта война началась в половине XVI ст., после того как турки разбили угорское войско под Могачем и завоевали всю угорскую равнину. В этой битве погиб последний угорский король Лайош. Фердинанд Габсбург захватил западные Карпаты (Словакию). Весь же восток, Ардял, объявил независимость под властью своих князей. Таким образом Угорщина распалась на три части.

Наша Карпатская Русь осталась по середине. С одной стороны была Австрия (Габсбурги), а с другой — был Ардял. Турки не вмешивались в дела Карпатской Руси, но Габсбурги и ардяльские князья старались нодчинить Карпатскую Русь своей власти. Габсбурги объявили себя преемниками угорских королей и старались завоевать не только Карпатскую Русь, но и Ардял и всю Угорщину. Этой цели они достигли после многих войн, длившихся полторастолетие.

150 лет длилась война на нашей земле, аж до конца XVII столетия. Наши предки стояли на стороне протестантского Семиградья, потому что Габсбурги не только хотели завоевать всю Угорщину, но они всюду старались завести насилием латинство, а наш народ не желал окатоличения. Ардяльские князья, будучи протестантами, кальвинистами, также противились папе. Таким образом война за освобождение от Габсбургов велась как война за свободу веры, за свободу от Рима. Габсбурги преследо-

вали кальвинистов и православных. В Пряшеве Габсбурги вешали кальвинистов. В Ужгороде горстка высшего православного русского духовенства, тайно от народа, подписала унию. Русские города Ужгород, Мукачево переходили из рук в руки. То господствовали в них Габсбурги, то ардяльские князья. Русские села сжигались, а население бежало в леса и горы, туда, где не было дорог и куда габсбургским солдатам было трудно добраться. Равнинное, южное Закарпатье обезлюдело. Места, насиженные русскими, заняли поляки, которые через Спиш переселились в Шаришскую, Земплинскую и Ужанскую столицы. Они заселили разбитые и сожженные русские равнинные села. Габсбургам это очень нравилось, потому что поляки были католиками. Они не только забрали русские хаты, русские земли, но во многих случаях им передали и русские церкви, даже и в тех селах, в которых уцелела часть русского населения. Всех русских попов подчинили римским плебанам-словакам. Православное священство не имело право вести метрическую запись новорожденных. Ее вел словацкий плебан. Таким образом часть Шаришской, Земплинской и Ужанской столицы окатоличилась. Словацкие плебаны вбивали в головы пришлым полякам и окатоличенным русским, что они словаки. Но русские люди, сохранившие свою веру и свое русское имя, и теперь еще называют тех латынян лясами или ляхами, то значит поляками.

Почему так случилось? Разве некому было помочь нашему народу?

Как уже было сказано, больше всего русской Земли в Карпатах забрали волохи, которые переселились с юга, с Балканского полуострова через Дунай, заняли большую часть Карпатских гор, всю Трансильванию, часть Буковины и всю Молдавию. Только малая часть волохов обрусела.

Почему это произошло? Во-первых, русское население было редким, земли было много, а волохов пришло великое множество. Во-вторых, наш народ там не имел своей организации, не имел своей державы. Он состоял из многих племен, многих ватаг. Племена те были небольшими, как например, бойки, или гуцулы. Они занимались земледелием, и еще больше скотоводством. Многие ватаги переходили из места на место, туда, где были лучшие пастбища и полонины. Было время, когда Молдавия аж по Дунай принадлежала русскому галицкому княжеству, но это длилось недолго. Карпатская Русь на юг от Карпат принадлежала также некоторое время Галицкому княжеству. Но мы не знаем, как долго длилось это. В начале, когда мадьяры перешли через Карпаты, горы их не интересовали; им нужна была равнина для выпаса их скота. Границей между Угорщиной и Галичем служили горы, в которых жили русские. Но теми русски-

ми в те отдаленные времена не интересовались ни мадьярские короли, ни галицкие князья. Мадьяры забрали нашу верховину (гористую местность) без боя, без войны, так же, как и волохи, только с той разницей, что мадьяры в наших горах не селились, а волохи в Карпатах и Трансильвании осели и растворили в своей массе наш народ.

Почему же Галич или Киев не пришли на помощь однокровным братьям? Ведь были времена, когда Галич и Киев были сильными державами! Причина была та, что вся южная Русь, и Киев и Галич, находились между двумя сильными державами, между Польшей, с одной сороны, и татарами с другой. Польский король Болеслав уже в начале XI столетия пошел войной на Киев, а в половине XIV столетия польский король Казимир завоевал Галич, который более четырехсот лет оставался под Польшей, а потом перешел к Австрии.

В 1240 году татары напали на Киев и разрушили его до основания. Киев, мать городов русских, как исторический центр, исчез из русской истории на сто лет. Потом он стал частью литовского великого княжества и, вместе с ним, перешел под власть Польши. Таким образом ни Киев, ни Галич не могли помочь русскому народу в Карпатах.

Место Киева заняла Москва. Но и Москву завоевали татары. Вся Восточная Русь была под татарским ярмом более двухсот лет. Освободившись от татар, Московская Русь продолжала смотреть на восток и юг, откуда на нее сотни лет нападали татары, турецкие и монгольские племена. Победив татар, Московская Русь мало-помалу начала освобождать русские земли от поляков. При Богдане Хмельницком освободился Киев, а спустя сто лет, начиная с 1772 до 1815 года, Россия освободила от Польши все русские земли кроме Галичины, которую взяла Австрия.

Две Последние войны

Казалось, что в первую мировую войну Россия освободит остатки Русской Земли в Карпатах: Галичину, Буковину, и Карпатскую Русь. Но революция помешала этому. Россия не только не освободила русские земли, находившиеся под Австрией, но коммунисты отдали полякам еще много русских земель, которые уже были свободными.

Наконец возникла вторая мировая война. Советский Союз забрал не только все русские земли, но и Польшу, Чехословакию, Венгрию, Румынию. Многие наши люди думали, что наконец пришла свобода, что пришло русское войско, и что вся Русь объединится и будет свободной. Оказалось не так. Советское правительство, во главе которого стоял не русский человек, а грузин Джугашвили (Сталин), начало насилием уничтожать Русь в Карпатах. Оно отдала всю Пряшевщину Чехословакии, а галицкую

Лемковщину — полякам. Многие русские села в Буковине оно отдало Румынии. Кроме того из галицкой Лемковщины советы изгнали всех русских и на их место поселили поляков. Старые русские княжеские города, как Перемышль и Холм, с примыкающими большими районами, они также отдали полякам.

Восточную часть Карпатской Руси с Ужгородом, Мукачевом и Хустом коммунистическое правительство СССР взяло себе, но и там идет искоренение всего русского. Наших людей из русских переводят в украинцев и украинизируют весь народ посредством школы, прессы и литературы. В Пряшевщине сразу после войны не трогали русского имени и там несколько лет издавалась русская газета „Пряшевщина" и выходили другие издания на русском языке. Но потом, по приказу сталинского правительства, русские издания были закрыты и печать должна была перейти на украинскую мову.

Оторвать нас от русского народа в течение тысячелетия пытались поляки, мадьяры, немцы, чехи и папский Рим. Но это им не удалось. Почему же Советский Союз должен продолжать их работу?

Светозар Гурбан-Ваянский

„Что за шум и крики?
Что за вереница
Тянется дорогой?
Испитые[1]) лица;

Без кровинки губы
Запеклись от жажды.
Поглядит и вчуже
Прослезится каждый.

Как под осень гуси,
В путь спешат далекий,
С Богом, край родимый!
Здравствуй, свет широкий!

Из дому их голод
Гонит на чужбину.
Бедность плетью жесткой
Подгоняет в спину.

За краюшки хлеба,
За свою недолю
Отдаются сами
В тяжкую неволю.

О, словаки-братья,
О, родное племя,
Тяжкое досталось
Вам на долю бремя!

Вас не позабыли,
Всем вас наделили,
Холодом согрели,
Голодом вскормили.

Напоили желчью,
Тряпкою одели,
Твердый камень дали
Вам вместо постели.

И за вашу верность,
За труды за многи —
Ныне вам готовят
На погосте[2]) дроги.[3])

Вам готовят дроги,
Но Бог сильный с нами,
И враги на эти
Дроги лягут сами".

Помещаемое выше стихотворение принадлежит перу словацкого поэта XIX века, который нарисовал очень верно картину жизни словацкого народа до первой мировой войны. В таком же печальном положении, как словаки, находилось в то время и русское население южных склонов Карпат.

[1]) Испитой — истощенный, изнуренный, исхудалый.

[2]) Погост — сельское кладбище.

[3]) Дроги — погребальная повозка, колесница для перевозки умерших.

ГЛАВА VI

ВЕКОВАЯ БОРЬБА С РИМОМ

А. Геровский

УНИЯ В КАРПАТСКОЙ РУСИ

**Как началась уния в Карпатской Руси?
Какие об этом сохранились документы?
Почему нам необходимо знать историю унии?**

То, что нам известно о начале унии в Карпатской Руси мы знаем не из того, что сохранилось в памяти нашего народа, не из того, что рассказывал наш прадед нашему деду, а наш дед нашему отцу. В памяти народа сохранилось только одно: написты старались отобрать силою у нашего народа его православную веру, „старую веру", „русскую веру", истинную веру и навязать ему чужую, папскую, латинскую.

Это сознание сохранилось в нашем народе, особенно в восточной части Карпатской Руси. Там наш народ еще и теперь помнит, что его предки проливали кровь в борьбе за православную веру, за старую веру, за истинную веру. Там, в восточной части, народ никогда не переставал называть себя православным. В западной части народ называл свою веру русской верой, но униатами никогда не называл себя. Наш народ никогда не примирился с папством. Даже среди духовенства, официально униатского, было не мало священников, которые в душе оставались православными и поддерживали в народе сознание того, что он не имеет ничего общего с Римом. Но священники боялись выступать открыто против унии не только тогда , когда Карпатская Русь входила в состав Австро-Венгерской монархии, но и в то время, когда она была под властью чехов. Чешское правительство, как и мадьярское, поддерживало власть папы. Священник, который объявил бы себя православным совместно со своими прихожанами, потерял бы все: ежемесячное жалование, приходской дом и землю. Жандармы изгнали бы его на улицу вместе с попадьей и детьми. Так поступали чехи, которые противозаконно, не имея на это никакого права, отнимали от народа его храмы, школы, церковные земли и все церковное имущество, даже и в тех приходах, где не было ни одного униата, и которые даже мадьярским правительством признавались православными.

Итак, в народной памяти не осталось ничего о том, как началась уния. Народ помнил только одно: деды и прадеды боролись за старую веру и что эта борьба еще не кончилась. Здесь же, в Америке, само собою понятно, наши люди знают еще меньше о начале унии. Этому нечего удивляться, потому что наши люди живут по всей Америке рассеянно среди чужих людей. Старые поколения вымирают и большей частью уже вымерли, а новым — тяжело бороться против латинства, против унии, которая в последнее время со всей силой навалилась на наш народ в Америке.

Судя по тому, что делается здесь в последние годы, ясно видно, что Рим решил совершенно уничтожить не только старую веру и старые обряды, но и имя народа нашего. Галицкие униаты „украинцы" имеют свою „Украинскую грекокатолическую диецезию". Их епископы называются украинскими епископами, а нашим карпаторусским униатам Рим уже не разрешает называть себя русскими. Главная униатская церковная братская организация, которая в течение более чем 50 лет называлась „Соединение Грекокатолических Русских Братств", а по английски "Union of Greek-Catholic Russian Brotherhoods" уже не называется русской, а просто грекокатолической организацией, а ее печатный орган, называвшийся „Американский Русский Вестник", по английски "American-Russian Messenger" уже теперь только „Греко-католический Вестник". В самое последнее время даже слово „грекокатолический" уже официально не употребляется и карпаторусская униатская епархия официально именуется — „Католическая Епархия Византийского Обряда". Рим назначает для нашего народа епископов, совершенно не считаясь с его желанием и изгоняет их, как, например, епископа Иванчо, не осведомляя ни духовенство, ни народ о причинах. Народа это не касается — это исключительно дело Рима.

Епископа Иванча устранили потому, что он никак не хотел согласиться на то, чтобы карпаторусская епархия вошла в состав украинской митрополии, которую хочет создать Рим для галицких и карпаторусских униатов в Америке. На место Иванча папа назначил некоего Илька, о котором никто не знает, русский ли он, или словак.

Вопреки всем многократным заявлениям и обещаниям римских пап, что старые обычаи и обряды в униатской церкви не будут отменены и заменены римскими и, в частности, что не будет введен целибат, то есть неженатое духовенство, в Америке уже давно запрещено Римом рукополагать женатых священников. Из церквей выкидывают иконостасы. В них ставят латинские болваны статуи. Русские иконы заменяются латинскими с вырезанными сердцами на груди. Вводят „пацурки" — четки для всех мирян. Церкви передают латинским монахам бенедиктинам. В униатских церквах уже служат латинские плебаны и латинские бискупы. Предпринимают всевозможное для того, чтобы пере-

делать унию на чистое латинство. Почти все униатские церкви уже выглядят так, как латинские костелы. Нельзя различить: русская ли это церковь или латинский костел.

Многим нашим людям, униатам, все это не нравится, но они не борются. Они не знают, что им следует делать, у них нет оружия. Оружие, которого им нехватает, это — знание. Они не знают истории. Они не знают того, что триста лет тому назад, когда в Карпатской Руси вводили унию, Рим делал то же самое, что он делает теперь здесь, в Америке. Но тогда Риму не удалось олатинить наши церкви. В то время Мукачевского униатского епископа Рим более ста лет не признавал самостоятельным епископом, а только „викарным" — помощником латинского епископа, имевшего свою резиденцию в Ягере (Эгер).

Мукачевский униатский епископ сто двадцать лет был лишен титула „епископ Мукачевский". Его титул был „епископ Себастский" (в Турции) или по какому-нибудь другому, турецкому городу. Также и покойный владыка Такач Римом не признавался и не назывался „епископом Питтсбургским", а только епископом Себаста. И его наследники: епископ Иванчо, а теперь епископ Илько считаются лишь помощниками — „викариами", но не самостоятельными епископами. Они управляют карпаторусским стадом под надзором латинских епископов, которые им приказывают, что они должны делать.

Один из таких приказов был: выкинуть русское имя из церкви и из „Соединения"!

То же самое Рим хотел сделать с нашим народом в Карпатской Руси, когда там, триста лет тому назад, под страшным гнетом и страшными муками одна часть православного духовенства согласилась принять унию. И тогда, как и теперь здесь, в Америке, Рим подчинил Мукачевских униатских епископов латинскому „бискупу". И тогда, как и теперь в Америке, Рим не позволял им называться Мукачевскими епископами, но посылал их в Мукачево, только как помощников латинского епископа, приказам которого они должны были повиноваться.

Но как им было ни тяжело при тогдашней несвободе, когда священников мучили и били, а простой народ был совершенно бесправен, —они боролись и не поддавались латинякам. Принявши под страшным гнетом унию, они сохранили русскость церкви и восточный обряд и добились независимости униатской церкви от латинских бискупов.

Неужели теперь, тут, в свободной Америке, наши карпаторусские греко-католики, униаты, допустят, чтобы Риму удалось сделать то, что ему не удалось в порабощенной Карпатской Руси 300 лет тому назад? Неужели они допустят, чтобы карпаторусская греко-католическая униатская церковь превратилась в мусор, в навоз, которым латинские епископы будут удобрять свое латинское поле? Не было ли бы это позором и стыдом для нас? Здесь, в Америке, где бороться во сто крат легче, чем было в Карпатской Руси триста лет тому назад, капитулировать перед Ри-

мом безоговорочно? Здесь, в Америке, наши униаты могут добиться прав, которые им принадлежат по договору, на которых триста лет тому назад епископ Петр Парфений Ротошинский с 63 священниками поддался Риму,чтобы облегчить страдание духовенства, с которым тогдашние мадьярские паны обходились, как со скотом. В том договоре были три условия: во первых, остается в силе восточный греческий обряд; во-вторых, духовенство избирает епископа; в третих, русское духовенство, принявшее унию, будет иметь равные права с латинским духовенством.

Каждый человек должен знать историю своего народа, а тут, в Америке, каждый карпаторус должен в особенности знать свою церковную историю. Хотя многие из наших людей уже забывают свою речь и не говорят по-русски, то все-же они ходят в русскую церковь, в которой их крестили и которую им передали отцы, деды, прадеды.

Эта русская церковь, была церковь православная. Наши предки, наши деды и прадеды старались всеми силами сохранить ее православной. Они не поддавались Риму, как их ни преследовали, избивали и мучили латиняки. И когда одна часть духовенства, наконец, не выдержала и поддалась Риму, то и тогда эти священники старались сохранить восточный русский обряд и право избирать епископов. В своем сердце и те священники, которые приняли унию, оставались православными. Как свидительствуют латинские документы, они не хотели упоминать имя папы во время богослужения и не хотели менять „Верую" на латинский лад. Больше чем двести пятьдесят лет, до самого конца габсбургской Австро-Венгрии, наши руснаки не признавали себя папишами. Слово „папиш" (папист) было самым ужасным ругательством у нашего народа. Весь наш народ в Угорщине и большая часть нашего униатского духовенства ожидали того времени, когда придет Россия и когда можно будет открыто отречься от римского „папиша" — папы и объявить себя православными.

Что это было так, это знал хорошо и покойный униатский епископ Такач, с которым я неоднократно разговаривал в его резиденции в Питтсбурге (в Гомстеде).

В начале 30-ых годов я старался организовать Карпаторусский Союз для того, чтобы добиться автономии для Карпатской Руси .Необходимо было, чтобы униаты взялись за дело совместно с православными.

Униатские священники говорили мне, что они согласны принять участие в организации, но что для этого необходимо разрешение епископа. Покойный владыка сказал мне, что и он готов помочь Карпатской Руси получить автономию.

— Но я боюсь, — заявил он — чтобы из этой кооперации моих священников с православными не получилась в итоге „шизма" (схизма).

На это я ему ответил, что Карпаторусский Союз не будет заниматься церковными делами, а только народными. Я добавил:

— Также и православные могли бы бояться, что кооперация с униатами в национальном вопросе может повредить православным. Чего же вам бояться? —

На это покойный епископ Такач мне сказал:

— Шизма все еще живет в сердцах наших людей. В душе наш народ еще и теперь шизматик. Дурак тот, кто говорит, что шизму нашему народу в Америке принесли из России. Шизму принесли сами наши люди из старого краю.

На это я спросил Владыку:

— Вы родом из Берецкой?

— Из Берецкой, — ответил владыка.

— Ваши предки воевали вместе с кальвинистами против Рима?

— Воевали — согласился владыка.

— А как вы думаете, владыко, — сказал я — ваши предки, которые воевали против Рима и проливали свою кровь за „старую веру", за православие, попали за это в пекло? Или, может быть, они удостоились Царства Небесного, если верили в Бога, придерживаясь своей веры, и жили по-христиански?

— Я вам скажу, — продолжал епископ — что я думаю. Они удостоились Царства Небесного.

— А теперь скажите вы мне, владыко, что вы думаете? Здесь нас никто не слышит.

— Я так думаю, как и вы, — тихо сказал покойный владыка Такач.

Тогда за чем же дело стало?

— Ведь я, ответил владыка, — как будто епископ, поэтому я обязан стараться о том, чтобы моя епархия не распалась.

Мы наконец договорились с епископом Такачем. Он обещал свою „кооперацию". Что из этого получилось, о том речь впереди. Итак, согласно словам епископа Такача, наши люди принесли „шизму" (православие) в Америку с собой из родного краю. У них „шизма" была в сердцах. Так же и у епископа Такача была в сердце „шизма" от деда, прадеда. В этом он мне признался. Он был против целибатства (неженатого духовенства) и в начале своей карьеры боролся против него. Но он был человек слабого характера, и как он сам сказал про себя, только „как будто епископ". Он не имел собственных епископских прав. Он был только помощником латинских епископов, приказы которых он должен был исполнять так же, как и его наследники — Даниил Иванчо и Илько. Их епархия не питсбургская и не американская. Епархия, для которой их рукополагали, находится где-то в Малой Азии, в Турции.

Не только в церковных делах, но и в чисто народных делах униатские епископы должны слушаться своих римских начальников. Политика Рима в отношении русского народа — всеми способами расколоть русский народ. Отколоть от русского пня чем больше русских людей: галичан, Угорскую Русь (Карпат-

скую Русь) и всю южно-русскую землю с Киевом вместе. В начале Рим старался ополячить галичан, угорских (карпатороссов) русских Рим старался омадьярить. Для этого была основана униатская епархия в Гайду Дороге. Затем нашелся другой способ для раскола русского народа: украинизация. В Галичине украинизировали русский народ через посредство униатской церкви. Униатские василианские монастыри были переданы иезуитам, которые в течение 22-х лет реформировали их: переделали в центры украинизации и рассадники ненависти ко всему русскому. Галицким митрополитом Рим сделал польского графа, римокатолика Шептицкого, который больше сорока лет имел в своих руках униатскую церковь. Когда этот польский граф начал господствовать над униатской церковью, подавляющее большинство галицко-униатских священников были русскими, а когда умер, то почти все униатские священники уже были щирыми украинцами, воспитанными им в своих семинариях при помощи Василиан (реформированных польскими иезуитами).

Так же и здесь в Америке Рим пробовал украинизировать русских униатов. С этой целью он прислал сюда завзятого украинского самостийника Ортынского (в 1907 г.) в качестве епископа для всех униатов, как галицких, так и угорских (карпаторусских). Часть галичан ему поддалась, но наш народ из Карпатской Руси, так же как и его священники, ему не поддались. Ортынский умер в 1916 году, во время первой мировой войны. Рим не знал, что ему делать дальше и втечение восьми лет он не назначал другого епископа. Только в 1924 г. Рим назначил двух „будто бы епископов": Стефана Богачевского для галичан в Филадельфии и Василия Такача для карпатороссов в Питтсбурге. Епархия Богачевского сделалась „украинской", а карпаторусская епархия осталась греко-католической русской. Богачевский пошел по стопам Ортынского, а Такач сидел тихо и молчал. Украинство ему не нравилось, но выступить открыто против римской политики он не смел.

Как уже было мною упомянуто выше, я наконец договорился с Такачем насчет „Карпаторусского Союза". Первое заседание должно было состояться в его доме, в Гомстеде и под его председательством в месяце марте 1930 г. Казалось, что все пойдет гладко, но за два дня до заседания он позвонил мне из Гомстеда (Питсбург), и объявил взволнованым голосом: „Из этого ничего не получится". Я спросил его — Из чего ничего не получится?

— Заседание не может быть в моем доме, — ответил Такач, — и я не могу присутствовать на этом заседании. Он не хотел дальше говорить по телефону и я сказал ему, что поеду к нему, хотя уже было поздно вечером, после десяти часов. Владыка согласился: — хорошо, сказал он, приезжайте, поговорим.

Я поехал к Такачу. Он много не говорил, но из того, что он сказал мне, было достаточно, чтобы понять, в чем дело.

— Я не могу сотрудничать с вами, ибо мне запретили.

— Кто вам запретил?

— Этого я вам сказать не могу, не смею... Но вы работайте. То дело, которое вы начали, необходимо сделать. То, что вы делаете, это хорошо.

— А как же будет с вашими священниками, — спросил я, если вам запретили, то запретят и вашим священникам.

— Мои священники пусть работают с вами.

— Ведь ваши священники мне говорили, что все зависит от вас, что же теперь вы им скажете, если они вас спросят?

— Я им скажу, что они могут работать с вами, — ответил владыка.

— В самом деле, скажете?

— Даю вам честное слово, что скажу, — ответил епископ Такач.

Когда мы кончали разговор, Такач мне сказал:

— Как жаль, что вы не член нашей церкви. Если бы вы были наш греко-католик, вы были бы у нас первым человеком. Вы внук — Добрянского и ученый человек. У нас таких людей, как вы, нет. Если вы были бы наш греко-католик, я мог бы вас поддержать всеми силами и мы сделали бы дело.

Слова Такача показывают ясно, что Питтсбургский униатский епископ и в чисто народных делах должен был делать то, что ему приказывал Рим.

ПРАВОСЛАВИЕ И ЛАТИНСТВО В УГОРЩИНЕ

Мадьяры приняли христианство от греков — Первый мадьярский король Стефан был православным. — Женившись на немецкой принцессе, он перешел в латинство и начал искоренять православие.

Русский народ жил в карпатских горах и на придунайской равнине — до самого Будапешта, — давно, во всяком случае, задолго до прихода мадьяр. Тот край, который наш народ позже называл Угорщиной, римляне называли „Паннония". Мадьяры пришли под водительством Арпада в Паннонию с востока, спасаясь от печенегов. Они перешли через Карпаты в конце IX столетия и поселились на равнине, главным образом на правом берегу Дуная. Вся Паннония в то время была населена славянами. На западе, за рекой Грон, жили словаки, а за Дунаем — словенцы. Славяне в то время уже были христианами, а мадьяры — язычниками. Поселившись среди славян, мадьяры постепенно начали принимать христианскую веру, ту самую, которой придерживался наш народ, то есть восточную православную, ибо христианство распространялось из Царьгорода-Константинополя. Оттуда, от греков, пришли также Кирилл и Мефодий.

Сорок лет после того как Арпад пришел со своими мадь-

ярами в Угорщину, мадьярские вожди — (Дюла и Булчу) — отправились в Царьгород и там крестились у греков. Оттуда они вернулись в 940-м году с греческим епископом Ерофеем, которого греческий патриарх Феофилакт назначил епископом для мадьяр. Ерофей крестил множество мадьяр.

Православным христанином был также и мадьярский вождь Гейза, отец первого угорского короля Стефана. И сам Стефан был православным. Мадьярское его имя было Вайк. Греческое имя Стефан дали ему при крещении.

Гейза умер в 997 г., его сын Стефан женился на немецкой принцессе Гизеле. В то время все немцы были римокатоликами. С Гизелой пришло в Угорщину множество немецких монахов, которые начали распространять среди мадьяр латинство. Мадьярский историк Гораньи написал об этом в своей истории на стр. 36: „Мадьяры приняли греческий обряд от Иерофея, а латинский обряд завели те, которые пришли из Неметчины с Гизелою, женою Стефана".

Женившись на Гизеле, Вайк-Стефан решил перейти в латинство и подчиниться папе. Он поступил так потому, что боялся немецкого цесаря и надеялся, что папа будет защищать его от немцев. Немецким цесарем был тогда Отто III, ревностный римокатолик, о котором было известно, что он находился всецело под влиянием папы.

Папа с радостью принял Стефана под свое покровительство. Он дал ему королевскую корону и титул „апостольский король", а Стефан обещал ему, что он будет слушаться его во всем. Так Стефан сделался первым мадьярским королем и папским подданным. И таким способом он обеспечил себя от немецкого цесаря, который также слушался папы. Исполняя волю папы, Стефан начал жестоко преследовать не только язычников, но и православных мадьяр. Он царствовал над Угорщиной 41 год (997-1038) и за это время ему удалось уничтожить восточную веру и восточный славянский обряд. Вместе с мадьярами потеряли свою веру также и русские, которые жили в перемешку с мадьярами на придунайской равнине. Вместе со своей русской верой они потеряли и свою русскую народность.

Русским и православным остался только наш народ в горах, там, где не было мадьяр и куда власть Стефана еще не распространялась. Известный английский профессор (Лондонского и Оксфордского университета) Макартней пишет в своей истории Венгрии, вышедшей в Лондоне в 1934 г.: „Стефан, царстование которого было долгое, искоренил и православие и язычество в своем королевстве насильственными мерами".

За его большие заслуги перед папским Римом, за то, что он превратил православную Угорщину в латинскую папскую державу, Рим объявил Стефана святым.

Все, что здесь написано, признает д-р Юлиан Пелеш, ректор „Барбареума", греко-католической униатской семинарии в Вене,

советник униатской митрополичьей консистории во Львове, впоследствии станиславовский и перемышльский епископ .Он написал историю унии („История унии русской церкви") в двух томах, всего 1700 страниц. Его труд — самая большая и самая полная история унии на русских землях. Он посвятил его, в предисловии, львовскому митрополиту Иосифу Сембратовичу. История эта одобрена униатской церковью. В ней он пишет на 410 ст. первого тома о русских в Угорщине в 10 столетии: „Все эти русские были христиане греческого обряда, который всюду в Угорщине был распространен до св. Стефана, ибо и сами мадьяры приняли христианство от греков". Пелеш тоже сообщает о том, что мадьярские вожди, Булчу и Дюла, крестились в Константинополе у греков, и что они оттуда привезли с собой в Угорщину епископа Иерофея, которого рукоположил греческий патриарх для мадьяр в 940 г., и что еще до Стефана, в 980 г., в Угорщине было семь епархий, и все они были греко-славянского обряда.

История унии д-ра Юлиана Пелеша написана на немецком языке, второй том ее вышел в 1881 г. в Вене, где автор был ректором униатской центральной семинарии.

Русский народ в горах — Князь Феодор Корьятович. Гонения на православных.

Как жил русский народ в карпатских горах, мы не знаем. Нам мало известно о том, что происходило в Карпатской Руси в одиннадцатом, двенадцатом и тринадцатом столетиях, так как в половине тринадцатого века на Карпатскую Русь напали монголы, и совершенно опустошили ее, попалив все монастыри и церкви. В те времена книги и всякого рода грамоты и летописи хранились только в монастырях и в церквах и все они были сожжены монголами.

Мы занем, что в середине XIV ст. (1360 г.) князь Феодор Корьятович основал православный монастырь на Чернечей горе, около Мукачева. Никакой унии тогда в Карпатской Руси не было. Унию начали насаждать в Карпатской Руси спустя триста лет. Но мы не знаем, как во время Корьятовича была организована православная церковь в Карпатской Руси, кто ею управлял, кто там был епископом. В одной грамоте угорского короля Владислава II от 1441 года упоминается епископ Иоанн, который жил на Чернечей горе в монастыре св. Николая. Мы не знаем, кто был епископом после него, ибо на Угорщину напали турки. В 1526 г. была битва у Могача, в которой погиб последний угорский король. Турки заняли всю равнину. Австрийский цесарь Фердинанд взял Словакию. В Ардяле господствовали мадьярские вельможи. Карпатская Русь осталась посередине, и на ее территории воевали ардялские князья с габсбургскими цесарями сто пятьдесят лет, до начала XVIII ст. Непрекращающиеся войны опять уничтожили Карпатскую Русь. Сжигались села, и люди бежали в горы,

кто куда мог. Следы этих войн еще и теперь видны в Карпатской Руси: разрушенные замки в Ужгороде, в Хусте, в Дубовинке и в др. местах, от которых остались только голые стены. Так пропало опять много грамот, документов, которые нам могли бы рассказать о нашей истории тех времен. Но нам известно, что еще до начала войны с турками, наших православных предков угнетали римские слуги. Об этом откровенно пишет в своей истории униатский профессор д-р Пелеш, в книге которого сказано, что уже тогда, в XV ст., русский народ в Угорской Руси был подчинен латинским бискупам.

Сохранились документы, из которых видно, что латыняне преследовали православных, невзирая на то, что под боком были турки-бусурмане, которые впоследствии продвинулись до самой Вены и осаждали ее, так что казалось бы, что всем христианам следовало объединиться в виду турецкой опасности, угрожавшей всему христианству. В 1567 году наши предки подали жалобу угорскому королю Иоанну Заполья, который тогда жил в Ардяле. Они жаловались на то, что мукачевский комендант Керепеци вмешивается в их церковные дела и не позволяет им молиться посвоему. Король Иоанн Заполья строжайше запретил коменданту преследовать православных. Дата на этом документе — 18 февраля 1507.

В то время „фоишпаном" (губернатором) в большей части Карпатской Руси был Ференц Другет. Под его властью были области Земплин, Уг, и Берег с городами Гуменное, Ужгород и Мукачево. Другет был по своему происхождению итальянец, завзятый папист и преследователь православной веры. Карпаторусский епископ Владислав пожаловался на него австрискому цесарю Максимилиану II в 1568 году. Австрийский цесарь дал епископу Владиславу право „свободно ездить по землям фоишпана Другета", после чего Другет декретом от 4 февраля 1568 г. позволил епископу Владиславу действовать на его землях „по правилам старого греческого обряда". Из этого документа явствует, что уже в те времена преследовали в Карпатской Руси наш восточный обряд.

Австрийский цесарь Максимилиян умер в 1576 г. Гонения на нашу церковь продолжались и поэтому епископ Владислав поехал к его наследнику — Рудолфу II просить защиты. Помог ли Рудолф епископу Владиславу, мы не знаем, ибо сохранилось только письмо Рудолфа, в котором он дал епископу Владиславу право возвратиться свободно в Карпатскую Русь. Это было 25 марта 1597 г., то есть в то время, когда в Польше была объявлена в Берестье уния.

Преемником епископа Владислава был Сергий (1601-1616). При нем мадьярский пан Георгий Гомоннай, владевший имением в Гуменном, пробовал навязать нашему народу унию. Но из этого ничего не вышло, ибо — как написано у профессора Пелеша — епископ Сергий был „твердоголовый шизматик".

Сохранилась грамота ардяльского князя Гавриила Бетлена (Бэтлэн Габор), датированная в Кошицах 16 января 1627 г., в которой сказано, что епископом назначен Иоанн Григорович „человек очень ученый, знающий латинский и другие языки". Епископ Григорович умер в 1633 году. Затем духовенство избрало Василия Тарасовича.

Василий Тарасович

Василий Тарасович поехал рукополагаться к православному митрополиту в Молдавию, в город Яссы, с письмом от ардяльского князя Георгия Раковского (Ракоци) от 16 октября 1633 года. После его рукоположения князь утвердил его в качестве епископа Карпатской Руси декретом от 5 января 1635 г.

В то время продолжалась война между ардяльскими князьями и австрийским цесарем. Города: Мукачево, Ужгород, Пряшев, Хуст, Кошицы — переходили из рук в руки. То они были под властью ардяльских князей, то под Габсбургами. Ардяльские князья были протестантами-кальвинистами, а Габсбурги — римо-католиками. Габсбурги преследовали и кальвинистов и православных. По этой причине кальвинисты, которые много натерпелись от латынян, часто помогали православным. И когда Габсбурги старались навязать Карпатской Руси силою унию, кальвинисты помогали православным. Борьба Ардяла с Габсбургами происходила на территории Карпатской Руси полтораста лет. Габсбурги были сильнее, и они победили.

Епископ Василий Тарасович решил принять унию в 1640-ом г. Решил он поддаться римскому папе не потому, что он уверовал в то, что латинская вера лучше православной, но по той причине, что латинское духовенство не было подчинено панам, мадьярским помещикам и дворянам: оно имело еще и особые права, которые уравняли его с мадьярским дворянством. А латинские епископы, во многих отношениях были выше дворянства. Для того, чтобы понять, что толкнуло епископа Тарасовича и часть рядового православного духовенства под папскую власть, необходимо знать, как жилось в то время русскому народу и русскому православному духовенству в Угорской Руси.

Русские священники так же, как и русские крестьяне, были рабами

Русский „хлоп", мужик, принужден был работать у многих панов от понедельника до субботы включительно. Таким образом он мог работать для себя только по воскресениям. А у тех панов, у которых он был обязан работать только три дня в неделю, те дни, когда шел дождь, не принимались в расчет. Кроме того, мужик должен был отдавать пану часть того, что родилось на его поле. А его жена должна была напрясть для пана, сколько он прика-

жет. Земля, которую мужик обрабатывал для себя, ему не принадлежала, но считалась собственностью пана. У мужика не было никаких прав. Он не мог обращаться к суду ни по каким делам. Пан имел право бить мужика и его детей. А большой пан мог убить мужика на смерть безнаказанно. Меньшие паны платили за убийство русского мужика 40 форинтов.

Православные русские священники так же не имели никаких прав, как и русские мужики. Они должны были работать для пана, как и мужики. И их сыновья тоже должны были работать для пана. Русских праздников римокатолические паны не признавали. И когда наш священник служил богослужение в церкви, а пану захотелось, чтобы он пришел к нему работать, то он посылал своих гайдуков, которые забирали священника от алтаря и гнали его на панское поле на работу. Русских священников панские гайдуки пороли, как и мужиков, по голому заду.

Что такие времена были на Угорской Руси, теперь трудно поверить. Но если кто хочет убедиться, что это действительно было так, следует прочесть хотя бы то, что написано в книге изданной Австрийской Императорской Академией Наук в Вене 1862 года, том 39, стр. 481-524. Там на стр. 487 сказано: „Священники должны были работать для помещика так же, как и мужики, и к этой работе их даже волокли от алтаря".

Епископу Тарасовичу не удалось навязать нашим предкам унию, ибо когда о его намерении узнал князь Раковский, он посадил епископа в тюрьму.

Документы о том, на каких условиях была подписана уния в Ужгороде

Документ этот хранится в императорском архиве, в Вене, написан он на латинском языке. В конце этой главы мы приводим полный латинский текст его для тех из наших читателей, которые знают латинский язык.

Это прошение к римскому папе Иннокентию X от священников, которые в 1649 г. приняли унию в Ужгороде. Они просят папу, чтобы он подтвердил избранного ими в епископы — иеромонаха Парфения. На прошении подписаны „священники греческого обряда":

Алексий Ладомицкий, архидиакон маковицкий,
Стефан Андриевич, архидиакон спишский,
Георгий Стостовиский, архидиак. гуминянский,
Стефан, архидиакон середнянский,
Даниил Иванович, архидиакон ужанский,
Алексий Филипович, архидиакон стропковский.

В прошении описано подробно, кто со стороны Рима вел переговоры и с кем, какие были условия принятия унии и кто их одобрил.

Nos Capitulum Ecclesiae Posoniensis Memoriae commendamus tenore prasentium signifivantes quibus expedit universis. Quod Reverendissimus dominus Petrus Partenius Episcopus Munkacsiensis Graeci Ritus unitus coram Nobis personaliter constitutus exhibuit Nobis et praesentavit certas suasdem ternas literas primas quidem Sacerdotum Sacri Ritus Graesi, Idiomate Rutheno confectas et emanatas, sex Archi-Diaconorum Sigillis et manuum subscriptionibus roborates, Professionem verae Fidei Romanae Ecclesiae continentes, ejusdemque Pastori ac Sanctissimo Pontifici sonantes, esadem ex eodem Rutheno Idiomate in Latinum de verbo ad verbum translatas, alteras vero Serenissimi Ioannis Secundi Regis Hungariae missiles, Idiomate Hungarico sub sigillo ac propria ejusdem subscriptione confectas, Provisorique Munkacsiensi directas et intitulatas, tertiam antem Illustrissimi condam Comiti Francisci Drugeth de Homonna, eodem Hungarico Idiomate et sub tribus sigillis patenter confectas et emanatas, petens Nos debita cum instantia, ut Nos easdem literas transcribi et transsumi facientes, in transsumptoque Literarum Nostrarum eidem extradare non gravaremur. Quarum primarum tenor talis est.

„Gratia Christi Electe Sanctissime Pater et universalis Patriarcha. Nos Sacerdotes Sacri Ritus Graeci Inclyti et Apostolici Regni Incolae per Comitatus in cathalogo nomirum nostrorum specificatos siti, compertum habentes quod Sacramentum Regium sit abscondendum, opera vero Dei esse revellanda et sole clarius omnibus populis manifestanda utpote talia per quae clementissimi Dei nostri erga rationalem creaturam ineffabilis solet declarari bonitas et misericordia huic itaque Principio et Angelicae Regulae innixi Sanctitati Vestrae denunciamus praedicamus et devotissimis Coelum usque coram toto Mundo evebimus laudum titulis. Quid tale? Gratiam scilicet Dei et Salvatoris nostri liberaliter in Nos effusam qua operatrice salutisque animarum nostrarum amantissima praenuntia abdicato et e cordibus nostris pulso Graecanicae insaniae schismate, sumus reducti ac desponsati Immaculatae Virgini sponsae unigeniti, Filii Dei hoc est Sanctae Romanae Ecclesiae hactenus a Nobis sine ulla causa exosae odioque habitae. Haec vero ipsa reductio nostra peracta est in Anno Salutifero Millesimo Sexsentesimo Quadragesimo Nono Aprilis die vigesima quarta Imperante Ferdinando Tertio Romanorum Sacratissimo Caesare in Ecclesia Arcensi Ungvariensi Latina, in Bonis Illustrissimi Comitis Georgij de Homonna sita tali modo Dominus Episcopus Munkacsiensis Basilius Tarasivicz qui e vivis jam discessit, quum sequens partes tam schismaticas, quam Haereticas, Unionis Sacrae vinculum rupisset, Ecclesiae Catholicae Nuncium publice remisisset. Hoc anomadvertens Venerabilis in Christo Pater Dominus Goergius Jakusics, Episcopus Agriensis jam in Christo quiescens habens penes se Reverendos Patres Basilianos, in hunc finem ascitos Patrem Parthenium, qui noster hodie est Episcopus et Patrem Gabrielem Kassovicum Nos per Literas Suas Ungvarinum humanissime invitavit Sermoneque opportuno de Unione Sacra per praedictos Patres praemisso, quod intendebat Spiritu Sancto sic nos disponente, facillime effecit diemque Sancto Georgio Martiri dicatam pro Fidei professione facienda terminavit,

qua die currente Nos Sacerdotes Sexaginta tres congregati praementionatum Reverendissimum Episcopum Agriensen ad Ecclesiam supracitatam sumus secuti, praemisso itaque incruenti sacrificii histerio, nostro Rutheno Idiomate habito praemissaque nonnullis Sacerdotibus peccatorum expiatione sacramentali, fidei professionem audibili voce secundum formam praescriptam emisimus. Scilicet Nos credimus omnia et singula quae Sancta Mater nostra Ecclesia Romana credere iubet, Sanctissimum Patrem Dominum Innocentium Decimum, universalem Christi et Nostrum Pastorem profitemur, ab eoque cum sucessoribus nostris dependere in omnibus cupimus et volumus. His tamen adjectis conditionibus. Primo: ut Ritus Graecae Ecclesiae Nobis servare liceat. Secundo: Episcopum a Nobis electum et ab Apostolica Sede confirmatum habere. Tertio: immunitatibus Ecclesiasticis libere frue, quibus Reverendissimus Praesul facillime annuit id ipsum totum Illustrissimus quoque Benedictus Kisdi Episcopus Agriensis cum suo Generali Vicario assistente sibi Reverendo in Christo Patre Thoma Jaszberenyi Societatis Jesu Religioso in Anno Millesimo Sexsentesimo Quadragesimo Octavo ratum habuit, maxime vero negotium hoc nostrum paterna sua solicitudine roboravit tam Illustrissimus ac Reverendissimus Princeps Hungariae Georgius Lippai Archi Episcopus Strigonensis, bis a Nobis per legationem a praedictis Reverendis Patribus Basilianis susceptam, requisitus, quam etiam Illustrissimus Episcopus Vacensis Dominus Matthias Tarnoczy, quibus Nos obligamus in perpetuum. His Sanctitati Vestrae significatis benedictionem paternam, causae nostrae promotionem et Episcopi a Nobis electi Reverendissimi Patris Petri Parthenii confirmationem unanimiter et humiliter petimus. Ungvarino Anno Millesimo Sexcentesimo Quinquagesimo Secundo Januarii decima quinta die. Sanctitatis Vestrae Humillimi Graeci Ritus Sacerdotes.

Alexius Ladomiczki Archi Diaconus Makovicensis m.p. (L.S.), Stephanus Andreae Archi Diaconus Scepusensis m.p. (L.S.), Georgius Stoviczky Archi Diaconus Homonnensis (L.S.), Stephanus Archi Diaconus Strednensis (L.S.), Daniel Ivanovicz Archi Diaconus Uzanensis (L.S.), Alexius Philipovicz Archi Diaconus Stropkoviensis (L.S.).

Это прошение принес сам Парфений в латинскую капитулу (консисторию) в Пожоне*) с просьбой, чтобы ему сделали удостоверенную копию. Капитула это сделала, так сказано в этом документе. Прошение к папе было написано по-русски с латинским переводом. Латинский перевод, согласно удостоверению капитулы, точен „слово в слово". **В конце там сказано, что капитула вернула Парфению оригинал и дала ему удостоверенную копию, которая „может ему пригодиться в будущем для защиты своих прав."** Из сего видно, что епископ Парфений, принимая унию, предвидел, что в будущности придется бороться за те права, которые он хотел обеспечить Церкви. И он поступил правильно, ибо русский оригинал с латинским переводом лежит где то в папском ар-

---

*) Пожонь-Братислава, главный город Словакии. — О.Г.

хиве в Риме. И если бы не было засвидетельствованной копии, которая находится в Императорском Архиве в Вене, то не было бы никакого доказательства того, какие были условия ужгородской унии.

Из прошения видно, что переговоры об унии с Парфением вели латинские епископы из Ягера, сперва Георгий Липпай, затем Георгий Якушич и наконец Бенедикт Кижди. Липпай перешел из Ягера в Остригом, ибо папа назначил его „примасом", т. е. главой латинской Церкви в Угорщине. Но он и после этого не переставал интересоваться унией.

Парфений ездил к нему два раза. Якушич умер в 1647 году. Дело окончил бискуп Кижди в 1648 году, договорившись об условиях с Парфением и с другим василианином, Гавриилом, который жил в Кошицах. Эти условия потом принял и подтвердил примас Липпай на соборе латинских епископов в Тернаве, осенью 1648 года.

Вся Карпатская Русь принадлежала тогда к епархии римского епископа, резиденция которого была в Ягере. По мадьярски этот город называется Эгер, по немецки Эрлау, а в латинских документах Агер. По этой причине титул епископов был „аргензис". В те времена в Ягере господствовали турки, завоевавшие большую часть Угорщины. Ягерские римские епископы бежали в Ясов и жили там, пока турки были в Ягере. Ясов — небольшое селение под самыми Кошицами.

Как сказано в прошении к папе, бискуп Якушич „очень вежливо" пригласил карпаторусское духовенство на собрание в Ужгород. Но он не дожил до этого собрания. Вместо него приехал в Ужгород новый Ягерский епископ Кижди. Собрание духовенства было назначено на день святого великомученика Георгия, 24 апреля 1649 года в Ужгороде, в замке мадьярского вельможи графа Другета.

Когда в 1649 году Парфений Ротошинский подписал унию, он еще не был епископом. Ставши епископом, он не мог поселиться в Мукачеве, потому что там жил православный епископ Иоаникий Зейкан. Как явствует из латинских документов, вся мукачевщина оставалась православной. Униатский епископ Парфений и его преемники странствовали из места на место. Постоянной резиденции у них не было нигде. Спустя сорок лет, от унии мало что осталось. Число униатских священников все уменьшалось, а те кто будто бы еще стояли за унию, не поминали имени папы при богослужениях, ибо боялись народа, который не хотел слышать имени папы в своей церкви.

Иезуит де Камелис спасает унию

По этой причине мадьярский кардинал Коллонич привез из Рима Иоанна Иосифа де Камелиса, грека по происхождению, дабы он навел порядок в Карпатской Руси. После смерти униатского епископа Мефодия в 1689 году, император Леопольд I назна-

чил де Камелиса униатским епископом для Карпатской Руси. Его никто не избирал, ни народ, ни духовенство. Как пишет в своей Истории Унии униатский профессор Пелеш, де Камелису удалось „восстановить развалившуюся унию и приобрести 350 священников". С помощью мадьярского кардинала Коллонича и императорских гайдуков, ему также удалось отнять у православных монастырь на Чернечей Горе около Мукачева. Дабы переманить побольше священников в унию, император Леополд I издал в 1692 г. специальный декрет, которым он гарантировал униатским священникам все те права, которыми в то время пользовались латинские священники.

После смерти де Камелиса в 1704 году духовенство избрало епископом Иосифа Годермарского. Император Иосиф утвердил его дипломом от 22 декабря 1707 г. Но папа его не утвердил. Годермарский поступил в Мукачевский монастырь и там оставался до своей смерти архимандритом.

Причина, по которой папа не утвердил Годемарского, была очевидно в том, чтобы показать свою папскую власть.

Следующим епископом был Геннадий Бизанций, которого духовенство избрало в 1716 году. Это избрание не имело никакого значения, ибо, как пишет профессор Пелеш в своей Истории Унии, мукачевские униатские епископы находились под властью ягерских латинских бискупов, помощниками которых они считались и которые приказывали им, что им следует делать.

Геннадий Бизанций, который был епископом с 1716 по 1733 год, был избран духовенством по предложению остригомского латинского примаса. Император и папа его утвердили. Профессор Пелеш говорит об этом епископе: „Он непрестанно старался об укреплении унии. То, что не удавалось его предшественникам, удалось ему. При нем священники начали поминать имя папы при богослужении". Видно, что латинский архиепископ, предложивший Бизанция, знал что он будет верным слугой Рима.

В то время, когда Бизанций был карпаторусским униатским епископом, умер в Угле, в Мороморыше, последний православный епископ, Досифей. Хотя императорское правительство запретило ему рукополагать священников, и хотя он уже был очень стар и слеп, он тайно ночью продолжал рукополагать их.

Об этом сохранились документы, в которых власти из Мороморыша пишут в Будапешт, что схизматический епископ Досифей тайно ночью рукополагает священников. Когда после смерти Досифея православный народ со своим духовенством собрался в Угле, чтобы избрать нового епископа, цесарское войско силою их разогнало. Таким образом православная церковь на Карпатской Руси осталась без главы. Но еще долго, до конца 18 столетия, православные священники в Мороморыше составляли большинство духовенства. Желающие быть рукоположенными пробирались через горы в Молдавию, по ту сторону Карпат и там их рукополагали молдавские епископы в Сочаве или в Ясах. Погра-

ничной страже было строжайше приказано не пускать никого ни в Молдавию, ни из Молдавии. Но горы и леса помогали отважным молодцам, не желавшим отречься от своей старой веры.

После смерти Бизанция духовенство избрало Симеона Ольшавского. Его утвердил цесарь и рукоположил львовский униатский епископ Афанасий Шептицкий, но не во епископы мукачевские, а во епископа „Пеллского", где-то в Турции.

За Ольшавским следовал Гавриил Блажовский. Его никто не избирал. Назначил его ягерский латинский бискуп Эрдоди. Блажовский был капелланом у епископа Ольшавского. После смерти последнего он сразу поехал в Ягер, и упросил тамошнего бискупа, под властью которого находились униатские епископы, назначить его епископом. Его утвердил цесарь и папа. Рукоположил его во Львове Афанасий Шептицкий. Титул Блажовского был „Епископ Агнензис".

Затем следовал Мануил Ольшавский (1743-1767). Его сперва назначил Ягерский латинский бискуп генеральным викарием, а затем его избрало духовенство. Потом его утвердил цесарь и папа в качестве епископа „росиненсис". Мануил Ольшавский построил в Повче монастырь и послал туда василиан. Он основал две школы для духовенства: одну в Повче, а другую в Мукачеве. „До того времени", — как пишет в своей Истории Унии профессор Пелеш, — „образование духовенства было очень низкое". Это значит, что в течение целого столетия унии в Карпатской Руси Рим не постарался, чтобы униатские священники чему нибудь научились.

Канонизация мукачевской епархии

Как уже было сказано выше, униатской мукачевской епархии не было до 1771-го года. Это значит, что целых 112 лет после того, как в 1649 году 63 священника*) поддались римскому папе, униатская церковь в Угорской Руси не имела своего полноправного епископа. Те, будто-бы епископы, которые называли себя мукачевскими епископами, не имели никаких прав. Их рукополагали в епископов „себастских" или „розенских", или „агненских" или для каких-нибудь других городов в Турции. Но их туда не посылали, ибо там не было никаких ни римокатоликов, ни других христиан. Поэтому их, так сказать, одолживали латинскому епископу в Ягере (Эгер) в качестве сподручных, помощников. И они могли делать только то, что им приказывал или разрешал делать латинский ягерский епископ.

Вот что писал в своей „Истории Унии" профессор Пелеш (том II, стр. 1033-1034): „После смерти Гавриила Блажовского ягерский латинский епископ Баркоци назначил священника Ма-

---

*) Вто время в Карпатской Руси было около 1000 православных священников.

нуила Ольшавского своим генеральным викарием, которого он потом именовал епископом „Розиненсис" (Rosinensis) „в стране неверных" . . . Епископу Мануилу не было позволено рукополагать священников для приходов без разрешения ягерского латинского епископа. Также и униатские священники были только викариями, помощниками латинских плебанов (ксензов).

В 1784 г. епископ Баркоци приехал в Мукачево и приказал духовенству присягнуть ему, как своему епискупу. Его наследник, епископ граф Эстергази, запретил Мануилу Ольшавскому все епископские функции, то есть, отнял у него все епископские права. И он приказал, чтобы униаты платили за все не своему русскому священнику, а латинскому плебану. Кроме того он потребовал, чтобы в русских церквах при венчаниях всегда присутствовал латинский плебан и чтобы ему платили „штолу" (за требы). К этому необходимо еще добавить, что и метрические свидетельства для униатов составляли латинские плебаны.

Все это делалось для того, чтобы униатские священники перешли в латинство. Рим недовольствовался тем, что эти священники подчинились папе, что они приняли унию. Из того, что Рим обещал этим священникам в 1649 году (равные права с латинскими плебанами), не осталось ничего. Еще семьдесят лет после принятия унии униатские священники оставались такими же рабами, как и простые русские крепостные. Это видно из декрета императора Карла VI от 1720 года. Только после этого декрета униатских священников перестали гнать на работу на панские поля, бить, а детей их продавать как скот. Но одинаковых прав с латискими плебанами им не дали. Из панской неволи они попали под власть латинских бискупов и латинских плебанов; сделались второстепенными „латынниками". Таким образом Рим хотел принудить униатских священников отречься от своего русского восточного обряда и от своей русской церкви, чтобы сделать их первокласными „римаками". Рим не верил униатам.

Однако, тогдашнее духовенство, как ни тяжело ему было, не отреклось от своей русской церкви и от своей русскости. Оно боролось за русскую веру. Когда Мануил Ольшавский был будто бы епископом мукачевским, униатское духовенство послало депутацию к императрице Марии Терезии в Вену. Главой депутации был Иоанн Брадач, который потом, после смерти Мануила Ольшавского, стал первым полноправным мукачевским епископом. В Вене депутаты рассказали, как их угнетают латинские бискупы и плебаны, и они просили императрицу помочь им.

Как сообщает униатский профессор Пелеш в своей „Истории Унии", Мария Терезия решила помочь униатскому русскому духовенству, ибо она боялась России.

30 апреля 1766 г. императрица написала два письма: одно кардиналу Албани, а другое самому папе Клименту XIII. В этих письмах она просила, чтобы была основана для русского народа в Угорщине униатская епархия, независимая от латинских биску-

пов. Об этом деле был извещен также и прокуратор Василиан в Риме, Игнатий Володько, который обещал свою помощь. Чрезвычайно интересно письмо, которое в связи с этим написал Володько в Вену. Он упомянул, что было бы хорошо указать на то, что в Угорщине греческий обряд старше латинского. Из этого видно, что борьба шла против восточного обряда. Письма и старания императрицы Марии Терезии не помогали пока жил папа Климент XIII. Ягерский бискуп, граф Эстэргази, воспротивился, требуя, чтобы русские униаты остались под его пятой. Он отправил в Рим длинное письмо, в котором было 113 пунктов. Этими пунктами граф доказывал, что самостоятельная униатская епархия не в интересах Рима. Папа Климент послушался Ягерского бискупа. После смерти папы Климента XIII-го опять начались старания о независимой епархии. Но и новый папа Климент XIV на это не согласился. Тогда Мария Терезия предложила, чтобы мукачевского епископа освободить только из под власти ягерского латинского бискупа, но чтобы он был под властью главы римской церкви в Угорщине, т. е., под властью угорского примаса в Остригоме. На это папа согласился, но при условии, чтобы мукачевский епископ ездил ежегодно два раза к латинскому епископу и перед ним присягал на верность папе. Императрица Мария Терезия на это не согласилась, ибо оно было оскорблением мукачевского епископа. Так это дело затянулось. Наконец Мария Терезия написала папе письмо 6 января 1771 года с предложением, чтобы мукачевский епископ приезжал каждые два-три года в Вену и там присягал папскому нунцию. Кроме того, чтобы он присягал и угорскому примасу в случае приезда последнего в Мукачево.

Но и на это папа не хотел согласиться. Тогда Мария Терезия предложила, чтобы мукачевский епископ ежегодно посылал письмо папскому нунцию в Вену со своей присягой на верность Риму. В конце концов Рим согласился. После этого папа Климент XIV объявил 19 сентября 1771 года канонизацию мукачевской униатской епархии и утвердил первым мукачевским епископом Иоанна Брадача, который умер вскоре после этого 5 июля 1772 г. После его смерти мукачевским епископом был назначен Андрей Бачинский, который управлял епархией 37 лет, до 1809 г.

Мы должны помнить ,что мукачевская униатская епархия была основана только через 120 лет после того, как была принята уния в Ужгороде и только благодаря нажиму императрицы Марии Терезии, опасавшейся России, и которая по этой причине хотела показать русскому населению в Угорской Руси, что ее правительство помогает нашему народу. Без Марии Терезии не было бы мукачевской епархии, ибо Рим был против самостоятельной униатской епархии в Карпатской Руси. Рим хотел, чтобы Угорская Русь осталась под управлением латинского епископа в Ягере, который должен был постараться о том, чтобы совершенно олатинить наш народ и переделать его в„латинников", так

же как это случилось с русскими униатами на Спише, которых латинские бискупы перевели в латинство и переделали в словаков.

Епископ Бачинский организовал мукачевскую епархию. Он создал „капитулу" (консисторию) и перенес епископскую резиденцию из Мукачева в Ужгород. Но при нем, как и перед ним, большая часть русского народа оставалась открыто православной в особенности на востоке, в Мороморыше. Мария Терезия не слушалась иезуитов, так как ее предшественники, а ее сын, император Иосиф изгнал их из своей империи. Но невзирая на это, преследование православных продолжалось. В Мороморыше и соседней Угоче все тюрьмы были переполнены православными людьми по доносам униатского духовенства. В тюрьмах православных морили голодом. Православное духовенство вымирало. Новых священников не было, ибо некому было их рукополагать. И в Ардяле (в Трансильвании) у волохов не было православных епископов, ибо там уже победил Рим при помощи иезуитов и цесарского войска. В Молдавию уже нельзя было идти, так как ее граница была закрыта. Пограничным стражам было строго приказано не пропукать через границу никого, чтобы никто уже не мог рукоположиться у православного епископа в Сочаве или Яссах. Так умирало православие на Угорской Руси.

Со временем все духовенство сделалось униатским. Казалось, что православие умерло. Но оно оставалось в сердцах народа и в сердцах многих униатских священников. Православный огонь тлел под пеплом. И от времени до времени пламя вырывалось из под пепла, как например, в Изе, в Мороморыше, где в 1903 году все село восстало против нового священника, который пробовал переменить „Верую" на латинский лад. За это людей немилосердно карали, били и волочили по арестам и по тюрьмам. Мадьярские жандармы немилосердно били не только мужчин, но и женщин и даже молодых девиц.

Весною 1914 г. судили 92-х человек за „бунт", то есть за то, что они открыто признали себя православными и открыто отреклись от Рима. Из них 34-ех приговорили к тюремному заключению. Ясенский гуцул Александр Кабалюк, который сделался православным монахом под именем Алексий, был приговорен к заключению на четыре с половиною года. А когда после войны его выпустили из тюрьмы, то жандарм ударил его штыком в грудь.

А. Геровский

Иван Лукаш

ПОП АНДРЕЛЛА

Этюд

Синие Карпаты.

Они клубятся высоко, как тяжкие тучи в грозовой синеве. Гоголя никогда не оставляло видение Карпат. Он точно был потрясен своим видением и нас потрясал с детства... Грозные Карпаты, где и доныне едет по вершинам дивный дремлющий всадник Иван с малым хлопчиком за спиной.

„Идут каменные цепи в Валахию и в Семиградскую область и громадою стали они в виде подковы, между галичским и венгерским народами. Нет таких гор в нашей стране. Глаз не смеет оглянуть их, а на вершину иных не заходила и нога человечья... Еще до Карпатских гор услышишь русскую молвь".

Малый народ живет до Карпатских гор и на вершинах-полонинах... Малое племя Руси князя Владимира и князя Ярослава. Бог знает, когда поднялось оно сюда от степи... Татары нагоняли и жгли его и в Карпатах. Потом налеглы венгры. Но Мукачево, Ужгород, Хуст, затаились, как старорусские церковные епархии, со старыми церковными книгами, и старым русским языком.

Малое русское племя стало крепостным рабом. Бедный мадьярский раб, нищий, горный пастух, такою была Карпатская Русь веками.

А в полонинах, в облаках, шумели сильные травы, ветер пел над пропастями свое „аллилуя". Стояли синие леса, на вершинах ель, ниже ясень, буки, дубы, яворы. Бежали быстрые реки: Тисса, Теребля, Быстрая. Медведь выходил из малинника. В лесах кабаны, серны, олени, рыси.

Как будто все еще давняя, ушедшая, забытая и в снах, Русь.

И церкви деревянные, островерхие с ярусами, как будто на Киевщине, с башенками-турнями. Тура, какое наше древнее слово.

По верховьям живут верховинцы. Носят там кожухи, вышиванки и ременные постолы. По рекам, по низовьям живут долиняне, а то просто нижане. В длинных волосах светит жестяной обруч-гребень. Вместо кожухов там носят серяки и узкие ногавицы. Есть долиняне лишаки и есть долиняне лемаки. Такие прозвища. Одни часто сдабривают свою речь словом „лишь", другие „лем". Едят вареники, голубцы; сходятся на вечерницы. По вечерам и на ранней зажигают у церквей великие костры, какие издалека видит путник.

Все это и сегодня так же, как, может быть, тысячу лет назад на киевской родине.

А какие вышиванки там носят. В Карпатском малом краю есть шестнадцать разных узоров. И всюду вышивают русским цветом — красным, синим, белым. Вышивают „на клинцы", и на

„звездочки", а то „на зерницы". А у села Воловогo, на Верховине, так и на все „завейхвостки".

На заре румяной, сильной, когда дышат паром Карпаты, высоко на верховине и сегодня трубит „трембита" овчара-пастыря, созывающая овец и коз.

Там и теперь зовут дорожные палки-палицами, слово наших былин. Там и теперь есть села, где хоронят „на санях", о чем мы читали когда-то в Мономаховом поучении.

Русское ухо невольно услышит пение и ход, древню мягкую красоту, полнозвучие, не украинской речи и не речи великоросса, а чистой, золотой речи стародавних русских времен в говоре карпатского народа.

Послушайте, какое льющееся русское пенье в именах карпатских сел: Ужок, Дубриничи, Пестрядь, Великие Лучки, Цыгановцы, Ярок, Тишава на Верховине, Унегово, Квасы, Медведовцы, Голубиное, Ключарки, Дубровка, Шелестово и село Ястряб и село Орлов, Русское ... Прильните ухом к русской мелодике наименований — Русская Долина, Русская Воля, Турья Пасека ...

А теперь вслушайтесь в карпатские прозвища-имена: Василий Корба, Андрей Качайло, Иван Поливка, Георгий Рябец, Елена Белей, Иван Пекарь, Петр Дубарь, Юрко Сухан, Василий Левак, Иван Медведь, а то Павел Пукий, а то Фома Добра, или Василий Мешко, или Шелемонь, Бабиня, Щербина, Решетарь, Гаврила Добей и Федор Голубка.

Странный народ. Для нас призрачный, как клубящиеся, синие облака Карпат. Веками был под мадьярами. Ничего не оставили крепостному рабу, кроме старой рабской веры и старой, рабской церковной книги. Кто подымался от крепостного раба, тот уходил в мадьярщину. Менял язык, имя, но крепостной раб и в самой мадьярщине таил свою русскую душу.

Не странно ли, правда, что в мадьярском Токае и теперь есть старики с Карпат, что и теперь помнят русские слова и молитвы.

Странный народ. Все века жил, как во сне, ему грезился всегда великий сон о потерянном отечестве, о дальней русской земле. У него была родина без отечества.

В наших испытаниях не поймем ли мы еще ближе карпатский народ? ...

Чужие племена много веков назад сомкнулись вокруг него, как огромное море. Этот народ всегда был оторван от России. Он был обречен на исчезновение. В последние годы до войны уже и русское имя его не называлось, а был где-то в Карпатах „мадьярский народ греко-католической веры".

И, когда я думаю о том, как же донес карпатский народ до наших дней золотое видение Руси, мне всегда видится замечательный и нам, русским, неведомый простой карпатский поп, Михайла Андрелла.

Семнадцатый Век. Карпатский народ решили замкнуть в унию. За унией католичество. Потеря своего языка и своей книги. Так бы и кончился мадьярский крепостной раб на Карпатах.

Оросвиговский поп Миговка, по нашему Михайлушка, деревенский поп Андрелла смолоду тоже был в унии. Но как бы почуял, провидел он иные концы и от унии отрекся.

Тогда, под Мукачевом, в Карпатских горах повторилась трагедия нашего протопопа Аввакума. Поп Михайла поражает сходством с Аввакумом.

Его отличает от нашего протопопа только то, что Андрелла сам вышел из латинщины. Учился в Вене и Прешбурге. В начале и писал только по латыни. Но и по латыни — все равно писал — "Tractatus contra latinos".

Его трактаты потеряны или сожжены. Но таинственная историческая справедливость сохранила его „Оборону Верному Человеку".

Поразительно, что Андрелла и Аввакум, не зная, не ведая друг о друге, с тою же могущественной силой, одинаково защищают „старую веру".

У Аввакума чистая речь державного народа. У карпатского попа Андреллы — его русская, прадедовская речь как бы пробивается из заторов мадьярщины и польщины. Но когда пробьется, сверкает таким же могучим ключем.

В 1669 году паны и епископы заковали непокорного попа Андреллу в ржавые цепи и послали в тюрьму под Мукачевом.

Это как раз Аввакумовы годы. Оба они в одно время потеряли на своей родной земле духовное отечество, оба стали изгнанниками. Когда Аввакума в цепях везли на Мезень, попа Андрелу судили в Мукачеве. Оба они и не слыхали друг о друге, но у обоих почти те же слова, точно Русь бесплотная, таинственная, перекликалась по ветру, с горными облаками, от Карпат до Москвы.

Андрелла рассказывает в „Обороне Верному Человеку", как его судили-епископы с „патрами-дьяволами и панами".

— Ото видевши красных честных патров и панов перед собою. Что же ты, гад, гадашь, мыслишь на свете живучи? Цезарь немецкий, кроль польский, иншие монархи, великие панове, всѣ тут папежницы-и мы с ними... Дай мне руку свою на тое, жебы волил на то.

Но Андрелла на то „не волил". Может быть стояло перед ним видение старой, золотой Руси. Потому и не волил.

Тогда схватили его панове, подвели к столу, дали в руки епископа „стригольню свою, ножицы":

— Обстризи ему власы вся, браду и главу... Да буде простаком-холопом, панщину робити, а не поповати.

Но у Андреллы и тогда „не позволила душа временной славы". Скованный, он только молча заплакал. Пишет: „Сам не знаю, пошто".

И тогда римский епископ его пожалел. В этой сцене есть как бы прообраз всего будущего римской церкви на Карпатах. Рим не тронул в карпатском народе ни языка, ни обряда. Не раздавил, хотя мог раздавить. Может быть, не войди тогда карпатский народ в унию, сохраняя свою церковную книгу и свой церковный язык, он действительно, был бы стерт. Именно униатские священники берегли его русские имя. Духнович, Уриил Метеор, Сильвай, и ныне здравствующий архидиакон Евмений Сабов — все „будители" карпатского народа были либо униатскими иереями, либо детьми иереев.

Рим пощадил попа Андреллу.

В те годы, когда Аввакума сожгли с попом Лазарем, иноком Епифаном и дьяком Феодором на пустозерском срубе „за многие на царский дом хулы", поп Андрелла священствовал в карпатских селах и мирно почил в 1710 году, когда на Руси поднялся уже царь Петр...

Замечательно духовное единство Андреллы и Аввакума. Когда бы не знать, что это писано карпатским попом Андреллой, можно подумать, что это речь Аввакума.

Андрелла бросает „патру" Жамбору:

Лжешь, брешешь, яко каниус филиус.

Аввакум не знал латыни и, вероятно сказал бы попросту „собачий сын".

О „катехизме" Яна Карницкого Андрелла пишет тоже на Аввакумов лад;

Ян ляше, ктось в тебе бреше?...

А его книгу называет „Брехайлова Книга". Это аввакумовская насмешливая, резкая речь.

И неутолимая, жесткая Аввакумовска горечь в словах Андреллы об унии:

— Чему-ж волокут, тягнут нашу церковь... Молют мя обратитися... На що? На унию их (Андрелла пишет „Унѣю")... Пге! Плюю! на ню. Не схощет ниже одежа моя, ни кость, ни прах одежи моея... Не потребно мне.

Также защищался от никониан и Аввакум. И совершенно та же жалостная любовь у Андреллы к „дурничкам-русначкам", к своему карпатскому народу, как у Аввакума „к бедным русачкам"...

Вероятно многих, многих униатских иереев вдохновлял стародавний поп Андрелла беречь старую церковную книгу, свой старо-русский язык. Этим и оберегся малый карпатский народ.

Много веков были крепостными рабами. Но не было, может быть, иного народа на свете, кто с таким упорством, как они, отстаивали бы свою свободную душу.

Бродит ветер по верховине, гремят горные быстрины. Шумит бучина. Травы поют „аллилуя".

И все снится, снится веками народу в синих Карпатах сон о золотой Руси.

Медона — Париж 1937 г. **Иван Лукаш**

Д-р А. Геровский

ИЗА И СИГОТСКИЙ ПРОЦЕСС

О существовании села Иза мы впервые узнали в 1903 году, когда мадьярские газеты сообщили сенсационную весть о том, что в Мороморыше, вблизи Хуста, в селе Иза, произошел бунт, вызванный „противогосударственными агитаторами", и что все население этого села вдруг объявило себя православным и перестало посещать униатскую церковь.

Мы в то время жили в Черновцах, в Буковине, где при местном университете был православный богословский факультет. Среди студентов факультета были также и сербы из южной Венгрии, из так называемой Войводины. Там, в Сремских Карловцах, находилась резиденция сербского патриарха. От этих сербских студентов мы узнали, что жители села Изы послали делегацию к сербскому патриарху, которая упросила его дать им православного священника. Патриарх обещал им прислать одного из своих священников, по фамилии Петрович, которого он вызвал к себе и в присутствии делегатов дал ему двухмесячный срок для изучения русского языка, после чего он должен был отправиться и Изу. Однако прошло много месяцев, а отец Петрович так и не появился в Изе.

Мой старший брат Роман в то время был студентом медицинского факультета в Праге. Я его иногда там посещал. В один из моих приездов в Прагу, мы с ним решили поехать в Карловцы и узнать, почему патриарх не исполнил своего обещания и не послал священника в Изу. Согласно венгерским законам, все православные в пределах Венгрии находились под юрисдикцией сербского патриарха. Только православные румыны в восточной Венгрии получили в 1867 году отдельную, независимую от сербского патриарха, церковную организацию.

Приехав в Карловцы, мы пошли к секретарю патриарха, д-ру Буичу, с которым мы были знакомы, так как он учился на богословском факультете в Черновцах и часто бывал в нашем доме. Одно время он даже был председателем общества русских студентов „Карпат". Вуич нам очень обрадовался. Когда он услышал, почему мы приехали, он сказал нам, „Если я сообщу патриарху цель вашего приезда, то он вас не примет. Поэтому я скажу ему только, что вы мои друзья из Черновцов и что вы хотели бы его повидать и получить его благословение".

Патриарх нас принял очень любезно. Но когда он услышал слово Иза, он как будто остолбенел. Помолчав некоторое время, он вдруг сказал:

„Иза? Вы хотите узнать про Изу? Почему я туда не послал священника? Так я вам скажу всю правду".

И патриарх рассказал нам то, что нам отчасти уже было известно. Он сказал нам, что он обещал изским делегатам послать

священника Петровича, который должен был поехать в Изу через два месяца. Но потом его вызвал в Будапешт глава венгерского правительства граф Тиса, который объявил ему коротко и ясно:

„Его Величество узнало, что вы собираетесь послать православного священника в Изу. Его Величество не желает, чтобы вы туда послали своего священника. И поэтому я не мог послать отца Петровича в Изу". Патриарх был чрезвычайно взволнован. Было видно, что ему это дело очень неприятно.

Мы вернулись к отцу Вуичу, который рассказал нам подробно, как произошла встреча изских делегатов с патриархом. Он присутствовал на их приеме. Услышав в чем состояла просьба делегатов, патриарх сперва хотел отделаться от них, указывая между прочим на то, что священника им нужно будет содержать на свои средства и что одного священника мало, так как нужен еще и дьяк. На это делегаты ответили: „Наше село большое, и священника мы будем содержать как полагается, а дьяков в нашем селе можно найти сколько угодно". Патриарх в этом усомнился и сказал, что дьяк должен знать все богослужения и должен для этого иметь соответствующую подготовку. На это один из делгатов — их было семь — возвразил: „Каждый из нас присутствующих знает все богослужение наизусть". После этого патриарх начал задавать им вопросы, на которые они безошибочно отвечали. Их познания его удивили и произвели на него глубокое впечатление. Но все же он не мог решиться исполнить их просьбу. Наконец он им заявил:

„Я вам священника дать не могу, потому что этому воспротивится правительство". На это один из делегатов выступил вперед и сказал:

„Ты называешь себя патриархом, и ты боишься правительства? Так ты нам дашь ответ за твой отказ на Страшном Суде"!

Это так поразило патриарха, что он сказал им: „Я вижу, что у вас вера глубокая. Я вам дам священника". И он тут же вызвал отца Петровича.

Итак Иза осталась без священника по приказу его императорского и королевского величества Франца-Иосифа.

Некоторое время спустя — это было летом — мы с моим другом Иваном Оробцом решили исполнить давнишнюю нашу мечту и побывать на Чорногоре, самой высокой горе в восточной Карпатской Руси. Мы поехали сперва в Косов, к тамошнему униатскому священнику Гелитовичу, захватили двух его сыновей, студентов университета, и с ними вместе отправились в Жабье, а оттуда сперва на Чорногору, а затем в долину реки Тисы, в Рахово, а оттуда в Ясенье к тамошнему униатскому декану (благочинному) Бачинскому, с сыном которого, студентом униатской духовной семинарии, я был знаком.

У отца Бачинского была большая семья. Мы провели у него в гостях несколько дней. Нам было очень весело с его детьми,

нашими ровесниками. Однажды, когда мы все, молодежь, развлекались в гостиной, приоткрылась дверь и показалась голова отца Бачинского. Он позвал меня в соседнюю комнату и, закрывши дверь, начал говорить о гонениях на православных в Изе.

„Вы знаете, сказал он, что там происходит, как там люди страдают и борются за старую веру. Им надо помочь. Я сам ничего сделать не могу, и никто из священников ничего не сделает, ибо мы все боимся. И я боюсь. Вы видите, у меня большая семья. И если бы я начал помогать изянам, то мы все оказались бы на улице. Я даже со своими детьми в присутствии посторонних говорю только по-мадьярски. Но вы, внук Добрянского, должны что то сделать для них, вы должны помочь им".

Когда я его спросил, что я мог бы сделать для них, отец Бачинский ответил, что он мне даст человека, через которого можно будет помочь изянам. Он сказал мне, что среди его прихожан есть молодой человек, отбывший уже воинскую повинность, глубоко верующий, порядочный, который желает служить Церкви и поэтому не женится, несмотря на то, что ему уже тридцать лет. „Вот его следовало бы послать в Россию в какой нибудь монастырь и там его подучить, затем дать ему возможность побывать в святых местах, в особенности в Киеве и Иерусалиме. Вот он-то самый подходящий человек для того, чтобы помочь изянам и всем тем, которые борются за старую веру".

По плану отца Бачинского указанный должен был затем вернуться на родину как иеромонах и отправиться в Изу. „У вас есть родственники в России, которые смогут устроить это дело". Затем о. Бачинский еще прибавил: „Я вас с ним познакомлю, но ваша встреча с ним должна состояться не в моем присутствии. Его зовут Александр Кабалюк". Отец Бачинский показал мне в окно дерево в саду. „Вот видите эту грушу, идите туда. Он к вам прийдет".

Я пошел в сад и расположился под грушей. Через некоторое время подошел ко мне молодой гуцул, стройный, красивый блондин с голубыми глазами. Отец Бачинский действительно не ошибся. Это был замечательный человек. Глубоковерующий, русский и готовый на подвиг. Его мечтою было побывать в святых местах, поучиться и вернуться на родину для того, чтобы помочь борцам за старую веру.

Я устроил его поездку в Россию через посредство моего дяди, Антона Семеновича Будиловича, ректора Юрьевского университета, который был женат на моей тете Елене, сестре моей матери. Кабалюк пробыл около двух лет в холмской епархии в Яблочинском монастыре, где тогда был игуменом архимандрит Сергий, впоследствии епископ холмский. Там Кабалюк принял монашество и был рукоположен в иерей. Затем он побывал в Киеве и Иерусалиме. На обратном пути он заехал в Константинополь, где был принят вселенским патриархом, который выдал ему грамоту на греческом языке, благословляя его на служение на роди-

не, где бы ни понадобилось. Это было сделано потому, что карловский сербский патриарх фактически отказался от своих юрисдикционных прав в Карпатской Руси.

Отец Алексий, в мире Александр Кабалюк, приехав в свое родное Ясенье, устроил в своем доме домовую церковь. Он привез с собою складной иконостас и всю необходимую церковную утварь. К нему сразу же явились мадьярские жандармы, которым он показал грамоту патриарха. Жандармы послали эту грамоту в Будапешт, откуда пришло распоряжение не трогать отца Алексея в Ясенье и разрешить ему служить в своей домовой церкви, но с тем, что ему запрещается покидать пределы родного села. Он много раз тщетно пытался съездить в Изу. Но как только он появлялся на вокзале, жандармы отправляли его обратно к себе домой. Не удавалось ему также уехать из Ясенья на лошадях. Наконец о. Алексей перехитрил жандармов. Он надел длинный еврейский кафтан, скрыл свои волосы под шапкой, и держа в руках связки деревянных ложек, пошел под видом еврейского торговца ложками пешком в Изу. Идти ему пришлось сто километров. Когда распространилась весть, что появился православный священник, в Изе собрались тысячи народа со всей округи. К тому времени уже в течение нескольких лет взбунтовавшиеся против Рима православные крестьяне перестали пользоваться услугами униатских священников. Они сами крестили, сами венчали и сами хоронили мертвых. Отцу Алексию пришлось, венчать невенчанных, освящать могилы покойников, исповедывать и причащать сотни людей. Его, конечно, арестовали и повели в Хуст к уездному начальнику, который повидимому не был римокатоликом, но, по всей вероятности, протестант-кальвинист. Он сказал о. Алексию: „Я вам даю три дня. Крестите, венчайте, исповедуйте сколько можете. В течение трех дней я буду переписываться с Будапештом, а затем я буду должен арестовать вас". Так он и сделал. Через три дня отца Алексия арестовали и под конвоем отправили обратно в Ясенье.

В то время ни мне, ни брату уже не было разрешено появляться в венгерской половине габсубургской империи. Нас выслали из Венгрии навсегда. Нам разрешалось жить только в австрийской половине. Случилось это следующим образом. Как мне помнится, это было или в 1905 или в 1906 году. Мой брат Роман должен был получить диплом доктора медицины в Праге, и поэтому я поехал к нему туда из Черновцов. Из Праги мы вместе собрались ехать обратно в Черновцы. Было это незадолго до Пасхи, и мы решили поехать через Венгрию и заехать в Изу, в которой мы никогда не были, чтобы убедиться на месте, что там происходит. Приехав поездом в Хуст, откуда было всего пять километров до Изы, мы начали справляться, как туда добраться. Зашли мы к тамошнему униатскому священнику, с которым мы не были знакомы и о котором мы не знали, что он мадьярон и донесет на нас жандармам. Нас арестовали в его доме и отправили

в губернский город Сигот к начальнику пограничной полиции. Фамилии его я уже не помню. Он заговорил с нами по-мадьярски, но мы оба заявили, что мы по-мадьярски не понимаем. Мой брат действительно не знал мадьярского языка. Затем допрос происходил на немецком языке. Мы сознались в преступлении и чистосердечно рассказали, что мы хотели пойти в Изу, ибо мы хотели воочию убедиться в том, что там происходит. Когда мы попали к полицейскому полковнику, было уже около четырех часов. Допрос продолжался приблизительно час, и полковнику пора было уходить домой. Полагаясь на то, что мы оба не понимаем по-мадьярски, он вызвал по телефону свою жену и рассказал ей про нас. В конце разговора он ей сказал: „Эти люди ничего плохого не сделали. Ведь и наши предки боролись за то, за что они теперь борются. Ты поймешь, что моя совесть не позволяет мне посадить их под арест. Что решит Будапешт, я не знаю, но я не могу заставить их ночевать в тюрьме вместе со всякими преступниками и бродягами. Пускай они переночуют у меня в канцелярии. Я знаю, что они никуда не убегут, если они дадут слово. Я пошлю к тебе вестового, а ты дай ему подушки, одеяла, простыни, и я их здесь устрою".

Так он и сделал. Он взял с нас слово, что мы не убежим, и оставил нас ночевать у себя в канцелярии без какого бы то ни было надзора.

На следующий день пришел приказ из Будапешта передать нас в ведение местного суда. Нас отправили в суд, а судья посадил нас в тюрьму, в которой мы просидели три дня. Затем нас передали местной городской полиции, в которой мы провели одну ночь в каком то большом помещении вместе с несколькими десятками арестантов. Ночь мы просидели на скамейке. Помещение было очень грязное, и к нам то и дело приводили в течение всей ночи новых „преступников", особенно волохов-румын, которых мадьярские полицейские немилосердно били.

На следующий день нас отправили в Будапешт и посадили в „толонц хаз".* Это была тюрьма — сборный пункт для бродяг и проституток из всей Венгрии. Там нас продержали две недели. Извлек нас оттуда д-р Милан Годжа, словак, который в то время был членом венгерского парламента. (После первой мировой войны д-р Ходжа был членом всех министерских кабинетов в Чехословакии и ее последний министр-президент). Нам объявили, что нас на вечные времена выселяют из пределов венгерского королевства. В сопровождении полицейского агента нас доставили до австрийской границы. Вследствие этого, у меня уже не было возможности съездить в Изу и вообще в Карпатскую Русь в то время, когда там подвизался отец Алексий. Но связь между нами оставалась. К нам в Черновцы приезжали многие крестьяне из разных сел Мороморыша.

* Этапная тюрьма — О. Г.

Я издавал в Черновцах еженедельную газету „Русская Правда" и ежемесячник „Вера и Церковь". Хотя между Австрией и Венгрией не было таможенной границы, читатели в Карпатской Руси очень скоро перестали получать как „Русскую Правду", так и „Веру и Церковь" и даже письма. Все конфисковала мадьярская почта. Некоторое время удавалось посылать газету и книги в деревянных ящиках с наклейкой адреса еврейской фирмы, торговавшей железом, но и это скоро прекратилось. Затем из многих сел начали приезжать крестьяне за газетой и книгами. Но не долго им пришлось пользоваться для этой цели железной дорогой. Жандармы узнавали их по костюмам и на пограничной с Австрией станции выволакивали их из поездов. Но и это не прекращало сообщения. Крестьяне приходили в Черновцы пешком или приезжали верхом на лошадях, невзирая на то, что, например, расстояние между Изой и Черновцами было около трехсот километров. Я помню, что как то в один и тот же день из разных сел Мороморыша пришло ко мне семнадцать человек.

Согласно доносам полиции и щирых хруней, все это делали „российские рубли". Но за все эти годы я не только не дал ни одному карпатороссу ни одного рубля, но даже ни одной австрийской кроны. Только один единственный раз я попытался дать одному приехавшему ко мне с лошадью крестьянину десять крон, но неудачно. Это был горец, гуцул, из Мороморыша, который пришел за книгами. Он был бедно одет и по всему было видно, что он человек бедный. Через лошадь были переброшены бисаги,* которые он наполнил книгами. Когда я из жалости предложил ему десять крон, он отказался взять их, сказав: „Я их не возьму, а то вы можете подумать, что я делаю это за деньги".

Но это не помешало австрийским и мадьярским властям в 1913 году арестовать более двухсот русских крестьян и обвинить их в „подстрекательстве" против Венгрии в интересах России, причем, конечно, обвиняли их в том, что они получали рубли из России. Мадьярская полиция даже нашла двух еврейских корчмарей, которые засвидетельствовали, что они у одного из арестованных видели русскую тысячерублевку. При этом они упустили из виду, что билет в тысячу рублей не существовал. Самая большая бумажка была пятисотрублевая. Но так как в Австро-Венгрии имелись „банкноты" в тысячу крон, то, конечно, предполагали, что и в России имеются тысячерублевки. Насколько все это была наглая ложь видно из того, что если бы даже кто-нибудь захотел подкупить карпаторусских крестьян, то не давал бы им тысячерублевки, с которыми они в своих горах ничего не могли бы сделать.

Жестокие гонения на русских крестьян за их „руссофильство" и антипатию к Риму продолжались вплоть до первой мировой войны. Закончились они пресловутым сиготским („Мар-

---

* Переметная сума — О. Г.

марош-Сигетским") процессом, в котором судили девяносто четырех крестьян за „подстрекательство" против Венгерского Королевства. Среди обвиняемых не было ни одного интеллигента, ибо вся карпаторусская интеллигенция — (она была немногочисленна) — была так терроризована, что держалась в стороне от злополучных крамольных крестьян. Меня с братом привлекли по этому делу и обвинили в государственной измене, но отдельно, в городе Черновцах, в австрийской половине габсбургской империи.

СИГОТСКИЙ ПРОЦЕСС

Крамольников судили в Сиготе, губернском городе Моромарыша. Официальное мадьярское название этого города было Мармарош Сигет и поэтому не только в мадьярской печати, но и во всех других газетах, даже и в России, процесс этот называли „мармарош-сигетским". Арестованных по этому делу было более двухсот человек. Они томились в предварительном заключении несколько месяцев, но в конечном итоге обвинительный акт содержал в себе только девяносто четыре имен. Все обвиняемые были крестьяне и почти все происходили из Моромарыша. Процесс этот вызвал всеобщий интерес, между прочим и потому, что за несколько лет до этого был подобный монстр-процесс в Хорватии, в городе Загребе, где судили 54-х сербов за государственную измену. Защищать обвиняемых русских крестьян приехали сербские адвокаты из южной Венгрии, среди них и д-р Хаджич, известный адвокат из Нового Сада, и словаки: д-р Людовит Мичатек и Юрко Яношко.

Чрезвычайно интересным эпизодом было появление в Сиготе, в качестве свидетеля, члена русской Государственной Думы, графа Владимира Алексеевича Бобринского. Он уже давно, как один из главных деятелей в Галицко-Русском Обществе в Петрограде,интересовался не только галицкими, но и угрорусскими делами. Узнав из газет о несуразных обвинениях, предъявленных прокурором в этом процессе, — при чем были ссылки и на него самого — граф Бобринский решил выступить на этом процессе в качестве свидетеля. Но когда он обратился за визой в австрийское посольство, ему объявили, что его в Австрии арестуют. Тогда он обратился прямо в Будапешт. Оттуда ему сообщили, что он может приехать через Румынию прямо в Венгрию, где его не арестуют и разрешат ему выехать обратно таким же путем заграницу. Невзирая на предупреждения как русских властей, так и друзей, граф Бобринский всетаки рискнул и поехал через Румынию в Сигот. Его появление на суде произвело сенсацию и сильно приободрило обвиняемых. Когда он кончил свои показания, он повернулся в сторону обвиняемых и глубоко поклонился им. Затем он безпрепятственно уехал в Россию через Румынию, несмотря на то, что из Вены требовали его ареста. Мадьяры ис-

пользовали этот случай для того, чтобы показать свою „независимость" от австрийского правительства и графа Бобринского не арестовали.

Из девяносто четырех подсудимых была приговорена только одна треть, не то 32, не то 34 человека. Приговорили их к тюремному заключению на разные сроки: от шести месяцев до двух лет. Только отец Алексей Кабалюк получил четыре с половиной года заключения.

Осенью 1913 года, когда начались аресты в Мороморыше, я заболел воспалением легких в Черновцах. Знакомый помощник прокурора, румын, узнав о моей болезни, предупредил меня, что меня собираются арестовать и посоветовал мне поскорее уехать заграницу, дабы не попасть тежело больным в тюрьму. Я последовал его совету и уехал через Румынию в Россию, на Кавказ. В то время о. Алексий Кабалюк находился в Америке, объезжая карпаторусские приходы. Мне сообщили из дому через некоторое время о получени сведений из Сигота, что судебный следователь запугивает арестованных изян, говоря им: „Вот видите, те, которые затеяли все это дело, удрали за границу: Геровский — в Россию, а Кабалюк — в Америку, а вас мы тут повесим". Подсудимые сильно пали духом. Поэтому я написал о. Алексию в Америку, что нам необходимо вернуться и сесть в тюрьму. Отец Алексий вернулся на родину через Германию и Австрию и сумел пробраться до Сигота без того, чтобы мадьярская полиция об этом узнала.

Он явился к судебному следователю и сказал ему: „Я прочел в газетах, что вы меня ищете". На вопрос следователя, кто он такой, отец Алексий ответил: „Я Кабалюк".

Я вернулся в Черновцы, но меня долго не трогали. Арестовали меня только в декабре месяце, накануне Рождества Христова вместе с младшим братом Георгием. Меня обвинили в государственной измене по параграфу уголовного кодекса, по которому единственной мерой наказания была виселица. Через полгода мне удалось бежать вместе с братом в Россию. В день нашего побега в местной ежедневной немецкой газете „Черновицер Аллгемайне Цайтунг" появилась передовая статья за подписью редактора, моего коллеги, адвоката Филиппа-Фейбиша Менчеля о том, что со мной церемониться нечего, что меня уже давно следовало повесить без суда так, как в Америке вешают без суда конокрадов.

Когда началась война, мадьярские власти никого из „руссофилов" не тронули или, вернее, не посадили в тюрьму и не судили как государственных изменников. Приговоренных к разным срокам в Сиготском процессе отпустили на волю, когда их сроки кончились. Только о. А. Кабалюку, который был приговорен к четырем с половиной годам тюрьмы, пришлось просидеть в заключении в течение всей войны. Многих крестьян, „взбунтовав-

шихся" в свое время против Рима и поэтому заподозренных в нелояльности к Габсбургам, сослали в чисто мадьярские села и разместили их в крестьянских хатах, в которых не было взрослых мужчин, так как они были мобилизованы и отправлены на фронт. Наши крестьяне исполняли там все работы, которые в обычное время делали отцы семейств или взрослые сыновья. Отношение к ним мадьярских селян было доброжелательным. Они смотрели на сосланных, как на членов своих семейств. Причина хорошего обращения состояла в том, что в восточной части венгерской равнины, прилегающей к Карпатской Руси, все мадьярское население протестантское. Это были кальвинисты, которые хорошо помнили, что когда-то во время контр-реформации они, совместно с православными карпатороссами, в течение многих десятилетий боролись с оружием в руках за свободу веры против габсбургских папских войск. Как мне потом рассказывали возвратившиеся после войны из ссылки православные русские, мадьярские крестьяне, у которых они работали, говорили им:

„Нам известно, за что вас сослали. Вы хорошие люди. Мы знаем и помним, что наши предки и ваши предки вместе воевали против римского папы".

Другая причина гуманного отношения мадьяр к заподозренным ссыльным русским людям состояла в том, что в те времена в Карпатской Руси совершенно не было украинских самостийников, которые делали бы ложные доносы на своих единоплеменников, не желающих отречься от своего русского имени и от своей русской православной веры. Вот почему в Венгрии не было Талергофа*).

В связи с этим интересно отметить следующий случай, происшедший в первые месяцы войны в Ясенье, в восточной части

---

*) Талергоф был одним из концентрационных лагерей для русских галичан в немецкой Австрии, недалеко от города Граца. Туда австрийские власти сослали много тысяч русских галичан — мужчин и женщин, из которых там умерло около 2000 человек. Среди ссыльных было более 250 русских униатских священников — галичан. В самой галицкой Руси во время первой мировой войны австрийские власти и их прислужники расстреляли или повесили без всякого суда и следствия несколько десятков тысяч человек. Глава польской социал-демократической партии, Дашинский заявил в австрийском парламенте, что число их доходило до 60.000 человек!

Ссылались они по доносам галицких самостийников, которые получали за каждый донос от 50 до 100 крон. Президиум клуба украинских членов австрийского парламента в Вене решал о том, кому следует оставаться в этом концентрационном лагере, а кого — отпустить. Среди жертв талергофского концентрационного лагеря были также мои родственники и знакомые, из которых некоторые выжили и впоследствии рассказывали о тех ужасах, которые там творились.

Карпатской Руси. В августе и сентябре, когда русские войска быстро наступали, некоторым австрийским полкам пришлось отойти за Карпаты. Один из этих полков очутился в Ясенье. По всей вероятности, это был галицкий полк. По рассказам местных жителей, среди офицеров полка были галицкие самостийники, которые арестовали некоторых гуцулов и шесть человек из них повесили. После этого в Ясенье явились представители венгерского командования, которые запротестовали против того, чтобы австрийцы вешали мадьярских граждан. Этим была прекращена „патриотическая" австрийско-украинская деятельность самостийников в Ясенье.

После того, как Карпатская Русь была оккупирована чехами, чешский губернатор в Ужгороде Эренфелд приказал расклеить по всей Карпатской Руси афиши, которыми сообщалось населению, что в такой-то день состоится в Ясенье большая манифестация в память шести русских гуцулов, повешенных там мадьярами. В афишах было сказано, что из Франции приедут представители французского парламента, которые примут участие в манифестации и произнесут речи. Я пошел к Эренфелду и рассказал ему, что в действительности произошло в Ясенье и, в частности, что полк был австрийский, что палачами были украинские самостийники и что мадьярские власти прекратили дальнейшие убийства. Так как Эренфелд, по-видимому, не собирался отозвать свою „патриотическую" манифестацию, я заявил ему, что и я прийду туда и приведу с собою несколько десятков крестьян из Изы и окрестных сел, судившихся в свое время в Сиготе, и что я там выступлю с речью не только на русском языке, но и на французском, так что и французкие гости поймут в чем дело. Я предупредил пана Эренфелда, что если он попытается не дать мне говорить, то я устрою такой бунт, что о нем будут писать все газеты и французские гости все-таки узнают в чем дело.

„Мы все", — сказал я, — „страдали от мадьярского режима, и я сам сидел по мадьярским тюрьмам, но во-время войны мадьяры наших людей не расстреливали и не вешали, как это делали самостийники в Галицкой Руси, благодаря которым там потеряли жизнь десятки тысяч ни в чем неповинных русских людей. Теперь самостийники хотят свалить свои преступления на других. Этого мы в Карпатской Руси не допустим".

Говорил я с паном Эренфелдом по-немецки, так как он был до войны австрийским бецирксгауптманом, т.е. уездным начальником, и поэтому хорошо говорил по-немецки. Сказал я ему все это повышенным тоном и уходя, я захопнул за собой дверь.

Успех моей интервенции был полный. На следующий день было объявлено в газетах, что торжество в Ясенье „откладывается". Оно никогда не состоялось.

Инок Алексий (Дехтерев)

КАК НАЧАЛОСЬ ВОССТАНОВЛЕНИЕ ПРАВОСЛАВИЯ НА ЗАКАРПАТСКОЙ РУСИ

Зачинщиками возвращения в прародительскую веру явились крестьяне села Изы: Иоаким Вакаров, Василий Лазарь и Максим Плиска. Произошло же это вот как: униатский певце-учитель Владимир Андрей собирал крестьян для совместного чтения псалтыри. Во время отдыха и беседы, обычно касались вероисповедных вопросов.

Крестьяне не раз спрашивали певце-учителя:

— Какая вера истинная?

И учитель отвечал:

— Истинная вера та, которую исповедует вся Россия. Мы же — не православные. Но об этом нельзя говорить, так как могут узнать жандармы и тогда нас арестуют.

Когда умер Раковский,[1]) то вся библиотека его, в которой находилось много православных богослужебных книг, была разобрана друзьями покойного.

Певце-учитель Владимир Андрей посоветовал названным трем крестьянам разыскать большой требник Киевского Митрополита Петра Могилы, принадлежавший библиотеке Раковского, и теперь имеющийся у кого-то из изян на руках. И добавил:

— По этой книге вы познакомитесь с истинной православной верой.

Вскоре книга была разыскана. Она находилась на руках у крестьянина Михаила Васюка. Иоаким Вакаров, Василий Лазарь и Максим Плиска тщательно изучали этот требник и тогда открыто выступили против униатского священника, и начали проповедывать православие. Вскоре они так в этом преуспели, что почти вся Иза перешла в православие, за исключением 64 дворов. Само собою разумеется, что все, перешедшие в православие, перестали посещать униатскую церковь и начали собираться группами по домам для чтения духовных книг и назидательной беседы...

Чаще всего собирались селяне для чтения и бесед в доме Максима Прокопа. У него была племянница, восьмилетняя Иулиания Прокоп, очень серьезная, развитая не по летам. В эти свои младенческие годы она уже чуждалась игр, все более уединяясь и раздумывая над суетностью человеческой жизни. Решительно все замечали особенность этого ребенка, не знавшего, присущего детскому возрасту, веселья. Однако, нельзя было сказать, чтобы Иулиания была замкнута, угрюма, неприветлива и несловоохотлива. Наоборот, она была резва и ласкова, люби-

---

[1]) Раковский — униатский священник, большой патриот, культурно-общественный деятель.

ла общество, труд и беседу: она уединялась только от игр и пустой болтовни, от пересудов и злословия, от всего грубого и легкомысленного.

Однажды она спросила своего дядю:

— Можно ли жить так, чтобы никогда не выходить замуж?

И дядя ответил восьмилетней девочке:

— Конечно можно. Так жили великомученицы Екатерина, Варвара и Параскева.

Иулиания глубоко задумалась. Дядин ответ наполнил ее сердце еще неведомой радостью. Помолчав немного она опять приступила к дяде:

— Но откуда же мне знать, как жили эти мученицы? Ведь я еще маленькая и читать не умею.

И еще раз дядя открыл ей страничку духовного познания. Он сказал:

— Нужно обратиться к Богу с молитвенной просьбой о вразумлении.

Так закончилась беседа Иулиании с дядей. Настала ночь. Девочке не спалось. Она все обдумывала свою дневную беседу и, наконец, по совету дяди, обратилась с горячей мольбой к Богу — о вразумлении. Сколько времени молилась Иулиания? Тяжело ли ей было или радостно? Расцвело ли ее маленькое сердце от общения с Богом или, наоборот, сжималось от ощущения земного холода? Но мы — — не без основания — можем предположить, что ей было хорошо в эту ночь и молилась она — до самого утра, когда открыла вдруг книгу и — стала читать, да, начала читать, как будто уже ходила в школу. И это было, впервые явленное ей, благоволение Божие.

Все близкие и знакомые были поражены этой милостью свыше, этим чудом.

С того времени Иулиания начала ревностно посещать все духовные собрания, организуемые православными по домам...

И как ясно представляю я себе это утро. Восьмилетняя девочка, с полноватыми, привлекательными чертами лица и строгими, как бы ушедшими в себя глазами, сидит возле дома на траве и читает, не отрываясь, тяжелый требник Петра Могилы. Горячее солнце заливает ее темную головку и босые ноги. Вокруг — высокая трава и цветы, а вверху — глубокое, синее небо с лениво проплывающими белыми облаками. Потом встает она и бежит к соседке — подруге, едва касаясь ногами земли, чтобы поделиться своею радостью: она — читает, она может читать, она может прочесть теперь житие Великомучениц Екатерины, Варвары и Параскевы...

Первый Мороморыш-Сиготский процесс (1904 г.)

Но униатский священник Стефан Полянский не сидел сложа руки. Он возбудил дело против отпавших от унии крестьян, в результате чего из Ужгорода были присланы миссионеры, сре-

ди которых были Андрей Азарий, Петр Гебей и др. Но эти миссионеры не переубедили крестьян и вернулись в Ужгород ни с чем. Но один из них — Андрей Азарий — остался в Изе, как настоятель церкви, т. к. прежний священник, за допущение православия в селе, был переведен на другой, более глухой приход, в так называемую Кобылецкую Поляну.

Но и Андрей Азарий в Изе не имел успеха, несмотря на свое редкое красноречие. Тогда он обратился к властям, чтобы путем насилия в корне убить православие в народе.

Так возник первый Мороморыш-Сиготский процесс 1904 г. Позже, на втором судебном процессе, защитник (д-р Милан Годжа) показывал письма организатора процесса — униатского священника Азария, в которых тот сам призывает политические власти преследовать русских.

Начались преследования и пытки. В результате всех этих пыток Иоаким Вакаров и скончался. Это был первый мученик за православие. Его погребли крестьяне без священника, с пением „Святый Боже" и „Вечная Память" . . .

Но тюремное заключение не погасило духовного пламени у изян и они, по освобождении своем, обратились за помощью к Карловацкому (сербскому) митрополиту. Были отправлены к нему — одна за другой — несколько делегаций. К первой группе русских людей митрополит отнесся весьма милостиво. Но вскоре власти категорически запретили ему так или иначе влиять на распространение православия на Угорской (Закарпатской) Руси...

После этого многие неутомимые изяне тайно пробирались в Мишкольцы, где и были над ними совершены все требы по православному обряду (крещение, венчание . . .). Но, за неимением средств, далеко не все могли посещать Будапешт и Мишкольцы. Несостоятельные крестьяне жили не венчанными и детей своих не крестили.

Несмотря на притеснения, все же православие ширилось и вскоре перекинулось на села: Лучки, Теребля, Липша и др. Так как православного священника все еще не было да и не могло быть при столь враждебном политическом положении, то и создалось невыносимое состояние, из которого необходимо было найти спешный выход. Решено было обратиться за содействием к России. Итак в 1910 году, с помощью Геровских, нелегальным путем были переселены в русский Яблочинский монастырь Холмской Епархии, для подготовки к священническому сану, несколько селян: Александр Кабалюк, Василий Кемень, Василий Вакаров, Георгий Плиска и др. Архиепископ Евлогий и граф Бобринский ласково приняли юных паломников и устроили их в монастыре.

В 1912 году А. Кабалюк, уже в сане иеромонаха, вернулся, как помощник Мишкольцского протоиерея. Последним он был командирован в Изу для выполнения необходимых треб. Хустский уездный начальник разрешил о. Алексию Кабалюку трех-

дневное пребывание в Изе. В эти три дня о. Алексий отслужил Божественную Литургию, освятил православный крест, обвенчал более тридцати пар и крестил великое множество детей. Литургию и все требы о. Алексий совершал в молитвенном доме у Петра Симулика, где собирались и раньше православные для молитвы.

В этом же доме, у Петра Симулика, собиралась небольшая группа девочек, во главе с Иулианией, стремившихся к монашеству. В то время Иулиании было уже 15 лет. Попрежнему она вела аскетический образ жизни и в сердце своем лелеяла мечту об устроении девичьего монастыря. Даже место для этого облюбовала: как раз там, где теперь находится св. Николаевский мужской монастырь. Ею, с подругами, да еще с помощью некоторых крестьян, уже возведен был дом, оставалось только покрыть его крышей. Но в это время опять возникли жестокие гонения на православие и дом был разрушен властями до основания.

В 1913 году возник второй Мороморыш-Сиготский процесс.

В то время, когда арестованных крестьян увезли в город Мороморыш-Сигот, начались преследования оставшихся невинных девушек, составлявших в то время как бы одну монашескую общину и живших в сарае у одного крестьянина.

Ночью, совершенно неожиданно, нагрянули жандармы, проникли в обитаемый сарай и всех девушек арестовали и доставили к себе в казарму. Здесь они обнажили их и долго нещадно били, заставляя отречься от православия. Затем, во дворе, при тридцати градусном морозе, обливали их водой.

Стояла лютая зима. В высоком небе стыла одинокая луна. Никого, кроме солдат, вокруг не было. Снег обжигал ноги, а дух захватывающая ледяная вода казалась кипятком. Но разве были страшны эти побои для юных девушек? И разве были такие пытки, которые нельзя было бы пережить? Да, было больно, было страшно — от естественной боязни насилия, но в сердцах цвела такая огромная радость, перед которой все страдания казались игрой.

Настало утро. Жандармы чуть приодели девушек и в таком растерзанном виде вывели их на улицу. И повели на показ и устрашение села. Они водили милых русских девушек по морозу, босых, с неприкрытой грудью, водили долго, смеясь и издеваясь над ними, и все еще надеялись на отречение от православия. Но расчеты этих палачей были ошибочны. Улицы были пусты, а кто и шел, тот отворачивался стыдливо: и девушки — ни одна, ни одна — не отреклись. С негодованием отнеслось село к этим издевательствам, но помочь ничем не могло. Слишком твердо и прочно было насилие.

Даже униатский священник Андрей Азарий в сердце своем пожалел несчастных и велел привести к себе Иулианию. Он долго убеждал ее отказаться от православия. Он говорил:

— Мне жаль тебя, ты такая юная, зачем же ты обрекла себя на такие страшные истязания?

И обещал ей свое заступничество, если она хоть притворно отречеться от „московской веры".

Это насилие над чистой душой и светлым, непорочным телом девушек-мучениц продолжалось три месяца. Невозможно описать всего ужаса, испытываемого исповедницами: в моем арсенале нет подходящих по силе слов.

Мои уши слушали эту страшную повесть из уст самой исповедницы-матушки Игумении Параскевы, но только бледным призраком отобразилась она на бумаге...

В начале 1914 года из России в село Изу прибыли иеромонахи о. Амфилохий (Василий Кемень), о. Матфей (Василий Вакаров) и о. Серафим (впоследствии убитый на войне). В первый же день приезда они были арестованы и отвезены в город Хуст. Там, после непродолжительного заключения, отца Амфилохия освободили и оставили жить в Изе, у своего отца, под домашним арестом, а о. Матфея и о. Серафима отправили отбывать воинскую повинность.

Началась мировая война, а с нею еще большее преследование православия. О. Амфилохия сразу же арестовали и с ним около сорока крестьян, как из села Изы так и из других ближайших сел. Их отвезли в город Домбрат, где и интернировали. Здесь они пробыли восемь месяцев. После этого о. Амфилохий был отправлен в Кошицы, где его приговорили к четырем годам тюрьмы. Часть крестьян была отдана в солдаты, а остальные — возвращены в свои села, где также находились под домашним арестом.

В то же время, при наступлении русской армии, Иулиания и ее подруги вновь были арестованы и пешком, под усиленным конвоем, как последние преступницы, отправлены в город Хуст. Здесь они пробыли в заточении около двух месяцев и чудом остались живы, так как растерявшимися властями были совершенно забыты (русские войска уже были в сорока верстах от Хуста) и последнюю неделю ничего не ели и не пили. Один из оставшихся тюремщиков, после бегства властей из Хуста, пожалел бедных узниц и выпустил их на волю. Теперь, наученные горьким опытом, они уже не жили вместе и не собирались по домам явно. Только по ночам, в погребах, решались они встречаться для совместной молитвы и подбадривания друг друга. Это был катакомбный период жизни верующих православных русских людей и время тайных ночных молитвословий.

Но русские войска отступили. Бежавшие власти вернулись на свои места и гонение на твердых в вере девушек усилилось.

Но чем больше стращали этих воистину удивительных девушек, тем ярче горела в них вера и жажда мученичества, тем более отдавали они сил и времени для проповеди православия. За всеми инструкциями они ходили к о. Амфилохию в Кошицы, конечно, тайно. В это время о. Амфилохий сидел в Кошицкой тюрьме. Одна шла навестить его, как сестра; другая, как даль-

няя родственница. И он давал им советы, свою духовную помощь. Но не долго навещали своего пастыря девушки, вскоре всех их посадили под строжайший домашний арест. Они должны были по три раза в день являться в казарму для допросов и — истязаний. Так продолжался весь 1917 год. В начале же 1918-го года жандармы до того озверели, что, призвав к себе Иулианию, как руководительницу тайной общины, избили ее до полусмерти. Все тело ее было покрыто ранами и кровоподтеками, череп разбит ударом шашки, нос сломан. Все эти истязания сопровождались уговорами отказаться хотя бы от внешнего исповедания православия и монашеского браза жизни. Но ничто не могло повлиять на бесстрашную исповедницу Распятого Христа — православную русскую девушку.

Полагая, что Иулиания умирает, ее, окровавленную и обезображенною до неузнаваемости, жандармы отнесли в подвал и почти засыпали песком. К подвалу же приставили служанку, чтобы не мог никто туда проникнуть.

На четвертый день только очнулась Иулиания. Служанка сообщила об этом жандармам и те, придя в себя и поняв весь ужас сотворенного ими зла, а может быть и устрашились последствий за излишне проявленное усердие, решили отнести девушку к отцу. Еще день пролежала Иулиания в погребе, молясь Господу о даровании ей мученического венца. С наступлением вечера жандармы сами отнесли истерзанную девушку домой. Они же и пригласили к ней своего врача. Но Иулиания наотрез отказалась от врачебной помощи, предавшись воле Божией. Упование ее на Бога оправдалось в полной мере и вскоре она совершенно поправилась.

Своим исключительным мужеством Иулиания произвела на жандармов сильное впечатление и они оставили ее в покое.

В это время произошла революция в Венгрии и о. Амфилохий вернулся из Кошиц и начал служить в Изе, куда постепенно начал стекаться народ со всей Закарпатской Руси. Предварительно о. Амфилохий побывал в Будапеште у православного епископа и получил от него благословение на приход в Изе. После двух месяцев пастырского служения, видя, что одному не справиться с возложенной на него работой, о. Амфилохий вторично побывал в России, разыскал там отца Матфея, Вакарова и других священнослужителей и вернулся с ними в Закарпатскую Русь. После Пасхи вернулся из России и о. Георгий Плиска, а на св. Троицу — и о. Алексий Кабалюк.

В 1920 году в Изе был освящен временный мужской монастырь, где сразу же оказалось 16 человек желающих монашествовать.

В 1921 г., с благословения епископа Досифея, настоятелем был избран о. Алексей Кабалюк, с возведением его в сан игумена, а заместителем его — о. Амфилохий. В том же году епископ Досифей рукоположил в иеродиаконы: о. Пантелеймона (Геор-

гия Кундря), о. Евфимия (Василия Прокопа) и о. Ефрема (Ивана Иваняса). В 1929 году эти иеродиаконы были рукоположены в иеромонахи. Отец Пантелеймон вскоре был назначен настоятелем в селе Липша. Здесь он подыскал место для девичьего монастыря и выпросил его — частично как дар, частично за плату — у Зейкан Марии, вдовы Стефана Вакарова, владелицы этой земли.

В это же время Иулиания Прокоп серьезно заболела и, с благословения епископа Досифея, была пострижена о. Амфилохием в монахини с именем Параскевы. Обряд пострижения состоялся 27-го февраля 1923 года.

Святая обитель

В 1924 г. матушка Параскева а с нею и Мария Рацюк, Анна Keминь и Анна Изаева отправились к прибывшему в Изу Владыке Досифею за наставлениями о том, как организовать женскую обитель. Совещание длилось очень долго. Предлагались различные проекты, вплоть до отъезда в Югославию. Однако, в конце концов, остановились на решении основать обитель в Моромoрыше. Как раз в это время иером. Пантелеймон и подыскал для монастыря место в двух километрах от Липши, на некотором возвышении. Здесь же оказался прекрасный источник глубокой родниковой воды, среди — лесов и гор неописуемой красоты. Трудно представить себе лучшее место для монастыря.

В том же (1924) году, о. Пантелеймон пригласил матушку Параскеву с ее последовательницами и духовным руководителем о. Амфилохием на место будущей обители. Выбор о. Пантелеймона все одобрили и было окончательно решено основать здесь женский монастырь. После этого о. Пантелеймон начал усиленно хлопотать у липецких крестьян о строительном материале, что и увенчалось полным успехом. Александр Липчей, нынешний староста села Липша, проявил особенное усердие, подарив из своего леса весь строительный материал. Архимандрит Алексий и игумен Дионисий пожертвовали на обитель по 20,000 крон.

В то время, когда о. Пантелеймон подготовлял почву для создания обители, матушка Параскева выехала в Бессарабию, для ознакомления с жизнью русских монастырей.

5-го июня 1925 г. состоялась закладка монастыря. Чин освящения совершил о. Амфилохий. Тогда же владыка Досифей назначил о. Амфилохия благочинным монастыря.

Тотчас же, после освящения места, монахиня Параскева и с нею двадцать девушек ревностно принялись за возведение зданий на пустынном месте. Многие препятствия мешали этому святому строительству. Лето было на редкость дождливое, дорог поблизости еще не было, так что весь строительный материал юные труженицы целые километры носили на своих плечах. Но, с помощью Божией, все было преодолено. Уже в конце 1925 года

были постоены — церковь и небольшой жилой корпус с шестью кельями. Весной 1926 года уже был второй корпус, в котором и поныне помещаются кухня, трапезная и мастерская. Как только все было готово и устроено, начало поступать множество просьб о принятии в монастырь, так что к маю месяцу насчитывалось уже сорок пять сестер.

По благословению владыки Досифея, 15-го мая 1926 года состоялось собрание всех насельниц обители, на котором единодушно настоятельницей монастыря была избрана матушка Параскева. Фактически матушка Параскева и прежде управляла обителю, но теперь она была избрана согласно уставу православных обителей.

После выборов архимандрит о. Алексий и игумены о. Амфилохий и о. Матфей новоизбранную настоятельницу торжественно ввели во святой Алтарь для поклонения Св. Престолу и для произнесения текста присяги на верность служении св. Церкви и обители. После выхода ее из алтаря, все сестры принесли присягу на верность обители и ее настоятельнице. В это время матушке Параскеве было тридцать лет.

Все были воодушевлены этим торжеством и с еще большим усердием стали заботиться о родной обители: сеять и жать хлеб, ухаживать за скотом и строить, строить и строить...

В 1930 году в монастыре насчитывалось монахинь и послушниц уже более восьмидесяти. И епископ Иосиф, нынешний митрополит Скоплянский, видя процветание монастыря, 28 декабря прибыл в обитель и, во время Богослужебной Литургии, возвел настоятельницуПараскеву в сан игумении.

Вспомнила ли матушка Параскева, когда нарекли ее за торжественной службой игуменией, тот сырой и холодный погреб, в котором лежала она, израненная и избитая, ожидая смерти? Вспомнила ли она тридцатиградусный мороз и себя, обнаженную, под потоками ледяной воды? Вспомнила ли все муки и истязания, все надругательства, все издевательства над бедным, хрупким телом девочки? О, конечно вспомнила, и благодарила Бога за этот путь Голгофы. За то что Господь привел ее пострадать за истинную Христову веру, за Православие, за дорогую Русь.

И почиет на монастыре Слава Божия и он возврастает, как глубиной веры — духа православного, так числом населения которое дошло до ста русских насельниц-девушек.

Этим летом строится еще один корпус, числом седьмой, что даст возможность принять желающих, давно уже ждущих своей очереди.

Монастырское хозяйство возросло. Монастырь имеет четыре лошади, десять коров и великое множество птицы; имеет свою мельницу, огороды, садовой рассадник, рыбный пруд и всевозможные мастерские (ковровую, швейную и др.). Самими сестрами была проведена к монастырю отличная дорога, осушены бо-

лотные поля, отведена речка, выкопан огромный рыбный пруд и т. д. Все эти работы были произведены по инициативе, планам и наблюдению живущего на отдыхе в обители русского инвалида, инженера М. А. Белянского. В монастыре для насельниц открыты сельско-хозяйственные курсы. Эти курсы были основаны по просьбе о. Пантелеймона — русским агрономом И. И. Мирошниковым. В настоящее время школой ведает русский агроном Г. А. Носков.

Так отвечает душа русской женщины Закарпатской Руси на все происки папы и других врагов Христа!

Липша, Закарпатская Русь, 1936 год.

Н. Упоринец — Колоколов

РУССКАЯ ВЕРА В КАРПАТАХ

Липецкий женский монастырь

Шел 1936 год. Желая провести и в этом году свой летний месячный отпуск среди природы и среди сельского люда Карпатской Руси, я избрал хустский округ, где, как я знал, в монастырях и скитах спасают свои души ушедшие от мира крестьяне и крестьянки ряда селений.

Пройдя по живописной долине реки и минуя село Липша, я увидел на горе налево монастырский храм и другие постройки. Мимо монастырской водяной мельницы, по торной дороге, поднялся на горку к самому монастырю и сразу же попал к матушке игуменье Параскеве. Она стала мне рассказывать, как сподобил Господь создать этот монастырь.

Ровным голосом, с доброй улыбкой, матушка игуменья начала рассказ со своего детства, когда она была Юлиной, воспринявшей от своего отца, от его брата и других односельчан из Изы горячую любовь к святому православию и стойкость в исповедании „старой веры" в то страшное время, когда венгерские власти в угоду Риму преследовали эту веру за то, что она не была римокатолической, а православной и русской.

Население восточной части Карпатской Руси никогда не принимало унии, которую с половины 17-го столетия ему насильственно навязывали габсбургские власти. Оно оставалось сознательно православным. Но венгерское правительство официально считало его униатским и, начиная с конца 18-го столетия, все приходские священники должны были быть, хотя бы для виду, „греко-католиками", то-есть униатами.

Народ терпел и молчал, помня ужасающие гонения, которым подвергались его предки, боровшиеся против Рима. Но в начале этого столетия „взбунтовалось" всё населения Изы, большого села, расположенного недалеко от впадения реки „Река" в Тису. Новый униатский священник попробовал ввести в богослужение

римские новшества и между прочим переделать молитву „Верую" на латинский лад. Услышав слова „иже от Отца и Сына исходящего" буквально весь народ немедленно вышел из церкви и больше туда никто не входил. В село были присланы жандармы, которые приказали всем жителям села регулярно являться в церковь всякое воскресение и праздники. У каждого изянина должна была быть во всякое время в кармане книжечка с удостоверением священника о том, что он был в церкви в последнее воскресение. Крестьян, оказавшихся на улице или работавших в поле без такого удостоверения, жандармы нещадно избивали и калечили, не исключая ни женщин, ни малолетних девиц.

Но народ не унывал и не падал духом. Во всей Изе не нашлось ни одного изменника, хотя в изском приходе было 2500 душ. За изянами последовали жители соседних сёл, которые открыто отреклись от Рима, и от униатских священников, невзирая на все гонения. Движение было настолько сильным и восторженным, что многие крестьяне и крестьянки, пренебрегая опасностью, стали собираться в какой либо дом для молитвы по старым церковным книгам, и стремиться вообще уйти из мира в монашество, чтобы посвятить всю свою жизнь Богу. В то время, как местная русская интеллигенция под давлением мадьяризаторской политики венгерского правительства всё больше и больше поддавалась мадьяризации, простой народ всё с большей силой отстаивал свою Русскую Веру. Начались жестокие гонения, напоминавшие времена гонений на христиан в Римской Империи, но они ещё больше разжигали упорство русских крестьян и укрепляли их стремление пострадать за свою веру и народность.

Матушка вспоминает тех, кто начали свое исповедничество в Изе. Это были: Василий Кемень (впоследствии архимандрит Амфилохий), Василий Вакаров (впоследствии архимандрит Матфей), Георгий Плиска (впоследствие иеромонах), Михаил Мачка и другие. Они первые ушли тайно в Россию, и, получив там сан священства, вернулись на родину. Отец и дядя матушки игуменьи (братья Прокоп) были среди первых борцов за православие в Изе, но они не старались принять сан и остались крестьянствовать; они оба очень много потерпели за Православие. С той же доброй улыбкой, как в начале рассказа, матушка повествовала мне о тех мучениях, которые перенесли за Христа её родные, другие односельчане и она сама. В числе десяти сельских девушек, в возрасте от 16 до 18 лет, она участвовала в решении и исполнении намерения устроить православный женский монастырь. Для этой цели они начали строить дом сами. Каждый день они работали на этой постройке и каждую ночь приходили жандармы и разрушали. И, всё таки, достроили! Жандармы заперли дом и унесли ключ. Для молитв девушки стали собираться у одного крестьянина. В униатскую церковь не хотел итти никто. Иногда жандармы насильно загоняли туда народ, жестоко избивая его палками.

Группа монашествующих девушек продолжала собираться, для молитвы, читали переписанные ими самими православные акафисты и другие священные книги, по ним пели и читали, стараясь придерживаться устава. Ночи они проводили вместе, отдавая значительную часть времени на переписку священных книг.

Тут матушка игуменья показала мне сборник акафистов и песпонений, переписанных тогда. Я увидел четко написанную от руки славянскими буквами книжку, сохранившуюся до сего времени. Одну девушку, по очереди, они выставляли снаружи сторожить, чтобы жандарм не застиг их „на месте преступления" за перепиской.

Этим тайным монастырем руководила тогда самая младшая из девушек, Юлина, Юлиана Прокоп, ставшая впоследствии Параскевой, игуменьей монастыря.

Средства к жизни монашествующие девушки добывали себе тем, что ходили, как и многие другие крестьяне Карпатской Руси, из своих гор на мадьярскую равнину к мадьярам на полевые работы и оттуда они приносили домой заработанное зерно, которое мололи или обменивали на другие продукты. Кроме того девушки плели корзины и продавали их евреям, скупщикам фруктов. Иногда девушки ездили помолиться Богу в православные храмы в Мишковец или Будапешт. Продадут корзины и на эти деньги едут.

Матушка игуменья вспоминает, как она в первый раз везла своих девушек в Будапешт, в церковь. Приехали, идут с вокзала по городу и ищут, а спросить боятся. Ходили так до вечера и, не найдя церкви, решили переночевать где придется и остановили выбор на группе деревьев. Утром, к своей огромной радости увидели, что они находятся под стенами православного храма. До слёз были рады. Дождались богослужения, отстояли литургию и поехали домой.

12 декабря 1912 года жандармы застигли таки в Изе монашествующих девушек „на месте преступления": помолясь Богу, девушки улеглись спать все вместе. При них нашлись и богослужебные книги. Жандармы выгнали девушек неодетыми на мороз, в одних сорочках и босиком. Гоняли их сначала по улице, всячески издеваясь над ними, а потом загнали в реку, которая вследствие быстроты течения не замерзала. В воде продержали страдалиц около часу. Потом погнали их в жандармские казармы, там переписали и отпустили по домам. Кроме Юлианы там были: Пелагея Хвост (впоследствии мать Прескина, оставшаяся в монастыре и к моменту этого повествования), Пелагия Довганич и Пелагия Симулик (не поступившие в монастырь, но жившие в Изе, не выходя замуж и ведя строгий образ жизни), Мария Мадьяр (умершая девицей от жандармских побоев весной 1913 года), Пелагея Щербан I-ая и Пелагея Щербан 2-ая, Анна Вакарова и Юлиана Изай. Четзеро последние вышли впоследствии замуж по настоянию родителей.

Обнаружив тайный православный монастырь, жандармы начали следить за всеми записанными у них, производили в их домах обыски и обязывали периодически являться в жандармские казармы для регистрации.

„Девушки ничего не боялись", — говорит матушка. Они хотели пострадать за веру и с радостью принимали все побои и мучения. Как ни били жандармы Юлиану Прокоп, не могли добиться от неё ни стона, ни мольбы о пощаде. На её лице видели только вдохновение и радость, что жандармов несказанно злило. Били её по лицу, по рукам и животу, бросали на землю и били ногами, но и так не могли вырвать ни одного стона.

Православное движение захватило всех в селе, никто не остался даже и по имени униатом. Для общей молитвы люди уходили в лесные дебри. В помощь жандармам был прислан отряд салдат. Однажды солдаты оцепили молившихся близ р. Реки и старались захватить богослужебные книги. Желая их спасти, один старик завернул книги в свою гуню[1] и с этой ношей бросился вброд через реку. По нем солдаты начали стрелять и требовали чтобы вернулся, но он только кричал стоявшим на берегу односельчанам: „Ану, попозерайте, ци не замочилася гуня". И ушёл благополучно, сохранив драгоценные книги. Тогда схватили его затя, привязали вожжами к лошади, которую погнали. Тело молодого крестьянина было всё избито о камни и корни, ободрано и окровавлено. Однако, Господь его сохранил и он к моменту моего разговора с матушкой игуменьей — здравствовал.

Весной 1913 г. из России вернулся посвященный в иеромонахи Михаил Мачка; его схватили и посадили в тюрьму, избив при этом. Через год в 1914 году из России вернулись иеромонахи Амфилохий и Матвей и их точно так же схватили, избили и посадили в кошицкую тюрьму.

С об'явлением войны, в августе 1914 года, в Изе арестовали 80 человек крестьян и погнали в Мишковец, в тюрьму, а на доске, которую несли впереди, было написано „Запродавцы державы". Тогда же арестовали и матушку игуменью (Юлиану Прокоп). Её избили, изорвали в клочья её платье и повели. Она взяла с собой образок Спасителя, чтобы перед ним помолиться перед смертью. Пронесла его, хотя и трудно было прятать в висевших на ней лохмотьях. Её продержали под арестом не долго и отпустили, обязав никуда из села не уходить и являться в жандармские казармы для регистрации.

„Настало тогда тяжёлое время — говорит матушка, — народ измалодушествовался, потерял веру в Бога и стал дурно жить; нужно было спасать людей". Юлиана Прокоп подговорила двух крестьян — Дмитрия Сабова и Михаила Сомоша — чтобы они помогли и они согласились. Приняли на себя подвиг юродства

---

[1] Гуня — верхняя одежда из овечьей шерсти наподобие кавказкой бурки но с рукавами.

и стали у жандармов вне подозрений, так как вели себя как умалишенные. Они оба стали служить православным для связи и сообщать о передвижении отрядов и об обысках, производимых на селе. Народу они говорили: „Покайтеся, молитеся! Прийде Христос судити живых и мёртвых". Народ опамятовался и начал приходить в дом Юлианы Прокоп, от которой получал наставления — что нужно делать. Особенно деятельно помогал Юлиане Михаил Сомош, который впоследствии стал иеросхимонахом Митрофаном. Он же нашёл и привел к Юлиане Марию Рацюк, ставшую впоследствии матерью Февронией, главной помощницей матушки игуменьи, благочинной монастыря и ведшей всё его хозяйство. Мария Рацюк тоже претерпела тяжкие мучения за веру: ей жандарм разрубил руку до кости.

У Юлианы Прокоп собралось тогда около ста девушек, которые хотели вступить в монашество. Из них впоследствии отобралось сорок девушек, которые не вышли замуж и стали монашками.

Отец Амфилохий продолжал оставаться в тюрьме в Кошицах. К нему отовсюду приходили православные и получали указания: как нужно совершать молебны, акафисты или заупокойные каноны (вместо парастаса, который без священника совершать нельзя). Не желая идти к униатскому духовенству, крестьяне сами крестили детей, молодожёны жили без церковного брака. Сестра матушки игуменьи, впоследствии монахиня Валентина, регентша монастырского хора, была крещена только четырёх лет от роду. Она ходила сама вокруг купели и пела „Елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся . . ."

Во время первой мировой войны, в 1916 году, преследования православных усилились чрезвычайно. Взятых под надзор, как Юлиану Прокоп и других девушек, заставляли по три раза в день являться в жандармские казармы.

На Крещение 1918 года, рассказывала матушка игуменья, возвращаясь из казарм, увидела я Михаила Сомоша, который стоял около своего дома и спросила его, не вернулся ли уже из тюрьмы Димитрий Кемень, которого дом был рядом с ним. Он мне ответил: ещё нет. Вдруг слышу, хворост у плота трещит и нараз к нам выскочили два жандармы, которые сховалися под плотом (забором) у Кеменя. Взяли нас с Михайлом и повели в казармы. Привели туда же и Михаила Симулика, у которого в то время был молитвенный дом. Тых двух побили и послали в сумасшедший дом, а меня зачали бить воловьей жилой с оловом на конце. Били по лицу и разбили в носу все косточки, а я всё стою и молчу. Один жандарм говорит: „Молчишь, подожди, змея, будешь ты у меня плакать!" . . . Повалил меня на пол. Я упала на бок. Он вскочил на меня обоими ногами и я почувствовала, что в боку у меня что-то хряснуло и я застонала. „Ага, застонала". Я опять молчу. Жандарм мне кричит: „Встань!" Я встала и молчу. Он выдернул саблю и ударил меня по голове. Рассек

мне голову и из раны полилась кровь. Всё как бы закачалося вокруг меня, но я ещё стою. Повели меня к студне (к колодцу) и зачали лить на голову воду. Тут я перестала видеть и чувствовать и упала. Отнесли меня в пивницу (погреб) и зарыли в песок, только голову оставили наверху. На три дня приставили ко мне сокачку (кухарку), чтобы она следила по зеркалу, есть ли на нём от дыханиня роса. На третий день хотели меня бросить в воду; вытягли из пивницы и стали смотреть — жива ли я ещё. Каким то железом стали открывать мне рот и сломали зуб. Вот этот, — показала мне матушка, — ещё и корень остался. От боли я как бы немного опамятовалася и, не глядя, ударила на отмашь рукой. Попала прямо в лицо тому жандарму, который мне сломал зуб. Так сильно тогда упала моя рука на него, что он потом целый месяц в больнице был. Тут из головы у меня снова полила кровь и залепила мне очи: я перестала видеть и чувствовать. Отнесли меня, но теперь уж не до пивницы, а оставили на кухне. Начали делать искусственное дыхание, давали чай с ромом, очи мои промыли: на утро я уж стала видеть. Водили меня по кухне — учили ходить, поддерживая под руки. На пятый день положили меня на носилки и отнесли к нам во двор. Был вечер, темно, зима лютая. Положили меня во дворе около хаты и ушли. Никто не видел как меня принесли. Отец мой был тогда под оборогом, где молился. Там мы сделали такое тайное место, где всегда молились. Отец меня очень любил и всё время молился о моём спасении. Обещал, что если я буду жива, он меня Богу отдаст. Кончил отец молиться и пошёл до хаты. Когда увидел меня, подошёл и спрашивает: „Ты, дочь?" Понес он меня до хаты. А у нас там собрались тогда малые девчата 4-6 лет. Может быть 10 их было. Они все тоже молились за меня, чтобы Бог открыл, где я. Отец не хотел им меня показывать, потому что у меня всё лицо было в крови и они бы испугались. Он им сказал только: „Нашлась, слава Богу, Юлиана. Она есть хвора. Теперь идите спати и молитеся, чтобы Бог её исцелил". Кровь из головы у меня всё не унималася. Отец побежал к военному доктору и привел его. Доктор посмотрел и сказал, что буду жить только три часа, потому что кость на голове разрублена и повреждена мозговая оболочка. Отец и все наши начали со слезами молиться. Я тоже молилась. Три часа прошли, я всё живу и как бы лучше мне стало. Тогда тот доктор начал меня лечить. В носу все косточки разобрал и сложил все снова, как нужно. Стала я выздоравливать, начала ходить. Через три недели иду по улице и встречаю жандармов. Один из них, тот самый, что мне саблей голову разрубил, спрашивает меня: „Это ты, Юлиана?" Отвечаю — я. Что вам нужно? Он побежал к нам до хаты и удостоверился, что то действительно я. Жандармы думали, что я давно уже умерла. В хате у нас этот жандарм бросил на землю своё ружьё и сказал: „Уже николи никого не буду бити. Вижу, что милость Божья с вами!"

И больше, правда, не били. Люди наши с того времени пере-

стали их бояться. Если жандармы кого поймают и поведут на жандармскую станицю, мы все идём туда и говорим: „Мы все такие, возьмите и нас”. Ничего не делали ни нам, ни тем, кого арестовали.

Отца Амфилохия в то время выпустили из тюрьмы и он пришёл до Изы. Как раз тогда умерла моя мачиха и он служил при её похоронах. Не тронули. Это было в первый раз, что вольно было служить православную службу. А с той поры стали у нас все службы отправляться по уставу. В декабре 1918 года, на Рождество, отца Амфилохия впустили в церковь. Начали у нас собирать пожертвования на Свято-Николаевский мужской монастырь. Все поотдавали всё, что могли. Скоро монастырь был готов. Отец Амфилохий стал там первым настоятелем. Хотелось и нам иметь для женского монастыря хотя бы одну отдельную комнатку. Девушки стали собираться в нашей хате. В 1920 году пришла новая власть. Отец Амфилохий пошли тогда в Россию и нашли там отца Матвея и отца Алексея и все вернулись в Изу.

Православным владыкой к нам на Карпатскую Русь был назначен тогда епископ Досифей. Поехали мы к нему и стали просить его разрешения устроить женский монастырь.

— Идите в Сербию, — говорит владыка. — Пишите пасы (паспорта).

Пасы было трудно получить и дорого. Начали хлопотать. Монашествующие девушки просили их постричь, некоторые уже умерли, а каждой хотелось умереть в монашестве. Я была больна и владыка постриг меня в постели. Это было в 1922 году. Сорок других девушек владыка тоже постриг на Карпатской Руси в 1923 и 1924 годах.

К тому времени шесть нас собралось ехать в Сербию, пасы нам были готовы. Пришли мы к владыке, а он и говорит:

— Я раздумал, лучше здесь устроим женский монастырь.

— Нет средств, владыка, отвечаю я.

— Средства у Бога.

— Простите, — говорю, — владыко святый, мы не учёны.

— Дело, — говорит владыка, — научит вас.

— Слушаю, — говорю, — владыко, по вашему архипастырскому благословению будем стараться.

Потом матушка игуменья рассказывала мне, как чудесно удалось собрать средства и начать монастырскую жизнь.

Бывший крестьянин села Изы, Георгий Кундря ставший иеромонахом Пантелеймоном, получил приход в селе Липша, которое имеет много выселков. Однажды, отправляя требы в одном из этих приселков, шёл он со своим церковником по лесной тропе и присел около родничка, чтобы воды напиться и отдохнуть. Место очень полюбилось отцу Пантелеймону и он спросил церковника, чье оно. Оказалось, что оно вдовы Стефана Вакарова, который много пострадал за православную веру, сидел в тюрьме и там умер от побоев. Отец Пантелеймон подумал, что для жен-

ского монастыря это место было бы очень подходящим и что от вдовы Вакарова будет не трудно получить эту землю. Однажды он собрал к себе в гости мать Параскеву и некоторых других монахинь, молившихся с нею и вместе и мечтавших о создании своего монастыря, вдову Вакарову и старосту села Липша. Завели разговор о монастыре, а вдова Вакарова и говорит:

— Маю шисть голдов [2] лесной земли. Не знаю, ци вам добра была бы. Дала бы вам ю.

— Ничего, бабко, добра буде. Завтра идеме подписывати.

А потом отец Пантелеймон обратился к другим:

— Я знаю тоту землю — добра буде. Так, теперь даме вси, кто што може. Вы корову дайте, — обратился он к одной женщине. Та согласилась.

— Добре, — сказала она, — я дам корову. Най даст Бог, чтобы был монастырь.

Сельский староста сказал:

— Я маю лес, так дам дерева.

Кто-то сказал, что купит для монастыря церковные книги. Так и насбиралось имущество, нужное для начала.

Матушка Параскева на другой день пошла к Владыке и рассказала ему об этом. Владыка очень обрадовался и сказал, что нужно начинать. В качестве руководителей монастыря назначил архимандритов Амфилохия и Алексея, а игуменьей монастыря назначил мать Параскеву. На другой день собрались на месте, подаренном вдовой Стефана Вакарова. Иеромонах Арсений, из крестьян села Липши, бывший здесь же, сказал, что он жертвует монастырю свой лесной участок, который лежит поблизости от избранного для постройки участка.

На следующий день заключили на эти два участка контракты. В течение нескольких ближайших дней было пожертвовано монастырю ещё несколько земельных участков.

Нужно было переселяться на новое место и начинать постройку, но здесь, неожиданно, возникло крупное препятствие, которое пришло со стороны родителей монашек: родители не хотели их отпускать. Начали требовать, чтобы они отказались от монашества и выходили замуж. Одна из монахинь, жившая в монастыре во время моего посещения, мать Александра, рассказала мне, что, бывало, как только она придет домой из церкви, отец начинает её таскать за косы и бить.

Некоторые монахини также говорили мне, что им пришлось в то время перенести от родителей такие же мучения. Иные монашки не устояли и ушли в мир, но таких было немного. Видя такое упорное сопротивление родителей, отец Амфилохий советовал матери игуменье не начинать дела, но отец Пантелеймон горячо советовал начинать. Очень ободрило в то время всех пожертвование одной женщиной 5.000 корон.

---

[2] „голд” равняется 2/3 гектара. — О.Г.

В июне 1925 года матушка Параскева собрала всех стойко державшихся монашек и всех доброжелателей монастыря на место, пожертвованное вдовой Вакаровой, назначив освящение закладки будущего храма. Освятили закладку и это придало всем монашкам и доброжелателям необходимого мужества.

Сразу же остались на жительство на месте будущего монастыря монахини: Параскева, Феврония, Евдокия, Александра, Любовь, Доминика, Зиновия, Софрония, Людмила, Макрина, Варвара, Евдокия, Матрона, Епистимия, Феоктиста, Дорофея, Харитина, Неонила, Соломония и одиннадцатилетняя сестра матери Параскевы, ставшая впоследствии монахиней Валентиной, проявившей талант в управлении монастырском хором. Эти 20 девушек немедленно же принялись строить деревянный храм, таская на своих хрупких плечах в гору бревна, привезённые старостой к мосту, который отстоял почти на километр от места постройки. Тогда монастырь был отрезан от шоссейной дороги быстрым и глубоким потоком и болотистой долиной, по которой поток протекал. В то же время монашки принялись месить босыми ногами глину с примесью соломы и делать вальки (сырые кирпичи) для будущего общежития монашек. В глине было много мелких камней и ноги месивших скоро оказались в кровоточащих ссадинах. Однако, терпя боль, монашки продолжали месить и пели при этом: „Кто Бог велий, яко Бог наш? Ты еси Бог, творяй чудеса". И Господь проявил к монашкам Свою милость. За неделю были изготовлены 15,000 вальков и разложены на пригорке для сушки. Церковь в то же время была быстро достроена и покрыта крышей. Под крышей, на церковном чердаке, монашки устроились на ночлег. Ночью разразилась сильная буря с ливнем. Все здание храма сотрясалось от страшных ударов грома и сильнейших порывов ветра. Сбившись в кучу, со слезами и молитвами, монашки просили Господа, чтобы сохранил их и их работу. Дождавшись рассвета, монашки побежали смотреть что сталось с их сырыми вальками и увидели, что они все целы. Между тем буря в эту ночь была так сильна, что во многих окрестных селениях были разметаны хаты и несколько человек было убито и ранено. В селе Липша буря сорвала с церкви крепкую железную крышу и причинила много бедствий. А монашки, под только что сколоченной крышей оказались все невредимы и монастырю буря не причинила никаких убытков. Проявленная таким образом милость Божия придала монашкам новой бодрости и радостная работа возобновилась.

Однако сильно чувствовался недостаток денежных средств. Необходимость купить строительные материалы принудила продать корову. Быстро израсходовались все деньги и не на что стало покупать даже пропитание, Некоторые родители не хотели оказывать поддержку своим дочерям-монашкам.

Из вальков начали было постройку двух корпусов общежития, но, по недостатку средств, пришлось постройку прекра-

тить и остаться на зиму на церковном черкаде. В церкви самой сделали трапезную, а в пономарке — кухню. Было и холодно и голодно.

Трудно было переносить голод, но ещё труднее насмешки односельчан и тех, кто не желал успеха делу. Некоторые монахини не выдержали и покинули монастырь — таковых было десять. Однако, на их место сейчас же пришло тридцать новых и святое дело не умерло. Из числа ушедших потом 6 монашек вернулись обратно.

— В то трудное время, — говорит матушка игуменья, — сильно поддерживал монастырь отец Пантелеймон, который в качестве приходского священника в Липше получал приличный доход. Он сам ходил в рваной ряске и почти весь свой доход отдавал монастырю. Он же совершал и все богослужения в монастырском храме. Вдруг отец Пантелеймон сильно заболел. Оказался у него очень сильный туберкулёзный процесс и, притом, какое-то желудочное заболевание. Из села монахини взяли его в монастырь и позаботились о хорошем уходе. Состояние его было очень тяжёлое. Он исхудал и ослаб совершенно. Был уже почти совсем без сознания. Принялись за его лечение и начали с молитвы: отец Амфилохий отслужил молебен с елеосвящением. В это время в монастырь приехал русский доктор, имени которого матушка Параскева не запомнила. Этот доктор осмотрел больного и посоветовал для него диэтический режим. Больной с той поры стал поправляться. Выздоровев совершенно, отец Пантелеймон остался жить при монастыре, отправляя богослужения и требы.

До времени моего посещения прошло 10 лет монастырской жизни. За это время монастырь крепко стал на ноги, как в области духовной, так и хозяйственной. Число монахинь, вместе с послушницами, уже превышало девяносто. Со всех концов света русские женщины стремились туда, в стены этой широко прославившейся тихой обители. Большинству приходилось отказывать по недостатку мест и денежных средств. Среди насельниц монастыря преобладали молодые крестьянские девушки из окрестных селений, проникнутые глубокой идеей служения Богу и любящие свою обитель, настоятельницу и своих сестер истинно-христианской любовью. Эта любовь и ясность духа видны были во всём и, прежде всего, в их взаимных отношениях. Сколько бы ни наблюдать их жизнь, невозможно было услышать и намека на раздражение или недовольство распоряжениями. Поражаясь этим, столь невероятным в наш нервный век явлением, посетитель спрашивал: „Неужели монахини никогда не ссорятся между собою?" и получал всегда спокойный и уверенный ответ: „Не для того мы сюда собрались, чтобы ссориться". Пожив там, каждый начинал чувствовать, что у него самого разглаживаются складки не только на лице, но и в душе. Начинал так же ласково, без раздражения отзываться на все явления в своей

жизни и убеждаться, что это и возможно и очень приятно. Короткое пребывание в монастыре освежало душу и давало ей хороший заряд доброты и добродушия. Прикасавшиеся к творимому здесь чуду ясно ощущали присутствие во всем Божией благодати и у них появлялось благоговейное преклонение перед этим святым уголком Карпатской Руси и перед теми лицами, которые его создали и им руководили.

В 1935 году в монастырь прибыл в качестве настоятеля храма и духовника отец иеросхимонах Касьян, проживший перед тем на Афоне 32 года. Матушка игуменья нашла в нем твердую опору своим давнишним стремлениям. Оказалось, что их пути — его из Уфимской губернии на Афон и с Афона на Карпатскую Русь для укрепления народа в вере и в монашеском подвиге и её — через невероятные мучения за открытое исповедание православной веры и за желание поддерживать более слабых духом своих сестер по Христе — чудесным образом сошлись для того, чтобы поддерживать в русском народе в Карпатах его исконную Русскую Веру, Святое Православие. Обитель во имя Рождества Пресвятой Богородицы была в тридцатые годы самой яркой лампадой, зажжённой в Карпатах во Славу Божию.

Дело монастыря ко времени моего посещения разрослось чрезвычайно. У матушки Параскевы была ценная помощница — мать Феврония. Обе они составляли одно целое . Им непрерывно оказывал свою помощь отец Пантелеймон, продолжавший жить при монастыре.

Русские эмигранты, приезжавшие в монастырь, находили в нем материнскую или сестрическую ласку и, главное, возрождались там душой, видя во всем укладе монастырской жизни преданность святому православию и любовь к русскому народу, т. е. те начала, на каких они были воспитаны у себя дома и во имя чего они бились против безбожной власти, захватившей Россию.

Некоторые из русских эмигрантов, инвалиды, нашли в монастыре приют, лечение и легкую смерть, кому судил её Господь. Нашли там приют и безработные русские эмигранты. Они посильно старались отплатить за добро, оказанное им, своими знаниями и трудом. Так один инженер-инвалид спроектировал и построил при помощи монастырских сил, — и сам всё время работая киркой или лопатой, — шоссейные дороги и два пруда. Другой инженер, состоявший на государственной службе, разработал проект монастырской водяной мельницы и помог её построить. Два инженера-агронома организовали для монахинь курсы по садоводству и по другим видам сельского хозяйства, создали плодовый питомник и вообще оказывали монастырю всяческое содействие по своей специальности. Русский эмигрант, врач, провел с 30 монахинями курсы по уходу за раненными и больными. Он же вел в монастыре амбулаторное лечение больных. Русский эмигрант, священник, живший в весьма отдалённом селе, регулярно приезжал в монастырь для занятий по пению. Он

сам обучался в Московской консерватории и был прекрасным знатоком хорового пения. Благодаря ему монастырский хор разучил множество красивых песнопений, созданных русскими духовными композиторами, и я убедился, как стройно, красиво и благоговейно поёт хор под управлением матери Валентины, совершенно не пользовавшейся камертоном, имевшей абсолютный слух и прекрасную музыкальную память, вкус и благоговейность к своему делу. Разные русские юристы и экономисты, русские писатели и лица других специальностей, дорожа этим святым уголком, где теплилась Русская Вера, старались во всём оказывать монастырю посильную помощь.

Благодать Божия видна была всюду, включая и хозяйственные предприятия обители. Когда-то монахини питались буковыми листьями с крапивой, а в 1937 году, когда я посетил монастырь в последний раз, я видел его прекрасно разработанные поля, огороды, пасеку, рыбные пруды, мельницу на полном ходу, лошадей, коров, образцовое куроводство, многочисленную водяную птицу и прекрасно поставленную ткацкую мастерскую.

Монахини и послушницы монастыря непрерывно несли очень большой труд по своим различным „послушаниям". После утреннего звонка (в три часа) все насельницы монастыря стремились в храм. Оставаясь в постели, я слышал издали акафист Божией Матери с трогательным припевом: „Радуйся, Радосте наша, покрый нас от всякого зла честным Своим омофором!" Из храма они, как муравьи, разбегались по своим работам, а вечером, уже в темноте, я наблюдал тех же монашек, собиравшихся для молитвы и видел, что, несмотря на усталь, молитва была им не в тягость, а в радость. Такова была сила Русской Веры в этих девушках, добровольно уходивших от мира с его соблазнами и от той „культуры", которую старались внедрить в русскую среду чехи, в большинстве своем безбожники, видевшие в христианской вере „некультурность", а в Русской Вере — препятствие к скорой чехизации русского народа Карпат. В день моего последнего от'езда из монастыря, я отстоял в храме раннюю обедню. По монастырскому обычаю, матушка игуменья во время запричастного обряда читала вслух поучение из книги Пролог. Из поучения на этот день, на 8-е мая по старому стилю, мне запомнились слова: „И глагола старец: вижль великие отцы, како безкнижни суще, и не ведуще что, точию малы псалмы, и ни гласа, ниже тропарей ведяху, яко светила в мире просияша". Таким же светилом для всего православного русского люда и не только для Карпатской Руси, был этот святой Липецкий монастырь, его игуменья Параскева и все смиренные подвижницы-сёстры, повторившие в наш окаянный век то, что послужило 18-19 веков тому назад к развитию и укреплению Христианства — стояние за Веру, несмотря на мучения и смерть.

До меня доходили сведения, что после чехов монастырь был под властью „украинцев", вымещавших на насельницах монас-

тыря свою злобу за их твердое стояние за Русскую Веру; потом венгры, которые истязали, как я слышал, монашек непосильными работами и „налогами" (то есть, поборами); наконец пришли коммунисты. Неожиданно, со стороны Сталина к православным Карпатской Руси была проявлена „милость", что было ничем иным, как подлой политикой для постепенного отнятия и веры и народности. Липецкому монастырю передали в управление большой и богатый когда-то монастырь на Чернечей Горе, возле Мукачева. Потом начались притеснения на экономической почве и затем — на духовной. Я слышал, что мать Феврония умерла и что некоторые монашки ушли в мир. За мать игуменью, пока она жива, я не беспокоюсь: она и сама устоит и других поддержит, а их всех поддержит Господь Бог, в Которого они так просто по-детски, верили, на Которого всегда надеялись и будут надеятся до последнего издыхания и к Которому с пламенной любовью своих чистых сердец они уже давно, ещё с юных лет, стремилось. Их вера сильнее смерти и такой то, именно, подвиг теперь больше всего нужен на нашей Родине.

НА ПРЯШЕВСКОЙ ДОРОГЕ ЛЕТОМ

Хорошо проходить средь зеленых полей
В этот радостный утренний час,
Под сияющей ласкою теплых лучей,
Под лазурью, чарующей глаз.

От восхода до тихой вечерней зари
В спелом поле работы кипят.
По душистому лугу идут косари,
И на солнце их косы горят.

На околицах — золото детских кудрей,
Их головок растрепанный лен,
Русской речью журчит, как весенний ручей,
Голосов переливчатых звон.

После долгих скитаний так радостно знать,
Что иду я по русской земле,
Лица русские радостно мне узнавать
В каждой хижине, в каждом селе.

А. Нельской

ГЛАВА VII

КУЛЬТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДЕЯТЕЛИ ЗАКАРПАТСКОЙ РУСИ

Проф. Г. Геровский

БАЛУДЯНСКИЙ И ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В РОССИИ

Среди имен, которыми наша маленькая родина на юге Карпатских гор прославилась за своими пределами, имя Балудянского занимает одно из первых мест.

Михаил Балудянский родился в 1769 году в селе Вышних Ольшавах, в Однавской долине, в священнической семье. Образование он получил сперва в Уйгеле (в гимназии), потом в Кошицах (в юридической академии) и, наконец, в Венском университете, который он окончил в 1789 году. Обладая выдающимися способностями и большим запасом приобретенных знаний Балудянский в том же году приобрел защитой диссертации право чтения лекций в высших учебных заведениях и был назначен доцентом (преподавателем) в только что открытую юридическую академию в Великом Варадине. Тут молодой ученый необыкновенно много работал и стал настолько известным, что многие ученые общества Угорщины избрали его своим членом; а сам он за свои труды получил ученую степень доктора юридических наук. В 1796 г. Балудянский был приглашен профессором угорского права в университет в Пеште, который Мария Терезия незадолго перед тем перевела туда из Тернавы. Тут он еще более расширил свои ученые знания, подкрепляя их не только знакомством с научной литературой по вопросам права на всех главнейших языках Европы, которых он знал пять, но и наблюдением над государственно правовым развитием и переустройством Западной Европы того времени, находившейся под знаком событий французкой революции. Работу над угорским правом с его местными особенностями Балудянский связал с изучением каждого в отдельности явления правовой жизни этого края. Этим Балудянский внес в науку что то для того времени новое, предугадывая будущее историческое направление в изучении права, развитие которого непосредственно связано с развитием общества.

Своими научными трудами Балудянский создал себе в Пеште и, вообще, в тогдашней державе Габсбургов авторитетное положение; его знал и ценил всемогущий министер Франца I, Мет-

терних, стоявший во главе европейской реакции того времени. В Пеште Балудянский был избран Деканом правоведческого факультета. Но ни эти почести, ни блестящая слава первейшего ученого, которую ему предстояло приобрести, не могли приковать его навсегда к Пешту и феодальной Угорщине. Целый ряд научно образованных людей выдвинулся тогда из нашего народа одновременно с Балудянским, что стало возможным благодаря наступившему несколько более свободному времени при просвещенном сыне Марии Терезии, Иосифе II. И все эти наши ученые деятели оказались в одинаковом положении: наша родина находилась в порабощении у чужих, народ был бесправный, придавленный панщиной по „Урбару" Марии Терезии, и работа на пользу своего края и своей национальной культуры была для Балудянского и для других наших ученых того времени немыслима и неосуществима. Можно было работать только на чужой ниве, для общей угорской культуры, которая и создавалась большой частью руками сынов тех угнетенных народов, которые в тогдашней Угорщине жили. Наша национальная школа в то время была представлена тремя типами: начальной — дьякоучительской (с 1764 г.) и богословской. Все остальное образование — среднее и высшее — было латинское. И при такой невозможности служить созданию родного высшего русского просвещения дома, мысль Балудянского и других наших ученых того времени была направлена в сторону России, которая при Александре Первом переживала время либеральных реформ.

Еще в 1791г. переехал в Россию из нашего кря Орлай, который закончил уже там свое образование, окончивши после духовной академии медицину, а потом приезжал оттуда два раза на родину, поддерживая связи с нашими людьми: он звал их в Россию. Все клонило к этому: сочинения русской литературы XVIII века ходили у нас по рукам, пештский цензор Григорий Таркович, позднейший первый епископ пряшевский, приветствовал в силлабических стихах русских писателей и оплакивал смерть жившей в Пеште Александры Павловны, сестры Александра, бывшей замужем за эрцерцогом Иосифом, палатином (т. е. наместником) Угорщины. Под воздействием таких настроенний и надежд в борьбе за жизнь нашей родины, решился и Балудянский принять приглашение занять кафедру политической экономии в новооткрытом петербургском Педагогическом Институте, который потом был преобразован в Санкт Петербургский университет. Переселение Балудянского в Россию состоялось в 1804 году. И был он там не один; ибо на другие кафедры позваны наши люди с нынешнего Закарпатья и Пряшевского края. Петр Лодий (философия, логика, психология, история философии), Василий Кукольник (римское и русское право), А. И. Дудрович (философ), К. П. Павлович (римское право) и два брата Билевича. Все эти деятели науки, также идеально настроенные, как и Балудянский, с воодушевлением работали для одной цели —

для созидания русской науки и могучей русской культуры. Русский проф. А. Н. Фатеев, писавший о Балудянском и его времени в нескольких исследованиях, приходит именно к такому заключению — об идеальных целях, заставивших наших ученых людей отказаться дома от блестящий карьеры и выгодного материального положения, чтобы свои силы, великое дарование, исследовательский опыт и обширные знания принести на пользу великого дела в России.

Преподавательская деятельность Балудянского в Педагогическом Институте, а потом в университете, (1819 г.) первым ректором которого он был, продолжалась двадцать лет (до 1824 года). Некоторое время он и Кукольник преподавали правовые науки братьям Александра 1-го, Николаю и Михаилу, из которых Николай, как известно, по смерти Александра наследовал ему. Одновременно с этим Балудянский работал в комиссии по составлению свода законов, а также в министерстве финансов, в тесном сотрудничестве с известным либеральным реформатором Сперанским. Был членом испытательной комиссии, производившей испытания служащих, читал лекции для людей, находившихся на государственной службе. Таким способом Балудянский подготовил для России целые кадры молодых правоведов. Он также продолжал работать научно; сочинение его, написанное в то время: („Изображение различных хозяйственных систем"), в восьми частях имело важное значение для преобразований того времени, а также для установления технических названий — терминологии в этой науке (политической экономии).

Но самая важная пора деятельности, именно деятельности государственной, началась для Балудянского после того, как он из-за неприятностей с двумя профессорами немцами оставил службу в университете (1824 г.). Тогда он всецело посвятил себя той законодательной и финансово-правовой деятельности, которую совмещал прежде с академическою деятельностью в Петербургском университете. Заслугой Балудянского являлась подготовка преобразования русских финансов, которая была проведена на основе его обширных работ и изучений. Сочинение, которое он написал по этому вопросу, называлось „История русских финансов". В 1826 году Балудянскому было поручено заведывание вторым отделом канцелярии, где разрабатывалось русское законодательство и составлялось полное собрание русских законов. В кратком очерке невозможно остановиться на подробностях этой работы, но Балудянский заслужил за это полную признательность. Умер он в 1846 году. Жизнь его, столь полезная для России, запечатлена в воспоминаниях его собственной дочери.

Проф. Г. Геровский

АРСЕНИЙ КОЦАК, УРОЖЕНЕЦ БУКОВЦА, И ЕГО „ГРАММАТИКА РУССКАЯ" 1788 ГОДА.

Область, заселенная нашим народом в Пряшевском крае, хотя небольшая, — с числом жителей и теперь не так значительным, дала нашему народу целый ряд замечательных деятелей: писателей и поэтов — как Попрадов, культурных организаторов — как Духнович, педагогов — как Ив. Поливка, ученых — как А. М. Балудянский и государственного мужа со среднеевропейским значением — А. И. Добрянского. Среди этого ряда славных имен Пряшевщины почетное место принадлежит и составителю первой самостоятельной грамматики у нас, Арсению Коцаку.

Не всем известно это имя, а между тем следовало бы безусловно знать об этом деятеле нашего просвещения XVIII столетия. Скажем сперва несколько слов о его жизни. Арсений Коцак родился в 1737 году в селе Буковце, Стропковского округа, где и теперь живут селяне с тем же именем. Носители этого имени встречаются и в других местностях. И они едва-ли помнят или знают что-либо о своем знаменитом предке Арсении Коцаке. Образование Коцак получил в монастырской школе. Известно, что у села Буковца, на Буковской Горке, в старину был монастырь, теперь разрушенный. Выучившись, Арсений Коцак остался в монастыре и стал монахом. Для хлопца, желавшего учиться и происходившего из семейства бедных селян, панских подданных, когда панщина, подкрепленная „Урбаром" (уставом крепосного права) Марии Терезии, была в полной силе, этот путь был по тому времени единственно возможный. Доступ к образованию, к средним и высшим школам был для детей панских подданных закрыт, и дальше начальной школы, правильно действовавшей со времен Марии Терезии и Иосифа II, их не пускали. Арсений Коцак побывал в различных монастырях, продолжая учение, а потом сам стал преподавателем или профессором монастырских школ, какие у нас имелись в то время в Красном Броде, в Повчанском монастыре на Дольней земле, в то время находившемся среди наших сел, где теперь говорят по-мадьярски, и на стародавней Чернечей Горе близ Мукачева. Арсений Коцак, по своему монастырскому званию иеромонах, имел и старшего брата, который тоже ушел в монахи и был потом игуменом на Чернечьей Горе. Портрет его висит там в трапезной среди портретов прочих игуменов этого монастыря. Умер Арсений Коцак в 1800 году, на рубеже нового начинавшегося XIX столетия.

Из грамматики Арсения Коцака видно, что он в годы прохождения монастырского учения получил хорошее по тому времени и по роду этих школ образование. В особенности же он был ознакомлен подробно с латинской грамматикой по той системе, какая в латинских школах, где процветала схоластика, тогда господствовала. В дополнение к тому он знал и старославянский

язык основательно, для изучения правил которого у нас издавна была в употреблении известная грамматика Мелетия Смотрицкого,изданная в Вильне в 1618 году, под названием „Синтагма". В истории русского просвещения эта книга имела великое значение; в ней излагался старославянский язык так называемого „русского извода", т. е. в том виде, как этот язык употреблялся у нас и на Руси, — с русским выговором и с приближением к русским особенностям в склонении и других формах. Так как грамматика Мелетия Смотрицкого была единственная книга в этом роде, то она часто и в разных местах переиздавалась; в 1749 г. и потом еще дважды она вышла в Будине, в переделке серба Мразовича. Арсений Коцак, учившийся по грамматике Мелетия Смотрицкого, взял из нее грамматические названия (в общем те самые, какие до сих пор в русской грамматике употребляются) и систему(способ) правописания, которая позднее легла в основу так называемого старого русского правописания. Два принципа лежали в основе этого правописания: 1) старая историческая традиция в употреблении букв на известных своих местах в слове (например букв е, і и) и в окончаниях слов (например, в расстановке мягкого и твердого знака) ъ, ь (и т.п.); 2) писание по словопроизводству, например, вид с буквой -д, ибо вида, на виду, и пот (на челе) с буквой -т, ибо пота, потный и т.п.; жабка с буквой -б-, ибо жаба, низкий с буквой -з-, ибо низость, низина, но детки с буквой -т- ибо дети. Такое правописание слов принял для своей грамматики и Арсений Коцак и тем положил конец тем беспорядочным способам письма, какие господствовали у нас прежде, когда буквы употреблялись без особой последовательности и правил. В остальном изложении грамматических правил Арсений Коцак следует, кроме Мелетия Смотрицкого, также способу латинских грамматик, по которым он сам учился.

Свою грамматику Арсений Коцак назвал: „Грамматїка русская сирѣчь правила извѣщательная и наставительная о словосложенїи слова языка словенскаго или русскаго". Из этого заглавия, как и из самого изложения видно, что Арсений считал старославянский язык церковных книг и наш современный живой язык одним и тем же. Он представлял себе дело так, что современная разновидность „русского" языка в устах народа есть простая, литературно необработанная речь (или „беседа") ныне живущих людей южных склонов Карпатских гор, а церковный язык есть тот же наш язык в его обработанном, грамматическом виде и в старшей его форме. На самом деле, как известно, старославянский язык был принесен к нам вместе с церковными книгами, когда впервые у нас было христианское богослужение по восточному обряду и по славянским книгам Кирилла и Мефодия. С тех пор прошло много времени, около тысячи лет, и разумеется, что за это время старославянский язык приспособился у нас так, что принял в себя уже в древнерусское время много русских особенностей .Между старославянским языком и русским есть великая разница. Арсений Коцак этой разницы не видел, как и многие

люди в старое время. Не видел этой разницы и наш позднейший грамматик и историк Михаил Лучкай (или Поп), грамматика которого вышла через 30 лет после смерти Арсения Коцака (в 1830 году). Это была важная ошибка в деятельности этих людей в том смысле, что ученые у нас люди по этой причине как-бы застряли в старине, не обративши достаточно внимания на современность и не постарались о том, чтобы написать грамматику,обособленную от старославянского языка.

Однако, несмотря на это, невозможно сказать, чтобы Арсений Коцак своей грамматикой для развития родного просвещения не принес пользы. В особенности это касается, как уже сказано, введения точного правописания, которое с тех пор вошло во всеобще употребление. Арсений Коцак устранил, между прочим, ненужную букву г с закруженным вверх концом, которую по образцу тогдашнего греческого письма, ввел в свое время Мелетий Смотрицкий для обозначения особого звука — G — в чужих словах в отличие от звука — h родного говора. Вследствие тяженых условий культурной жизни, какие господствовали в то время у нас, когда не было в нашем крае своей книгопечатни, грамматика Арсения Коцака осталось в рукописи. Об ней у нас совершенно забыли и нашли ее случайно уже после первой мировой войны, при приведении в порядок книгохранилища Повчанского монастыря.

Своей грамматикой Арсений Коцак хотел служить своему народу, как видно из стихотворения, которым его книга начинается:

Всѣ убо языки, в Европѣ сущія
Увидѣхъ зѣло любомудрствующія.
Едины точїю едиными верны Руснаки
Мняхуся мнѣ быти, акы спростакы.
Еще мнѣ зѣло сотворися не сносно,
Тѣмь всегда помышляхъ, ци бы невозможно?
Грамматїку нѣкую и языка русскаго,
Или аще изволишь, ради и словенскаго,
Грамматїку, глаголю, ци бы не можно сложити
И сїю явѣ мїру всему предложити.

О себе, о своем народе южных Карпат, в это тяжелое время чужеземного феодально-помещичьего гнета, Арсений Коцак в своей грамматике всегда говорит с гордостью: „Мы Руссы".

Ю. Демьянчик

ЮРИЙ ВЕНЕЛИН В РУССКОЙ НАУКЕ И ЛИТЕРАТУРЕ

Юрий Иванович Венелин, с именем которого связана первая научная разработка вопросов болгарской истории и археологии, начало изучения болгарского языка и палеографии и первая попытка создания историографии болгарской литературы — ныне в России совершенно забыт. Произведения его можно отыскать в настоящее время разве на полках, покрытых толстым слоем пыли полных, крупных и специальных библиотек. Мы сделаем, однако, большую ошибку, если к оценке этой выдающейся, яркой индивидуальности 30-х годов XIX столетия приступим с мерилом научных и литературных требований нашего времени. Для того, чтобы надлежащим оценить многогранную научно-литературную деятельность этого карпаторусского писателя, необходимо изучить и вжиться в ту эпоху, в которой развернулся его талант. Мы увидим тогда, что влияние его личности и трудов на направление мыслей современных русских писателей, было немалое.

„Труды его, — рассказывает неизвестный автор некролога, — скоро стали известны благодаря новизне своих открытий; люди, писавшие сами, искали возможности с ним сблизиться. К этому времени относится его знакомство с И. Полевым, и Венелин, по природной доверчивости, высказал ему свои мысли. Уже тогда Юрий Иванович толковал везде, что нам после „Истории Государства Российского" Карамзина, нужна еще „История Русского Народа".

В бытность свою студентом Московского Университета, Венелин попал в семью Аксаковых, в доме которых он был учителем молодого Константина Сергеевича. Своему ученику он передал благородную страсть к филологии, без которой впоследствии для Константина Сергеевича были бы немыслимы сколько-нибудь серьезные научные занятия. От своего учителя ученик унаследовал также скептическое отношение к Байеру, Мюллеру, Шлетцеру и другим представителям так называемой критической школы историков.

По признанию самого М. П. Погодина, сближение его с Венелиным содействовало развитию у него любви и интереса к славянскому миру.

Своими смелыми и оригинальными гипотезами он производил огромное впечатление на А. С. Хомякова, называвшего Венелина писателем гениальным. Некотрые места его „Записок о Всемирной Истории" являются простым пересказом теорий Венелина.

Восторженным поклонником Венелина был Н. В. Савельев-Ростиславич, которому покойный завещал все свои неоконченные труды и которого он считал из всех современных изыскате-

лей единственно способным и подготовленным продолжать начатое им преобразование истории.

Сочинения Венелина, полные смелых до дерзости мыслей, заронили в душу И. Е. Великопольского написать историческую драму, главным лицом которой должна была быть загадочная фигура Атиллы.

В письме, посланном в 1841 г. М. А. Стаховичем к А. Попову, читаем следующие строки: „Венелина я уже читал, теперь буду изучать (т.е. наизусть учить). Поучи-ка, брат, и ты его. Бог его нам послал и поставил нас в такое положение, что мы не можем, подобно другим, осуждать его направление за некоторые утрированные фразы. Это брат, великие мысли, и мысли православные и верные по силе. Если прочел ты или прочтешь его „Болгар", то увидишь, что у него было целое учение в голове. Его можно понимать сердцем, и большую часть его тезисов только и возьмешь что на веру; а покажи мне хоть одно, разумеется, неправославное учение до сих пор, которое бы пользовалось этим преимуществом в своих положениях. Поэтому-то Венелин ближе всех к нам, и мы о нем не можем отзываться как другие".

Своими произведениями Венелин широко знакомил читающую публику России с великим славянским миром. В них он ежеминутно указывал на связующие славянские народы узы кровного родства, общего происхождения и везде подчеркивал необходимость славянской солидарности для достижения общеславянских интересов. Его смелые до дерзости гипотезы о славянских народах вызывали в русских периодических изданиях 30-х годов XIX столетия ожесточенные споры ученых, литераторов и критиков, поневоле заставлявшие и пишущих, и читателей ближе знакомиться с тем миром, теми народами, о которых широкие массы России имели доселе лишь очень туманное представление. Воодушевленный былым величием славянства и глубоко веруя в его светлое будущее, Венелин был в начальные годы зарождения интереса к славянскому миру на Руси теми дрожжами, которые способствовали росту этих интересов и укреплению идеи славянской солидарности и славянской взаимности.

При оценке научно-литературной деятельности Венелина нельзя, наконец, не отметить того славянского идеализма, мягкие лучи которого светятся на страницах его произведений. Этот идеализм особенно для нас дорог, нужен и ценен в наши дни кризисов и испытаний идеи славянской взаимности. Без этого славянского идеализма мы никогда не претворим в плоть и кровь золотых слов о славянстве Венелина, Коллара, Челаковского, Хомякова и других „печальников" славянского дела.

Еще меньше, чем в России, известен Венелин на своей родине. Это незнание его творчества объясняется чрезвычайно тяжелыми политическими и культурными условиями, в которых находилась Подкарпатская Русь до 1918 года. Ныне, однако, должно наступить время, когда он и в родных Карпатах будет помя-

нут добрым словом. Несмотря на то, что он отдал львиную долю своих сил, таланта и ума на служение болгарскому народу, он не забывал и интересов Подкарпатья. Он первый обратил внимание на топографические названия местностей в землях короны св. Стефана и на их основании доказал, что русское племя за Карпатами занимало в глубокой древности гораздо большую территорию, нежели та, на которой застигло его историческое время. В сочинениях Венелина рассыпаны никем до сих пор не собранные крупицы карпаторусского фольклора; им записаны и запечатлены для грядущих поколений некоторые народные песни, верования и обычаи, которые ныне исчезли уже в волнах всеуравнивающей городской культуры. Венелин, наконец, будучи карпатским русом, жил в России, писал на общерусском литературном языке и внес посильную лепту в сокровищницу общерусской культуры. Этим своим непосредственным участием в строительстве общерусской культурной жизни он наряду с М. Балудянским, Орлаем, Лодием, Кукольником, Я. Головацким, И. Наумовичем и др., еще более закрепил узы кровного и духовного родства Руси Зарубежной с Русью Державной. Ю. И. Венелин — это одно из незыблемых доказательств непосредственного участия Руси Зарубежной в строительстве общерусской культуры и вытекающих отсюда ее прав на пользование созданными всем русским народом культурными ценностями.

Проф. Г. Геровский

АНАТОЛИЙ КРАЛИЦКИЙ И ЕГО ЛИТЕРАТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Среди писателей — уроженцев Пряшевщины имя Анатолия Кралицкого является довольно известным. Его литературная деятельность принадлежит всецело второй половине XIX столетия, совпадая в своем начале с первыми проблесками национально-культурного возрождения после революции 1848-1849 гг. Закончилась эта деятельность, переживши самые тяжелые времена мадьярского угнетения, в конце XIX столетия, со смертью писателя (1894 г.). Жизнь Анатолия Кралицкого несложна и небогата событиями, что и естественно для монаха, каким он являлся. Он родился в 1835 году в селе Чабинах, в Лаборской долине. Окончивши богословскую семинарию в Ужгороде, был рукоположен в иеромонахи. Действовал в Повчанском монастыре, где преподавал историю церкви и канонического права. Умер как игумен монастыря на Чернечьей Горе. Он работал, как видно из этого, в тиши монастырской келии, хотя интересы его были самые обширные и разнообразные.

Как его предшественник, тоже монах, Арсений Коцак, известный сочинитель нашей первой грамматики в XVIII веке

(1788 г.), так и Анатолий Кралицкий вышел из монастырских влияний, которые у нас как вблизи Буковской Горки, так и вблизи Красного Брода были очень сильны и традиционны. Об Анатолии Кралицком известно, что он был образцовым иноком. Литературное дарование его охватывало обширный круг тем. Его занимала современная ему жизнь, повествовательная литература, историческое прошлое нашего края и народа, предания и церковная жизнь. Он составил целый ряд описаний наших южнокарпатских монастырей, собрал известия о древних монастырях в нашем крае, которые были закрыты цесарем Иосифом II в конце XVIII столетия, а также о знаменитом Грушевском монастыре, разрушенном в конце XVII или в начале XVIII столетия. Известна повесть Анатолия Кралицкого „Князь Лаборец" (1863 г.). Можно сказать, что его произведение, являясь патриотическим, сохранило свое значение и в новейшее время; во время первой республики повесть эта вышла особым изданием, читалась и обсуждалась. В ней Анатолий Кралицкий обработал известие магистра Петра (так называемого Анонима), писавшего в конце XII или начале XIII столетия о князе Лаборце, владевшем замком Уг (castrum Hung), нынешним Ужгородом и бежавшем перед мадьярами, ворвавшимся через Карпатские хребты в наш край в IX столетии (895 г.). Осаду замка, бегство и смерть князя на реке, которая будто бы по его имени названа Лаборцем, Кралицкий разукрасил подробностями по-своему. Хотя повесть эту критиковали, но все же она была способна вызывать интерес и любовь к нашему прошлому и, в известном смысле, воодушевлять. Бытовой повестью Анатолия Кралицкого является „Піявица" (1869 г.), где изображена преступная деятельность сельского корчмаря в сельской обстановке, причем писатель впервые выдвинул у нас идею потребительного общества, кооперации. Эта первая у нас бытовая повесть, проводившая прогрессивную мысль о кооперативном движении против захватнических стремлений торговца и против уничтожения народа пьянством, оценивалась довольно высоко в историях нашей литературы, до сих пор появившихся.

Самыми ценными из всех робот Анатолия Кралицкого являются его архивные розыскания. Для игумена монастырские архивы были доступны, и он этим широко пользовался, а руководила им горячая любовь к родине. Он открыл несколько памятников нашей старинной письменности, до тех пор неизвестных. Достаточно упомянуть о „Няговских Поучениях", нашем первом самостоятельном сочинении, принадлежащем концу XVI столетия. Это важное открытие является большой заслугой Анатолия Кралицкого. Рукопись этого сочинения он передал посетившему Мукачевский монастырь Л. А. Петрову, который издал ее в Петрограде (в сборнике исследований по русскому языку Академии наук). Анатолий Кралицкий нашел в архиве на Чернечьей Горе отрывок монастырской летописи, о которой писал в 1874 г. в Львовском „Слове". Вокруг вопроса об этой летописи в новейшее

время возник спор различных писателей, причем Гиадор Стрипский во время мадьярской окупации, в угоду оккупантам, стремясь опозорить все родное, старался доказать, что Анатолий Кралицкий сам сочинил этот отрывок летописи, т. е. совершил подделку (подлог). Но это опровергается тем, что подобный же отрывок летописи, притом более обширный, нашел в монастыре Мстичевском игумен Врабель, писавшей о том в Ужгородской „Науке".

Многие и другие вещи историко-литературного и исторического значения открыл Анатолий Кралицкий. Из этнографических его работ, которыми он тоже занимался, нужно упомянуть его описание свадебного обряда Лаборской долины. Ему принадлежит и собрание народных песен нашего народа, помещенных в сборнике Драгоманова „Малорусские предания и песни".

Много заслуг имеет перед нашим просвещением этот скромный работник в монашеском чине, самоотверженно служивший родному народу и краю.

Проф. Г. Геровский

А. И. ДОБРЯНСКИЙ И ЕГО ВРЕМЯ

С именем А. И. Добрянского связано для нас столько важного в истории XIX столетия. История борьбы нашего народа за его существование и права, неразрывно связана с деятельностью Добрянского и его стремлениями, но до сих пор они еще не нашли себе достойной оценки. Роль, которую он сыграл в истории не только южных склонов Карпатских гор, но и в истории средней Европы того времени, заслуживает специального исследования и освещения на основе архивных данных, которые до сих пор еще не были использованны.

Было уже высказано, что жизнеописание А. И. Добрянского есть история южнокарпатского народа в XIX столетии, настолько эта жизнь была связана с судьбами и стремлениями нашего народа. Жизнь Добрянского обнимает почти целое столетие (1817-1901). Он родился, как известно, в с. Рудлеве, близ Воронова, в долине реке Топли, т. е. в полосе смешанных цотацких говоров, где ныне лишь немногие села (например, Баньское, Давыдов) сохраняют еще свою давнюю речь. И достойно внимания, что как раз эта полоса дала южным Карпатам самого видного деятеля XIX столетия. Не будем останавливаться на подробностях о том, как и где проходили годы его учения и службы, — они достаточно известны из печатных жизнеописаний Добрянского. Укажем лишь на то, что получивши прекрасное образование, зная ряд иностранных языков и обладая обширными знаниями в области горно-рудного дела, где с его именем, как инжинера,

были связаны важные открытия, и улучшения, открытия, напр., залежей каменного угля в Пржибраме (в Чехии) и т.д.

В дальнейшем мы остановимся лишь на некоторых сторонах деятельности Добрянского, которыми наиболее ярко характеризуются его стремления и жизненное дело.

Добрянский, как общественный деятель, выдвинулся во время революции 1848 года, которая потрясла, как известно, все народы старой Австрии. Революция эта шла двумя путями. С одной стороны славянские народы, которые чувствовали себя бесправными в этой державе, связывали с 1848 годом надежды на освобождение от тяготевшего над ними гнета. Добрянский был настроен про-славянски. поэтому установив связи с славянскими деятелями, он со словацкими вождями выработал для славянского съезда в Праге в 1848 году совместное требование обоих народов относительно равноправия и национальных сеймов. Это исходило из соображения, что судьба маленького южно-карпаторусского народа не может решаться его собственными силами и что нужно иметь союзников.

С другой стороны, мадьяры во главе с Кошутом стремились путем восстания добиться восстановления старой независимой угорской державы, как она существовала до битвы у Могача (1526 г.), но с новым устройством и империалистической целью провести полное национальное удушение живущих в ней немадьярских народов, ради достижение „монолитности" Венгрии. Этим обесценивались в глазах славян положительные прогрессивные цели революции 1848 года: прекращение феодализма, отмена панщины (крепостного права) отмена дворянских привилегий и пр. Кошут сам испугался впоследствии некоторых своих реформ, боясь нанести ущерб мадьярскому шовинизму, представителями которого являлись феодалы (магнаты) из старинных дворянских родов и интеллигенция, навербованная из ренегатов различных народностей Угорщины. Пугали его выступления селян в разных местах в связи с неполной отменой панщины, заставившие Кошута циркулярно предписать строгие меры к их „обузданию". На выборах в революционный сейм принимались меры к тому, чтобы в славянских округах депутаты-славяне не могли быть избраны. Это испытал на себе Добрянский, когда он в Банской Быстрице организовал словаков, стараясь подготовить избрание в сейм депутата словака. Не только террор господствовал на выборах, но Добрянскому пришлось бежать, чтобы не попасть в тюрьму. В виду оборота революции и перелома в отношении Кошута и Венгров к славянам, не могло быть ничего удивительного в том, что этим был вызван решительный отпор всех немадьярских народов бывшей Угорщины, взявшихся за оружие, чтобы не стать жертвою идеи создания „великой Мадьярии". И в этом смысле, одновременно с вооруженным отпором словаков и других народов, состоялось и выступление молодого Добрянского, связанное с организацией вооруженных отрядов из селян в Пря-

шевском крае, которые бились наравне со словаками, отстаивая свой край. Добрянский изъездил тогда вся Пряшевщину (как он сам рассказывает в речи, произнесенной в свою защиту на львовском процессе 1882 г.) с тем, чтобы объединить всех русских идеей, которую он противоставил идее создания „великой Мадьярии": вместе с Галичиной и Буковиной составить особое **„русское воеводство"** и полностью отделиться от Угорщины. С той же мыслью он выступил потом также во Львове, на собравшейся тогда там галицкой „Русской Раде". В этом смысле Добрянский настроил и церковный центр (епархию) в Пряшеве, в то время единственный национальный форум, возглавлявшийся епископом Иосифом Гаганцем, и заставил его связаться с Ужгородом, где положение было, однако, иным. Ужгород и восточная часть Закарпатья были заняты войсками Кошута, в виду чего епископ Василий Попович служил в Ужгороде молебны о победе мадьярского оружия, а поповичи „богословы" из ужгородской духовной семинарии, рабски воодушевляясь чужим делом, вступали добровольцами в мадьярские отряды. Пряшевский же край, организованный Добрянским, устоял перед подобным соблазном преклонения даже и тогда, когда сопротивление этого края было сломлено и его заняли кошутовы войска: народ бежал в леса, чтобы не служить врагу, и многие известные лица проявили личное геройство. Отец Добрянского в Завадке, на Спише, отказался вывесить на доме мадьярский флаг и должен был быть повешен, но его спасли неожиданно прискакавшие в село козаки. Духновича гнали, как известно, закованного в цепи и босым из Пряшева в Кошицы и т.д. Тюрьмы были переполнены политическими заключенными. Словом, Добрянский сумел вызвать в Пряшевском крае огромное воодушевление и единодушие всего населения в отпоре врагу.

Великое воодушевление 1848-1849 года вызвало необыкновенный подъем национальных сил, организатором которых также был А. И.Добрянский. Не будем останавливаться подробно на том, как и где происходила его служебная деятельность; укажем лишь, что все представлявшиеся ему возможности и огромное личное влияние он всегда старался использовать для своего народа и края. Из Ужгорода, где Добрянский был жупаном четырех южнокарпатских столиц, он был удален по проискам мадьярских феодалов и мадьярской буржуазии. Высмеивались кирилловские буквы (русская гражданка) на надписях в учреждениях и на улицах; врагам удалось добиться и замены преподавания на русском языке в Ужгородской гимназии (каковое введено там с 1848 года) немецким, а потом отчасти и мадьярским. До сих пор не выяснена достаточно работа Добрянского по устройству земельных и других дел наших селян после освобождения от панщины, чем он был занят в начале 50-ых годов на Маковице. На этом было основано его тесное знакомство с населением Маковицы, которое впоследствии три раза избирало его своим депутатом. В Великом Варадине, куда Добрянского перебросили для руковод-

ства большими гидротехническими работами, началось его знакомство и дружба с румынскими деятелями, использованная потом во время депутатства в угорском сейме. Последующая его деятельность в управлении наместника в Будапеште была им использована тоже для службы своему народу в том смысле, что он всегда занимался разрешением вопросов, касающихся тогдашней Угорской Руси, имея ближайшим своим соратником находившегося в Пеште Ивана Раковского. Занимался он постоянно и словацкими делами; в его доме и по его совету было положено основание изданию **первой словацкой газеты.** В отношении нашего края деятельность Добрянского имела всегда освободительную цель: устроить и направить нашу национально-культурную жизнь так, чтобы она была самостоятельна и находилась в природной связи с культурной жизнью наших русских братьев.

Известно, что стараниями Добрянского возрождение литературы и образования у нас было связано с **принятием русского литературного языка и гражданских букв,** вместо державшихся до тех пор старинного славяно-русского языка и букв церковных. Все издания, начавшие выходить тогда, писались на русском литиратурном языке. Для нашего края это, в сущности, не представляло ничего нового: русская литература XVIII века (Ломоносов, Сумароков, Державин и др.) имела распространение у нас с конца упомянутого столетия, была в употреблении с того же времени и грамматика Ломоносова, экземпляры которой, в первом издании, можно встретить в наших старых книгохранилищах (в епископской библиотеке в Пряшеве и т.д.). А так как доживший у нас до того времени старинный славяно-русский книжный язык, непригодный для выражения современных понятий, не мог больше держаться, то принятие русского литературного языка было лишь логическим завершением того, к чему развитие шло уже раньше. Им пользовался, напр., в 50-ых годах для перевода законов для нашего края Иван Раковский. Австрийские власти, распоряжавшиеся тогда на Угорщине, следя по доносам из Галичины за этим развитием, возражали и против языка и против гражданки. Но запреты не помогали. То же произошло и в школах. Достаточно просмотреть учебники того времени, начиная с грамматики Духовнича (1853) и кончая учебниками, изданными обществом Василия Великого в 60-ых годах, в том числе и учебники для начальных школ, чтобы убедиться в этом. С таким положением стали считаться потом и власти, правительство, а именно мадьярское, после 1887 года. Следовательно Добрянский имел в виду полную согласованность нашего умственного развития, которым руководило основанное им общество св. Василия, с русской культурой.

Этот принцип Добрянский проводил последовательно на всех поприщах нашей культурной жизни. Так как важным национальным учреждением являлась у нас в то время церковь, то естественно, что Добрянский старался распространить этот принцип и

на эту область. Он имел в виду ограничение и постепенное устранение унии с Римом. Было бы слишком обширно останавливаться на этом подробно; укажем лишь на то, что он настаивал на точном, буквальном исполнении всех условий, на которых была заключена церковная уния во Флоренции, на Руси и у нас, ибо знал, что это вернуло бы унию к исходной точке, заставило бы выбросить все то наносное, чужеродное римское, над чем римские агенты работали в течение двух столетий, и пали бы цепи, которыми они привязали народ к Риму; он требовал свободного избрания епископов, освобождения униатской церкви от подчинения (римско-католическому) Остригомскому архиепископу-примасу, возобновления восточного канонического порядка, который в униатской церкви был заменен уже римско-католическими правилами Тридентского собора, и неприкосновенности восточного обряда. С этой целью Добрянский принимал личное участие во главе группы делегатов из обеих бывших наших епархий, в известном конгрессе католиков Венгрии по делу о церковной автономии, заседавшем в Пеште в 1870 году. Смелое его выступление по этим вопросам имело, между прочим, последствием покушение на его жизнь, по наущению реакционного, враждебного народу ренегата епископа Стефана Паньковича, и разгром общества Василия Великого в Ужгороде.

На политическом поприще Добрянский выступал за историческое право южно-карпаторусского народа на самоуправляющуюся область. В своей известной „Речи по делу об адресе", изданной в Вене в 1861 году особой книгой, он обосновал это право ссылками на исторические документы и свидетельства. Свою мысль о русском воеводстве 1848 года он видоизменил тут в том смысле, что ограничил воеводство пределами южнокарпатского края (тогдашней Угорской Руси), требуя в то же время раздела Угорщины на пять национальных областей с национальными правительствами и школами, при общем управлении и университете в Пеште. Как уже было упомянуто выше, свою знаменитую „Речь" Добрянский не мог произнести в сейме, ибо сейм, состоявший из мадьярских магнатов, помещиков и буржуазной так называемой мадьярской интеллигенции, дико завопил при первом его слове. Те же господа ответили на речь покушением на жизнь Добрянского в одном из будапештских парков, когда он гулял там с одним из депутатов. Свидительствует о гениальной дальновидности этого государственного мужа то обстоятельство, что в той же своей „Речи" Добрянский предсказал неминуемый развал Венгрии и отпадении от нее всех немадьярских народов, если мадьярское феодально-помещичье правительство, ради сомосохранения Угорщины не откажется от террористического, насильственного шовинистического отношения к ее национальным меньшинствам, и в частности к славянам, от их социального угнетения, хозяйственного высасывания, а также от стремления к их мадьяризации. Ослепленные диким шовинизмом и временными деше-

выми успехами достигнутыми при помощи продажных изменников, мадьярские феодально-буржуазные вожди не обратили вниманя на эти предостережения Добрянского, считая его своим злейшим врагом. В позднейшее время Добрянский разроботал тот же план раздела Угорщины на национальные области более подробно в особой книге, изданной по немецки в Вене (1885 г.). Неуспех в справедливом разрешении этого вопроса о родном крае и народе законными средствами в бывшей Австро-Венгрии убедил его в том, что и в этом отношении остается лишь один выход: искать органического обьединения с Русью. Уже в упомянутой своей „Речи" 1861 года Добрянский настаивал на том, чтобы, в случае неисполнения его требований относительно самоуправления тогдашней Угорской Руси, карпаторусскому народу было предоставлено „право свободного переселения в другую страну", по собственному выбору. Он имел в виду переселение в Россию, на незаселенное в то время черноморское побережье Кавказа. В 1878 году, накануне русско-турецкой войны за освобождение Болгарии, Добрянский, будучи призван в Петербург на совещание, как знаток славянского вопроса, советовал и убеждал отказаться от вмешательства в балканские дела и помочь умирающему от угнетения южнокарпаторусскому народу в том смысле, чтобы осуществить представленный Добрянским проект об обмене принадлежавших России частей Польши на подвластные Австро-Угорщине тогдашнюю Угорскую Русь, Галичину и Буковину. Сколько при таком решении вопроса было бы приобретено выгод для Руси и для русского населения Карпат, является очевидным, дальновидность же и смелость мысли и дела нашего великого деятеля достойны и теперь удивления.

В 1882 году против Добрянского был организован во Львове большой политический процес по обвинению в государственной измене. Главными обвиняемыми были он сам и его старшая дочь Ольга Грабарь, мать знаменитого русского художника и ученого Игоря Грабаря. На процессе Добрянский выступил с большой защитительной речью, в которой смело обличил угнетательскую политику мадьярского феодально-помещичьего правительства, и его главу Коломана Тису, затеявших этот суд, чтобы посредством ложных обвинений устранить верных своему народу честных людей, и рассказал много ценных подробностей из своей жизни и деятельности. Суд, на основе фактического материала, должен был вынести оправдательный приговор, однако Добрянскому не было позволено вернуться на родину. Ольга Грабарь уехала с детьми в Россию, куда уже раньше бежал ее муж Эммануил Грабарь. А. И. Добрянский поселился на несколько лет в Вене, а потом переехал в далекий немецкий Иннсбрук. Через несколько лет после процесса был отправлен туда же соратник Добрянского, Иван Раковский (1885 г.). Иннсбрук стал местом изгнания Добрянского вплоть до его смерти в 1901 году.

Как администратор и общественный деятель, А. И. Добрян-

ский руководствовался мыслью о национальном тождестве вверенного ему русского населения Закарпатья, Галичины и Буковины с русскими России и последовательно проводил ее в жизнь края.

Таким образом Добрянский, искавший разрешения национально-русских вопросов в рамках Российской Империи, кардинально расходился с вождем чехов, историком Франтишком Палацким, исходившем из ложной мысли о возможности окончательного решения национально — чешских и славянских проблем и реализации их политических идеалов в рамках Австро-Венгрии, в чем и состоял его „австро-славизм". Замечательно в этом отношении выказывание Палацкого о том, что не будь Австро-Венгерской монархии, ее следовало бы создать. Из этого видно, насколько более дальновидной и широкой и более реальной была политическая программа нашего национального вождя, Адольфа Ивановича Добрянского.

ДУХНОВИЧ О СЕБЕ

Александр Васильевич Духнович, воспоминания которого помещаем ниже, родился 1803 года в селе Тополя на Пряшевской Руси.

Профессор Московского университета Ф. Ф. Аристов говорит о нем в журнале „Русский Архив" за 1914 год (номер 5), следующее:

„А. В. Духнович (1803-1865), литературная деятельность которого составляет целую эпоху в истории Угорской Руси, был одновременно поэтом, драматургом, педагогом и историком".

Духнович жил в то время, когда большинство образованных русских людей за Карпатами уже были мадьяризированы, а русская церковь (униатская) подвергалась латинизации. Мадьяризация пошла так далеко, что даже этот наиболее известный культурный деятель Пряшевской Руси до работы в народной среде, пробудившей в нем русскость, был почти денационализирован.

Хотя Духнович был униатским священником, он видел главного врага Закарпатской Руси в папе римском и в его иезуитах, о чем свидетельствуют его слова к неизвестному, помещенные на третьем листе рукописи „Истинная История Карпато-Россов": „Се отдаю Ти короткой вытяг Истории Русинов Угорских, от злостливых Мадяров толико потупленных. Я не много написав, вручаю Тебе больше правды искать, которую найпаче Святый Римский двор удусил, а Иесуиты совсем уничтожили... Ты читай больше, и гряди по сему дельцу, множество правд ти ся покажет.

Здравствуй".

Духнович.

(„Русский Архив", 1914 г., н. 5, стр. 148)

...Но вернуся на личное мое участие, приметя нечто о древнем моем роде.

Отец мой, Василий, 1816 г. умер, когда мне минуло от рождения 12 лет; я остался сиротою с четырьмя сестрами и одним братом, всеми молодшими, а мать занедужала. Один день по похороне призвал меня старый дядя мой Димитрий Духнович и сказал жалостно следующее мне слово: сын мой, отец твой умер, а я семьдесят летний старец, не знаю, Бог ведает, увижу ли тебя, когда воротишься из училища; так я должен тебе сказать происход нашей фамилииии, ибо отец и дед мой сказали мне, да и повелели под анафемой передать своим наследникам все, что касается нашего рода; ныне слыши и береги мои слова:

Предок наш походил из России, и он не назывался Духновичем, но быв из великой фамилии нынешних князей Черкасских. Во время царствования Петра Великого, настал противо Нему, — в Его отсутствии — бунт, и мятеж, предводившею его сестрою Софиею, и стрельцы были первые бунтовщики, коих капитан был предок наш Черкасский. Но несчастно кончился мятеж, Царь Петр победил бунтовщиков, и похищенных наказывал смертью; Предок, чтоб спасти жизнь, бегством укрылся, и с многими, — между коими особенно был Гербер, Брила и пр. — через Польшу удался и достиг до Венгрии, поселясь на Бескиде в деревне Тополе, приняв имя Духновича. Он, чтоб живиться, искал себе средства, и бывшей там церкве вручался в дячка или певчего, что и ему подано было. Так он уже поселясь, служил во всем как дячек, — ибо тогда о учителях ни слова не было слышать. —

Не по много времени разъишлася слава Тополянского дячка, он стязал со священниками, кои тогда мало учены были, так что всем надобно было дивоваться о учености дячка; наконец же все священники с протопопом советовали ему, чтоб оженясь, дал посвятиться в попы; что и сталося, он оженился на дочери одного священника, пошел до Мункачева к владыке, и без всякой перепоны посвящен в иереи, и сейчас назначен на попа Тополянского, где он под именем Духновича поповал ревностно, родил чад, кои наследовали ему в поповстве даже до последнего Василия Духновича, переселившегося в Стакчин.

Так сказал мне то все дед мой Димитрий Духнович, додавая те слова: что я тебе, сын мой, говорил, то само передай и твоим потомкам, ибо то мне мой, а ему его отец повелел, да так предание оно останется в нашем роде во веки, да и можно, что некогда кто от нас повернет в отечество наше, и споится с Черкасскою семею.

Далее прослезился старец, поблагословил внука и сказал: сын мой, памятай на твой род, люби род твой, молися Богу, а смотри всегда к Востоку и на Север, откуду нам и спасение.

Задержал я в памяти слова моего деда, и передаю их на памятку так как их и принял, не желая ничего от Черкасских, ибо я уже последний из фамилии Духновичей, а сам не вернусь ни-

когда в любимое отечество, кое я почитаю будьто небесный Рай. И пока живу, любить буду мой род хоть убогий и потупленный в Венгрии, что объявил в милой моей оде:

Я свет узрел под Бескидом,
Первый воздух русский ссал,
Я кормился русским хлебом,
Русин мене колысал.

Предпустя тое, мне совсем ничтожное известие касательно моего лица, ничего не случилося особенного; меня на девятом году отвезли в Ужгород, передали в училище, я учился, как то уже сказано, по мадьярски и по латынски, катехизу же по русски, ибо еще вечной памяти Мукачевский, в Ужьгороде живущий архиерей Андрей Бачинский у царицы Марии Терезии выпросил, чтоб русские дети по крайней мере катехизу училися по русски — и для того всегда в семинарии ужьгородской избиралися два воспитанника в катехеты, которые по воскресениям и святам (латинским) также еженедельно по вторникам и пятницам предполуднем преподавали катехиз на русском языке, и по своей способности учили писать, читать по русски.

Довольно о том, я от 1813 года даже до 1822 учился на училище ужьгородском, Господь обдарил меня талантами, и (я) всему веровал, что мне преподавалося, также веровал тому что кроме мадьяра нет на свете человека, — как сойка научился говорить по мадьярски, а думать также в том духе насильно набили в мои чувства мадьярские учители; проповедая мне непрестанно: Extra Hungarian non est vita[1]), — я веровал всему, и чувствовал по этому, писал стихи мадьярские, и сам (стыжусь) хулил противо славянов, (ибо должно знать, что нам преподавали пословицы: Tót nem ember, szudar orosz[2]) одним словом, русский и словак были и от самой черни гонимы и высмеянные.

1822 и 1823 кончил я философию в Кошицах на Академии, в том самом духе.

Во время целого того курса не случилося ничего знаменитого, то однакож записать нужно, что 1816 года был в всей Венгрии всеобщий голод, и памятаю как детвак, что в Ужьгород толпами сбиралися люди, — большею частью русины — и трупами мертвых улицы полны были, что трудно было похоронивать мертвых. Один корец (cobulus) ржи платился по сто золотых. Тогда вымерли целые села, и мало очень осталося народа по русской подбескидской крайне. Памятаю, что свой завтрак раздавал просящим радуясь, что получавший мой хлеб так жадостно кушал.

1823 вышел в семинарию в Ужгороде, изучив богословие, 1827 года выступив, сейчас епископом Тарковичом позван в епар-

---

[1]) Вне Венгрии нет жизни.

[2])Товт (словак) не человек, подлый русскй.

хиальную канцелярию, работая при боке Василия Поповича, того времени тайника[3]) епископского, и консисторияльного нотария; —работав днем и ночью, но никакого получив жалования, обдерся, от чудной натуры епископа, вместо жалования много терпев обиды, так что наконец нужно было мне удалиться от архиерея, ища себе кусок хлеба для пропитания; и сейчас позван ужьгородской столицы старостою Стефаном Петроваем, от роду Волохом, но преображенным мадьяром к его сыну седьмилетнему мальчику Акакию, ныне уже ужгородскому старосте, и там пребыв с довольствием года два, воротился на возвание архиерея в кафедру, 1883 года выслан на приход Комлошский, а 1834 на приход до села Беловежье. Тогда первый раз быв между русинами, я узнал что и я русин, возбудилось чувство в душе русское, я начал читать и писать по русски; — но что было читать? никогда не видев русской книги, то занимался Псалтырем, Трифолоем, да и читал по старославянскому, и то не зная, что у Россиян тот самый гражданский язык. Оттуду 1838 года позван епископом Василием Поповичем, перенесся в Ужьгород, — и поставлен нотарием консистории, работал по египетски, но на великое удовольствие нашед в библиотеке больше российских книг, с радостью провождал ночные часы чтением душу мою так чувствительно занимающими русскими книгами. — Тогда я понял, что то я русский, тогда вспомнул слова моего деда и я душею да телом стался русским, думы носились над севером и мне пришла жажда видеть северный Иерусалим, кое в моей жизни уже не достигну.

[3]) Секретаря

Доц. А. Шлепецкий

НАРОДНЫЕ БУДИТЕЛИ ЗАКАРПАТСКОЙ РУСИ ПОСЛЕ 1848 Г.

Выдающийся русский ученый проф. Ф. Ф. Аристов в своей книге „Карпаторусские писатели" (Москва, 1916) указывал, что день, когда на высотах Карпат появились русские войска, „стал поворотным пунктом в угро-русской истории". Действительно, революции 1848-1849 годов в Австрии и Венгрии и национально-освободительное движение славянских народов против габсбургского деспотизма оказали значительное влияние на развитие национального движения в Карпатской Руси и на формирование взглядов закарпато-русской интеллигенции.

Непосредственных причин карпаторусского культурно-национального возрождения после 1848 года было несколько. Не следует думать, что только приход русских войск во главе с Паскевичем и Ридигером сыграл решающию роль в процессе роста национального самосознания. Нечаянное свидание русских с Карпат и россиян, интеллигентов и офицеров, простонародья и солдат, несомненно имело благоприятное значение в том смысле, что братья узнали братьев и убедились, что вымысел о „москалях с песьими головами", распространяемый правительством при помощи местных властей и церковного клира, — не соответствует действительности.

А. В. Духнович так писал о встрече с русскими войсками: **Одна жизни моей радость восхитила меня, и то было 1849 года, когда я первый раз увидел славную русскую армию, пришедшую на покорение бунтующих мадьяр. Я не в силах описать, ни даже вдохнуть чувство радости, увидев первого на улице пряшевской казака; я восхищен был и плясал, и плакал, ронились тучею слезы, и я рек: ныне отпущаеши раба твоего, Владыко . . . То была, верно скажу, первая, да быть может и последняя радость моей души, но она всегда в памяти. Я познакомился сейчас же с генералом Сельваном, майором Петровым, Рубаном, Колачовым, Иванцовым, Мужайком и со всеми офицерами; я по силам угощал родных братьев, и прощался с ними навеки".**

Русская мощь вдохновила карпатских русских и побудила продолжать ту работу национального возрождения, которая началась еще в предшествующем периоде.

Известно, что уже в XVIII веке не только карпаторусские писатели, но и переписчики отражали в своих трудах развитие общественно-национального течения. Еще в XVIII веке зарождаются желания воскресить национальное прошлое (Базилович, Лучкай), рождается интерес к родному языку (А. Коцак, М. Лучкай, И. Фогараший) и к родному печатному слову. Уже в XVIII веке интеллигенция, получив латинско-мадьярско-немецкое образование, дающее известный кругозор, решается оставлять свои

профессорские места и карьеру и ехать в Россию, чтобы потрудиться на русской ниве, а при случае и рассказать о своих угнетенных братьях.

Это общественно-национальное движение в 1848 году встретилось с исключительно благоприятными внешними условиями. Мадьяры были заинтересованы в карпатских русских и их спокойствии, чтобы бороться с Веной. Вена, чтобы привлечь к себе симпатии карп. русских и ослабить силы мадьяр, временно пошла на уступки, не возражая против планов карпаторусских патриотов. Во главе единственного общественного форума в это время стоят действительно русские люди — епископы Василий Попович мукачевский и Иосиф Гаганец пряшевский. Обе капитулы в это время имеют достаточное количество образованных и патриотически настроенных людей, что опять таки является результатом предшествующего периода, и этим людям оба архипастыри не только не ставят препятствий к проявлению своих национальных идей и чувств, но и сами принимают участие в общественно-национальных делах.

Епархиальная консистория (епархиальное управление), которая до тех пор национальными делами занималась разве только в связи с церковными школами и образованием духовенства, — после 1849 года начинает участвовать в политической жизни народа.

Так, например, 23 ноября 1849 года ужгородская консистория занимается докладом пряшевского епископа („по делу прав угро-руссов"), о стараниях угро-русской депутации в Вене во главе с А. И. Добрянским и М. Висаником. Консистория решила оказать всемерное содействие русским культурным стремлениям.

В конце 1862 года А. И. Добрянский предлагает свою национальную и политическую программу. Консистория не только обсуждает эту программу, но и вносит в нее ряд изменений и дополнений уже чисто политического характера. В проекте А. И. Добрянского консистория решила заменить название предполагаемой „Русской Воеводины" на „Княжество Русское" или „Земля Русская"; высказывается требование, чтобы суды были независимы от политического управления; делается ряд дополнений в статьях о сборе податей и о рекрутском наборе; указывается на необходимость иметь русских представителей в министерствах, в наместническом совете и придворной канцелярии и т.д.

Культурно-национальные дела также выносятся на общественное обсуждение, причем консистории и здесь играют первенствующую роль.

В 1849 году в письме от 27 октября за № 470 епископ Иосиф Гаганец пишет мукачевской консистории по поводу „устройства и процветания русского национального языка и литературы". Он высказывает пожелание, чтобы, „едно общее для двух сих епархий „Литературное Содружество" учреждено и заведено было". Консистория приветствует эту мысль и заботится о том, что-

бы найти типографию с русским шрифтом. Деятельное участие в организации русской типографии принимает. А. В. Духнович, причем, он также за помощью и содействием обращается к консистории. Предполагается, что типография будет организована при монастыре василиян или, в крайнем случае, будет докуплен русский шрифт в одну из частных типографий (Якова Эллингера). Периодически начинаются обсуждения об издании русской газеты, при чем инициатива исходит как от консистории так и от частных лиц (проф. Лазарь Павлович). В 1852 г. протоирей И. Чургович выступает с предложением требовать от Наместничества учреждения в Ужгороде „великой" гимназии (8-ми классной) с равными правами русского и мадьярского языков. Консистория не только поддерживает это требование, но значительно его расширяет и высказывает пожелание, чтобы, кроме Ужгорода, „великая" гимназия была учреждена также и в Мороморыш-Сиготе, а „малые" гимназии и прогимназии (с 4-мя классами) — в Мукачеве и Новом Месте под Шатром. В случае, если Наместничество откажет, И. Чургович предлагает учредить гимназию в Мороморыш-Сиготе на собственные средства. Для этой цели епархии должны пожертвовать 5 тысяч гульденов, а затем могут быть привлечены „народные средства".

Все это свидетельствует, насколько конкретны были обсуждения и надежды. Еще более конкретны были выступления консистории в борьбе за русский язык. 30 ноября 1849 г. мукачевская консистория постановила, что с января 1850 года духовенство должно обращаться ко всем ведомствам на русском (или для румын — на румынском) языке, а также „должно воодушевлять своих прихожан к употреблению родного языка". От не русских книг, предлагаемых в качестве учебников в богословскую семинарию, консистория отказывается решительно и всеми способами. Указывается, что „юношество за малым изъятием русское, а не словацкое" или, что „юношество по латыни отнюдь не умеет". В своих сношения с начальством мукачевская епархия вступает прямо на революционный путь. Как пример можно привести трехлетнее путешествие одной бумаги. В 1855 году Кошицкий отдел прислал епархии на немецком языке бумагу. Так как в это время мадьяры были ослаблены, и правительство проводило германизацию, то епархия отправила эту бумагу обратно с требованием перевода ее на латинский язык. Отдел в свою очередь возвратил бумагу с припиской, что русское духовенство достойно сожаления „по причине невежества в немецком языке". 27 апреля 1855 г. консистория возмущенно обсудила эту приписку и постановила обратиться непосредственно к королю с протестом против оскорбления и с указанием, что отделы должны к ней обращаться на русском языке и только в крайнем случае по латыни, или по мадьярски. Путешествие бумаги продолжалось до 1858 г., — русские не уступали. Если принять во внимание, что все эти ответы давались властям, будет ясно, насколько убежденно и стойко в националь-

ном смысле было настроено в то время высшее епархиальное духовенство в Ужгороде и Пряшеве.

Однако, если духовенство и консистории и в прошлом играли роль национального двигателя, то совершенно новыми силами в борьбе за политические и национальные права являются общественно-культурные организации среди гражданских слоев населения.

Мы уже указывали на пожелание епископа Иосифа Гаганца учредить для обеих епархий общее „Литературное Содружество". Эта организация осуществлена не была, но зато А. В. Духнович организовал аналогичный кружок — „Литературное Заведение в Пряшеве". Повидимому это детище неутомимого труженика на поле национальной культуры ограничивалось только работой небольшого кружка. Вся работа происходила в квартире А. В. Духновича, где собирались русские, в том числе Адольф и Виктор Добрянские, Антоний Рубий, Александр Павлович, Андрей Попович и другие, а также и чехи, которые в большом числе приехали в Пряшев во время министра Баха. Обществу покровительствовал епископ И. Гаганец, и оно явилось первым издательством, если не журнала, то во всяком случае в течении 3 лет периодически появляющихся альманахов „Поздравление Русинов" (1851, 1852 и 1853) — художественно-литературного характера. Собрания „Литературного Заведения" не имели официального характера; скорее это были интимные вечеринки, на которых обсуждались новости дня касательно национально-славянских вопросов, читались произедения собственные и чужие и намечались издания. Всего от имени „Литературного Заведения" вышло 10 книжечек, кроме альманахов и еще двух изданий, написанных А. В. Духновичем.

Это была первая общественного характера организация, имевшая национально-культурное значение. Она просуществовала недолго (1859-1866), так как воодушевление А. В. Духновича и его друзей вызвало подозрение у полиции, и поэт-издатель был взят под негласный полицейский надзор. В 1863 году А. В. Духнович организует „О-во св. Іоанна Крестителя" с целью „Воспитывать русскую молодежь", но это О-во имело уже чисто местное значение, не претендуя на роль общественно-национального руководства. Во всяком случае оно представляло несомненное достижение в области общественной жизни.

Если А. В. Духнович сумел объединить духовную и светскую интеллигенцию для культурно-национальной работы, то центром политического объединения и светской и духовной интеллигенции был А. И. Добрянский. Самый факт поездки делегации в Вену во главе с Добрянским, его братом Виктором, д-ром Михаилом Висаником, И. Шолтысом, Александром Яницким и д-ром Алексовичем достаточно свидетельствует о проявлении политической организованности в среде карпаторусской интеллигенции того вре-

мени. Точно определить круг деятельности Добрянского затруднительно; кроме вышеуказанных лиц ему сочувствовали и обе консистории и „Литературное Заведение".

Уже к 1864 году начинает на поприще народной культуры выступать новое поколение. В 1865 году начинается и в следующем году осуществляется организация первого культурнопросветительного общества св. Василия Великого, которое продолжает работу Добрянского и Духновича, издавая учебники и месяцословы, а с 1867 г. выходит и первая газета „Свѣт", сыгравшая большую роль в культурной жизни нашего народа. В Ужгороде организуется первый русский клуб-читальня „Русская Беседа". Этот второй, более организованный в общественном смысле период, продолжается не долго. Уже австро-угорский дуализм, возникший в 1867 г., был предзнаменованием реакции и мести со стороны мадьяр. Свеже поставленный во епископы в Ужгороде Стефан Панкович начал расправу с интеллигенцией, которая состояла почти сплошь из священников. Он парализовал деятельность О-ва св. Василия Великого, запретил духовенству подписываться на газету „Свѣт" заявляя, что верующие его епархии „не желают автономии и противятся всякому русскому панславизму". Начал вводить григорианский календарь и латиницу вместо кириллицы. Масса духовенства, боясь утратить личное благополучие, легко пристала к епископу, но наиболее сознательная часть из них некоторое время еще продолжала отстаивать тяжко добытую возможность культурной работы. Этих, неугодных Панковичу священников, тотчас же „по службе" убрало с Угорской Руси в мадьярские округа правительство, а некоторым пришлось вообще покинуть свой край и переехать в Россию. Епископ И. Пастелий (1874-1881) продолжал денационализаторскую работу Панковича.

Совершенно аналогичную мадьяризаторскую работу в пряшевской епархии произвел епископ Николай Товт. И Товт и Пастелий заявили, что обязательное изучение мадьярского языка в начальных школах полезно и даже необходимо, а этого было достаточно для того, чтобы закон 1866 года, дозволявший меньшинственным народам в Венгрии иметь свои школы, был обойден. Вскоре именно школы стали центрами мадьяризации. Результат реакции ярко отражается на статистике русских школ. В 1868 г. в четырех комитатах — Уж, Берег, Угоча и Мороморыш — имеется 479 русских начальных школ, в 1874 г. их уже только 371, но во многих школах начал вводиться, как обязательный предмет, мадьярский язык, а после закона Аппония и нажима на духовенство и учительство в 1906 г., русских школ осталось только 23. В 1914 году под титулом русских школ числится 34, но их следует считать школами мадьярскими, где еще преподавался и русский язык.

Единственным печатным органом на русском языке остался „Листок" (1885-1903) Евгения Фенцика, который по мере сил еще продолжал хранить идеалы будительской национальной работы

в кругу интеллигенции, часть которой, по словам И. А. Сильвая, все еще тайком прочитывала этот печатный орган.

Угрорусская интеллигенция в лице священников и певцоучителей пошла в массе по наклонной плоскости оппортунизма. Уже А. В. Духнович иронически отзывался о своих коллегах-душпастырях, что „все русское простым видится им". На эту интеллигенцию впоследствии обрушивается и другой священник-патриот Юлий Ставровский Попрадов (1850-1899):

У них уже нет любви и сил,
Родной народ им уж не мил.
Учить свой люд родному слову
Для них — проступок и позор;
Спасать обряд, мораль Христову, —
Пожалуй, — устарелый вздор;
Они лишились веры, чести,
Путем предательства и лести
Ищут отличий и наград;
У них все — эгоизм, разврат!"

А. В. Духнович в своей „Записке" откровенно заявляет: „уводят наши священники бедный народ до пропасти про свою корысть" ... Если такого мнения о своей интеллигенции держались передовые священники, то что о своих „вождях" думал простой народ! Впрочем не исключено, что он даже не знал имен„своих" депутатов в сейме и парламенте. Кроме Добрянского, как известно, до 1919 г. из числа русских в мадьярском парламенте было 6 человек, но о них даже и памяти не осталось. Достаточно сказать, что эти депутаты не входили даже в меньшинственный клуб, куда считали долгом вступать все депутаты национальных меньшинств Венгрии. Кроме Адольфа И. Добрянского все эти депутаты были предателями, на все готовыми слугами мадьярского правительственного большинства.

Проф. Г. Геровский

ХУДОЖНИК ИГОРЬ ГРАБАРЬ, УРОЖЕНЕЦ ПРЯШЕВЩИНЫ

Имя Игоря Грабаря в Закарпатьи и на Пряшевщине довольно широко известно, несмотря на то, что вся его деятельность, а отчасти и годы его учения прошли в России. Свою маленькую родину он, за все время своего пребывания вне ее, не посетил ни разу.*)

И это не потому, что он забыл или старался забыть о крае, где он родился, о родных зеленых горах, которые не могут изгла-

*) В 1956 г. посетил восточную часть Закарпатья, но не Пряшевщину (О.Г.).

диться из памяти у того, кто однажды их видел. В настоящее время, когда вследствие второй мировой войны и чужеземной оккупации многие из нас оказались заброшенными в разные стороны, в чужие края, стало ясно, как трудно уроженцу Карпат привыкнуть к чужой природе, в особенности к равнине, и к чужим, неприветливым, скалистым, бесплодным горам. Нет! Игорь Грабарь не забыл о родных горах, но он увлекся творчеством и работой так сильно, что не было той минуты, когда он мог бы оторваться и вернуться хотя-бы на короткое время к родным местам, — настолько привязывала его к месту художественная работа. С родственниками в Карпатской Руси он поддерживал связи всегда.

Игорь Грабарь родился 1872 года и является внуком, по матери, нашего великого деятеля А. И. Добрянского. Мать его, Ольга Адольфовна, была старшая дочь Добрянского, которая помнила время его славной деятельности в Варадине, Пеште, Вене. Когда муж ее, Эммануил Грабарь, бывший вместе с Добрянским депутатом Будапештского сейма и участвовавший во всех его смелых выступлениях, подвергся преследованиям со стороны мадьяр и был принужден бежать в Россию, жена, Ольга с детьми осталась жить у Добрянского в Чертежном, в Лаборской долине. Тут росли оба сына, Игорь и Владимир, в так называемом нижнем доме, еще теперь существующем, тут они водили дружбу, играя у журчащего потока с сельскими детьми, видели нужду нашего народа под чужеземным-помещичьим гнетом при Франце Иосифе, когда вместо хлеба люди ели овсяные „ощипки" и питались сухой картошкой. После того как Игорь и Владимир с матерью в середине 80-х годов переехали к отцу в Россию, они закончили в Киеве свое среднешкольное образование в коллегии Галагана, а потом и университет. В настоящее время Игорь Грабарь — великий художник и искусствовед, знаменитый человек в Советском Союзе.

Познакомимся в общих чертах с художественными творчеством нашего знаменитого пряшевца, которым может гордиться наш край. Окончивши правоведческий факультет, Игорь Грабарь посвятил себя живописи. Уже молодым, начинающим художником, он обратил на себя внимание своими картинами, и ему было заказано нарисовать картинки (иллюстрации) к повестям Гоголя — для большой издательской фирмы А. Ф. Маркса в Петрограде. Для этого Игорь Грабарь ездил на родину Гоголя, в Миргород, делал зарисовки народных типов и одежд. Большого успеха он достиг в изображении природы, и к писанию этого рода картин он возвращался постоянно за все время своего долголетного художественного творчества. Они принадлежат к лучшим произведениям его кисти и уже в самое первое время обратили на себя внимание и на заграничных художественных выставках. Особенно любил он изображать зимнюю природу, т.е. то, что для Руси наиболее характерно, — русскую „крепкую" зиму в ее различных проявлениях в разную пору. Его картины: „Белая зима", „Сен-

тябрьский снег", „Февральская лазурь", „Мартовский снег" занимают почетное место в русском искусстве. Любимой темой Игоря Грабаря из того же разряда является иней, этот предвестник зимнего времени при первых осенник заморозках. На юбилейной выставке его картин, советские журналы отметили двенадцать картин, на которых он изобразил иней, покрывающий кусты и деревья, траву и землю, подмечая и придавая ему каждый раз все новые черты, цвета и оттенки. Другой специальностью художника Игоря Грабаря является портретная живопись, в чем он достиг высокого мастерства. Это портреты ученых, академиков, художников, артистов, которые он написал в течение долголетней своей художественной деятельности и которые принадлежат к лучшим образцам русской портретной живописи. На упомянутой недавней выставке его картин был выставлен, в числе написанных им портретов и его собственный автопортрет.

Особый интерес Игорь Грабарь проявил к русскому деревянному зодчеству, образцы которого представлены высокохудожественными деревянными храмами на севере России, на великих северных реках, где старина сохранилась нетронутой. Игорь Грабарь еще в молодые годы совершил путешествие по русскому северу с художественной целью, плодом чего явились прекрасные акварели, воспроизводящие чарующие формы этой северной народной архитектуры. Если в России, где архитектурное прошлое и настоящее так богато памятниками незабываемой красоты, было посвящено столько внимания деревянным храмам, то как необходимо было бы нам, тут на Карпатах, понять и оценить высокую художественную ценность наших карпатских деревянных храмов, архитектурные особенности которых нужно было бы воспроизводить в ныне строющихся новых церквах, отдавая дань национальному стилю, созданному художественным гением нашего народа.

Еще до первой мировой войны Игорь Грабарь приобрел себе заслуги, как писатель по художественным вопросам и историк русского искусства. Он организовал издание многотомного сочинения „История русского искусства", в котором участвовал ряд авторов под его редакцией. Эти литературно-исторические работы влекли к себе Игоря Грабаря и в советское время. Он написал целый ряд исследований, касающихся древне-русской живописи: о великих художниках Феофане Греке, Андрее Рублеве и других. Эти исследования стали возможны потому, что Игорь Грабарь руководил Центральной мастерской по реставрации замечательных произведений древнерусской живописи, хранящихся в Кремлевских соборах. Снимается верхний, закрашенный в позднейшее время слой по новому способу реставрации, и перед глазами зрителя вырастает чудное по красоте, яркости и свежести красок художественное произведение, позволяющее, по художественной ценности, считать его наравне с произведениями ранней итальянской живописи.

Кроме того Игорь Грабарь руководил двумя важнейшими уч-

реждениями в Москве: Институтом истории искусства и портретной мастерской в Московском государственном художественном институте, где под его руководством подготовлялось новое поколение русских живописцев.

Мы видим из всего этого, как широка и многообразна художественная и литературно-научная деятельность великого художника Игоря Грабаря, как неисчерпаемы его трудолюбие и знания и как велики его заслуги перед русским искусством. Наш край, из которого вышел этот замечательный жудожник и ученый, может гордиться, а каждый наш земляк пряшевец может воодушевляться примером его неисчерпаемого трудолюбия и беззаветного служения родной культуре.

Д-р Евгений Недзельский

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗАМЕТКИ

В древности, как известно, почти у всех христианских народов очагами культуры и письменности были монастыри. В этом отношении не является исключением и Закарпатье. По документам XIV и XV в.в. можно установить, что в одном только Марамороше было семь монастырей, основанных, конечно ранее. Мукачевский монастырь, по преданию, возник до прибытия в Мукачево литовско-русского князя Подолии Феодора Корьятовича, который, в качестве знатного эмигранта, получил от венгерского короля в пожизненное пользование мукачевскую доминию и, будучи православным, особо позаботился и одарил этот монастырь св. Николая на Чернечей горе. В первой половине XVI в. в силу социально-религиозной борьбы православных крепостных против католического феодализма, монастырь был разрушен, монахи разбежались, и только в конце того же века он снова востановил свою жизнь. После насильственного введения унии в 1646 и полутаростолетней борбы закарпатских русских против агрессии католических феодалов, он оказался в руках униатов, которые, однако продолжительное время защищали и „прадедовскую веру" (православие) и „восточный обряд". Только после воссоединения Закарпатья с современной Россией в 1945 г. монастырь снова стал очагом православия. Имея в виду эту историю монастыря, особенно интересно отметить, что в его библиотеке обнаружено рукописное четвероевангелие, писанное некиим „Станиславом-граматиком" в 1401 г. для Стефана Винц,который в дарственной записи в конце рукописи дарует ее попу Никите „да служит в нем до живота своего и по смерти его да есть дѣцом" и т. д.*) Где проживает этот Винц и поп Никита, не указывается. Однако, там же, в

*) Подробное описание см. „Православная мысль", Прага № 2, стр. 117-124.

конце книги, перед дарственной записью, сделана приписка самого „Станислава-граматика многогрешнаго", где говорится, что писал он евангелие „вънелабском граду михалевѣ избѣ кралхаской". Исследователь этой ценной рукописи игумен Василий (Пронин) справедливо замечает, что дата в дарственной записи не указана потому, что тут же переписчик, рукой которого сделана и запись, закончив труд, уже указал дату своей работы — 1401 год. Поэтому и град „вънелабский" — вонелабский или нелабский (если читать „въ нелабском", что вероятнее) не следует искать в ином округе, чем тот, где жил даритель Стефан Винц и одаряемый поп Никита. Именно потому не указано их местожительство, что и они жили в Киралгазе (ныне Королево над Тисою), где и переписчик, пожалуй (жил), только в иной избе. Что же касается обозначения „града", то этот термин вовсе может не обозначать города; в старину это мог быть замок, укрепление, вообще огороженное место. Но из самого текста видно, что все это было в районе Киралгазы.

До сих пор древнейшим датированным письменным памятником письменности Закарпатья считалась грамота сыновей воеводы Саса — Балицы и магистра Драга о материальном обеспечении монастыря архангела Михаила близ села Драгово — от 1404 года. Ныне мы имеем датированный памятник 1401 г. Рукопись нумерованная, сильно пострадала от сырости, ибо „официально" она была нежелательна, но, повидимому, патриотически настроенный монах хотел ее сохранить, и, не внося в каталог, скрыл ее „на полице" подальше от глаз. Книга писана полууставным письмом, которое уже имеет признаки перехода в скоропись. Заставки, концовки и зачала расписаны красками, иногда на золотом фоне.

Тот же автор, игумен Василий Пронин вспомнил и юбилейную дату со дня смерти (135 лет) большого патриота и усердного летописца своего времени, протоигумена того же монастыря Иоанникия Базиловича (1742-1821).** Кроме изданных по латыни его трудов, „Краткой заметки (кстати сказать, занявшей два печатных тома в 932 страницы!) о фундации Федора Корьятовича" (Кошицы, 1799) и „Образа монашеской жизни" (Кошицы, 1802), в монастырской библиотеке сохранилось четыре рукописи, а именно: „Толкование священныя Литургии" (славянский и латинский текст, 780 стр.), „Правила и установления монашеская" (стр. 36), „Рукопись Арсения Коцака" по повелению Базиловича написанная в 1796 г. (стр. 179) фактически является записью слов и поучений самого Базиловича, и „Беседа или слово к братии" (стр. 36).

Для нас особый интерес представляет рукопись Коцака (автора „Грамматики роусской" со стихотворным вступлением, док-

---

**) См. „Православная мысль", Прага, 1957, №I, стр. 40-49.

тора богословия, профессора ряда монастырских школ, старческие годы проведшего в Мукачевском монастыре), где имеется часть, озаглавленная: „О богословии нравоучительной или любви и Законе Божии. Собранные от православного учения, или сокращенной богословии для употребления его императорского высочества пресветлейшего российского наследника благоверного государя царевича в вел. князя Павла Петровича и проч. 85 стр.). Все сочинения Базиловича проникнуты духом верности „старой вере", утверждением права и истинности православного обряда, а то уважение и пристрастие к русской церкви, которое мы встречаем всюду, где ему приходится о ней говорить, проистекают из убеждения об общей судьбе закарпатско-русской группы со всей прочей Русью. Такого же мнения был и епископ Андрей Бачинский, который проявлял особую заботу „о руцизне", ввел в богословскую школу грамматику Ломоносова и для упорядочения монашеской жизни воспользовался уставом Киево-Печерской лавры, однако это не было в интересах ни сугубо национального Будапешта, ни тем более Рима. Эти два факта несколько меняют старое представление о склонности Петра II и Павла Петровича к католичеству. Как известно, одним из воспитателей Петра II. был И .А. Зейкань (Зейкан, как он числился при дворе), монах из Закарпатья, и предполагалось что, будучи формально униатом, он мог быть послан в Россию Римом, как человек родственный по народности. О каких либо католическо-миссионерских выступлениях Зейканя сведений никаких нет. Однако факт, что составление богословского учебника для императора Павла было поручено Базиловичу, заведомому защитнику именно русского православия, да еще при епископе Бачинском, кем-то со стороны католиков — представляется невероятным. Гораздо скорее, что это было сделано по прямому или косвенному указанию Зейканя и является прелюдией к дальнейшему установлению родственной связи между закарпатскими русскими и Русью державной, которая вскоре связывается с именами закарпатцев,сыгравших крупную роль в области науки и просвещения в России (Орлай, Балугьянский-Балудянский, Кукольник, Венелин-Гуца и др.), тем более, что Орлай был уже в Петербурге от 1771 г., а „пособие" Базиловича сохранилось в рукописи с датой 1776 г. Эта рукопись, несомненно, послужит будущим историкам для установления связи между Зейканем, Базиловичем и Орлаем и опровергнет мнение, что Зейкань и Базилович в какой-то мере исполняли или намеревались исполнять католическую миссию при дворе Петра II и Павла I, где католический дух, несомненно, делал попытки найти почву для дальнейшего проникновения.

Говоря о плеаде закарпатцев, сыгравших выдающуюся роль в России и о меньшей братии, перебравшейся в Россию, как в свое национальное отечество, следует в наши дни, когда у нас идет собирание и разработка фольклора, вспомнить еще одного нашего собрата, деятельность которого описана отчасти Легоцким, а отчасти сохранилась в записи его брата, оказавшейся в архиве

греко-католической епархии в Ужгороде. Мы имеем в виду Андрея Павловича Дешко.

Родился он в 1816 году в селе Дешковицы в Закарпатьи, где отец его был приходским священником. Повидимому род Дешко был аборигеном села, которое образовалось из выселков семейства Дешко. Андрей Дешко гимназический курс проходил в Марамарош Сиготе, а затем в Ужгороде, а „философию" (т. .е VII и VIII классы гимназии) в Сатмаре (Сату Маре) и Кошицах. Богословское образование, полученное в Ужгородском лицее, его не удовлетворило, и он поступил на юридический факультет в Будапеште. Здесь он остро почувствовал, что в будущем ему придется или забыть о своей национальности или приложить свои знания в России, как это сделал Балудянский, в то время уже ректор С.-Петербургского университета. По свидетельству Легоцкого, Дешко выехал в Россию в 1845 году по непосредственному совету Балудянского ("Beregvármegye monografia", Ungvár, 1881, II, стр. 134). Два года, как стипендиат, он провел в Киеве, где сдал дополнительные университетские экзамены и в 1847 г. принял место преподавателя гимназии в Каменец-Подольске.

Еще будучи богословом в Ужгороде, Дешко написал в патриотическом духе пьесу „Пожар в Мукачевском замке или Новый кинжал". В Закарпатье о ней не сохранилось никаких известий, но по свидетельству позднейших мадьярских критиков грамматики Дешко, эта пьеса была напечатана в России в 1847 г. К сожалению, сведений об этом мы до сих пор получить не могли. Известно только, что Дешко проявил себя в Каменец-Подольске, в преподавательской деятельности, и как воспитатель и устроитель годичных театральных представлений. Возможно, что была поставлена также и его пьеса. Именно его воспитательная работа была отмечена начальством, и вскоре его перевели в Симбирск, где ему пришлось встретить учащихся не только русской народности, но также чувашей и черемисов. Воспитание инородцев перед Дешко встало как проблема. Он принимается за изучение инородческих языков, результатом чего явилась его первая на русском языке „Венгерская грамматика" (СПб., 1885), где мадьярский язык сравнивается с языками чувашским и черемисским. Значительно позже к этому труду, и поныне единственному в своем роде, обратились венгерские лингвисты, в частности Эндре Сабо и небезызвестный мадьяризатор закарпатцев Ласло Чопей. (См. „Nemzet", 1888, №№ 54-56).

Когда в Пскове потребовался опытный надзиратель воспитательного заведения для дворянских детей, министерство народного просвещения вспомнило о А. П. Дешке, одновременно поручив ему и цензуру печати. Последнее весьма тяготило Дешка, демократа по духу. Верно служа русскому делу, он, как и Балудянский в свое время, тяжело мирился с реакционной политикой режима Николая I, с удовлетворением западника принял освобождение крестьян в 1861 г. и, оказавшись в роли цензора, никак не

мог удовлетворить то консервативное дворянство, над воспитанием детей которого он должен был надзирать. Он несколько раз просил освободить его от обязанностей цензора и, наконец, ушел в отставку и переехал в Петербург, где и скончался в 1874 году. А. П. Дешко состоял членом-сотрудником Императорского Российского Географического Общества (ИГРО) по отделу этнографии в „Записках" которого опубликовал несколько сообщений об Угорской Руси, а также ценные и для нашего времени записи из устно-народного творчества — „Народные песни, пословицы и поговорки Угорской Руси" („Зап. ИГРО по отд. этнографии", т. I, 1896 г., СПб., стр. 671-691 и 692-693) и статью „Свадьба на Угорской Руси" (там же, стр. 694-706).

В сообщение о его смерти говорится, что на пенсию он вышел в звании статского советника и кавалера ордена св. Станислава.

Говоря об Андрее П. Дешко, следует вспомнить и его брата Иоанна Дешко, также горячего патриота. Будучи настоятелем прихода в Мукачеве, он в 1864 году, когда в Мукачеве открылась городская школа, выступил с решительным требованием введения русского языка. Вспомним, что это было время жестокой борбы между „народолюбцами круга А. И. Добрянского" с „кругом епископа Панковича", решительно поддерживаемого реакционным правительством Венгрии. Д-р Андрей Шаш в своей книге „Архивы привиллегированного города Мукачева за годы 1376-1850" (русское издание вышло в 1918 г. в Мукачеве) это выступление отмечает, как следствие революционного настроения 1848-49 гг. Мы это смелое выступление можем трактовать, как вековую народную традицию, которую хранили и утверждали также и братья Дешко по обе стороны границы, разделявшей единый народ.

ГЛАВА VIII

А. Геровский

МЫ И УНИАТСТВО

Некоторые читатели Свободного Слова советуют нам соблюдать нейтралитет в отношении православия и унии и, в особенности, не высказывать симпатии к православию, чтобы не оттолкнуть униатов и дать им возможность читать и поддерживать наш журнал, оставаясь при этом „in good standing" т. е. на хорошем счету у своего униатского начальства.

На это у нас может быть только один ответ: для нас, русских, отстаивающих национальное и культурное единство русского народа, Папский Рим — враг, потому что он старается расколоть русский народ, насаждая и всячески поддерживая сепаратизм с целью распространения папской власти в восточной Европе.

Мы обратились к д-ру А. Ю. Геровскому с просьбой написать статью для нашего журнала о роли Рима в украинском вопросе, так как ему пришлось в течение всей своей жизни больше других карпатороссов поработать и пострадать в борьбе против украинской пропаганды среди нашего народа.

Вот что говрит д-р А. Ю. Геровский:

РИМ НАШ ВРАГ

В том, что Рим насаждает и всячески поддерживает украинский сепаратизм, не может быть никакого сомнения, так как он давно уже сбросил маску и совершенно открыто и нагло, не брезгая ничем, ведет свою работу по расчленению русского народа.

Работа эта ведется уже давно, при чем в качестве базы Рим избрал себе австрийскую „Галицию", которая досталась Австрии при разделе Польши в конце XVIII столетия. Размеры статьи не позволяют нам заходить в прошлое слишком далеко и входить во все подробности этой работы. Начнем с 1849 года, когда по просьбе молодого 18-ти летнего австрийского императора Франца Иосифа Россия послала двухсоттысячную армию в Венгрию, чтобы подавить мадьярское восстание против Габсбургов. Русские войска два раза прошли несколькими колоннами через все карпатские перевалы, от Спиша до Ясенья. Таким образом с ними познакомилось все население, как Галицкой, так и Угорской Руси. К ужасу австрийского правительства и Рима, местное русское население встречало русских солдат с нескрываемым восторгом как своих братьев и единоверцев и, что было еще хуже, пригла-

шало их в свои, униатские церкви, при чем во многих случаях русские полковые священники совершали богослужение совместно с униатскими священниками. Это дало провод к тому, что тогдашний австрийский наместник во Львове, граф Стадион, предупредил галицко-русских вождей, что они только в том случае могут рассчитывать на благосклонность австрийского правительства, если они не будут считать себя одним и тем же народом с русскими в России. Граф Стадион говорил по немецки и употребил латинское слово „Ruthenen" для обозначения русских галичан, а немецкое слово „Russen" для обозначения русских в России. Так начался „рутенский" сепаратизм.

Сперва австрийское правительство имело ввиду только отмежевать свое русское население от русских в России и создать отдельную „рутенскую" нацию. Только впоследствии в правительственных кругах Вены заинтересовались возможностью оторвать от России весь юго-запад и присоединить его к Габсбургской империи.*) Рутенский сепаратизм постепенно превратился в „украинский сепаратизм", хотя официальное название местного населения оставалось до конца Австрии „Ruthenen", а на местном „рутенском" языке „руский" (с одним „с").

Необходимо отметить, что когда, после раздела Польши, Австрии досталась Галицкая Русь и Буковина, принадлежавшая до 1784 года к турецкой Молдавии, австрийские власти своих новых подданных на официальном немецком языке называли „Russen". Об этом свидительствует факт, что в Буковине, где вплоть до конца существования Австрии сохранился немецкий официальный язык, русские села с названиями, начинающимися словом „русский", как то: Русская Молдавица, Русский Банилов, назывались официально „Russisch Moldawitza, Russisch Banila". Даже в главном городе, в Черновцах, где заседал австрийский губернатор, „Русская улица", одна из главных улиц в самом центре города, называлась по-немецки "Russische Gasse". А русская униатская церковь, находившаяся на той же улице, была известна только под именем "Russische Kirche".

Планы Габсбургов вполне совпадали с планами Рима, который старался через посредство национального сепаратизма сохранить унию в Галицкой Руси и мечтал о распространении ее на юго-запад России. При том Рим отнюдь не играл второстепенной роли. Он толкал Австрию в этом направлении так, как он в свое время возбуждал и поддерживал в католической Польше „Drang nach Osten", стремление на восток — против православной России. Это было для Рима не трудно в виду преданности

---

*) Во время первой мировой войны Австрией был выдвинут претендент на украинский престол в лице австрийского эрцгерцога Вильгельма. Он стал учиться украинской мове, переименовался в Василия и ходил в вышитой „украинской" сорочке. Он был известен под именем „Василь Вышиваный".

австрийского императора папе. Франц Иосиф, процарствовавший с 1848-го года почти 70 лет, до 1916 года, был рьяный католик, полагающий, что главная его задача — защита и распространение католицизма. Этот факт красноречиво подтверждает следующий эпизод, рассказанный мне моим отцом, д-ром Ю. М. Геровским, который в 70-х годах прошлого столетия был членом австрийского парламента. Император Франц Иосиф как-то устроил в своем дворце прием для членов парламента. Во время этого приема он попросил „рутенов", т. е. представителей Галицкой Руси, собраться в одной группе, чтобы поговорить с ними отдельно. Весь разговор состоял из нескольких слов. Он спросил: „Скажите мне, пожалуйста, действительно ли рутены хорошие католики?" На это один из них ответил: „Да, Ваше Величество", после чего Франц Иосиф изрек: „Значит, я могу спокойно умереть". И это было все. В его глазах „хорошие католики" были этим самым и хорошими австрийскими патриотами и врагами православной России.

Что это было именно так, доказывает „История Унии" д-ра Юлиана Пелеша. Д-р Пелеш был членом львовской митрополичьей консистории и ректором униатской „Центральной Семинарии" в Вене. Его „История Унии", написанная „с благословения церковного начальства", состоит из двух томов, из которых первый вышел в 1878 году, а второй — в 1881-ом в Вене, на немецком языке. В первом томе профессор Пелеш, говоря о русском народе, называет как галичан, так и киевлян и москвичей одним термином „русские" (Russen), считая их одним и тем же народом. О киевской митрополии Пелеш говорит, что в ее состав входили Галицкая земля, Волынь, Подолье и Украйна. (В глазах украинских самостийников и их покровителей это ересь, потому что все это — „Україна"). После того, как вышел первый том, на Пелеша набросились польские иезуиты, обвиняя его чуть ли не в государственной измене за то, что он в своей книге не делал различия между русскими галичанами и „россиянами". Особенно усердствовал иезуит Станислав Заленский в краковской газете „Час". Его статьи появились потом и в отдельной брошюре в 87 страниц.

В виду этих нападок, профессор Пелеш, в предисловии к второму тому, отвечая на обвинения „глубокоуважаемого" иезуита Заленского, заявил, что Заленский неправильно приписывает ему мнение, будто бы „рутены" и русские один народ, ибо он (Пелеш) знает, что такая точка зрения „не подобает сыну рутенского народа, верному и вполне преданному католической церкви и австрийскому императору".

В те времена галицкое униатское духовенство в подавляющем своем большинстве считало себя русским и не сочувствовало никаким сепаратизмам. Русскими же по духу были и все иерархи униатской церкви в Галичине. Первым львовским митрополитом, повернувшим в сторону рутенского сепаратизма, был

Сильвестер Сембратович. Когда папа произвел его в кардиналы, он поехал в Рим, чтобы получить красную кардинальскую шляпу. На обрятном пути через Вену, студенты униатской „Центральной Семинарии" забросали его тухлыми яйцами. Дабы искоренить „руссофильство" и „шизму" среди русских галичан и в особенности русского униатского духовенства, Рим и Вена начали в 80-х годах принимать решительные меры. Во Львове был инсценирован знаменитый „Процесс Ольги Грабарь", в котором судили ее, А. И. Добрянского (ее отца) и о. Наумовича за государственную измену, состоявшую, согласно обвинительному акту в том, что Ольга Грабарь и Добрянский переписывались с отцом Наумовичем, униатским священником, который вследствие этого вместе со своим приходом перешел в православие... в интересах России. Униатскую „Центральную Семинарию" в Вене закрыли. Все униатские василианские монастыри — их было шесть — были переданы в 1882-м году польским иезуитам, которые распоряжались ими 22 года, до 1904-го года, и воспитали новую генерацию василиан в римокатолическом и самостийно-украинском духе. Воспитанные иезуитам василияне были потом ярыми пропагандистами украинского сепаратизма. Между прочим, они раздавали медали с изображением Божией Матери с надписью: „Царице України, з'эднай і визволь нас" — (объедини и освободи нас). Во время чехословацкого режима такие медали раздавались нашему народу также и василиянами в монастыре на Чернечьей горе в Карпатской Руси. В то время василияне в Карпатской Руси находились под командою львовского митрополита Андрея Шептыцкого...

Самый сильный удар русскому самосознанию галичан Рим нанес назначением польского графа Шептыцкого львовским униатским митрополитом. Шептыцкий был кавалерийским офицером в австрийской армии. У него началась „слоновая" болезнь, от которой распухают ноги до невероятных размеров. Ему пришлось расстаться с военной карьерой. Польские магнаты и Рим нашли для него новую карьеру, при которой толстые ноги можно было спрятать под длинной рясой. К тому же для него нашли место, на котором он мог принести большую пользу Польше и Риму. Андрей Шептыцкий был членом аристократической польской семьи, известной своим польским шовинизмом и римским фанатизмом. Родной брат Шептыцкого, тоже служивший в австрийской армии, впоследствии был польским военным министром в правительстве Пилсудского.

Шептыцкий поехал сперва в Вену, где он был принят австрийским императором Франц-Иосифом, а затем в Рим, к папе.

На обратном пути он остановился в Инсбруке (Тироль), где тогда проживал сосланный туда А. И. Добрянский, мой дед, который пользовался большим авторитетом не только в Угорской (Карпатской) Руси, но и у галичан и, в частности, также среди галицкого униатского духовенства, тогда еще в подавляющем

большинстве сознававшего себя русским. Ему он заявил, что он в своих жилах почувствовал русскую кровь (столетия тому назад Шептыцкие действительно были русскими) — и что он поэтому решил вернуться к своему народу и поступить в василиянский монастырь. В то время, как уже сказано выше, все василианские монастыри управлялись иезуитами. Добрянскому Шептыцкий сказал, что он приехал к нему, чтобы получить его благословение. Об этом было объявлено в галицкой печати. Шептыцкий поступил в василианский монастырь. Года через три он уже был станиславовским епископом. А после смерти Сембратовича он был назначен львовским митрополитом. Я уже указал на то, что в те времена большинство галицкого униатского духовенства считало себя русским. Оно не сочувствовало ни рутенскому, ни украинскому сепаратизму. Поэтому и ясновельможный польский граф Шептыцкий начал свою духовную карьеру „русским". Он не только поехал в далекий Инсбрук к сосланному туда за „руссофильство" и „шизму", опальному Добрянскому, но сделавшись станиславовским епископом, поехал и в Черновцы (В Буковине) и посетил там моего отца Ю. М. Геровского, тоже опального. Я помню, как он сидел у нас в гостиной. Говорил он на русском литературном языке и подчеркивал свои русские чувства.

Дабы еще больше ввести в заблуждение подчиненное ему галицкое духовенство и галицко-русский народ, ясновельможный польский граф отпустил себе бороду и одевался как православный архиерей с панагией на груди.

Шептицкий принялся за воспитание новой генерации униатского духовенства в римо-католическом и украинском духе. Это ему удалось вполне, так как он оставался во главе галицкой униатской митрополии больше сорока лет (с 1901 по 1944-ый год). За это время все священники старой, русской генерации вымерли и были заменены украинскими самостийниками, воспитанниками Шептыцкого. В 1914-м году, когда началась первая мировая война, были арестованы сотни униатских священников, подозреваемых в руссофильстве и в симпатии к православию. Из них некоторые были убиты на месте без суда, около 250 были вывезены В Западную Австрию, в пресловутый талергофский концентрационный лагерь. Кроме того, десятки тысяч русских галичан, интеллигентов и простых крестьян расстреляны, повешены или просто изрублены саблями австрийских жандармов и озверевших солдат по доносам украинских самостийников. По словам члена австрийского парламента и вождя польских социалистов Дашинского, таким образом было уничтожено около 60.000 русских галичан. Хотя почти все они были униаты, ни митрополит Шептыцкий, ни никто из римских иерархов, ни римский папа за них не заступился.

Шептыцкий представляет для Америки особый интерес, потому что именно он начал украинизацию униатской церкви в Америке. Он прислал сюда в 1907 году первого украинского

епископа в лице Сотира Ортынского, которому Рим подчинил не только галичан, но и угророссов (карпатороссов). Так как в то время в Америке все карпатороссы и большинство галичан считали себя русскими, то и Ортынский называл себя „руським" а не „украинским" епископом, следуя примеру и указаниям своего шефа, Шептыцкого. У угророссов украинизаторская политика Ортынского встретила решительный отпор и его миссия провалилась Это между прочим отмечено в официальной американской католической энциклопедии, 17-ть томов которой вышло в Нью Иорке как раз при Ортынском. Там сказано, что американским карпатороссам украинство „особенно противно".

> „The Ugro-Russki... hold themselves aloof from the other parties, the ideas of the Ukraintzi being particularly distasteful to them". (Vol. 13, p. 279).

Епископ Ортынский умер в 1916 году. Не будет лишним отметить, что главный орган американских украинцев „Свобода" был в 90-х годах прошлого столетия органом русских галичан и назывался по-английски „Russian Weekly". В 1900 году он превратился в „Little Russian Weekly". Только в 1914-м году он начал называть себя „Ukrainian". Это случилось при епископе Ортынском, ставленнике польского графа и львовского митрополита Шептыцкого. В течение восьми лет Ортынский не был заменен никем, так как Рим не знал какую в дальнейшем повести политику. В 1924 году Рим основал в Америке две униатские епархии, одну для галичан, а другую для русских из Закарпатской Руси. Карпаторусским епископом был назначен Василий Такач, который умер в 1948 году. Его наследником был Даниил Иванчо, устраненный Римом в декабре 1954 года. Епископ Такач был в душе русский. Он даже был готов возглавить Карпаторусский Союз, боровшийся за автономию Карпатской Руси, но ему было запрещено начальством принять какое либо участие в этом деле. При его жизни Рим не решался еще на открытую пропаганду украинского сепаратизма среди русских униатов из Карпатской Руси, как это делалось уже много лет среди американских галичан. Заменивший его епископ Иванчо, тоже уроженец Карпатской Руси, учился некоторое время у иезуитов, и Рим надеялся, что при его помощи удастся украинизация путем подчинения его епархии украинскому епископу в Филаделфии Богачевскому, которого предполагалось произвести в митрополиты. Но епископ Иванчо открыто воспротивился этой затее, вследствие чего он был уволен и заменен новым епископом в лице Илько, о котором неизвестно, считает ли он себя словаком или русским.

Официальная римская политика продолжает быть открыто украинской среди галичан. В настоящее время в Соединенных Штатах имеются две униатские епархии для галичан, которые называются украинскими, как это видно из официального спра-

вочника римокатолической церкви за 1959 год. Там, на стр. 769 большими буквами на всю страницу можно прочесть:

Ukrainian Catholic Diocese of Stamford

Там же значится и „Украинская греко-католическая архиепархия" (Ukrainian Greek Catholic Archeparchy), возглавляемая Константином Богачевским, произведенным в 1958 году в митрополиты. Обе эти украинские епархии предположено было объединить в одно целое с бывшей карпаторусской епархией под филаделфийским украинским митрополитом Богачевским, но этот план провалился вследствие решительного сопротивления карпаторусского епископа Даниила Иванчо, который из-за этого был уволен. В настоящее время, повидимому, Рим отказался от украинизации карпатороссов. В отношении их проводится просто политика денационализации. Униатское „Соединение Грекокатолических Русских Братств", в течение 50 лет называвшееся по-английски Union of Greek-Catholic Russian Brotherhoods, теперь, по приказу Рима, переименовано в „Соединение Греко-католических Братств", без обозначения национальности. Так же и из названия еженедельника этой организации выкинуто слово **русский.** А епархия, в которой объединены все карпаторусские униатские приходы теперь просто называется „Питсбургским экзархатом византийского обряда" (Byzantine Rite Exarchate of Pittsburgh) без обозначения национальности.

Рим окончательно скинул маску здесь, в Америке, когда в течение последних нескольких лет вышли в Нью Йорке три дополнительных тома к официальной католической энциклопедии. Эти три тома совершенно официальны. Их редактировал назначенный кардиналом Спеллманом иезуит Винсент К. Хопкинс, который в то же самое время является цензором книг при самом Спеллмане.

Во втором дополнительном томе, под заглавием „Украинская католическая церковь в Соединенных Штатах" и „Украинский язык"*) совершенно недвусмысленно и откровенно проводится точка зрения, что украинцы, называющиеся в церковной терминологии „рутенами", не имеют ничего общего с русскими. Там, между прочим, имеется следующая фраза:

„Украинский язык является отдельной и независимой единицей восточно-славянской отрасли славянской группы индо-европейских языков. Он является промежуточным звеном между языками западно-славянской отрасли (польским, чешским, словацким) и югославянскими (болгарским, сербо-хорватским и словинским)".

Это псевдо-научное изречение диаметрально противоположно тому, что было напечатано в 13-м томе той же католической энциклопедии накануне первой мировой войны, когда Рим еще не

---

*) Странным образом страницы в этих дополнительных томах не обозначены, и потому мы их не приводим.

был уверен в том, каков будет результат украинской пропаганды. Там, на стр. 234-ой, сказано: „Невзирая на различия в типах, русские составляют один народ, делящийся на великороссов, малороссов и белороссов".

Notwithstanding the differences in types the Russians constitute a single people divided into three classes, Great Russians, Little Russians and White Russians.

Новейшим действием Рима, доказывающим его стремление во что бы то ни стало расколоть русский народ в национальном и культурном отношениях, это проведение через американский Конгресс „Закона о порабощенных народах", которым американское правительство и даже сам президент Соединенных Штатсв впряжены в украинскую пропаганду. Из протоколов Конгресса видно, что этот закон был составлен профессорами двух иезуитских высших учебных заведений, а именно, иезуитского университета в Вашингтоне и иезуитского колледжа в Боффало.

Кончая, приметим еще вкратце, что украинская пропаганда возглавлялась в Карпатской Руси во время чешского режима униатским монсиньором Волошиным, который был членом чешской римокатолической клерикальной партии. Он неоднократно ездил в Рим за инструкциями и всячески интриговал в Праге против предоставления Карпатской Руси автономии, ибо Рим опасался, что автономия будет гибельной для унии. В октябре 1939-го года чешское правительство по требованию Гитлера арестовало законного главу карпаторусского автономного правительства, Андрея Бродия, избранного народом, и официально признанного чехами и назначило на его место Волошина, который, согласно желанию Ватикана и Гитлера, перекрестил Карпатскую Русь в „Карпатскую Украину".

Надеяться на то, что молчанием, „нейтралитетом" в вопросах унии и православия или улыбками в сторону Рима нам удастся привлечь Рим на свою сторону или добиться хотя бы его нейтралитета в наших внутренних русских вопросах, чрезвычайно наивно.

Мы должны окончательно осознать факт, что Рим наш враг, и мы должны повести борьбу против него. Союзники в этой борьбе у нас найдутся, но конечно, не среди римо-католиков и не среди тех униатов, которые уже окончательно отреклись от своего русского имени и превратились в „византийцев".

Нашим доброжелателям, надеющимся еще на возможность возвращения униатских иерархов к своему русскому народу, мы советуем попробовать убедить епископа Илька, чтобы он разрешил „Соединению Греко-католических Русских Братств" и его органу опять называться русскими (Russian), так как они назывались в течение пятидесяти лет. Ведь это не противоречило бы священным догматам римской церкви. Но это противоречило бы земной политике Рима, враждебной православной России. И поэтому папа не разрешит епископу Илько дать свое согласие на то,

чтобы униатские выходцы из Карпатской Руси опять назывались русскими, как встарь, как назывались их предки тысячу лет.

Попробуйте, поговорите с ним. Из личного опыта я могу вам предсказать, что ответит епископ, если он будет очень откровенен. Он скажет: „Я не можу". А если вы его спросите: „Почему?". Он ответит: „Бо мени заборонили". Но он не посмеет сказать вам, кто ему запретил. Такой у меня был опыт с покойным епископом Такачем.

Запретил Такачу и запретил епископу Илько — Рим.

П. Панин

РИМ

Любопытная деталь: инквизиция уничтожает народ, а палачи-инквизиторы доносят папе: — „Все это совершилось к **назиданию и великой радости** доброго народа". — Ну, разве не сталинский голос звучит перед нами?

Зачем клеветать? Что происходило на Юго-Западной Руси в течение веков? Разве насильственное православие насаждали казаки, а не католики насильственно окатоличивали? Что подобное было в истории России? Гонения на старообрядцев и воссоединение униатов? Но это было **наше**, семейное дело, и какой это был пустяк, по сравнению с тем, что делали католики в чужой стране! Ведь живьем жарили, на кол сажали! Разве существовали старообрядические казаки, которые громили бы своих русских притеснителей?

Между Россией и Западом лежит основное отличие: Запад живет на католической основе: „все дозволено"; Россия — на православной основе: „по правде". Эту жажду правды на всем протяжении русской истории можно увидеть как со стороны высших представителей власти и духовенства, так и со стороны простолюдина. Это — тот „категорический императив", который лежит в самой основе создания Российского государства.

В 20-х годах я видел в Харбине очень импозантную католическую „процессию Св. Тела". За ней наблюдали тысячи людей и в ней принимало участие множество населения, европейского и китайского. Внимание мое привлекло одно необычайное обстоятельство: золотые дарохранительницы, несомые высшим духовенством. Дарохранительницы эти были увиты крупным, рельефным, эмалевым орнаментом, — китайским драконом, пришедшим из глуби тысячелетий... Я остолбенел. Язычество на святом месте?...

Приспособление. Все дозволено. Позднее два разных лица уверяли меня, что в Шанхае католические миссии содержали публичные дома — на пользу святого дела миссий. В данном случае , с драконами, католичество употребляло легчайший путь для проникновения в китайскую толщу. Традиционный, тысячелетний дракон психологически соединял китайцев с католициз-

мом, помогал перешагнуть грань между двумя верованиями. Результат был налицо: сотни китайцев-католиков в процессии и католические костелы чуть не во всех городах Китая. Православных китайцев в Харбине, русском городе, были единицы.

Дальше я думал: „Ну, так как же? Приемлем или неприемлем дракон на дарохранительнице?" — Ум раздваивался: с одной стороны, будто бы, добро, а с другой — предательство. Какой-то внутренний голос все ж говорил: — „Неприемлем!" — Но за православие было обидно.

Так почему же неприемлем? **Потому что не по правде.** А раз не по правде, то и результат будет неправедный: не истинное христианство исповедуют и несут миру эти люди. Ничего не стоят их костелы по китайским городам, — лже-христианство. Не может православная церковь прибегать к таким средствам. В других местах католики действуют подкупом, насилием, соблазном, огнем, мечем и вообще всякими доступными им средствами. Совсем так, как действуют революционеры, создатели земного рая. Достоевский еще в прошлом веке увидел теснейшую духовную связь между социализмом, революцией и католицизмом. Православие же опирается на духовную свободу и рай небесный.

Михаил Попович

НЕ ЗАБУДЬТЕ!

Не забудьте, други-братья,
эти вещие слова: —
нас возьмет в свои объятья
лишь великая Москва.

Нас за русскость угнетали
и водили по тюрьмам,
но мы веру не теряли
и твердили все врагам:

Эти нивы, эти горы,
от Ужграда до Кремля, —
это — русские просторы,
это — русская земля!

Мы всегда были и будем
дети матери одной!
Слова Русь мы не забудем
над Карпатскою страной.

Не забудьте ж, други-братья,
не забудьте те слова:
нас возьмет в свои объятья
лишь славянская Москва!

ГЛАВА IX

А. Геровский

КАРПАТСКАЯ РУСЬ И ЧЕХОСЛОВАКИЯ

КАК КАРПАТСКАЯ РУСЬ БЫЛА ПРИСОЕДИНЕНА К ЧЕХОСЛОВАКИИ

В марте месяце 1917 года произошла в России первая „бескровная" революция, заставившая царя отречься от престола за себя и за своего сына престолонаследника царевича Алексея. Россию возглавило „Временное Правительство", в котором главную роль играл профессор Милюков, официально занимавший в нем пост министра иностранных дел. При этом правительстве развалилась русская армия и вся страна совершенно дезорганизовалась. Повсеместно возникали разного рода комитеты и советы, которые никому не подчинялись. В таких условиях были произведены бутафорские (фальшивые не настоящие) выборы в Учредительное Собрание, которые дали большинство социалистам-революционерам. К моменту созыва Учредительного Собрания во Временном Правительстве уже не оказалось почти никого из составлявших его во время переворота в марте месяце, за исключением Керенского, который возглавлял это новое Временное Правительство в день созыва Учредительного Собрания. Собрание было разогнано в первый же день группой моряков Балтийского флота. Керенский бежал заграницу. Страну возглавило новое большевицкое правительство под водительством Ленина. Началась гражданская война, продолжавшаяся до ноября 1920-го года.

Наш народ не только в Угорской (Карпатской), но и в Галицкой и Буковинской Руси веками надеялся на то, что придет Россия и освободит его от иноплеменного владычества, и когда в августе 1914 года началась война между Австро-Венгрией и Россией, все надеялись на то, что победит Россия и присоединит к себе всю подъяремную австро-венгерскую Русь. Никто не предвидел революции. Поэтому можно себе представить, какое она произвела впечатление на наших людей в Америке. Пропала надежда на освобождение, настало всеобщее разочарование в вековых идеалах и наступила полная апатия. В такой обстановке началась, уже после захвата власти большевиками, в американских карпаторусских кругах акция в помощь „старому краю".

26 июля 1918 года, когда гражданская война в России была в полном разгаре, состоялся в г. Маккиспорте в Пенсилвании, карпаторусский митинг, который принял единогласно следующие резолюции:

1. Русские, живущие на южном склоне Карпат, должны получить полную независимость. Если же это окажется невозможным,

2. — они должны быть соединены со своими единоплеменниками в Галичине и Буковине. Если и это будет невозможно,

3. — они должны получить автономию.

Протокол этого собрания был передан 21 октября того же 1918 года лично президенту Вудрову Вилсону.

Президент Вилсон, прочитав резолюцию, сказал, что по его мнению, первые два требования практически неосуществимы, так как союзники не отнесутся к ним с симпатией. Делегация, передавшая президенту эти резолюции, была возглавлена питтсбургским адвокатом Григорием Жатковичем, который также и в дальнейшем руководил акцией американских карпатороссов как в самой Америке, так и в Европе в качестве полномочного представителя Русского Народного Совета в Америке.

Акция в пользу „старого края", Карпатской Руси находилась в руках униатского духовенства, возглавлявшего в то время большинство карпаторусских приходов. Это обстоятельство обясняет многое из того, что происходило тогда как в Америке, так и на Карпатской Руси. Политика Жатковича руководилась главным образом указаниями из Рима.

23 октября 1918 года американские карпатороссы были приняты в члены „Средне-Европейской Унии" в которой находились чехословаки, поляки, югославяне, литовцы, румыны, греки, итальянцы, армяне, албанцы и иерусалимские евреи, за которыми, согласно Вилсоновским принципам, признавалось право на самоопределение.

26 октября Средне-Европейская Уния провозгласила в Филаделфии нижеследующее:

„Мы ... торжественно заявляем от нашего собственного имени и от имени наших соотечественников, находящихся в своих краях, что ... мы все предоставляем наши народы и все наши средства в распоряжение наших союзников для того ,чтобы они воспользовались ими против наших общих врагов ... приняли и подписали следующие резолюции, являющиеся фундаментальными принципами всех свободных народов:

1. Все правительства черпают свою власть из согласия управляемых ими;

2. Все народы имеют неотъемлемое право устанавливать и определять свое собственное правительство на таких принципах и в такой форме, которую они считают лучшей в интересах своего благополучия, своей консолидации и достижения своих целей;

3. Что больше не будет тайной дипломатии.

Подписавшие эту декларацию, а также представители других независимых народов ... обязуются именем своих народов, что они включат эти принципы в основные законы государств, которые будут впоследствии образованы соответствующими народами.

Подписи: Т. Г. Масарик, от имени чехословаков, а также в качестве председателя Унии,

Г. И. Жаткович, от имени угрорусов, и подписи десяти представителей других наций. —

В тот же день, 6 октября 1918 года, Жаткович, в присутствии пяти других членов Русской Народной Рады в Америке, вел переговоры с Масариком о возможном присоединении Карпатской Руси к Чехословакии. Согласно тому, что впоследствии, в 1921 году, Жаткович написал в своем „Экспозэ" об этих переговорах, он спросил Масарика, каким было бы положение карпатороссов в случае их присоединения к Чехословакии, на что последний дал следующий ответ:

„Если бы русские решили присоединиться к Чехословакии, они были бы совершенно автономным штатом".

После этого Жаткович спросил Масарика, какими были бы в таком случае границы Карпатской Руси, на что Масарик ответил:

„Границы будут определены таким образом, что русские будут ими вполне довольны".

Дальше Жаткович пишет в своем „Экспозэ": „Вот каковы были предварительные основы соединения Карпатской Руси с Чехословакией: федерация с чехословаками и совершенно автономный штат с границами, удовлетворяющими русские требования".

Это основное соглашение между Масариком и Жатковичем было опубликовано во всех карпаторусских газетах Америки, и на этом основании Русская Народная Рада приняла 12 ноября 1918 года в г. Скрантоне единогласно следующую резолюцию:

„Чтобы русские в Венгрии присоединились к Чехословацкой Республике в качестве федеративного штата с самыми широкими особыми правами и с условием, чтобы все первоначально угрорусские комитаты, т.е. Спиш, Шариш, Земплин, Абауй, Гэмер, Боршод, Унг, Угоча, Берег, и Мороморыш принадлежали к нашему краю".

На следующий день, 13 ноября, Жаткович лично передал копию этой резолюции Масарику в Вашингтоне, который высказал свою радость по поводу того , что были приняты так быстро меры для осуществления проектированной унии. После этого Жаткович с Масариком решили, чтобы среди американских карпатороссов был произведен плебисцит.

Согласно „Экспозэ" Жатковича, несколько дней позже, 18 ноября, он встретился с Масариком в Нью Йорке, и тогда последний ему заявил:

„Господин Жаткович, я думаю, что будет необходимо, чтобы наша армия оккупировала часть вашей территории". Я согласен, — ответил Жаткович, — и я уверен, что и мой народ на это согласится".

11 января 1919 г. вся карпаторусская территория до реки Уж была оккупирована чехословацкими отрядами. Плебисцит среди американских карпатороссов устроенный Жатковичем, был подго-

товлен, как следует, согласно указаниям „свыше", т.е. Рима. В нем участвовало незначительное меньшинство американских карпатороссов. Плебисцит дал следующие результаты:

За соединение с Чехословакией ... 67%.
За соединение с Украиной ... 28%.
За соединение с Россией ... 1%.
За соединение с Венгрией ... 1%
За соединение с Галичиной ... 1%
За полную независимость ... 2%.

Протокол о плебисците, а также и протокол скрантонского собрания от 12 ноября 1918 г. были переданы комиссии, состоявшей из Жатковича и И. Г. Гардоша, секретаря Русской Народной Рады, которые отправились в Париж, чтобы передать эти документы Мирной Конференции. Они прибыли в Париж 13 февраля 1919 г., где в то время уже находился др. Антон Бескид, председатель Русской Народной Рады в Пряшеве. Вместе с ним они вели переговоры с представителями Чехословакии, д-ром Карлом Крамаржем, и д-ром Эдуардом Бенешем, которым они передали, кроме результатов американского плебисцита и решения Американской Русской Народной Рады, также и протоколы заседаний Пряшевской Народной Рады от 7 января 1919 года.

На основании всех этих документов был составлен меморандум, требующий соединения Карпатской Руси с Чехословакией на федеративных началах в качестве автономного штата. Меморандум этот впоследствии стал известен под именем „Меморандум номер 6". Заслуживает внимания факт, что в меморандуме, составленном на французском языке, Карпатская Русь называется не иначе как Russie Carpathique, что в ней упоминаются комитаты Спиш, Шариш, Земплин, Унг, Берег, Угоча, и Мороморыш, что число прихожан униатских русских приходов, согласно последней мадьярской статистике от 1910 г., было 567,867 и что в меморандуме как Карпатская Русь, так и Чехословакия постоянно называются штатами, а также и то, что их соединение возможно будет только в случае обоюдного соглашения.

Этот меморандум был предложен Мирной Конференции чехословацкими представителями Крамаржем и Бенешем.

4 марта 1919 г. Жаткович с Гардошем отправились в Прагу, где они 10 марта были приняты президентом Масариком, которому они передали вышеуказанные документы. По пути в Ужгород они остановились в Братиславе, где они совещались с одним из словацких вождей, д-ром Шробарем. В Пряшеве у них было совещание с членами Пряшевской Народной Рады, которая одобрила все то, что ими было сделано до тех пор. 15 марта они прибыли в Ужгород.

В то время в Карпатской Руси было несколько Народных Рад в разных частях края. Решающими были три: пряшевская, ужгородская и хустская. Как уже было упомянуто выше, Пряшевская Рада стояла за соединение с Чехословакией, в то время,

как ужгородская предпочитала, чтобы Карпатская Русь оставалась в пределах Венгрии, как автономная часть ее, а хустская стремилась соединить Карпатскую Русь с русским востоком, с Украйной. Украина для них была однозначущей с Россией. О каком либо украинском сепаратизме у них не было и помину. Они о нем никогда ничего не слыхали.

8 мая состоялось в присутствии американских делегатов объединение трех рад: пряшевской, ужгородской и хустской. Все они слились в одну единую „Центральную Русскую Народную Раду". Эта Центральная Рада одобрила решение американских карпатороссов присоеденить Карпатскую Русь к Чехословакии на федеративных началах. Согласно протоколу этого заседания, радой было единогласно принято предложение члена рады д-ра Гаджеги:

> „Так как Чехославакия и Русь на южных склонах Карпат объединяются в одно государство, они образуют край, в котором иностранные, военные и финансовые дела будут общими. Что же касается других дел, то русский штат будет управлять автономно сам собою со своими собственными законами и собственными органами. Войско русской территории будет иметь русский язык в качестве полкового языка, а также и своих русских офицеров".

15 мая 1919 г. Центральная Русская Народная Рада решила предложить президенту Масарику назначить Жатковича „министром-организатором" Русского Штата. В том же заседании Центральная Рада одобрила акцию американских карпатороссов, в особенности же требования, которые были предъявлены в Париже делегатам Чехословацкой Республики, Крамаржу и Бенешу. В частности Центральная Рада одобрила следующие пункты:

> „В Чешско-Словацкой-Русской Республике русская территория образует независимый штат;
>
> Границы угро-русского штата будут определены официальными делегатами Угро-Русского штата и Чехословацкой Республики;
>
> Угро-русский штат будет независим во всех своих внутренних делах;
>
> Принципы и соглашения, касающиеся взаимоотношений Русского штата и Чехословацкой Республики будут включены в формальный договор между полномочными представителями Русского Штата и Чехословацкой Республики;
>
> До заключения такого окончательного договора, этот штат, или эта русская территория будет предварительно, но фактически создан;
>
> Границы этого предварительного штата будут следующие: Со стороны Румынии черта, которая будет установлена мирной конференцией;
>
> Со стороны Венгрии, черта которая будет установлена мирной конференцией до точки, где эта линия доходит до за-

падной границы уезда Сиксо, оттуда до реки Гернад, затем вдоль течения этой реки до ее соединения с рекой Тарца и затем на север до точки, где Тарца переходит через границу комитатов Шариш и Спиш, а оттуда южная граница общины Гетари, а в комитате Спиш западная граница общины Любовельской до Попрад-Ремете.

Этот русский временный штат будет управлятся карпаторусским министром, которого назначит президент Чехословацкой Республики. Остальные чиновники будут назначаться упомянутым министром.

В случае возникновения споров относительно этого соглашения между Чехословацкой Республикой и Русским Штатом, обе стороны будут иметь право обращаться к высшему суду при Лиге Наций. Решения Лиги будут считаться окончательными для обеих сторон.

Протокол, содержащий указанные требования, был передан 23 мая 1919 г. президенту Масарику от имени Карпатской Руси делегацией, состоявшей из ста двенадцати членов и служащих Центральной Русской Народной Рады, которые для этой цели отправились в Прагу. В тот же день, после обеда, карпаторусская комиссия, состоявшая из пятнадцати членов, совещалась с Масариком о деталях проведения в жизнь указанных выше требований, в особенности же о конкретных мерах, которые должны были быть приняты для организации Карпатской Руси. Тот же протокол был послан также и Бенешу в Париж для представления мирной конференции в качестве доказательства, что карпатороссы желают присоединиться к Чехословацкой Республике.

Президент Масарик обратился к карпаторусской делегации с речью, из которой пражская ежедневная газета „Народни Листы", орган тогдашнего министра-президента д-ра Крамаржа, в номере от 25 мая 1919 г., воспроизвела следующие слова:

„В своем ответе президент коснулся конституционной базы, заявляя, что он не желает и не будет поступать с упрямством. Полномочные представители русской территории будут приглашены. Но необходимо начать без замедления организацию администрации. Президент признает, что образование русского штата будет чем то особенным, и он сознает, что русские присоединяются к нашему штату, как отдельный штат, сохраняя за собою автономию. Само собою понятно, что размеры этой автономии должны быть официально установлены.

Президент затронул важность русской территории для нашего государства. При этом он упомянул, что уже в самом начале войны, будучи в Швейцарии, он коснулся этого вопроса. А теперь многочисленные эмигранты в Америке решили присоединиться к Чехословацкой Республике. Под водительством Жатковича американские карпатороссы изложили все свои требования президенту Вилсону и Масарику. Будучи

таким образом ознакомлены с требованиями русских на южных склонах Карпат, союзники в Париже решили предоставить им право присоединиться к чешскому государству в качестве автономной части".

Депутация вернулась 25 мая 1919 года в Карпатскую Русь, а Жаткович, в качестве полномочного представителя Карпатской Руси, оставался в Праге, чтобы вести переговоры с чехословацким правительством об организации русского штата. 22 июля Масарик передал Жатковичу копию решений мирной конференции, касательно автономии Карпатской Руси, а также и копию телеграмы Бенеша, в которой тот сообщил Масарику, что мирная конференция намерена сама установить окончательно границы Чехословакии и русского штата. Согласно „Экспозэ" Жатковича, Масарик делал вид, что он этого не ожидал, так как он вел с Жатковичем переговоры все время будто бы предполагая, что границы будут определены самостоятельно чехословаками и русскими. Прочитав текст договора об автономии Карпатской Руси, Жаткович обратил внимание на то, что в нем было сказано, между прочим, что „местные вопросы" („локал") будут считаться автономными. И он высказал опасение, что слово „локал" может впоследствии быть истолковано как обозначающее только вопросы общинные. Но Масарик успокоил его, указав на то, что в первом параграфе сказано, что Карпатской Руси будет предоставлена самая широкая автономия и что поэтому слово „локал" может быть истолковано только как относящееся ко всем внутренним вопросам Карпатской Руси. И Жаткович ему поверил.

После этого Жаткович немедленно отправился в Париж, куда он прибыл 24 июля 1919 г. Там Бенеш сказал ему, что решение мирной конференции относительно границ между Чехословакией и Карпатской Русю было для него полной неожиданностью, и что он только впоследствии узнал, что великие державы решили сократить насколько возможно карпаторусскую территорию. Затем он, согласно утверждению Жатковича, высказал опасение, что граница не будет в пользу русских, невзирая на все его старания. В конце концов, он открыто сказал Жатковичу, что мирная конференция намерена провести окончательную границу по реке Уж.

Жаткович протестовал и предъявил Бенешу географическую карту, на которой западные границы Карпатской Руси были обозначены согласно вышеупомянутому постановлению Центральной Народной Рады от 15 мая 1919 года. Взглянув на карту, Бенеш сказал, что он уверен в том, что словаки на это никогда не согласятся. Наконец Бенеш с Жатковичем согласились добиваться того, чтобы мирная конференция объявила границу между Чехословакией и Карпатской Русью только временной с тем, чтобы впоследствии русские и словаки сами провели окончательную границу. Затем Жаткович предложил проект временного договора между Карпатской Русью и Чехословакией относительно границ,

в котором было сказано, что, начиная с 1 октября 1919 года до заключения окончательного договора о границах, к Карпатской Руси будет принадлежать следующая территория:

а) на восток от реки Уж вся территория, которую мирная конференция присоединит к Чехословацкой Республике.

б) На запад от реки Уж вся территория в комитатах Спиш, Шариш, Земплин, и Унг, которая обозначена как этнографически русская на карте Томашевского, изданной в Петрограде в 1905 году Академией Наук на основании официальной венгерской статистики 1900 года.

На предложенной Бенешу другой карте была выделена территория, которая должна была считаться спорной и которая должна была быть разделена на основании особого плебисцита, который должен был быть произведен не раньше 8 мая 1920 г. специальной комиссией, составленной из двух членов: русского и словака.

29 июля 1919 г. состоялась конференция Жатковича с президентом Масариком в присутствии министра внутренних дел Швеглы, которому были поручены карпаторусские дела. Масарик сказал Жатковичу, что Чехословакия не может заключить никакого договора с Карпатской Русью потому, что у русских еще нет своих конституционных представителей.

„Но, сказал Масарик, мы вдвоем с вами все приведем в порядок".

После этого Жаткович составил обращение от своего имени к Центральной Русской Народной Раде в Ужгороде, текст которого мы приводим ниже. Это обращение впоследствии стало известным под названием „Прокламация от 12 августа 1919 года". В ней он сообщил Центральной Раде, что чехословацкое правительство назначило его председателем автономной русской директории, а также содержание соглашения, к которому он пришел в совещаниях с Масариком и Швеглой касательно будущей карпаторусской автономии. Текст этого обращения Жаткович понес лично президенту Масарику, который однако его не принял, под предлогом, что он „занят" и поручил своему личному секретарю передать Жатковичу, что он согласен с содержанием обращения. Жаткович попросил личного секретаря — это был Ярослав Цисар — чтобы тот предложил президенту подписать это обращение. На это последний ему сказал, что Масарик „чрезвычайно занят" и что он (секретарь) уполномочен расписаться за него. После чего Цисар написал под обращением:

„Прочитано президентом Чехословацкой Республики".

Вот текст обращения:

12. VIII. 1919

Центральная Русская Народная Рада
Ужгород.

Господин Председатель,

Господа делегаты,

Честь имею сообщить вам, что после нескольких свиданий с господином президентом республики Масариком, а также с господином министром внутренних дел Швеглой, чехословацкое правительство назначило меня председателем „Автономной Русской Директории". В директории будут еще четыре члена, назначенные в ближайшем будущем.

Компетенция членов директории будет распространяться, с согласия генерала Эннока, на ту часть нашего штата, в которой нет органов Чехословацкой Республии, и их компетенция будет в силе до тех пор, пока мирная конференция не решит окончательно некоторые вопросы, касающиеся нашего штата. После разрешения этих вопросов, президент Чехословацкой Республики назначит, согласно с постановлениями мирной конференции, первого губернатора автономного русского штата и в то же время будет определена окончательная словацко-русская граница.

Нашему штату будут принадлежать окончательно:

Из Спишского комитата любовельский округ;

Северная часть комитатов Шариш и Земплин, северная и восточная часть Ужского комитата, комитаты Берег, Угоча и Мороморым в целом.

Остальные территории, которые мы требуем, останутся ничьими до народной переписи. Перепись будет произведена смешанными комиссиями, состоящими из чехословаков и русских.

Нейтральная территория комитата Унг будет находиться под управлением наших органов.

Русский штат будет независим и автономен в вопросах касающихся языка, школ, религии и всех внутренных дел.

Он будет иметь свой собственный законодательный орган, свой собственный парламент (сейм) в Ужгороде и он будет иметь своих делегатов в пражском парламенте.

Сейчас я должен уехать в Америку по официальным делам, а также для того, чтобы обеспечить взаимную моральную и экономическую кооперацию между вами и русскими в Америке.

До свиданья, с глубочайшим уважением,

Ваш искренний друг
Жаткович

Прага, 12 августа 1919 г.

Прочитано президентом Чехословацкой Республики

12. VIII. 1919
Ярослав Цисар
Личный секретарь

Обращение Жатковича к Центральной Русской Народной Раде в Ужгороде было напечатано во всех карпаторусских газетах в Америке. 15 и 16 сентября состоялся в Гомстеде, в Пенсилвании, конгресс карпатороссов, на котором были представители всех карпаторусских организаций в Америке. Доклад Жатковича был одобрен единогласно при всеобщем восторге.

После своего возвращения в Европу, Жаткович был принят 17 октября 1919 года президентом Масариком, которому он передал копию протокола конгресса, копию своего доклада конгрессу, а также несколько экземпляров карпаторусских газет, в которых была напечатана его прокламация от 12 августа 1919 года.

Во время отсутствия Жатковича его заместителем в Праге был Пуза, личность совершенно неизвестная в Карпатской Руси. От него он узнал, что члены директории не были назначены, хотя ему было обещано, что они будут назначены немедленно. Узнал он от него также, что чешское правительство поставило во главе администрации Карпатской Руси чеха, д-ра Брейху, который запретил публикацию прокламации Жатковича от 12 августа, одобренную Масариком и что Брейха конфисковал газеты напечатавшие ее. Жаткович заявил свой протест лично Масарику 15 октября и затем повторил этот протест еще письменно. Масарик сказал ему, что он ожидал его возвращения из Америки и что теперь „все будут приведено в порядок". В дальнейшем все шло в том же духе. Для того, чтобы изложить все подробности, потребовалась бы целая книга. Мы коснемся еще некоторых более важных фактов, свидетельствующих о том, что чешское правительство с Жатковичем совершенно не считалось и что оно просто водило его за нос. Так 16 октября у Жатковича было опять свидание с Масариком и со Швеглой. Они условились, что вместе с министром Швеглой и шефом карпаторусской администрации Брейхой составят „Основное руководство для организации и администрации Карпатской Руси". Министр Швегла обещал вызвать дя этой цели из Ужгорода Брейху и пригласить его (Жатковича) на совещание. Вместо этого 21 октября Швегла вручил ему готовый уже „Генеральный Статут организации и администрации русской территории (Подкарпатской Руси)", который был опубликован по распоряжению кабинета министров.

Так это продолжалось в течение всего времени, пока Жаткович находился в Чехословакии и ничего не изменилось даже тогда, когда Жаткович был назначен губернатором Карпатской Руси. Его все время водили за нос, давали ему всякого рода обещания, которые никогда не исполнялись.

19 февраля 1920 года Жаткович подал в отставку, как председатель карпаторусской директории. 2-го марта подали в отставку все другие члены Директории, затем, 18 марта 1920 года Жаткович был назначен губернатором Карпатской Руси. Но это была чистая формальность, так как согласно указу правительства Чехословацкой Республики от 26 апреля 1920 года, вся власть была

предоставлена вице-губернатору, чеху, без подписи которого ни одна бумага, подписанная губернатором, не имела силы. Согласно этому указу, губернатор мог сноситься даже с начальником губернского правления только через посредство вицегубернатора. Это постановление было включено в правительственный указ от 26 апреля 1920 г., которым был отменен только что незадолго до этого объявленный Генеральный Статут организации и администрации Карпатской Руси. Этот указ был издан невзирая на то, что Жаткович протестовал против разных постановлений имеющихся в нем и что как сам президент, Масарик, так и министры Бенеш и Швегла лично на словах согласились с тем, что предлагал Жаткович и что указ будет опубликован именно в таком виде, как они согласились. Но все их обещания оказались пустыми словами. Невзирая на все это, Жаткович продолжал свою роль вождя Карпатской Руси, а президент Масарик и члены чехословацкого правительства продолжали водить его за нос и издеваться над ним.

Интересно отметить, кто были члены директории, предложенные Жатковичем. Их было первоначально четыре: униатский священник из Ужгорода Августин Волошин, мадьярский майор Евгений Пуза из Хуста, Юлиан Бращайко из Хуста и д-р Володимир Туркиняк из Шариша. Д-р Туркиняк был впоследствии заменен, по настоянию Жатковича, д-ром Емильяном Торонским, человеком совершенно неизвестным, который никогда ничем себя не проявил и совершенно не интересовался карпаторусскими делами, но был на хорошем счету в кругах „папистов".

Когда Жатковича назначили губернатором, вицегубернатором был чешский еврей Петр Эренфелд, бывший австрийский начальник округа где-то в Чехии. Первым делом Жатковича было опубликование „манифеста", в котором он, между прочим, объявил, что так как не удалось урегулировать вопрос о границе между Словакией и Карпатской Русью в переговорах со словаками, то этот вопрос решено предоставить чехословацкому парламенту и русскому сейму. Этот манифест был опубликован 19 июля 1920 г., только после того, как его подписал также и вицегубернатор Эренфелд. О том, чтобы вопрос границы со Словакией предоставить чехословацкому парламенту и русскому сейму, Жаткович договорился с членами правительства в Праге. Но невзирая на это и вопреки опубликованию манифеста за подписью вицегубернатора Эренфелда, вопрос об этой границе не был разрешен в течение всех двадцати лет существования Чехословакии, также как и карпаторусский сейм никогда не был избран и не был созван.

Касательно разграничения между Словакией и Карпатской Русью следует отметить еще, что 27 декабря 1920 г. в Праге состоялась конференция с министром Бенешем и Швеглой, в которой участвовали с карпаторусской стороны тогдашний председатель Директории Жаткович и ее члены — Бращайко и Торонский, а также майор Пуза. Этой конференцией было решено уч-

редить три комисии: территориальную, конституционную и административную. Территориальная комиссия была созвана немедленно тут же в Праге, причем со словацкой стороны участвовали в ней д-р Грушовский, который заявил, что словацкий парламентский комитет решил не уступить добровольно русским ничего, кроме территории между рекой Уж и рекой Цирокой, то есть только узенькую полосу на правом берегу реки Уж, шириной в среднем не больше пяти километров. Затем это заявление было утверждено актом министерства иностранных дел за номером 2780, и территориальная комиссия была распущена. А другие комиссии, конституционная и административная, вообще не были созваны.

Еще до назначения Жатковича губернатором, в то время, когда он был председателем директории, состоялось в Праге совещание, в котором участвовали все министры, имевшие отношение к Карпатской Руси, а именно, министр-президент Черны, который одно время был также министром внутренних дел, министр иностранных дел Бенеш, министр финансов Энглиш, министр путей сообщения Прус, министр общественных работ Коваржик, военный министр генерал Гусар и министр земледелия Брдлик. На этом совещании Жаткович настаивал на том, чтобы выборы в карпаторусский сойм были произведены немедленно и чтобы они были назначены на 12 декабря 1919 г. На это министр-президент Черны ответил, что до этого числа осталось слишком мало времени чтобы подготовить выборы и заявил, что выборы будут произведены приблизительно в первой половине января 1920 г. или во второй половине того же месяца. По этому случаю Жаткович предложил проект закона о выборах и ему было обещано, что правительство изучит его проект и впоследствии пригласит его на совещание.

При этом случае премьер-министр Черны дал Жатковичу свой „частный проект" конституции Карпатской Руси. Жатковичу этот проект не понравился и он обещал составить свой проект, который он впоследствии, 24 октября, приехавши вновь в Прагу, передал лично премьер-министру. Все эти проекты и переговоры не привели абсолютно ни к чему. 29 декабря 1920 г. Жаткович приехал вновь в Прагу и оставался там до 4 января 1921 года. Он был принят президентом Масариком и имел совещание с премьер министром, после чего он окончательно пришел к заключению, что его переговоры с министрами и с самым президентом Масариком не приведут ни к чему и что его просто водят за нос. Он уехал в Америку и больше в Чехословакию не возвращался. В Америке он опубликовал свое „Экспозэ", из которого взяты все вышеприведенные факты, касающиеся его жизни в Америке, в Париже, в Праге и в Карпатской Руси. Главная причина неудачи Жатковича состояла в том, что он совершенно не знал Карпатской Руси, никогда раньше там не был и никогда Карпатской Русью не интересовался. Его отец — униатский священник,

проживавший в Америке, был мадьярон и по убеждению римо-католик, как и сам Жаткович. Дома у них говорили только по мадьярски. Пуза, которого он назначил своим заместителем в Праге, никому не был известен в Карпатской Руси. Когда появилась его фамилия в газетах, стало известно только, что он бывший мадьярский офицер. Известными в Карпатской Руси лицами из его „Директории" были только трое: адвокат Бращайко, о. Волошин, униатский священник, и Туркиняк, который, как мы уже упомянули выше, был вскоре заменен неким Торонским, фамилию которого до тех пор никто не слыхал в Карпатской Руси. Волошин, который в мадьярское время не стеснялся быть русским и издавал еженедельную русскую газету в Ужгороде, после переворота перекочевал в самостийный „руський" лагерь и, будучи директором церковной учительской семинарии в Ужгороде, принялся за ее украинизацию, но конечно избегая слова „украинский" и пользуясь для своих целей только термином „руський". Бросается в глаза факт, что Жаткович в свою „Директорию" не пригласил ни д-ра Бескида, председателя пряшевской Русской Народной Рады, ни д-ра Каминского, председателя ужгородской Русской Народной Рады, ни других русских, боровшихся в мадьярское время за русское дело в Карпатской Руси. Очевидно Жаткович получал соответствующие указания свыше, как видно из его „Экспозэ", но не от чехословацкого правительства, а от кого то другого. Этим другим мог быть только Рим. Что это именно было так, доказывает инцидент, имевший место между Жатковичем и д-ром Геровским весною 1930 года в городе Питтсбурге. Геровский приехал под новый 1930-ый год в Америку с целью организации карпатороссов для борбы за автономию Карпатской Руси. Геровскому никак не удавалось добиться встречи или хотя бы контакта с Жатковичем. Когда, наконец, ему удалось поговорить с ним по телефону, он заявил Жатковичу, что он хотел бы поговорить с ним лично о Карпатской Руси, в частности о том, чтобы бороться за автономию, обещанную международным договором. Но Жаткович отказался от встречи, заявив Геровскому без обиняков, что разговаривать ему с православным не о чем, так как он, Жаткович, интересуется карпаторусским вопросом исключительно с точки зрения религиозной, как католик, а не с точки зрения национальной.

ГЛАВА X

Д-р А. Геровский

КАРПАТСКАЯ РУСЬ В ЧЕШСКОМ ЯРМЕ

„КАРПАТСКАЯ РУСЬ В ЧЕШСКОМ ЯРМЕ"*)

Что видела делегация американского Карпаторусского Союза в Карпатской Руси в 1938 году. — Как было создано первое автономное карпаторусское правительство.

В 1938 году мы совершили поездку в Карпатскую Русь в качестве делегатов Карпаторусского Союза.

Мы думаем, что в теперешнее время необходимо чтобы наш народ в Америке припомнил себе, какое было тогда положение нашего народа в старом крае при чехах. Для этого мы опубликовываем то, что мы в 1938 году видели и установили в Карпатской Руси. Напечатать все в этой книжечке невозможно за недостатком места. Сообщем только самое главное.

Этого будет достаточно для того, чтобы каждый из нас понял, что нашему народу должно быть предоставлено право решить всенародным голосованием, плебисцитом, что должно случиться с Карпатской Русью после войны.

о. Иоанн Янчишин,	Д-р Алексей Геровский,	Иван Поп,
финансовый секретарь	генеральный секретарь	председатель

***

Весною 1938 г. делегация Карпаторусского Союза ездила в Карпатскую Русь. Была отправлена она по решению совета КР Союза, в котором в то время были объединены все наши братские организации.

То, что мы там видели и что мы установили, мы напечатали вкратце в календаре, который недавно был издан в Перт Амбое. Наш отчет очень заинтересовал наших людей. А чешских агентов он чрезвычайно рассердил и они донесли ФБИ (Федеральное Бюро Расследования), что мы мадьярские и советские агенты. Дома пан Бенеш подлаживается к Советам, а здесь его агенты пугают американцев советскими агентами.

Было высказано пожелание, чтобы мы опубликовали полный отчет о нашем посещении Карпатской Руси. Это было бы чрезвычайно полезно, но стоило бы много денег, которые необходимо собрать. А пока мы перепечатываем то, что было в календаре, с важными дополнениями, которые покажут нашим людям в Америке, как жилось нашим братьям при чехах. Мы пишем только о том, что мы достоверно знаем, что мы видели или установили.

---

*) Здесь перепечатываем брошюру „Карп. Русь в чешском ярме", изданную д-ром А. Геровским после того как он вернулся в Америку из Карпатской Руси.

Пражское правительство угнетало наш народ во всех отношениях: в политическом, национальном, культурном, социальном и экономическом. Мы не нашли во всей Карпатской Руси ни одного русского человека, начиная с губернатора Константина Грабаря и кончая рабочими гуцулами под Черногорою, кто бы был доволен чешским правлением.

Мы обязаны помочь нашему народу в старом крае. Каждый культурный народ так поступает. Вспомните об американских евреях, как они стараются помочь всем евреям во всем мире и своему старому краю — Палестине. Вспомните об ирландцах. Они из Америки освободили свой старый край. И за это их все уважают. Говорить „I don't care"(мне все равно) — значит показывать свою некультурность.

Победа над Гитлером освободит Карпатскую Русь от Тисовской Братиславы и от Гортиевского Будапешта. Наша задача состоит в том, чтобы обеспечить нашему народу право свободно выявить свою волю, когда кончится война. В Карпатской Руси следует произвести плебисцит, то есть всенародное голосование о том, что должно случиться с Карпатской Русью после войны. Это будет в согласии с Атлантической хартией и это будет в духе демократии.

Такому справедливому и демократическому решению противятся пан Бенеш и его агенты. Они кричат, что Карпатская Русь „патржи (принадлежит) републице" и что она должна остаться в „еднотной" (единой) Чехословацкой республике как ее неотъемлемая часть. Это значит, что не должно даже быть автономии, ибо в „еднотной" республике не может быть автономной части. Чешские агенты стараются убедить наш народ в том, что так должно быть, ибо иначе быть не может.

Эти чешские намерения — главная опасность угрожающая свободе Карпатской Руси после войны. Гитлер войну проиграет и с ним проиграют войну также и мадьяры. Никто Карпатской Руси мадьярам не отдаст и никто в Карпатской Руси не будет голосовать за то, чтобы Карпатская Русь осталась под мадьярами. Но если мы будем молчать и не будем требовать плебисцита для нашего народа, то может случиться, что Карпатскую Русь опять отдадут чехам против воли нашего народа. В России наших хлопцев определили в чехословацкую бригаду. Эта **бригада называется „чехословацкой", хотя большинство там наше,** русское, и чехов и словаков там трудно найти. К тому же бенешовские чешские газеты называют наш край Карпатской Украиной, так же как ее называл Волошин и как ее называет Гитлер. Повторяем: нет опасности, что Карпатскую Русь оставят мадьярам, ибо Будапешт проиграет вместе с Гитлером. Но Бенеш и его агенты протягивают уже теперь свои руки, чтобы прикарманить наш край. Народного голосования они не хотят. Если они сделали столько добра нашему народу, как они говорят, то отчего же они боятся голоса народа?

Мы хотим только одного: чтобы нашему народу было дано право самому решать свою судьбу, свободно и без страха. Это возможно только через плебисцит, через всенародное голосование. Разумеется, что такое голосование должно состояться под контролем незаинтересованной державы, лучше всего под контролем Америки, которой мы все верим.

Иван Поп,
глава делегации

Делегация КР Союза в Карпатской Руси

12 апреля 1937 года Совет КР Союза постановил послать делегацию в Европу для того, чтобы выяснить положение Карпатской Руси и возможность добиться автономии, согласно сен-жерменскому договору. В заседании приняли участие представители всех карпаторусских братских организаций: Соединения Греко-католических Русских Братств, Собрания и Соединения Русских Православных Братств. Все решения были приняты единогласно. в делегацию были избраны: 1) Председатель КР Союза Иван Поп, председатель сокольского отдела Соединения Греко-католических Русских Братств; 2) Иван Секерак, председатель Соединения Греко-католических Русских Братств, 3) Николай Пачута, секретарь Соединения Русских Православных Братств, 4) Андрей Добош, председатель Собрания и 5) д-р Алексей Геровский, генеральный секретарь Карпаторусского Союза. Впоследствии Н. Пачута отказался по причине болезни и его заменил, с общего согласия, о. Иоанн Янчишин, финансовый секретарь КР Союза.

КР Союз выпустил воззвание „Ко всем верным сынам Карпатской Руси в Америке", в котором было сказано: „В Европе очень неспокойно. Война висит на волоске... Вероятно Чехословакия будет ее первой жертвой. Если будет война, то непременно будет решаться судьба Карпатской Руси. Мы должны приготовиться, чтобы в решительную минуту прийти на помощь нашим русским братьям в Карпатах".

Из этого видно, что люди, руководившие политикой КР Союза ясно предвидели то, что потом случилось.

Ввиду того, что ни Секерак, ни Добош поехать не могли, делегация, отправившаяся в Европу, состояла только из трех членов: председателя КР Союза Ивана Попа, финансового секретаря о. Иоанна Янчишина и генерального секретаря д-ра А. Геровского. Делегаты уехали из Нью Иорка 7 апреля 1938 г. на французском пароходе La France и прибыли в Париж 4-го мая.

В Париже глава чешского посольства д-р Черни заявил делегатам, что д-ра Геровского в Чехословакию не впустят и что он ему визы не даст. Если бы д-р Геровский все-таки перешагнул границу Чехословакии, то его арестуют, согласно постановлению суда. Он советовал, чтобы И. Поп и о. Янчишин одни поехали в Чехословакию, а д-р Геровский чтобы подождал в Пари-

же, пока его дело не выяснится. Мы ему ответили, что мы поедем или все вместе или никто из нас не поедет. Через два дня в Париж приехал из Карпатской Руси Андрей Бродий, как представитель Русской Народной Рады. Он послал телеграмму министру председателю, д-ру Милану Годже, и министру иностранных дел д-ру К. Крофте. 10 мая Геровский получил из Чехословацкого посольства письмо за подписью д-ра Черни, в котором было сказано: „Согласно решению господина министра-президента д-ра Годжи, Вам разрешается приехать в Чехословакию. Министр-президент приглашает Вас на совещание с ним в Праге".

11 мая делегаты вместе с А. Бродием отправились на самолете в Прагу. Там на аэродроме их встретили д-р Виктор Баран, секретарь д-ра Годжи, и группа карпаторусских студентов. С этими студентами, их было восемь, мы потом ужинали и они первые рассказали нам о страшной деморализации среди наших людей. Рассказали они нам, что воззвание к американским карпатороссам, в котором карпаторусские студенты напали на Карпаторусский Союз, и которое в Америке рассылали нашим людям чешские консулы, студенты подписали, получивши от полиции тысячу крон. Сомневаться в правдивости того, что они говорили, не приходилось, ибо между ними были студенты, которые подписали это воззвание. Затем они рассказали нам еще и то, что они ходили в пражскую полицию спрашивать, разрешается ли им пойти на аэродром, чтобы нас встретить. Им сказали, что можно, только чтобы никто не приветствовал нас речью.

Д-р Баран сказал нам, что министр-президент д-р Годжа советует нам прежде всего поехать в Карпатскую Русь и ознакомиться на месте с положением и только потом придти к нему. Так мы и поступили. На следующий день мы с д-ром Бараном, Бродием и ужгородским градоначальником Дудашем поехали в Ужгород.

По пути, в Пряшевщине, к нам присоединились русские депутаты Пряшевской Руси: Петр Жидовский из Ястребья и д-р Иван Пьещак из Пряшева. В Чопе к нам присоединились д-р Бачинский и член парламента д-р Коссей. В Ужгород мы приехали 13 мая после обеда. На вокзале нас ждали все члены парламента и сенаторы и представители обеих Рад, Русской и „Руськой", т.е. украинской, представители молодежи и много русских людей. Все нам были рады — и русские и руськие. Казалось, что все пойдет гладко. В этот же день мы были у губернатора Грабаря, который принял нас радушно и сказал нам то же самое, что сказал министр-председатель д-р Годжа: „Поезжайте по селам, поговорите с народом, а затем мы поговорим с Вами". В тот же самый день мы посетили еще и вицегубернатора Мезника, чеха, который не говорил по-русски, хотя он губернаторствовал в Карпатской Руси уже четыре года. Вся власть была сосредоточена в его руках, согласно правительственному распо-

ряжению от 1920 г. и согласно закону от 1937 года. А губернатор, русский, имел только титул губернатора. На самом деле он был только , как говорят в Америке , Figure head. В Карпатской Руси народ на это имеет свое слово — кивайголова.

В тот же день у нас было первое совещание с обеими радами: русской и руськой. Оказалось, что в главных вопросах нет разногласий между ними, в особенности в вопросе об автономии. Касательно направления, русского и украинского, представители обеих рад заявили, что основанием должен быть принцип, по которому обоим направлениям должна быть дана возможность свободного развития. Казалось, что совместная работа возможна. Было решено, что американские делегаты прежде всего совершат поездку по всей Карпатской Руси и что, после их возвращения в Ужгород, сойдутся обе рады для того, чтобы совместно с американскими делегатами решить, что следует делать дальше.

На следующий день, 14 мая, мы отправились в путь по Карпатской Руси. Губернатор Грабарь предоставил нам в распоряжение свой автомобиль. Нас сопровождали представители обеих рад и представители двух главных партий Карпатской Руси: Автономного Земледельческого Союза и Аграрной партии. Разъезжали мы непрерывно десять дней и исколесили всю Карпатскую Русь от села Остурня, на крайнем западе в Татрах, до Ясенья и Богдана на востоке, под Черногорой. Мы должны признать, что со стороны властей нам не делали никаких препятствий. Мы ездили, куда хотели и говорили, с кем хотели. Это была заслуга министра-председателя д-ра Милана Годжи, который распорядился, чтобы нам никто не мешал. Только вице-губернатор Мезник следом за нами отправил своих соглядатаев. В этом он пошел так далеко, что послал своих сыщиков в имение губернатора Грабаря в Середнем, когда мы у того были в гостях. Когда мы с губернатором вышли в сад, мы увидели скрывающихся в кустах каких то чужих людей. Оказалось, что это сыщики, присланные вице-губернатором Мезником. Один из них даже зашел в кухню и просил прислугу, чтобы она подслушивала, о чем мы будем говорить с губернатором за обедом. Таково было положение губернатора Карпатской Руси.

Описать подробно все, что мы видели в Карпатской Руси, здесь невозможно. Мы сообщим только самые яркие факты, а в остальном мы ограничимся выводами из того, что мы видели и установили. Мы ссылаемся также на памятные записки-меморандумы, которые депутаты и сенаторы Карпатской Руси передали 13 сентября 1938 года лорду Рунсиману в Праге, а также и на меморандум Центральной Русской народной рады от 19 июля 1938-го года, который представители Рады передали председателю совета министров, д-ру Милану Годже. Мы подтверждаем, что все то, что сказано в этих исторических документах, верно. Меморандумы напечатаны в конце этой записки. Мы советуем

всем нашим карпатороссам, которые еще интересуются судьбой старого края, прочитать их и хорошо запомнить то, что в них сказано.*)

Общее положение

По сен-жерменскому договору и по конституции Чехословацкой Республики Карпатской Руси была гарантирована автономия с собственным сеймом, правительством, ответственным перед русским сеймом.

Делегация констатировала, что пражское правительство **не исполнило ни одного пункта сен-жерменского договора** и что в 1938-м году, после девятнадцати лет, у нашего народа не было никакой автономии. Вдобавок, он был разорван на две части. В восточной части хозяйничали чехи по своему усмотрению, а в западной части, на Пряшевщине, — словаки. **В обеих частях русский народ не только не имел тех особенных прав, которые ему были гарантированы, но он имел меньше прав, чем все другие народы республики.** Русские были на последнем месте, за немцами, за мадьярами и за евреями. Все эти народности имели больше прав, чем русский народ, и с ними обращались гораздо лучше, чем с нашим русским народом.

Карпатская Русь была наводнена чешскими чиновниками, в руках которых было все: администрация, суды, железные дороги, школы, и все богатства края. Как писала чешская правительственная газета „Бразда" в августе 1938-го года, в Карпатской Руси было десять тысяч чешских чиновников. Эти чиновники не владели русским языком и знать его не хотели. Их цель была чехизация русского края. Карпатская Русь была для них колонией.**)

У губернатора Грабаря, русского, не было никаких прав. Постановлением правительства от 1920 г. все права были переданы вице-губернатору, которым всегда был чех. У губернатора был только титул. Губернатор Грабарь показал нам письмо, которое он недавно написал школьному инспектору Раушеру, чеху. В том письме он спрашивал его, по какой причине в школе в с. Вилок нет никаких учебных пособий. Губернатор был в Вилоке и видел в школе только голые стены. Тамошний учитель сказал ему, что он много раз писал инспектору, но не получил ответа, и губернатор обещал ему, что он напишет инспектору. Пан Раушер губернатору на письмо не ответил. Он вернул ему письмо с надписью, что только вице-губернатор имеет право требовать от него объяс-

---

*) Эти меморандумы не вошли в эту книгу.

**) К оплате чешских чиновников, служивших в Закарпатьи, причитывалась специальная, так называемая колониальная приплата — kolonialny priplatek — О.Г.

нений. Это только один пример. Губернатор жаловался нам, что его чехи ни во что не ставят и что он ничего сделать не может. Тоже самое сказал нам и д-р Алексей Бескид, русский помощник губернатора.

Рассказал нам губернатор еще и другой случай. Недавно освободилось место служащего в уездном ведомстве в селе Воловое. Губернатор хотел, чтобы это место дали русскому, жителю Воловего, но он этого добиться не мог. Место дали чеху, присланному из Праги.

Неуважение к русскому народу и русскому языку было заметно всюду. Повсюду были чешские надписи, но русских не было почти нигде. А если таковые и были, они обыкновенно были написаны по-русски неправильно. На железно-дорожной станции в Севлюше была такая надпись: ПРЕЛАЗАНИ ЗА БРАДЛИ ТРЕСТА СЕ ПОКУТУ ДЕСЯТЬ КЧ.

Мы долго смотрели и не могли понять, что это значит. Потом мы увидели чешскую надпись: "Prelezání zábradli tresta se pokutou 10K č", то есть, за перелезание через ограду налагается штраф в 10 крон чехословацких. Оказалось, что чешскую надпись просто переписали русскими буквами.

На железно-дорожных вагонах нигде не было русских надписей. Были только чешские и немецкие. На линии Мукачево-Воловец русские кондукторы изготовили на свои деньги русские надписи „Для курящих" и „Для некурящих". Чешское начальство приказало им снять эти надписи и пригрозило им увольнением со службы.

Полицейские бланки в отделах для прописки были напечатаны в Бардиеве по-словацки и по-немецки, а в Ужгороде и в Хусте — по чешски и по-мадьярски. На почте чешские „уржедници" не умели читать русских адресов. Когда один из делегатов, д-р Геровский, хотел подать на почте в Ужгороде заказное письмо, адресованное по-русски, чешская „слечна" вернула ему это письмо и сказала ему с презрительной усмешкой по-чешски: „я тому нерозумим" (я этого не понимаю). В Карпатской Руси она служила на почте уже четыре года. Вообще чехи в Карпатской Руси учиться русскому языку не хотели, зато многие из них старались говорить по-мадьярски и гордились своим знанием мадьярского языка. Но все русские, состоявшие на державной службе, должны были говорить по-чешски. Невольно нам вспоминалось то, что написал чешский публицист, Ярослав Гилберт, еще в 1920 году в правительственной газете: „Русский народ — это низшая, полутатарская раса, неспособная к высшей культуре". Гилберт был учеником Масарика и близким ему человеком. В таком же роде высказался о нашем народе и Ян Шеба, в Белграде в 1928-ом году. Д-р Бенеш был тогда министром иностранных дел, а Шеба был его доверенным человеком. Он сказал, что русскому народу в Карпатах нельзя дать автономию, ибо это не народ, а скот. Он сказал по-сербски „стока". Об этом писали сербские газеты.

Презрение к русскому народу, его языку, культуре и вере можно было заметить всюду. Больше всего наши люди жаловались на то, что чехи обращаются с ними не по-человечески. Интересный случай был у нас в Ясенье, под Черногорою. Там сенатор Бачинский собрал гуцулов, чтобы мы с ними поговорили в доме его брата, священника Бачинского. Сенатор нас представил, сказав им, что мы приехали из Америки, чтобы посмотреть, как наш народ живет в Карпатской Руси. Люди стояли, переминались с ноги на ногу и молчали. Сенатор Бачинский их ободрял: Ну, говорите, как вам живется, ведь они приехали из далекой Америки . . . Наконец выступил вперед один гуцул, оглянулся кругом и спросил сенатора:

— А можно говорить правду?

— Говорите смело, — ответил Бачинский, тут все свои люди.

— То я скажу правду: мы больше не хотим жить под чехами. Вы должны оторвать нас от чехов, ибо мы так дальше жить не можем.

Мы старались объяснить ему, что мы этого сделать не можем, что мы приехали только для того, чтобы посмотреть, как живется нашему народу и что мы, вернувшись в Америку, расскажем все в Карпаторусском Союзе, который нас послал.

— Не можете, — закричал гуцул. А присоединить нас к Чехословакии вы могли? Если вы могли нас присоединить, то теперь вы можете нас оторвать. Мы тут, на нашей земле, живем как чужие. Чехи с нами обходятся так, как будто мы не люди. Так даже мадьяры с нами не обращались. Мы так жить не можем, не хотим и не будем.

— Так, так, — подтвердили все.

После этого сенатор Бачинский сказал нам: Теперь вы знаете, что думает наш народ. И знайте, что те люди, которые вам это сказали, члены правительственной аграрной партии. Им живется лучше, чем другим. Когда я их собрал, то я не думал, что они вам такое скажут. Но я рад, что они вам это сказали. Теперь вы знаете правду.

Так же, как в Ясенье, русский народ думал всюду в Карпатской Руси. Однажды в Прагу приехал правительственный депутат, „украинец" Ревай и прямо с вокзала пришел к нам в канцелярию КР Союза, в отель „Алкрон".

— Я ездил по селам, — сказал он, — и я убедился в том, что наш народ так ненавидит чехов, что если бы теперь был плебисцит, восемьдесят процентов голосов было бы против Чехословакии.

— Идите и скажите это вашим министрам, пану Бехинье и Дереру, — посоветовал ему д-р Геровский, — необходимо, чтобы они об этом знали.

— Я иду туда сейчас, — ответил Ревай.

Когда он ушел, д-р Геровский вызвал по телефону д-ра Бескида, помощника губернатора в Ужгороде и передал ему слова Ревая.

— Что, переспросил д-р Бескид, только восемьдесят? Не восемьдесят, а девяносто пять процентов!

Таково было настроение русского народа летом 1938 года, несколько недель перед развалом Чехословакии.

Свобода печати и свобода слова

В Карпатской Руси не было ни свободы слова, ни свободы печати. Чешское правительство оставило в силе все мадьярские законы, которыми ограничивалась свобода печати и слова, и в особенности закон, по которому каждая газета должна была внести залог, из которого впоследствии полиция могла бы вычитать денежные штрафы за будущие прегрешения газеты. К тому же чешское правительство ввело еще целый ряд новых ограничений. Была введена цензура. Полиция могла не только конфисковать каждый отдельный номер газеты, но она могла и приостановить ее на определенное время или даже навсегда. Таким образом в Чехословакии было меньше свободы печати, чем ее было в Австро-Венгрии.

Ужгородский „Русский Вестник" был конфискован семнадцать раз в 1937 г. Когда наша делегация приехала из Америки, „Русский Вестник" приветствовал нас восторженно. После этого чешская полиция приостановила „Русский Вестник" на три месяца. Несколько недель спустя местный русский житель в Ужгороде хотел начать издание новой газеты. Но чешская полиция ему этого не разрешила на том основании, что целью новой газеты является замена запрещенного „Русского Вестника". Полиция имела право это сделать на основании закона, подписанного чешским президентом Масариком. Таким образом Автономный Земледельческий Союз, имевший в пражском парламенте трех представителей, остался без газеты в самое горячее время, когда решалась судьба Карпатской Руси.

Почему был конфискован „Русский Вестник"? Приведем два примера, которые записаны в протоколах пражского парламента. В одном номере был напечатан текст меморандума, поданного всеми карпаторусскими членами парламента чешскому правительству. Цензура конфисковала слова: „Мы требуем, чтобы правительство немедленно передало на автономной русской территории всю исполнительную власть в руки русских людей".

Другой номер был конфискован за такие слова: „Если русский, знающий венгерский язык, прочтет что либо по мадьярски, то он становится в глазах многих чехов мадьяроном. Но чех может читать Берлинер Тагеблатт и вообще все немецкие газеты, и этого ему не поставят в строку. Он останется хорошим чехом".

Свободы печати в Чехословакии не было вообще, а особенно не было ее в Карпатской Руси. Но чешская пропаганда за границей убедила многих, что в Чехословакии есть свобода печати. Американский фонд имени президента Вудрова Вилсона поднес Масарику золотую медаль, как „основателю и президенту единствен-

ной державы в средней Европе, в которой существует свобода печати".

Масарик принял эту медаль не краснея и этим усилил лживую чешскую пропаганду.

Не было в Чехословакии и свободы слова, такой свободы, например, как в Америке или в других демократических странах. За каждое слово, которое не нравилось чехам, людей волочили по судам. Нам на это всюду жаловались. Приведем два примера, которые мы можем доказать, имея в рукаха обвинительные акты.

Николая Кволика из Чертежного судили за то, что он сказал своим односельчанам: „Было бы лучше для нас, если бы мы добились автономии и присоединились к Карпатской Руси, ибо тогда чехи и словаки должны были бы убраться".

Межилаборского учителя Владислава Коленку поставили перед судом за то, что он сказал, что люди в Крайней Поляне давно требуют и никак не могут добиться русской школы. Крайняя Поляна — русское село около Свидника. Наша делегация была там и люди нам жаловались на то, что школа у них словацкая.

Добавим еще и то, что люди нам всюду жаловались на беззакония полиции и жандармов и в особенности на то, что жандармы врываются в хаты и не только беспокоят людей всякими доносами, но и немилосердно бьют. В Чертежном, около Межилаборца, местные русские крестьяне ни о чем другом с нами не хотели говорить, как только о том, как их били чешские жандармы, когда народ не мог платить больших налогов и воспротивился незаконным экзекуциям. Жандармы убили двух чертежнян и многих покалечили навеки. Ни одному жандарму за это ничего не сделали, но сто пять чертежнян и габурчан поставили перед судом.

Наилучшим примером того, как грубо чешские жандармы попирают гражданские права русского народа, может служить случай, произошедший в Стащине. Этот случай установлен судом и записан в протоколах парламента. Двое наших депутатов, д-р Пьещак и Андрей Бродий и еще один человек, М. Попович, приехали в гости к тамошнему учителю Хамиле. Хамила — товарищ д-ра Пьещака по школе. Всех их было в доме четверо. Вдруг в дом ворвались жандармы с жандармским поручиком Дивоким. Они начали кричать, что это незаконное собрание и приказали присутствующим разойтись".

Чешская пропаганда говорит, что Чехословакия была такая демократическая страна, как Америка. Подумайте, было ли бы возможно, чтобы два американских конгрессмена пришли в гости к своему приятелю и товарищу по школе и чтобы полисмены ворвались в дом с угрозами и разогнали их под предлогом, что это „незаконное собрание"?

Жандармов и всякого рода полицейских было в Карпатской Руси раз в десять больше, чем при мадьярах. Все они были чешской национальности и не давали покоя нашему народу. Чего ради при чехах полицейских было больше, чем при мадьярах?

Школа

Печальным было положение нашего народа в политическом отношении, удручало его бесправие и унижения; тягостным было его экономическое положение, недостаток земли, хлеба, работы, постоянное недоедание и голод и невыносимым было то, что мы видели в школах Карпатской Руси.

Школа должна дать детям знание и воспитание. Она должна дать прежде всего знание своего языка, ибо язык есть средство для того, чтобы приобрести знания. Кроме того школа должна воспитать детей и привить им любовь и уважение к своему народу и к своей культуре. Школа должна воспитать детей в духе своего народа.

Объехавши всю Карпатскую Русь, мы убедились, что у нашего народа такой школы не было. При чехах школа не давала нашим детям ни знания русского языка, ни русского самосознания, ни уважения к своей культуре. При чехах школа была средством денационализации, средством, чтобы оторвать нашу молодежь от своего русского народа. Наших детей в школах чехизировали и украинизировали. До 1937-го г. не было позволено учить в школах на русском литературном языке. Учили по-чешски, по-„украински" и на всяких жаргонах, на которых никто нигде не говорит и не пишет. Следствием этого было то, что никто из наших детей, окончивших школы при чехах, не умел правильно по-русски ни говорить, ни писать.

Что в школах не было и помину русского духа видно из того, что ни в одной школе никто из учеников не знал, кто крестил Русь. Ни один ученик не знал, что Русь крестил в Киеве святой равноапостольный князь Владимир. На вопрос, кто крестил Русь, нам или никто не мог ответить, или нам отвечали: „Цирил а Методей". При этом дети даже не знали, что по русски эти имена произносят: Кирилл и Мефодий. В добавок к этому дети еще были убеждены в том, что это были чехи, которые пришли в Карпатскую Русь и крестили народ.

Высшей школы, университета, в Карпатской Руси не было, хотя организовать русский университет было очень легко при помощи университетских профессоров из России, которых было много в Чехословакии, в Сербии и в других государствах. В одном лишь Белграде их было пятьдесят четыре и они там преподавали в сербском университете. Было много русских профессоров в Париже, в Лондоне, в Америке. Среди них были всемирно известные ученые. С их помощью можно было создать в Ужгороде не рядовой, а первоклассный университет. Многие из них хотели приехать в Карпатскую Русь для того, чтобы создать местную интеллиганцию. Но чехи не желали этого, они боялись русской культуры. Чехам хотелось, чтобы русский народ в Карпатской Руси оставался культурно второразрядным народом, ниже чехов. По той же причине чехи не пускали в Карпатскую Русь и рус-

ских преподавателей для средних учебных заведений и начальных школ. И поэтому гимназии в Карпатской Руси стояли на очень низком уровне.

Русским юношам, получившим аттестат зрелости в Карпатской Руси, приходилось ездить в Прагу, Брно или в Братиславу и продолжать там свое образование на чешском или словацком языках. Кончая эти университеты, наши студенты оставались недоучками, не зная русской научной терминологии, ни юридической, ни мидицинской, ни какой либо другой. Они возвращались на родину в языковом отношении калеками.

Педагогического персонала не только для средних учебных заведений, но и для начальных школ в Карпатской Руси нехватало. Чешское правительство принимало всяческие меры для того, чтобы их число было еще меньше. В учительские семинарии в Карпатской Руси принимали ежегодно только ограниченное число учащихся, так что окончивших семинарии всегда было меньше чем свободных мест. Это давало чехам повод присылать учителей-чехов из Чехии не только для чешских, но и для русских школ под предлогом, что в Карпатской Руси слишком мало учителей. Когда мы прибыли в Карпатскую Русь в 1938-м году, там было больше тысячи чешских учителей.

Правительственная политика в отношении нашего народа не была одинакова на Пряшевщине и в восточной половине Карпатской Руси. На Пряшевщине наших детей словачили. Во время народной переписи записывали русское население целых сел словаками; и тех, которые согласно мадьярской статистике считались русскими. Во многих селах, которые по чешской статистике считались русскими, школы были словацкие. Даже закон Божий было приказано преподавать по-словацки. Не помогали никакие протесты, ни народа, ни учителей, ни самого пряшевского епископа Гойдича, который не раз выступал в защиту русского языка. Чешские власти объясняли словакизацию тем, что в Словакии еще оставались в силе старые мадьярские законы, по которым преподавание в школах должно было вестись на „государственном" языке. При мадьярах государственным языком был мадьярский, а при словаках — словацкий. Бывали случаи, когда словацкие учителя запрещали русским детям говорить в школе даже между собою по-русски и наказывали их за каждое русское слово.

Приведем лишь несколько примеров. В большом селе Остурня, под Татрами, мы нашли только словацкую школу. Согласно официальной мадьярской переписи, в Остурне в 1890-м году русских было 1793 человека, но по чехословацкой статистике 1930 года, русского населения оказалось всего лишь 51 человек.

В Якубянах было в 1890-м году, при мадьярах, 2659 русских, а в 1930-м году чехи записали русскими только 950 человек. Всех остальных записали словаками. Но и для этих 950 русских в Якубянах не было русской школы.

В селе Штелбах мадьяры насчитали в 1890-м году 749 русских селян а чехи нашли там в 1930 году только 13. Школа там словацкая.

Член парламента Петр Жидовский, у которого мы были в его родном селе Ястребье, рассказал нам, как чехословацкие комиссары записали его село словацким. Жидовского не было тогда в селе. Когда он вернулся, все уже было готово, но комиссар еще был в сельском доме и Жидовский отобрал у него все бумаги и порвал их. Так село осталось русским и школа также русской.

В Шамброне в 1890-м году мадьяры насчитали 743 русских, а чехословаки в 1930-м году только 165. Школа там словацкая. Итак, словакизация проходила повсеместно на Пряшевщине. За каждую школу пришлось вести борьбу. В последние годы некоторые села дождались русских школ. Это была заслуга д-ра Милана Годжи.

В Пряшевщине производилась **словакизация,** но там не было **украинизации.**

Школьная политика в восточной части Карпатской Руси была иная. Там через посредство школ производилась **чехизация и украинизация.*** Пользуясь галицкими „украинцами", которых чешское правительство выписывало не только из Галичины, но и из Австрии и из Германии, чехи вызвали языковую борьбу против литературного русского языка. В школах ввели галицко-украинский жаргон, а русский литературный язык запретили. Получилась ужасная неразбериха, которая дала чехам возможность вводить в школах свой язык. Галицким украинцам помогал монсиньор Волошин, который возглавлял церковную учительскую семинарию („препарандию") в Ужгороде. Под его руководством ужгородская униатская „препарандия" фабриковала „украинских" учителей для Карпатской Руси. В 1938-м году их было уже несколько сот. Теперь они вместе со своим батьком Волошином находятся в Германии и помогают Гитлеру в его борьбе против России.

Когда мы были в Карпатской Руси, школьным делом управлял Франтишек Хмелаж, чех. И до него все начальники „Школьного реферата" были чехи: сперва Иосиф Пешек, затем Антонин Граздил, Иосиф Шимек, Вацлав Славик, Виктор Клима. Никто из них не говорил по-русски. За все 19 лет существования Чехословакии, школьными делами Карпатской Руси ни разу не управлял русский, хотя в сен-жерменском договоре ясно было сказано, что чешское правительство не имеет права вмешиваться в школьные дела Карпатской Руси.

Начальных школ было в 1938 году в Карпатской Руси: русских 463, чешских — 365 (177 самостоятельных и 188 „побочек",

---

*** Подчеркнуто — О.Г. К украинизации Пряшевщины власти приступили официально с 1953 года — О.Г.**

т.е. под одной крышей с русскими школами), мадьярских — 117, немецких — 24, румынских — 4.

„Мещанских" (неполных средних, „горожанских") школ было: русских — 21, а чешских — 23.

Гимназий было: „подкарпаторусских" (в которых учили больше по-чешски, по„русински" и по-„украински", чем по-русски) — 5, а чешских — 3.

Все эти цифры взяты из официальной книги „Репрезентачни сборник вешкерего школства на Подкарпатске Руси, 1918-1938".

В русских школах училось 99.731 детей. В чешских школах — 21.325.

Учителей было в русских школах 2.622, а в чешских — 928.

В чешских школах было детей чехословацких 4.761, еврейских — 12.564, русских 1.749, мадьярских — 1756.

Таким образом, на одного чешского учителя приходилось 5 собственно чешских детей, а на одного русского 40 русских детей.

Больше половины всех учеников в чешских школах были еврейские дети. Евреи в Карпатской Руси привыкли всегда идти с господствующим народом. В мадьярское время они посылали своих детей в мадьярские школы и они требовали, чтобы школы были мадьярские. При чехах они начали поддерживать чешские школы. За это чехи сохраняли за евреями почти исключительное право продажи спиртных напитков и табаку, коим правом евреи пользовались в мадьярское время. Кроме того чехи заманивали в свои школы чужих детей, еврейских, русских и мадьярских тем, что они давали им бесплатно учебники, одежу и обувь.

Многих соблазняли чешские школы и тем, что они были лучше всех, в особенности же лучше „русских". Чешские школы имели наилучшие здания. Если чешская школа находилась в одном и том же здании с русской школой, то у чешской школы были лучшие залы, наилучшие учебные пособия и новые парты или скамьи. К тому же в чешских школах учили хорошо по-чешски и пользовались отличными чешскими учебниками. В Ужгороде чешское правительство не только построило прекрасную чешскую школу „на Галаго", но оно захватило для своих чешских школ все хорошие школьные здания, построенные в мадьярское время, оставив для русских школ только старые, дрянные здания. Был в Ужгороде еще и такой случай, что в здании, предназначенном для русской школы, днем учили по чешски, а русским ученикам приходилось ходить в школу по вечерам.

Под самым Ужгородом, в русском селе Дравцы, тамошний учитель Иванчо, русский, показал нам свою школу, которая состояла из двух комнат. Лучшую комнату занимал учитель чех под нужды чешской школы. Комната эта была чисто выбелена, в ней были новые скамьи, на стенах были географические карты и картины. А в меньшей, русской комнате, все скамьи были

старые, поломанные, оставшиеся с мадьярских времен, стены были небелены, голы.

В местечке Сваляве мы посетили гражданскую школу". Здание было новое. В нем было семь зал. В здании помещались два отделения: русское и чешское. В русском отделении было в два раз больше учеников, чем в чешском, но чешскому отделению были отведены четыре залы, а русскому только три. Так разделил по-братски дом директор-чех Гулка. Когда мы приехали в Сваляву, директора-чеха не было. Его временно заменял русский, по фамилии Лендьел. Он рассказал нам, что он совершенно бессильный сделать что-нибудь, что учители чехи его не слушаются и что они издеваются над ним.

Наилучший пример того, как чехи относятся к русским школам, представили нам русские учителя села Драгово. Драгово одно из самых больших сел Карпатской Руси. В нем больше четырех тысяч душ населения. Один из членов нашей делегации, Иван Поп, родился в Драгове. Стоило бы воспроизвести снимок этой школы. Разбитые окна, стены не белены, почерневшие от дыма, ибо железные печки дымят. Скамьи старые, поломанные. Вход в школу забит досками, чтобы свиньи не забегали, ибо калитки нет. Уборной нет. Ученики и ученицы оправляются за школой под забором. Долго смотрел Иван Поп, член нашей делегации, на эту школу и не мог надивиться. Тридцать пять лет тому назад он ее видал, когда учился в ней, в мадьярское время, и он помнит, что в то время она была в полном порядке и чистая. Эта школа находится в самом центре села. На окраинах села были еще и другие школы в маленьких сельских хатах, крытых соломой и с глиняным полом...

Для четырех тысяч русского населения села Драгово не нашлось приличного здания для русской школы. Зато чешская школа в полном порядке, с шестью учителями-чехами, хотя во всем Драгове нет чехов кроме чешских жандармов.

**
*

Здесь приведен список русских сел Пряшевской Руси, которые согласно официальной народной переписи 1930 г. являлись русскими, но в которых школы словацкие. Депутат д-р Иван Пьещак предложил этот список пражскому парламенту.

	русских		а словаков только		
1) Андреева	„	418,	„	„	5
2) Обручне	„	140,	„	„	7
3) Русская Воля	„	155,	„	„	19
4) Биловежа	„	475,	„	„	47
5) Ортутова	„	210,	„	„	0
6) Решов	„	355,	„	„	16
7) Ввринец	„	117,	„	„	10
8) Ольшавица	„	585,	„	„	65

9)	Кремпах	„	189,	„ „	26
10)	Малый Сулин	„	261,	„ „	0
11)	Быстра	„	141,	„ „	30
12)	Маковец	„	155,	„ „	65
13)	Правровцы	„	204,	„ „	2
14)	Репеев	„	155,	„ „	20
15)	Новоселица	„	701,	„ „	29
16)	Великая Поляна	„	645,	„ „	76
17)	Дара	„	199,	„ „	11
18)	Подгород	„	459,	„ „	87
19)	Колбовцы	„	138,	„ „	48
20)	Дубова	„	429,	„ „	1
21)	Ломное	„	205,	„ „	60
22)	Миньовцы	„	186,	„ „	45
23)	Вышний Орлик	„	358,	„ „	31
24)	Вагринец	„	207,	„ „	16
25)	Свидник	„	699,	„ „	161
26)	Пуцак	„	152,	„ „	1
27)	Строчин	„	162,	„ „	93
28)	Выслава	„	262,	„ „	0
29)	Вапеник	„	138,	„ „	0
30)	Крайня Поляна	„	106,	„ „	84
31)	Бельовцы	„	159,	„ „	0
32)	Раковчик	„	119,	„ „	28
33)	Капишова	„	328,	„ „	74
34)	Завадка	„	745,	„ „	42

Данный список неполный. Количество русских сел, признанных таковыми официальной статистикой, но со словацкими школами, было значительно больше. Кроме того имелось значительное количество русских сел, в которых русское население не было записано русским, а словацким и в них школы были словацкими или чехословацкими.

За автомобиль — тачку

Наш народ был очень недоволен тем, что в школах не учили на русском литературном языке, „по-русски, по книжному". Но чешские политиканы были убеждены в том, что наш народ охотно принял бы чешский язык, если бы не было „чужой агитации". Точно также думали и мадьярские паны. Они тоже полагали, что все другие народы, населяющие Венгрию, русские, словаки, румыны, сербы, охотно превратились бы в мадьяр, если бы не было „чужих агентов". Но наш народ в Карпатах, сохранивший свое русское имя тысячу лет, любит свое и от своего не отречется. Один старик крестьянин в Воловом сказал нам: „Зачем нашим детям учиться по-чешски? Нам чешский язык не нужен. У нас есть свой русский язык. Русский язык откроет нашим детям мир. Чехи хотят отнять у наших детей русский язык и су-

ют нам свой, чешский. Это так, как если бы у меня был автомобиль, а кто-нибудь отобрал бы у меня автомобиль и дал бы мне взамен — тачку.

Экономическое положение

Разъезжая по Карпатской Руси, мы обращали особое внимание на экономическое положение нашего народа. Нас всюду поражала ужасающая бедность русского населения, в особенности на ужанской верховине, недалеко от Ужгорода. В тридцати американских милях от Ужгорода, от роскошного дома, в котором пан вице-губернатор Мезник купался в мраморных ваннах, и где для чешских чиновников выстроили десятки прекрасных домов с сотнями квартир, русские крестьяне жили в такой ужасающей нужде, что ее даже трудно описать. Там был вечный голод, вечное недоедание. Там мы видели молодых людей, которым было уже восемнадцать лет, с большими головами и малыми туловищами, как у двенадцатлетних детей, бледных и хилых. Когда мы их спрашивали, почему они не растут, ответ был всегда один и тот же: как мне расти, когда я не вижу хлеба?

Когда мы ездили по Карпатской Руси, был месяц май. До нового урожая было еще далеко. Мы ходили по хатам и заглядывали в коморы. Мы просили людей показать нам, какие у них запасы. В большинстве случаев у них уже не было ничего кроме небольшой кучки полусгнившего картофеля. А работы не было нигде, заработка никакого. Только на самом востоке, на гуцульщине у людей была кое-какая работа в лесах. Была еще работа и в соляных копях в Солотвине, в Мороморыше, и в немногих небольших заводах, перерабатывающих лесной материал. Но в Солотвине большинство рабочих составляли чужие, не русские, а также и на заводах русских было мало. К тому же все лучше оплачиваемые места были заняты чужими: чехами, мадьярами, немцами. Там, где у наших людей была работа, им платили в лучшем случае 15 чешских крон в день, то есть около 50 американских центов. Но таких счастливцев было мало. Наглядным доказательством ужасающей нужды было то, что почти всюду наши люди употребляли „червонную" (красную) соль, то есть денатурированную, непригодную для еды, ибо у них не было денег для того, чтобы купить белую соль.

Земельная реформа

Большинство нашего народа в Карпатской Руси занимается земледелием. Но земли у него мало или нет вовсе. Поэтому земельная реформа, то есть передача „панских" и государственных земель в руки земледельцев, имела громадное значение для нашего народа.

Земельную реформу произвело в Карпатской Руси чешское правительство. На это оно не имело никакого права, ибо земельную реформу должна была произвести у себя сама Карпатская Русь, без чехов. Чешское демократическое правительство отняло часть земель у мадьярских панов, но только для того, чтобы передать их в руки чехов. Нашему хлеборобу от этих земель мало что досталось. Огромные имения графа Шенборна передали чешским банкам, создавшим акционерное общество „Латорица", которое обдирало наш народ несравненно больше чем граф Шенборн.

Пока распоряжался граф Шенборн, нашим людям было разрешено собирать в графских лесах сухостой и валежник, грибы и ягоды и пасти скот. При чехах за все приходится платить. Чешские гайдуки избивают детей, собирающих грибы в бывших графских лесных угодьях.

Недалеко от города Мукачева мы видели чешскую колонию „Свобода". На тучной, плодородной равнине чешское правительство выстроило для своих колонистов прекрасные каменные дома и всякие другие постройки, необходимые для сельского хозяйства. Каждый колонист получил несколько десятков акров земли. 750 акров оставили, в качестве запаса, для детей колонистов. Но ни один русский крестьянин не получил в этой колонии ни одного акра земли. Всю землю получили 82 чеха, присланные из Чехии, и им чешское правительство, ко всему прочему, выстроило дома и дало все необходимые для сельского хозяйства орудия.

У нас не было ни времени, ни возможности для того, чтобы ознакомиться со всеми подробностями земельной реформы. Но хватит и тех данных, которые мы собрали.

Наши крестьяне получили только маленькую часть тех земель, которые чешское правительство отняло у мадьярских панов. Из земель, которые чешское правительство роздало, на каждого получившего землю, пришлось в среднем по:

3.5 гектара (9 американских акров) каждому чеху
3.5 " (9 американских акров) каждому еврею
1.4 " (3 амер. акра) каждому мадьяру
1.2 " (3 амер. акра) каждому немцу
1.1 " (меньше 3-х амер. акров) каждому русскому

Таким образом и тут, как и во всех других мероприятиях, русские люди на своей родной земле были поставлены чехами на последнее место.

Самая лучшая земля в Карпатской Руси находится в мукачевской околице. Там чешская аграрная реформа заменила мадьярских панов новыми панами: чехами. Им не только передали по нескольку сот акров этой земли, но и все хозяйственные постройки, принадлежавшие раньше мадьярским панам. На равнине около Мукачева чехи „не создали" ни одного русского пана, только 14 из чехов и 2 из евреев.

Вот список этих новых панов:

1) чех Антонин Крал — 250 акров в Анталовцах
2) чех Карел Урбан — 130 акров в Батыеве
3) чех Йинджих Ванек — 130 акров в Батыеве
4) чех Доминик Дамборский — 160 акров в Лоне
5) чех Ян Одегнал — 273 акра в Ботраде
6) чех Франтишек Похобратски —302 акра в Ботраде
7) чех Ладислав Плашил — 212 акров в Шаланках
8) чех Франтишек Подразки — 225 акров в Рокосове
9) чех Карел Куглер — 277 акров в Гедзепусте
10) чех Владислав Велик — 292 акра в Мукачеве
11) чех Антонин Климеш — 335 акров в Мукачеве
12) чех Карел Кртек — 427 акров в Мукачеве
13) еврейка Линка Залцбергер — 300 акров в Мукачеве
14) чех Франтишек Клемпа — 480 акров в Ботраде
15) еврей Виктор Пал — 1035 акров в Шаланках
16) чешское товарищество „Земка" — 300 акров в Батыеве

В сравнении с этой вопиющей несправедливостью, вся „дробна праце" (мелкая работа) чехов в пользу наших земледельцев теряет свое значение.

Так, например, на непрестанно голодающей ужанской верховине чехи устроили приют для 50-ти русских детей. Но сколько тысяч детей могло жить на той русской земле, которую чешское правительство раздало своим чехам около одного только Мукачева?

Садоводство и виноградарство

Во многих селах Карпатской Руси большое значение имело садоводство и виноградарство. При чехах значение садов и виноградников сильно пало. Главная причина — новые границы, которые душили Карпатскую Русь, закрывши сбыт карпаторусских фруктов за Карпаты, в Галицкую Русь, которая отошла к Польше. Вывоза не стало и цены понизились. Часто случалось, что плодов совсем нельзя было продать и они гнили в садах. Возможно было помочь горю, если бы в Карпатской Руси были созданы консервные фабрики. Но за все девятнадцать лет своего владычества чешское правительство не сделало ничего. Оно не построило ни одного консервного завода. Многие крестьяне забрасывали или даже вырубали свои сады. Вследствие упадка садоводства многие села, жители которых плели корзины для вывоза винограда (например Иза, Крива, Кошелево), лишились этого заработка, а другой работы они не нашли.

Скотоводство

Скотоводство имеет для нашего народа громадное значение. Оно должно бы быть одной из главных основ народного хозяйства в крае. В карпатских горах имеются прекрасные полонины

(горные пастбища), на которых могли бы выпасаться миллионы овец и рогатого скота. Карпатские сыры и брынза нашли бы себе сбыт заграницей, и для самого народа в Карпатской Руси было бы вдоволь молока, масла, сыра, брынзы и шерсти для того, чтобы все были хорошо и тепло одеты. Порода рогатого скота в Карпатской Руси прекрасная и его можно бы вывозить за границу за хорошие деньги.

Но под чешским режимом скотоводство не развивалось. Оно падало. Поголовье коней, коров, волов и даже свиней уменьшалось с каждым годом. Всюду нам говорили наши люди, что жизнь становится труднее с каждым годом. Говорили нам, что прежде скота, или как говорят в Мороморыше, худобы и в особенности овец было больше, а теперь их число падает все ниже и ниже. Мы заинтересовались этим вопросом, и вот что мы узнали:

В пределах Карпатской Руси было —

	коней	рогатого скота	свиней	овец
В 1912-м году	51.945	227.795	101.425	225.080
В 1930-м году	41.565	201.297	80.405	101.247
В 1936-м году	40.625	206.032	67.094	94.133

Из этой таблицы видно, что под чехами количество всех домашних животных сильно уменьшилось. При этом необходимо принять во внимание, что народа стало больше. Итак, в 1912-м году одна лощадь приходилась на 14 жителей Карпатской Руси, а в 1936-м году одна лощадь приходилась на 18 человек. В 1912-м году одна свинья приходилась на семь человек, а в 1936-м году одна свинья приходилась на десять человек. Хуже всего обстоит дело с овцами. В 1912-м году одна овца приходилась на трех человек, а в 1936-м году одна овца приходилась на восемь человек.*)

Меньше коней и меньше волов, это значит больше работы руками. А часто отсутствие лошадей или волов лишает крестьянина возможности обработать свое поле, ибо в Карпатской Руси ни у одного русского крестьянина нет ни трактора, ни вообще никаких других машин. А меньше коров и меньше овец значит меньше молока для детей, меньше сыра и брынзы. А это равносильно голоду, ибо работы нет и не за что купить еды. Меньше овец, значит меньше шерсти и недостаток теплой одежды. Наши люди в старом крае сами прядут шерсть, сами ее ткут и сами валяют сукно. Они сами себе изготовляли теплые гуни, сердаки и петеки. Пока было достаточно шерсти, они были одеты тепло и красиво. А когда не хватило шерсти, они начали покупать старую ношеную одежду, которую чехи уже не хотят носить и присылают в Карпатскую Русь для продажи нашим людям.

---

*) Для того чтобы понять надлежащим образом, как чехи обобрали нашу бедную Карпатскую Русь, необходимо сравнить ее с каким либо

Вот еще несколько фактов, свидительствующих о том, как пришлые чехи, управляющие Карпатской Русью, относятся к русскому населению.

Чехи не дают ничего заработать местному русскому населению. Они покупают только у своих, чехов, и дают заработать только своим чешским ремесленникам, которых так же как и всех чиновников прислали из Чехии. Если не оказалось на месте чешского торговца или ремесленника, то они все выписывают из Праги, даже хлеб. Для чехов была издана специальная книжка со списком всех чешских торговцев и ремесленников в Карпатской Руси.

В течение девятнадцати лет чешского владычества в Карпатской Руси, железнодорожная сеть которой была самой жидкой в Чехословацкой Республике, не было построено ни одного километра железных дорог, в то время как в Чехии железнодорожная сеть увеличилась на восемнадцать процентов. Подобное положение равносильно физическому удушению.

Таково было положение в Карпатской Руси.

Теперь еще несколько слов о нашей делегации. Осмотревши Карпатскую Русь, мы возвратились в Прагу и были у главы правительства, д-ра Милана Ходжи. Мы расказали ему откровенно все, что мы видели и спросили его, почему Карпатской Руси не дают автономии. Д-р Ходжа сказал нам, что главная причина в том, что народ в Карпатской Руси разбит на много партий, что там нет русского большинства, которому можно бы передать управление краем. Мы на это ответили, что американские карпатороссы объединились в Карпаторусском Союзе и что можно бы объединить народ также и в Карпатской Руси. Д-р Ходжа

другим краем, в котором большинство населения занимается земледелием, например с Болгарией или с Албанией.

В Болгарии было в 1937-м году 6,319.000 жителей. У них было:

овец	3,740.000
лошадей и мулов	694.000
коров и волов	2,205.000

В Албании было 1,003.000 жителей. У них было:

коров и волов	407.000
овец и коз	2,636.000
лошадей и мулов	145.000

Из этого видно, что эти самые бедные балканские страны намного богаче, чем была наша бедная Карпатская Русь при чехах. В Карпатской Руси одна овца приходилась на 8 человек, в то время как в маленькой Албании, самой бедной из балканских стран, на восемь человек приходилось 21 овца.

сказал нам: попробуйте, я буду очень рад, если это вам удастся.

Мы вернулись в Ужгород. В непродолжительное время нам удалось объединить Автономный Земледельческий Союз и Республиканскую (Аграрную) партию. Обе эти партии имели по двум депутатам и по одному сенатору, — вместе шесть представителей в пражском парламенте. Депутатами были Андрей Бродий, Петр Жидовский, д-р Павел Коссей и д-р Иван Пьещак; сенаторами — д-р Эдмунд Бачинский и Юлий Фелдеший. Они представляли большинство русского населения.*) 6 июня они собрались в Ужгороде и в присутствии нашей делегации приняли общую программу и создали Русский Блок, который начал переговоры об осуществлении автономии с чешским правительством.

Министр-председатель, д-р Милан Ходжа признал, что Русский Блок представляет большинство нашего народа и что есть кому передать власть в Карпатской Руси. Если бы он сам мог решать, он сразу же бы дал автономию нашему народу. Члены Русского Блока это знали и высказали ему свое доверие. Но Ходжа не был диктатор. В его правительстве были представители шести чешских партий, из которых каждая имела право „вето" в политических вопросах. Все решения политического характера должны приниматься единогласно. Большинство представителей этих шести партий было против карпаторусской автономии, больше всех монсиньор Шрамек, глава „Лидовой" римокатолической клерикальной партии, который теперь возглавляет в Лондоне заграничное чехословацкое правительство пана Бенеша.

В июне месяце глава нашей делегации г-н Поп должен был вернуться в Америку, а о. Янчишин и д-р Геровский еще остались в Карпатской Руси с его согласия и по просьбе членов Русского Блока. Переговоры с пражским правительство продолжались, но они были безуспешны, ибо чехи в Карпатской Руси не желали выпустить власть из своих рук. Остались без успеха также и переговоры с украинствующими. Они имели только одного представителя в пражском парламенте (Ревая), избранного по милости чехов, но они требовали для себя „половину всего того, что будет в будущей автономной Карпатской Руси".

В июле месяце оставшиеся два члена делегации тоже решили вернуться в Америку. По этому случаю министр-председатель, д-р Милан Ходжа, написал д-ру Геровскому письмо, в котором он просил его передать американским карпатороссам, что Карпатская Русь получит автономию еще до конца 1938-го года. Вот текст этого письма в русском переводе:

---

*) Всех карпаторусских депутатов было восемь. В Русский Блок не вошел Фенцик, униатский священник, который в чужих интересах разбивал русское единство, и Ревай, учитель начальной школы, член чешской социал-демократической партии.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПРАВИТЕЛЬСТВА

Прага, 9 июля 1938

Уважаемый Господин Доктор,

Передайте Карпатороссам в Америке, что я настаиваю на том, чтобы Карпатской Руси была предоставлена возможно скорее автономия полностью, согласно сенжерменскому договору, который был включен в конституцию республики. Некоторые предпосылки к этой цели имеются в законе № 172, от 1937-го года. Я ссылаюсь в этом отношении на мое заявление, сделанное в январе прошлого года во время бюджетных дебатов, в которых я заявил, что правительство республики желает, чтобы выборы в автономный сейм были произведены возможно скорее и что правительство окажет в этом отношении Карпатской Руси всевозможную административную помощь.

Вы тепер ознакомились с нашими обстоятельствами и поэтому Вы наверное видите, какие препятствия необходимо преодолеть в этом отношении. Но Вы можете быть уверены в том, что я сделаю все, что в моих силах, чтобы препятствия были преодолены и чтобы выборы в автономный парламент были произведены еще в этом году.

Привет нашим русским братьям
в Соединенных Штатах

(Подпись:) М. Ходжа

Д-ру Алексею Геровскому
в Праге

Приехавши с о. Янчишиным в Париж, д-р Геровский получил две телеграмы: одну от членов Русского Блока, а другую от председателя и секретаря Русской Народной Рады, д-ра Каминского и д-ра Гомичкова, с просьбой вернуться. Вот текст этих телеграмм:

„Приезжайте обязательно в Прагу. Обойтись без вас никак не можем. Ждем вас непременно."

Пьещак, Жидовский, Бродий,
члены парламента

„Просим вас обязательно приехать в Прагу. Ваше присутствие нам необходимо".

Д-р Каминский, д-р Бачинский, д-р Гомичков

Отец Янчишин продолжил путь в Америку, а д-р Геровский возвратился в Карпатскую Русь и там помог нашим братьям организовать первое автономное карпаторусское правительство.

В решающий момент его поддержало сербское правительство, без поддержки которого вероятно не было бы никакого автономного правительства в Карпатской Руси.

***

Поездка делегации КР Союза в старый край увенчалась полным успехом.

Мы увидели своими собственными глазами, в каком положении находится Карпатская Русь.

Мы ознакомились с положением в Праге.

Мы вошли в контакт с нашими старокраевыми братьями и с их предводителями.

Мы помогли им соединиться, когда это было крайне необходимо.

Мы помогли им создать первое автономное правительство.

Карпаторусский Союз исполнил свою задачу, для которой он был основан. То что случилось впоследствии, не зависело от нас.

Русское правительство в Карпатской Руси кололо глаза Берлину. Президент Бенеш поставил на место д-ра Ходжи своего приятеля и доверенное лицо, генерала Сырового. А потом он в его руки передал также и власть президента республики. По приказу Гитлера генерал Сыровый разбил первое автономное карпаторусское правительство и передал Карпатскую Русь монсиньору Волошину, который переименовал Карпатскую Русь в Карпатскую Украину.

КАК БЫЛО СОЗДАНО ПЕРВОЕ КАРПАТОРУССКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

В месяце сентябре 1938 г., несколько недель перед концом Чехословакии, всем стало ясно, что чешское правительство не даст автономии Карпатской Руси. Как скупой человек, даже перед самой своей смертью не хочет разстаться со своим богатством, так и чешское правительство никак не хотело выпустить из своих цепких рук наш русский край. Напрасно было их убеждать, что в случае распада Чехословакии, для Карпатской Руси будет лучше, чтобы с нею ни случилось, если она будет иметь свое правительство и своих чиновников. Я сам не раз говорил чешским панам в Праге: если в Карпатскую Русь придут мадьяры, то все ваши чиновники, все ваши полицейские и жандармы удерут, а на их места сядут мадьяры. Но если там будут свои русские чиновники, то они останутся на своих местах. Мадьяры их не выбросят. Так потом и случилось. Чехи удрали от мадьяр, оставив пустые канцелярии и здания, в которых жили тысячи чешских чиновников. Их места заняли мадьяры, ибо наших русских там не было. Но чешские паны в Праге этого понять не могли, или не хотели понять.

Против нашей автономии соединились все чешские партии в Карпатской Руси. Особенно резко противились автономии три партии: чешские „лидовицы", то есть чешская римокатолическая клерикальная партия с монсиньором Шрамком, чешские социалдемократы во главе с министром Бехинье, и чешские нацио-

нальные социалисты, то есть партия президента Бенеша. Но и во всех других чешских партиях было много видных политиков, которые не хотели карпаторусской автономии. В самой Карпатской Руси самым завзятым противником нашей свободы был пан Заиц, генеральный секретарь аграрной партии, который вместе с вицегубернатором Мезником тормозил дело автономии всеми возможными способами. В разговоре со мной он сказал мне совершенно откровенно: „Теперь началась борьба между чехами и русскими за власть в Карпатской Руси. Мы, чехи, добровольно не отдадим того, что в наших руках".

Что настало время решительной борьбы, поняли все русские люди и они стали на сторону своего русского народа. Так поступил д-р Бачинский, сенатор, который до того времени шел с пражским правительством. Так поступил и губернатор Константин Грабарь. И он стал решительно на сторону своего народа. В стороне остались только украинствующие и Фенцик. Украинцы боялись автономии, ибо они были в меньшинстве и они играли роль в Карпатской Руси только благодаря поддержке Праги. А Фенцик служил чужим панам.*) Но недовольство в народе росло с каждым днем так, что когда Русский Блок начал действовать, то и Фенцику и „украинцу" Реваю пришлось примкнуть к Русскому Блоку.**)

21-го сентября, 1938-го года члены Русского Блока подписали в Праге, в канцелярии Карпаторусского Союза, декларацию, в которой они заявили, что Карпатская Русь была присоединена к Чехословакии на основании самоопределения и с условием самой широкой автономии. Чехословацкое правительство этого условия не выполнило. Поэтому подписавшиеся представители русского народа заявляют, что **русский народ никогда не отказался ни от своего права на автономию, ни от своего права на само-**

---

*) Фенцика подозревали в том, что он служит польскому правительству. Но явных доказательств для этого не было. Но имелись доказательства того, что его поддерживает чешское правительство, которому нравилось то, что Фенцик разбивает русских автономистов. Когда наша делегация приехала в Карпатскую Русь, вицегубернатор Мезник, чех, приостановил „Русский Вестник", орган Автономного Земледельческого Союза (Бродия) на три месяца. Но он не тронул еженедельник Фенцика („Наш Путь"), ультра-русский и анти-чешский, который нападал на нашу делегацию.

**) Русский блок был основан в начале месяца июня 1938 года, благодаря стараниям приехавшей из Америки делегации Карпаторусского союза. Блок образовали депутаты и сенаторы Автономного земледельческого союза (Бродий, Фелдшей и д-р Пещак) и депутаты и сенаторы Республиканской (Аграрной) партии (д-р Бачинский, д-р Коссей и Петр Жидовский). Блок представлял большинство русского народа. В него не вошли о. Фенцик и украинец Ревай.

определение. Дальше они заявили, что они теперь требуют осуществления этого права. Это заявление подписали все члены Русского Блока (Бродий, Бачинский, Фелдеший, Пьещак, Коссей и Жидовский). Впоследствии его подписали и Фенцик и Ревай, значит все представители карпаторусского народа кроме коммунистов, с которыми Русский Блок в сношения не вступал, ибо они высказались открыто против автономии. Декларация была передана пражскому правительству и представителям иностранных держав в Праге. Ввиду ее исторического значения, помещаем здесь фотостат декларации.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Карпаторусскій народъ представленъ въ законодательномъ собраніи Чехословацкой республики шестью депутатами и двумя сенаторами: д-ръ Павелъ Коссей, Юлій Ревай, Андрей Бродій, Петръ Жидовскій, д-ръ Иванъ Пьещакъ, д-ръ Стефанъ Фенцикъ, сенаторъ д-ръ Эдмундъ Бачинскій, сенаторъ Юлій Фелдешій.

Кромѣ нихъ два депутата и одинъ сенаторъ находятся въ рядахъ интернаціональной коммунистической партіи.

Мы, нижеподписавшіеся, констатируемъ, что Карпатская Русь была присоединена къ Чехословацкой республикѣ на основаніи права самоопредѣленія нашего народа и съ условіемъ, что наша территорія будетъ пользоваться самой широкой автономіей съ собственнымъ законодательнымъ органомъ и автономнымъ правительствомъ, отвѣтственнымъ передъ этимъ законодательнымъ органомъ.

Мы констатируемъ также, что эти условія, содержащіяся въ сенъ-жерменскомъ договорѣ и включенныя въ конституцію Чехословацкой республики до сихъ поръ, въ теченіе 19 лѣтъ, не были исполнены правительствомъ Чехословацкой республики, не взирая на то, что мы, представители русскаго народа, дѣлали все, что было въ нашихъ силахъ, чтобы добиться осуществленія правъ нашего народа.

Въ виду этого мы, представители русскаго народа, въ сознаніи своей отвѣтственности передъ исторіей нашего народа и желая обезпечить его свободу и лучшую будущность, и само его существованіе на его національной территоріи, заявляемъ, что нашъ народъ никогда не отказывался отъ своего права на самоопредѣленіе и отъ права управлять самъ собою, и что мы требуемъ въ настоящее время осуществленія этого права въ нынѣшній судьбоносный часъ, когда рѣшается не только судьба Чехословацкой республики, но и судьба нашего русскаго народа.

Прага, 21 сентября 1938 года.

Декларация от 21-го сентября 1938 г. была первым шагом к образованию автономного правительства. В ней все представители русского народа впервые приняли одну платформу и они заявили, что русский народ имеет право решать самостоятельно свою судьбу.

В начале октября было решено образовать свое автономное правительство не порывая связи с чехо-словацкой республикой. По моему совету было решено, что в собрании, которое изберет автономное правительство, будут с правом голоса только члены парламента, депутаты и сенаторы, и что членами первого правительства могут быть только члены парламента, депутаты и сенаторы. Иначе было бы слишком много кандидатов в министры.

Собрание представителей нашего народа должно было состояться 8-го октября 1938 г. в Ужгороде. В этот день рано утром генерал Сыровый, которому передал свою власть отрекшийся президент республики Бенеш, позвонил по телефону губернатору Грабарю и попросил его передать депутату Бродию, чтобы он пока „ничего не делал", ибо он, Сыровый, посылает в Ужгород своего представителя, члена правительства с „очень важными решениями правительства". Бродий ответил, что мы ждать не будем. После этого Сыровый опять позвонил и попросил подождать „несколько часов", ибо он посылает на аэроплане новоназначенного карпаторусского министра, д-ра Парканьи.*) При этом генерал Сыровый сказал, что Карпатская Русь ждала своей автономии так долго, что она может обождать еще несколько часов. Бродий ответил: „Мы ждали девятнадцать лет, а теперь уже мы не будем ждать даже девятнадцать минут".

В десять часов утра собрались все депутаты и сенаторы в русском Доме имени Духновича. Но собрание там не могло состояться, ибо отец Фенцик собрал там несколько десятков малолетних юнцов, которые старались разбить собрание криками и величанием Фенцика. Я позвонил губернатору Грабарю и он предоставил для собрания свой кабинет в губернаторском доме. Все депутаты и сенаторы перебрались туда кроме отца Фенцика, заявившего, что он туда не пойдет. Но через час он передумал и пришел в губернаторский дом.

В начале заседания представитель украинцев, депутат Юлий Ревай, заявил от имени „Першой Руськой Народной Рады", что Рада требует, чтобы в заседании приняли участие также и представители рады. Причина была очевидно та, что украинцы имели в парламенте только одного представителя, Ревая, и поэтому на заседании был только один представитель украинского направления, в то время как русских было семеро. Члены Русского Блока согласились с тем, чтобы обе народные рады, Русская и Русь-

---

*) В последние годы республики Паркани был при Бенеше одним из ведущих чиновников канцелярии президента республики в Праге. — О Г.

ка, прислали трех представителей каждая. Вследствие этого на заседании оказалось кроме восьми депутатов и сенаторов еще три представителя Русской Народной Рады во главе с д-ром Каминским и три представителя „Першой Руськой Народной Рады во главе с монсиньором Волошином. Таким образом в заседании, избравшем первое автономное карпаторусское правительство, участвовали 10 карпатороссов русского и 4 украинского направления.

В первое автономное правительство были избраны единогласно: Андрей Бродий — в качестве председателя и министра народного просвещения, д-р Эдмунд Бачинский, д-р И. Пьещак, о. С. Фенцик и Юлий Ревай. Реваю дали министерство почты и путей сообщения, все другие министерства остались в русских руках. Украинцы просили, чтобы в члены правительства был принят еще и монсиньор Волошин. Это противилось принципу, по которому членом правительства мог быть только член парламента, ибо Волошин не был депутатом. Но ради мира и спокойствия все на это согласились. Таким образом первое автономное карпаторусское правительство состояло из шести членов: четырех русских и двух „украинцев".

Когда все уже было готово, появился новоиспеченный карпаторусский министр, д-р Парканьи с д-ром Бараном, русским, чиновником президиума пражского совета министров. Парканьи был очень разочарован, когда он узнал, что все уже кончено. Вместе с членами нового правительства он вышел на балкон, с которого Бродий объявил собравшемуся народу на площади об образовании автономного правительства. Затем Парканьи пошел в кабинет губернатора Грабаря и в моем присутствии предложил ему подписать воззвание к народу, которое прислал с ним генерал Сыровый. Грабарь подписал его, почти не прочитавши. Ознакомившись с воззванием, я сказал губернатору: я на вашем месте не подписал бы этого воззвания, ибо когда оно будет расклеено по улицам, люди будут смеяться над вами. Грабарь еще раз прочел воззвание и вычеркнул свою подпись, и сказал Парканию: я этого не подпишу! Парканьи вызвал по телефону генерала Сырового и расказал ему все что произошло. То, что говорил Сыровый, я не слышал. Но последние слова Парканьи были: „Хорошо, я их всех привезу в Прагу и все будет в порядке." После этого он сказал Бродию, чтобы на следующий день все члены нового правительства поехали с ним в Прагу к генералу Сыровому. Было уже поздно ночью и мы розошлись по домам. Но перед этим все участники заседания подписали составленный мною протокол о состоявшемся избрании автономного правительства. Казалось, что все были довольны. Подписавши протокол, д-р Михаил Бращайко, один из трех представителей „Першой Руськой Народной Рады" сказал: „Слава Богу, наконец у нас есть свое правительство, мы автономны. Но приходится признаться в том, что Украина проиграла".

Я пошел ночевать не в отель, в котором я остановился, но к Бродию. Мы еще долго не спали, разговаривая о том, что делать дальше. Мы решили, что члены автономного правительства не должны поехать в Прагу с Парканием. Их там могли бы арестовать и тогда „вшецко бы было добрже" (все было бы хорошо), но не для нас. Мы решили, что я поеду один в Прагу, переговорю там с генералом Сыровым и дам им знать, ехать ли им или не ехать.

На следующий день рано утром мы с доктором Бараном, который нам сочувствовал, полетели в Прагу, пока Паркани еще спал. Когда он узнал, что мы улетели, он затребовал из Кошиц другой аэроплан и полетел нам вслед. Вечером в семь часов Сыровый созвал министерский совет. Заседание продолжалось до двух часов ночи. Министр Паркани доложил подробно обо всем, что произошло в Ужгороде. Особенно подробно он рассказал о том, как губернатор отказался подписать присланное ему Сыровым воззвание к народу. Вообще, сказал Парканьи, вся беда в Геровском. Его все слушаются. Если бы не было его, „вшецко было бы добрже". Совет министров решил арестовать Геровского, уволить губернатора Грабаря и заменить его Парканием. Таким образом Паркани оказался и членом совета министров и карпаторусским губернатором. Разъяренный генерал Сыровый вызвал по телефону губернатора Грабаря, который уже спал, и объявил ему: министтр Паркани сказал нам, что вы не исполняете ваших обязанностей. Вы уволены! Так старенький губернатор Грабарь лишился своего губернаторства за то, что он стал на сторону своего народа.

Рано утром ко мне пришел д-р Баран, который сидел в соседней комнате пока заседал совет министров. Дверь была приоткрыта и он слышал все о чем там говорили и он расказал мне все. Я сейчас же отправился к сербскому посланнику Протичу, который мне сказал, что он меня освободит, если Сыровый посмеет меня арестовать. Зная, что Протич меня освободит, я из его же кабинета вызвал по телефону членов карпаторусского правительства. Бродий сказал мне, что они все приедут на аэроплане. Затем я пошел к д-ру Ходже. Он уже не был министр-президентом, так как по распоряжению Бенеша Сыровый занял не только место президента республики, но и место министр-президента. Ходже нездоровилось и он принял меня у себя на дому, лежа в постели. Узнав от меня в чем дело, он немедленно вызвал по телефону министра внутренних дел, Черного, и заявил ему, что он протестует против моего ареста и погрозил ему, что если меня арестует „то буде зле".

Затем я возвратился в отель „Палас". Зная что меня арестуют, я перед возвращением в отель передал одному из служащих письмо на имя д-ра Бачинского, в котором я попросил его уведомить немедленно по телефону сербского посланника о том, что меня арестовали. В отеле меня уже ждали два сыщи-

ка, которые сообщили мне, что начальник полиции меня „просит к себе". Бачинский мою записку получил и уведомил Протича о моем аресте.

Президент полиции сообщил мне, что я арестован по приказу правительства и что он не знает, что будет дальше. Я просидел в его кабинете два часа, читая газеты и журналы, которые он мне любезно предоставил, „дабы я не скучал". После двух часов он мне сообщил, что югославянское посольство потребовало моего освобождения. Правительство решило исполнить это требование. Но вы должны уехать из Чехословакии. Завтра утром в восемь часов будет для вас аэроплан, который доставит вас в Белград. Затем меня в полицейском автомобиле отправили в сопровождении двух сыщиков в отель Париж (а не в Палас, в котором я остановился). Там сыщики прописали меня под вымышленной фамилией. Я не имел права выходить из комнаты, в которой находились и сыщики, и мне не было разрешено пользоваться телефоном. Вдруг поздно вечером появился правительственный советник Шморанц. Он прогнал сыщиков и объявил мне, что я свободен, что я могу оставаться в республике, что генерал Сыровый извиняется и что просит меня зайти к нему на следующий день в девять часов утра на совещание. На час позже, в 10 часов, были приглашены к Сыровому члены карпаторусского правительства. Югославянское правительство настояло на том, чтобы я мог оставаться в Чехословакии и в Карпатской Руси.

На следующий день, 10-го октября, в девять часов утра я явился к генералу Сыровому. Мы говорили с ним по-русски. Генерал сказал мне, что он готов признать карпаторусское правительство на известных условиях, из которых первое — чтобы в Карпатской Руси еще два месяца все осталось по старому и, в особенности, чтобы там остался вицегубернатор Мезник. Я ответил ему, что это невозможно. Наше первое условие: чтобы Мезник не только не был вицегубернатором, но чтобы он немедленно уехал из Карпатской Руси. Об отозвании Мезника должно быть объявлено в газетах еще сегодня. Наше второе условие: чтобы был немедленно уволен д-р Паркани и как карпаторусский министр и как губернатор. На это Сыровый ответил, что он этого никак не может сделать, ибо Мезник „нужен" в Карпатской Руси. К этому он еще прибавил: не забывайте, что я генерал. Я вчера назначил Паркани губернатором и я не могу его сегодня уволить. Надо мной смеялись бы.

Мы не могли договориться. Я встал и сказал генералу: Сила в ваших руках. У вас в Карпатской Руси армия и у вас там жандармы. Вы там можете делать, что вам угодно. Но вы не имеете за собой ни одного представителя русского народа. Все, что вы будете делать, будет просто насилием и вы не сможете хвастаться, что вы демократы. Сказавши это, я ушел из его кабинета.

Вскоре за мной пришел советник Шморанц и сказал мне, что генерал передумал и что он пойдет на уступки. Я возвратился

в его кабинет. Генерал сказал: Я согласен уступить. Но надо найти компромисс. Я генерал, и я не хочу, чтобы надо мной смеялись. Скажут: вчера генерал Сыровый назначил Паркани губернатором, а сегодня пришел Геровский и Паркани „выкопнули”.

Я ответил, что я согласен на компромисс. Для нас важно только то, чтобы ни Мезник, ни Парканьи не могли распоряжаться в Карпатской Руси. После долгих разговоров мы наконец договорились. Сыровый согласился на то, чтобы Мезник был уволен сейчас же, а Паркани также будет уволен от своей должности министра для Карпатской Руси и что об этом будет объявлено в газетах в тот же день. Об уволнени Паркани от должности губернатора Карпатской Руси будет объявлено в печати только через две недели. Но Паркани не будет жить в Ужгороде и не будет иметь права вмешиваться в карпаторусские дела. А Мезник уедет из Карпатской Руси немедленно.

У генерала Сырового было еще одно возражение. По его мнению, шесть министров было слишком много для Карпатской Руси. Словаки избрали только пять министров. Я обяснил ему, что это случилось потому, что в образовании нашего правительства участвовали все русские партии, а в Словакии этого не было. Мы не хотели, чтобы пражское правительство могло выкручиваться под предлогом, что не все партии представлены в нашем правительстве. В конце концов мы согласились на то, что правительство останется таким как оно есть, но что в центральном правительстве в Праге будут заседать только два или три члена карпаторусского правительства. Переговоры затянулись, а члены карпаторусского правительства пока ждали в другой комнате. Члены Русского Блока ждали терпеливо, ибо они знали, что я веду переговоры не для себя, но монсиньор Волошин возмутился. К нам вошел д-р Баран и заявил, что монсиньор Волошин чувствует себя оскорбленным в своем министерском достоинстве и что он грозит, что он ждать больше не будет.

Наш разговор с генералом кончился в половине двенадцатого. В кабинет пригласили наших министров. Разговор между генералом Сыровым и членами нашего правительства касался числа министров и взаимоотношений между центральным правительством и карпаторусским. В час дня переговоры были отложены до пяти часов пополудни.

На совещании, которое состоялось пополудни, было достигнуто полное согласие относительно взаимоотношений автономного карпаторусского правительства с центральным пражским правительством. „Еднотна” республика преобразилась в федерацию.

На следующий день мы вернулись на аэроплане в Ужгород. Там на аэродроме, который был разукрашен флагами, стоял почетный караул с военной музыкой. Были там представители гражданских и военных властей, которые пришли представиться главе автономного правительства Андрею Бродию, недавно гонимо-

му вождю автономного движения в Карпатской Руси. В губернаторском доме собрались все чиновники администрации, а на площади князя Корятовича состоялась народная манифестация.

На следующий день ко мне пришел д-р Кугел, директор еврейской гимназии в Мукачеве. Это был эмигрант из Одессы. В Карпатской Руси он сделался вождем сионистического движения. Вместе с „украинцем" Реваем он попал по списку чешской социалдемкратической партии в пражский парламент. Д-р Кугел был человек культурный и образованный и все его уважали. Он пришел поздравить меня с успехом. — Я искренно радуюсь, что Карпатская Русь наконец добилась автономии. Но я хочу дать вам один совет. Не выпускайте дело из ваших рук, не покидайте Карпатской Руси, ибо иначе все заберет в свои руки Ревай и тогда все пропало. Я его хорошо знаю. Это „сукин сын" и на все способный. Не забудьте мое слово.

Как предсказал д-р Кугел, так и случилось. На одном из первых совещаний нашего правительства, на котором я присутствовал, монсиньор Волошин сказал, что „треба бы поехати до Берлина", но Ревай не дал ему говорить больше о Берлине. Когда я через несколько дней уехал в Белград, генерал Сыровый арестовал Бродия и назначил на его место монсиньора Волошина. Украинствующие предали Бродия, договорившись с Берлином. Впоследствии я узнал, что генерал Сыровый арестовал Бродия по желанию немецкого правительства. На его место хотел сесть Ревай, но он был малообразованный народный учитель, немцы же хотели образованного человека. Они имели в виду д-ра И. Бращайко, как мне потом в 1939-м году расказал сам Бращайко: у него тогда не было ни одного зуба и вид у него был как у старой бабы". Поэтому его забраковали. Вследствие этого Карпатскую Русь возглавил, по назначению чешского генерала и по милости Берлина, монсиньор Волошин, который переименовал Карпатскую Русь в „Карпатскую Украину".

Бродия держали в тюрьме четыре месяца. То, что писали о нем чешские и украинские газеты и за ними повторяли и некоторые карпаторусские газеты в Америке, была ложь и клевета, которую придумал Ревай. Об этом мне говорил в 1939-м году д-р Баран, который присутствовал при том, как в президиуме пражского правительства советовались о том, как оклеветать Бродия. После четырех месяцев Бродий вышел из чешской тюрьмы с чистым именем. Он теперь со своим народом в Карпатской Руси. А „сполегливы" (благонадежные) „украинцы", члены чешских партий, клерикальной римокатолической и социалдемократической, Волошин и Ревай, помогают немцам в их противорусской и противочешской украинской политике.

Работа Карпаторусского Союза таким образом увенчалась успехом.

Мы предвидели, что политика пражского правительства заведет Чехословакию в пропасть.

Мы приехали в Карпатскую Русь во-время.

Наша делегация помогла создать первое автономное карпаторусское правительство.

При этом мы не должны забыть того, что в решительный час нас поддержали наши верные братья сербы, которые постоянно защищали русское дело в Праге и без которых, вероятно, не было бы даже нашего первого автономного карпаторусского правительства.

Василий Сочка*)

ДОЛЯ

У Лемака,
Что за рекой живет,
Позавчера корова заболела;
Вчера еще хотели
Ей
Помочь,
А ныне не дала уж Миця молока...
Течет
Ручей
Гноевки по двору. А у ворот
Рыдает
Мать, и долю проклинает...
— Зачем Господь так жестоко их
Наказал?
И почему не взял
У них
Дитя?
Зачем не помер Василько,
Или Михайлик, или Юла?
Дитя родить
Ведь так легко!
И годик целый не минул бы.
А Мицю
    Новую

*) Василий Сочка — поэт Закарпатской Руси. В этом стихотворении он рисует картину ужасающей бедности. Страшная нищета явилась в результате многовекового мадьярского господства над нашим народом. Когда после первой мировой войны Закарпатская Русь присоединилась к Чехословакии, материальное положение народа не улучшилось. Масарики и бенеши были для нашего народа такими же приятелями, как и мадьярские графы и бароны.

Откуда взять?
И как прожить
Им без коровы? —
И снова
Будет мать
Рыдать.
А с полонины
Ветер веет;
Шумит в долине
Хлеб-овес,
И воет пес
Под тыном,
О том, что доли не имеет...

Ужгород 1943

ГЛАВА XI

ДРЕВНЯЯ РУСЬ

Сергей Лесной

„РУСЬ, ОТКУДА ТЫ"

Глава „Вступление" из книги „Русь, откуда ты?"

„Русь, откуда ты?" — вот вопрос, который не раз ставил перед собой автор, как несомненно ставит всякий русский и вообще славянин, интересующийся судьбами своей страны и ищущий верного места своего народа среди других народов Европы.

Не все казалось ему ясным и понятным, когда он изучал историю в школе, но пришла пора зрелости, когда на все глядишь уже не глазами неопытного юноши, когда понимание жизни стало иным, — тогда и указанный вопрос встал в своей неотложности. Естественно, что автор обратился не только к учебникам истории, но и к первоисточникам. Результат оказался неутешительным: официально принятая теория происхождения Руси была явно неубедительной во многих отношениях, всюду были видны белые нитки, которыми она была шита.

Не совсем убедительной показалась автору другая, соперничавшая с официальной теория: работ было мало, матерьял довольно хаотичен, все имело вид не столько науки, сколько гениального прозрения.

В этих условиях автор решил сам взяться за дело, нельзя же было оставить вопрос: кто ты, откуда? без ответа. В результате явился труд: „История „русов" в неизвращенном виде", 1953-1960, 10 вып., 1175 стр. Он показал, что официальная теория происхождения Руси, формирование ее германцами совершенно ошибочна, но это не решало вопроса в целом. Оставалось еще несколько крупных проблем, которые нуждались если и не в окончательном решении, то по крайней мере в выяснении.

Автор предоставляет теперь на суд читателя труд, который написан не для денег и не для славы, — а исключительно ради торжества исторической правды. Автор также надеется, что земляка удовлетворит обоснованная новизна взглядов на отечественную историю, представленная данным трудом.

Новое появилось не только потому, что автору удалось привлечь и совершенно новые источники, но и потому, что он критически посмотрел на старые и взглянул на них с уровня текущего, а не минувшего столетия.

Пять крупных проблем составляют предмет данного труда. Первая — проблема варягов. Выяснено окончательно, что „варяги", явившиеся на Русь (которая еще так не называлась!), были по национальности славянами и приглашены в Новгород потому, что мужская линия древней славянской новгородской династии угасла, они же были представителями ее женской линии: внуками последнего князя Гостомысла от его средней дочери[1]), вышедшей замуж за славянского князя на западе. Призывали своих — славян, а не чужих — германцев.

Никакой существенной роли в создании государственности, культуры и т. д. древней Руси германцы не сыграли, и государственность и культура были свои, созданные еще веками до этого своими руками.

Уже во второй половине 9-го века в восточной Европе существовало два больших славянских государства: Новгородское (Русью еще не называвшееся) и Киевское (носившее имя Русь); эти государства имели своих князей, свои династии, свою собственную, довольно высокую культуру и широкие связи в Европе: в Новгороде отлично знали, что делатся на Эльбе, Дунае, Днепре, и Дону. Представления прежних историков о дикости тогдашних русов являются действительно дикими по своему несоответствию с действительностью. Таким образом эта проблема представляется нам в ином виде, чем представляли ее нам в свое время, и не такой, какой она представляется до сих пор иностранцам или русским в зарубежном рассеянии.

Вторая проблема: проблема происхождения не государства, а племени Русь. И здесь выводы оказались коренным образом отличающимися от общепринятых взглядов: Русь оказалась на много веков старше, что засвидетельствовано историческими документами, на которые раньше не обратили должного внимания.

Кроме того выяснилось, что племя Русь появилось в восточной Европе не испокон веков, а повидимому в начале нашей эры или на рубеже ее. Она является только восточным отрогом древнего племени Русь, которое уже было отмечено в средней Европе историками 1-го века нашей эры. Поэтому мы можем утверждать, что Русь происходит из средней Европы, где в настоящее время она истреблена, но существовала по крайней мере до конца 12-го века.

Однако ее восточный отрог от Карпат и до Днепра уцелел и имеет ту историю ,которую мы знаем под именем Руси. Впрочем, писанная история Киевской Руси по крайней мере на 400 лет древнее, чем это до сих пор принималось, и этот срок еще не крайний, не окончательный, мы имеем все основания надеяться, что он после дальнейших исследований будет отодвинут еще более вглубь времен.

В данном труде делается первая попытка в написании пред-

---

[1]) Умилы.

варительного очерка истории доолеговской Руси, т. е. о том, о чем мы в школе и не подозревали.

Средне-европейское славянское племя Русь (никакого германского племени Русь никогда не существовало, мы это особо подчеркиваем!) в 9-м веке послало в Новгород сыновей своего князя (Рюрика с братьями) для восстановления там угасшей по мужской линии династии. Так встретились западные, коренные русины с восточными, новгородскими, называвшимися также частным именем „словен". Русский летописец не ошибся, сказавши, что посланцы новгородцев „идоша к варягам, к Руси": Рюрик с братьями были сами русинами, но пришли к новгородцам, которые Русью тогда не назывались. Только когда Олег, бывший единственным иностранцем на престоле по праву опекунства, норвежец, завоевал из Новгорода Киев и захватил южную Русь, — имя Руси распространилось и на Новгород и на другие северные и восточные области, подчиненные Киеву. Случилось это потому, что Киев стал столицей двух объединенных восточно-европейских славянских государств.

Третья проблема: проблема славянства. Так как корень племени Русь лежит в средней Европе, само собой является вопрос: откуда вообще славяне попали в Европу и какое место среди других славянских племен занимают руссы?

Исследование убедило автора, что теория прихода славян из Азии недоказательна, достоверных фактов нет. Исторические и археологические данные говорят, что славяне в Европе автохтоны, т. е. коренные жители, если же они когда-то и появились в Европе из других стран, то это было в то время, когда эта ветвь индоевропейских народов еще не сформировалась, и не обособилась от других ветвей в достаточной степени. Повидимому, становление славян произошло в Европе.

Исследуя корни славян, автор столкнулся с поразительным фактом, необъясненным и вовсе неоцененным историками (мы будем дальше говорить об европейских историках, ибо они только и занимались историей западной Европы): для славян, самого крупного и в прошлом, и в настоящем народа Европы, не находится места их происхождения! Все народы: германцы, романцы, кельтцы, угро-финны и т. д. имеют свою родину, но не славяне. Почему?

Коренной областью славян историки считали . . . Полесье, т. е. область в прошлом совершенно непригодную для житья человека! В настоящее время многие отвергают эту теорию и приписывают славянам происхождение из причерноморских степей или области к северу от Карпат и т. д., но все эти теории не решают вопроса, а только отодвигают его в сторону, — это только псевдорешение.

На основании исследования первоисточников (о чем автор не имеет возможности говорить здесь пространно), автор пришел к выводу, что вся средная Европа от устья Эльбы и до устья Дуная была издревле заселена славянами. Ошибка заключалась в том, что главным образом немецкие историки приняли, умыш-

ленно или по ошибке, огромное количество славянских племен за германские. Родилась даже дикая теория о существовании германцев уже в первые века нашей эры от Рейна до . . . Дона! При таком допущении естественно, что на карте Европы никак не могли найти места для славянских племен.

На деле же руги, вандалы, лужичи, карпы, бастарны и другие были не германцами, а славянами.

Особенно диким также оказалось представление, что готы были германцами, на самом деле это были геты, народ древнейшего корня, ничего общего с германцами не имеющий. Йордан, историк 6-го века, желая возвеличить так называемых готов, прилепил к их истории многовековую историю гетов, очевидно пользуясь сходством названий.

Выяснилось также, что нашествие гуннов вовсе не было типичным нашествием азиатов-кочевников, они были в Европе и до 375 г. и появились в Крыму не потому, что прорвались через Керченский пролив, а потому, что открыли случайно возможность проникнуть в Крым через Арабатскую стрелку.

Мы не будем останавливаться на других важнейших и интереснейших подробностях, скажем только, что наши исследования привели нас к убеждению, что начальную историю Европы надо написать заново и огромной роли славян дать в этой истории надлежащее и правдивое место.

Четвертая проблема — это проблема письменности у славян. Письменность — важнейший показатель культуры. Славяне, издревле жители Европы, сталкивавшиеся с греками и римлянами за века до нашей эры, не могли не иметь своей письменности, ибо были не менее цивилизованными людьми, чем кельты, о которых еще Цезарь, т. е. до начала нашей эры, писал, что они пользуются греческими буквами для своей письменности.

И действительно мы имеем доказательства, что древние славяне пользовались особой системой рун, надписи рунами сохранились до сих пор. Автору удалось найти доказательства, что и так называемая глаголица и кириллица употреблялись гораздо раньше того времени, которое им до сих пор приписывали.

Глаголица повидимому изобретена в конце 4-го века епископом Ульфилой, именно на этом алфавите была Библия, переведенная им для славян. Ничего общего с так называемым „кодекс аргентеусом" эта Библия не имела. Готский „кодекс аргентеус" на самом деле написан не Ульфилой и не на готском, а лонгобардском языке.

Кириллица употреблялась задолго до св. Кирилла; уже в 861 году он встретил в Херсонесе (Крым) русина, у которого было Евангелие и Псалтырь, написанные „кириллицей". Св. Кирилл только усовершенствовал алфавит. Несомненно имелись и другие формы и попытки славян в разных местах Европы разрешить проблему своей письменности, однако материялы по этому вопросу не собраны и не изучены, ибо очевидно препятствие было в том, что не видели надобности в изучении „неисторического"

народа. Теперь же, когда эти „неисторические" народы переворачивают вверх дном жизнь „исторических", пора взяться и за эту темную, почти неисследованную область.

Пятая проблема — проблема „Влесовой книги". Это совершенно неизученный и только на 3/4 недавно опубликованный источних, повидимому летопись языческих русских жрецов, начинающаяся событиями задолго до нашей эры, и доведенная до Аскольда и Дира, но не захватившая вовсе Олега.

Это повидимому древнейший русский, оригинальный источник ,которым мы располагаем. Написан он в сущности на неизвестном славянском языке, представляющем огромные трудности для понимания.

Излагает он, как события уже известные в истории, так и в большинстве случаев вовсе неизвестные, ибо касается эпохи, вовсе не затронутой летописью Нестора.

Имеется много данных о религии древних руссов, которая в сущности была **монотеистической,** руссы веровали в Троицу, бессмертие души, рай и т. д. Излагается много обычаев, связанных с религией, приводится несколько изумительно красивых поэтических образов и т. д.

Но весь этот источник — груда совершенно хаотического материала без начала, без конца, с огромным количеством испорченных или утерянных мест. Объем предстоящей работы просто неописуем, ибо касается материала, занимающего до трех печатных листов. Когда и кто это сделает — неизвестно. Одно можно сказать, что это открытие выдающееся, переворачивающее все наши представления о прошлом.

Кое-что автору этих строк все-же удалось сделать, но разумеется, не в той форме и объеме, как это следует, ибо автор написал труд не для специалистов, а для широкого, но вдумчивого читателя.

Из вышесказанного следует, что большинство материала книги будет вовсе новым для рядового читателя. Придется очень и очень задуматься над многими вопросами нашего национального и политического бытия.

В процессе писания этой книги многое пришлось пересмотреть из того, что было чуть ли не постулатом в душе автора. Прежде всего выяснилось, что ни русским ,ни другим славянам не следует заниматься самоуничижением и тем паче самооплевыванием.

Славяне прошли очень долгий и трудный жизненный путь. Многие другие народы и империи их пали, а славяне остались. Остались, несмотря на братоубийственные войны и бесконечную борьбу с внешним врагом.

Три основных черты славян определяют их жизненный успех: необыкновенное трудолюбие, доходящее иногда до самоистязания, любовь к родине, часто даже неосознанная умом, и талантливость.

Пишучи эту книгу, ознакомившись с историей других славян, автор стал (он только теперь с горечью сознается) настоящим сла-

вянином, т. е. сознающим свое место и свой долг в семье других славянских народов. Нам долго не давали места под солнцем, самое слово „славянин" почти всюду означало „раб", нас до сих пор гонят в Азию, нас веками натравливали друг на друга, даже в истории не дают надлежащего места.

Но это время уже прошло, славянские народы поднялись и сами напишут свою историю, в которой будет правда и должное место каждому.

Сергей Лесной

ОБ ИСТОКАХ РУСИ

Когда мы говорим об истоках Руси, в нашем представлении тотчас же возникают: древний Новгород, Рюрик с братьями, Киев, Олег, варяги и т. д.

Как мы выяснили в большом нашем труде „История „русов" в неизвращенном виде" (1953-1960, 10 выпусков, 1775 стр., Париж), а также в ряде статей в журнале „Возрождение" (1960-1962), с варягами произошла большая и трагическая ошибка: „варяги" летописей вовсе не были и большинстве случаев чуждые нам по языку, вере и обычаям германцы, а славяне из западной Прибалтики, из области Полабья, т. е. Эльбы.

Народа „варягов" никогда не существовало, была профессия варягов, т. е. наемных воинов, но они обычно составлялись из разных национальностей (германцев, скандинавов, славян и других).

За одним из князей западных славян была замужем Умила, средняя дочь последнего новгородского князя Гостомысла, умершего без наследников по мужской линии. Еще при жизни, будучи уже старым, Гостомысл предложил новгородцам взять в князья его внука от Умилы. Однако, после его смерти начались раздоры, в результате которых два-три года было междуцарствие; дело дошло даже до войны среди славян.

Наконец, здравый смысл восторжествовал: решили последовать совету покойного Гостомысла и послали за его внуками по дочерней линии, проживавшими вовсе не в Скандинавии, а в землях западных славян, в нынешней восточной Германии, в области реки Лабы (Эльбы).

Таким образом, Рюрик был чистокровным славянином и привел с собой дружину из „варягов", естественно состоявшую преимущественно из славян.

Мы не будем останавливаться здесь подробно на вопросе о славянстве рюриковичей, ибо выяснили его достаточно в предыдущих наших работах и статьях и отсылаем к ним читателей, желающих узнать подробности.

В результате наших работ можно установить постулат №1: **„Рюриковичи" были чистокровными славянами.** Вторым постулатом является: **Нигде и никогда германского племени „Русь" не существовало;** существовало до 1168 г. **славянское племя Русь,** которое в упомянутом году было окончательно сломлено германцами, потеряло свою государственность, насильно германизировалось и вскоре совершенно исчезло со страниц истории (далее мы скажем точно, почему именно).

Однако, в 1113 г., когда писалась „Повесть временных лет", славянская Русь на западе, около устья Эльбы и острова Ругина, еще существовала. И русский летописец совершенно точно отметил, что посланцы новгородцев направились за князем к „варягам" — „к Руси", и счел нужным добавить, что эти варяги — Русь, **не шведы, не норвежцы, не англы и не готландцы!** Иначе говоря, не народ германского корня.

Он не употребил термина „славяне" потому, что такого широкого, расового понятия тогда еще не существовало, и ему, конечно, в голову не могло прийти, что через несколько столетий истинное значение слова „Русь" будет забыто.

Из „Життя Оттона Бамбергского", первокрестителя поморских славян, жившего как раз в эпоху написания „Повести временных лет", мы узнаем, что западная Русь называлась тогда „Рутения", народ — „рутенами", что является, латинским произношением слова „русины".

Из летописей мы знаем доподлинно, что жители области Киева в 9-м веке назывались „русинами", по-латыни „рутенами", а государство их „Русью".

Таким образом еще в начале 12-го века существовало две славянских Руси. разделенных огромным пространством: одна Полабская или Прибалтийская, другая Приднепровская. Первая была вскоре вовсе уничтожена германцами, вторая уцелела до сих пор и ее то именно и считают Русью, забывая о существовании первой, коренной Руси.

То же „Житие Оттона" освещает нам факт огромной важности: западная, прибалтийская Русь имела и другое паралельное, но чаще употребляемое название: „русины" назывались также „ругами" (отсюда остров Русин, современный Рюген).

О ругах-же сохранилось в истории гораздо более исторических сведений, чем о русинах. Напомним, что германские летописи называли княгиню Ольгу — „регина ругорум", а не „руссорум", показывая тем, что в 10-м веке „руг" и „русин" было одно и то же. Сведения о ругах в истории еще никем не собраны и не освещены, но несомненно они значительно расширяют и углубляют наши познания о „русинах", т. е. русских.

Мы подошли теперь к постулату номер 3: **в древности, еще в начале нашей эры, существовало в средней Европе огромное славянское племя Русь,** имевшее, естественно, много подразделе-

ний и частных названий, и отраженное в топонимике, т. е. в названиях различных мест,

Восточный отрог этого племени поселился на среднем Днепре и здесь образовалась „Киевская Русь", разросшаяся уже при Олеге далеко на север и восток.

Западная часть еще в 1168 году была политически уничтожена германцами, а затем и германизировалась. Но имелась, и до сих пор еще имеется, средняя часть древней ,первоначальной Праруси — это „Прикарпатская Русь", где и язык, и племя, и название „Русь" сохранилось до наших дней.

Отсюда мы видим, что Русь не сваливается, как бы с неба, на поле истории в середине 9-го века, — она имеет гораздо более древнюю историю. И мы можем различать три ее части: Полабскую, Прикарпатскую и Киевскую (Приднепровскую). Только зная историю всех трех частей, можно понять правильно, что такое Русь и откуда она.

Тацит в своем труде „Германия" упоминает западных ругов еще в 98 году нашей эры и притом как-раз в том же углу западной Европы. Отсюда ясно, что племя ругов идет далеко вглубь веков, еще до нашей эры, ибо для того чтобы быть упомянутым в 98 году, надо было иметь века и века развития. Тацит упоминал только очень крупные и важные племена.

Что же касается Прикарпатской Руси, то вряд-ли приходится сомневаться, что именно русины Прикарпатья входили в состав группы племен, напавших в 477 году на Юваву (ныне Зальцбург) под предводительством Одоакра, который назван в надписи на старинной каменной плите — „рекс рутенорум", т. е. „вождь русинов".

Ни история полабских русинов, ни история Прикарпатских русинов никем не написана, надлежащим образом не исследована и не освещена; многие даже специалисты-историки не подозревают того, что это можно и необходимо сделать. До сих пор и мы, и заграница питаемся совершенно устарелыми представлениями о происхождении и распространении Руси.

Нами сделана попытка осветить надлежащим образом вопрос: написана книга в 13 печатных листов: „Русь, откуда ты?", но когда и кто ее напечатает, неизвестно .все упирается в недостаток средств и косность массы „руссинов".*)

Как-бы то ни было, а проблема собирания „Русей", понимания истории Руси не в отрыве от других славян, уже встала перед нами. Уже есть стержень, вокруг которого можно объединять разрозненные, разбросанные повсюду сведения о древней, первоначальной Руси.

Не Иванами непомнящими родства являемся мы, а **одним из самых древних, основных народов средней Европы.** Это постулат номер 4. Только туман так называемой норманской теории мешал

---

*) Книга „Русь, откуда ты" была издана в Канаде в 1964 г. — О.Г.

выявлению истины. Не германцам мы обязаны своей культурой, а своим предкам.

Многие, и при том настоящие патриоты „матушки России" до сих пор не осознали своей кардинальнай ошибки, что мы самобытны и не удобрение для других народов, а только выдвинулись на сцену истории позже других из-за удаленности от центров древнейших культур. Это однако нисколько не мешает восстановить истину, что русины издревле не только вообще европейцы, а среднеевропейцы, в восточную Европу они пришли около начала нашей эры.

От устьев Дуная, Эльбы, Одера, Вислы, Днестра, через Карпаты к Днепру простиралась область древних руссов.

В течение всей древней и средней истории Европы русины (хоть часто и под другими названиями) играли огромную роль, политическую и культурную. Это был субстрат, на котором разрослась культура средней Европы. Потом и кровью, своим горбом создал русин все предпосылки для ее развития, но в силу целого ряда причин и обстоятельств, сливки, т. е. славу, приписали себе другие народы, вследствие своего политического господства.

Однако, этому господству пришел конец и славянство встало на ноги от истоков Дуная и до... Камчатки. В этом политическом подъеме сыграли огромную роль все русины: западные, средние и восточные.

Одна беда: истинной нашей роли мы еще в достаточной мере не осознали, а иностранцы вообще утопают в этом отношении в полном невежестве, ибо истинной роли славян никто из иностранцев не изучал, и это понятно: как можно браться иностранцу за синтез истории „неисторического" народа? Однако не следует думать, что нами руководит национальная гордость, создавая миражи, — имеется очень много солидных иностранных ученых, приводящих огромное количество фактов в пользу правильного понимания роли славян в культуре Европы. К сожалению, синтез этих сведений, который открыл бы глаза всем на истинное положение дел, не осуществлен.

Не нам лично, конечно, браться за такое дело, но расчистить дорогу мы все же пытаемся. Одним из путей к осуществлению этого является опубликование труда, который подводил бы до некоторой степени итоги нашим сведениям о древней Руси и притом в правильной перспективе, он есть (в рукописи), но кто его издаст?*)

---

*) Эта книга издана в Австралии в 1967 году.

ИСТОРИЯ РУСИ

В последнее время все чаще и чаще выявляются и устанавливаются факты, представляющие нашу историю в ее истинном виде.

В свое время, особенно с момента образования Российской Императорской Академии Наук, русская история подверглась „урезыванию", искажению.

В то время Академия была заполнена всякими иностранцами, зачастую мало или совсем не образованными, в подавляющем большинстве немцами. Эти т. н. ученые, под видом „научных трактатов", стряпали всякие небылицы о норманнах: что, де, норманны образовали русское государство и т.д., и т.п.

Эти незадачливые мудрые мужи отожествили понятие варяга с понятием норманна и таким образом „благоразумно" славян варягов подменили норманнами.

Воинские дружины славян — вендов, поморов, оботритов и др. русские именовали „варяжками"-варягами, в отличие от подобных дружин из шведов, датчан, — коих русские именовали свеями-норманнами.

К новгородцам и к князьям других русских земель (Киев, Смоленск, Псков, Чернигов, и др.) нанимались на службу, как воины варяги, так и воины из норманнов. Они нанимались для охраны торговых судов, идущих по Днепру-Славуте в Византию.

По возвращении воины-дружинники обычно поселялись в Виндеграде (нынешняя Виндава), либо в Любаве (нынешняя Либава), или же в самом Новгороде. Подобной службой этих воинов-дружинников вся их роль в образовании русского государства и ограничивалась.

Вообще же говоря, норманны были весьма мало культурны и дать что-либо Руси в деле создания ее государственности просто не могли; они являлись простыми наемными воинами и только.

Как таковые, норманны отдельными группами принимали участие в битвах русских с различными кочевниками, которые наседали на Русь.

Новгород уже в III-IV вв. являлся богатейшим торговым и культурным центром славян. Новгородцы владели письмом и счетом, столь необходимым в торговле.

Тем не менее пресловутые мудрецы из Академии упорно старались не замечать славян-русских и так же упорно продолжали твердить небылицы о норманнах с таким расчетом, чтобы огромную, культурную, могучую славянскую Русь подменить полудикими группами наемных воинов-норманнов. И все те, кому мешала православная Русь, приняли несуразную „норманскую" небылицу, втащили ее на страницы русской истории, и долго и упорно, вопреки фактам, логике, разуму и правде старались ее удержать.

Но на помощь русской истории-исторической правде пришла русская археология, языкознание и этнография. Исследования русских ученых в этой области показали удивительное единство археологических и этнографических данных (типа трупоположения на погребищах, вооружения, одежды, керамических изделий, утвари и других предметов обихода, а также и в их наименовании, и пр.). Это единство было подтверждено на огромном пространстве при изучении и анализе данных раскопок трипольской и фатьяновской культур, т. е. на огромной территории размещения славянской Руси. Установлено единство типологии от времен значительно более древних (до Р. Х.) с т. н. скифской эпохой, с эпохой близкой к первым векам по Р. Х. и с более поздней, т. е. с эпохой Руси, — научно подтвердив их историческую, органическую связь.

Этим самым „досужие домыслы" мудрецов, протиснувшихся в Российскую Академию Наук, о пресловутой норманнской теории образования Руси, полностью опровергнуты. Да иначе и не могло быть: уж слишком натянутой, пустой и бесталанной была эта т. н. теория.

Никаких следов т. н. норманнской культуры, норманнских погребищ или каких либо иных памятников на всем указанном пространстве не оказалось. Правдивые утверждения гениального Ломоносова нашли свое научное подтверждение — русские племена задолго до Р. Х. обитали на территории России и создавали великое Русское Государство.

Сейчас уже с большой достоверностью можно утверждать, что скифы — это древние славяне — наши предки. Точно так же как и то, что карпы являются предками одного из племен Руси, современных карпатороссов. Карпы и Русь один и тот же народ, как и венды-венеды, энды, анты, которых греки и римляне именовали то скифами, то сарматами, то скифо-сарматами, то тавроскифами, то русами. Это все тот же древнейший народ Европы — Русь, русены, ружены, росы, раша, расена и нынешные русины — Rutheny.

Этот же народ известен под именем антов, где слышится его настоящее имя венды-ванды. Часть из них обитала на севере, образуя общее с Литвой государство, многие же из них проживали в средней полосе и на юге. Несомненно, что в дальнейшем, на протяжении своего исторического пути славяне-Русь, под влиянием тех или иных причин вынуждены были несколько перемещаться то севернее, то южнее, то западнее, то восточнее своих первичных местообиталищ. Под давлением гуннов, аваров и других разбойничьих племен востока, славяне-Русь нередко отходили к северу и западу. Под натиском свирепых франков, саксов и прочего сборища различных племен т.н. Священной Империи (Карл Великий и его предшественники), наши предки вынуждены были отходить на восток и юго-восток. Иногда им удавалось возвращаться на свои родные пепелища. Нередко объединяясь, племе-

на славян-Руси давали должный отпор как разбойничьим набегом с востока, так и хищническим устремлениям запада. Громили аваров, хазар, печенегов, половцев; наносили жестокие поражения полчищам франков и др. вторженцам запада на земли славян-Руси.

С очень отдаленных времен наши предки стремились к образованию государственности. Следы Руси-россов в пределах огромного пространства от Урала до Карпат и от Балтики и Белого моря до Кавказа, Черного, Каспийского и Азовского морей встречаются повсюду, как то: Тьмутараканская Русь или Артания, следы ее находим на Кубани (ст. Мартанская). Артань-Русь, Мартань. Как смерть — истребление тьмутаракани (на наречии горцев).

Сурожская Русь — Русь в Крыму (от тавроскифов). Червонная — Галицкая Русь. Черная Русь, Карпатская Русь, Белая Русь (ростовосуздальские земли), Малая Русь, Великая Русь, наименование рек (Рось), городов — Русса, Старая Русса, Рос-тов и др.

Путь в праисторию Руси пробит: собрано много материала, который красноречиво подтверждает тот факт, что русы — древнейший народ Европы, существовавший до римлян и даже эллинов, что этот народ внес огромный вклад в мировую культуру. Пресловутая Нор-мания приказала долго жить. Сделано много, праистория Руси встает перед нами, но это только начало, впереди предстоит большая работа.

Юрий Миролюбов

О НАШЕЙ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

(Письмо в редакцию писателя и журналиста Ю. Миролюбова)

Не писал Вам, потому что по горло занят книгой „О князѣ Кiѣ". Она почти окончена. Много ухлопал времени и труда. Материалов почти нет, кроме наших Задонских Преданий. Я ими и воспользовался. Нашел и другие сведения, иной раз даже очень интересные. Князь Кiй был с Тиши-реки (Тиссы), притоке Дуная, из построенного им города Киевца-Дунаевца (по латыне „Циус"), откуда он, после больших военных трудностей ушел в Карпаты, затем в Княжгород на Роси-реке, который он укрепил и прожил там некоторое время. Оттуда ушел на Днепр и поставил Киевград при перевозе через Днепр, у Боршагова. По нашему мнению, Кий и является основателем Руси, следовательно, Руси не 1100 лет, а **тысяча пятьсот тридцать два** (1532)!

Летописец Величко, или Величка сообщает содержание Универсала Богдана Хмеля — гетмана: „. . . Русов з Руши от поморья Балтицкого, альбо Нимецкого, за предводительством князя их Одинацера, року по Рождествѣ Господнем 470, не побоялись и са-

мой римской силы и ветхий (Рим) был взятый и четырнадцать лит обладаемый", а Самуил Зорка, генеральный писарь Запорожского войска, у гроба Хмельницкого, говорит усопшему: „Милый вождю, **древний** Русский Одинацере!"

Из преданий известно, что князь Кий и Одинацер были в дружбе и чуть не пошли вместе Киев-Град строить. Карпаты сыграли огромную роль в образовании Киевской Руси.

Князь Кий, после ухода из Карпат, построил укрепления древного **Княжь-Города** на реке Роси. Он жил сначала там, потом же, под давлением готов и вероятно аваров, ушел на Днепр, и поставил град Киев. С ним были „хорпы" с Карпат, или же „васильки", как их называет предание. Полевой „василек"* было название Карпатского Руса.

Богдан называет южных киян — русами. И это имя, конечно, так и осталось бы, если бы не Монгольское нашествие и не Литовско-Польское владычество в Киевской Земле.

По мере того, как делаю поиски по этому вопросу, все более и более вырисовывается положение: **не северные русы или росы создали первое русское государство, а южные! Они — кровно близкие русам севера, у них не было никакого желания „самостийности"**. Самостийность это — позднейшая вражеская работа.

Никогда Кияне не хотели отделяться от Москвы. **Ведь и Москва пошла от переселившихся туда Киян.** Белохорваты же, Киверцы (Тиверцы), уличи,** сербы, словаки, карпатские русы образовали Киевскую Державу в Княжгороде, а затем и в Киеве. Эта держава уже обладала правильно организованной военной силой. Между тем, венды (анты), жившие северней, хотя тоже имели государство, но это было родовое государство, без особой организации, с выборным началом, текучим составом и постоянными ссорами из-за управления. В общем, это был **резервуар,** из которого черпали людской состав как Новгородская Земля, так и Киевская или Приазовско-Донская (Лыбедия).

Южные венды (анты) жили по Донцу и Дону, доходя до Азовского моря, и на Дону у них был порт, позже захваченный хазарами, и называвшийся **„Россия".** (См, А. М. Миллер „Дон и Приазовье в древности". 1958-60, Мюнхен, изд. Института по изуч.

---

*) Это название по сей день сохранилось в русских фамилиях северо-восточной части Карпат. Один с такой фамилией учился в русской гимназии в Моравской Тржебове в Чехословакии. Этот Василек был голубоглаз, с волосами цвета кудели.

**) В снинском округе, в западной части Закарпатской Руси, имеется село Улич-Криве, соседящее с селами Тополя, Колбасов, Кальна-Ростока, — О.Г.

СССР.). Порт этот потом устраивали византийские инженеры, по просьбе хазар. Однако порт **Россия** существовал до постройки хазарской крепости — Белая Вежа. Отсюда и ходила так называмая „Артанская Русь" в море, где торговала с берегами, к себе отнюдь никого не пуская. В то время купцы пробирались кудалибо, а за ними шли уже войска, и грабили все и всех.

Руги, ругсы, или же русы жили по Балтике, от Днепра и Карпат, и **Одоакр** не был **никаким готом**, но королем, „Рекс Рутенорум". Об этих временах очень мало сведений, однако мы знаем, что „славяне и анты прежде были **едины и носили** одно и то же имя" — так передает Прокопий Кессарийский — „после чего у них была война (междоусобие) и склавины (славяне запада) отделились от антов". Война эта имела место в III-IV веках.

Евгений Фенцик (поэт Закарп. Руси)

РУССКИЙ НАРОД

От вод севера холодных,
Где сверкает вечный лед,
До брегов Евскина теплых,
Где весна всегда цветет,
От волшебных стран Карпата
До верхов окрест Урала —
Всюду Русь и наш народ!
Тиссы волны где катятся,
Дон Иванович плывет,
Днепр, Онега где струятся,
Волга-мать суда несет,
Вокруг Ладоги, Азова,
И Казани, и вкруг Львова
Наш везде народ живет.
Часть шестую всего мира
Управляет русский глас,
Солнечного шар светила
Не заходит лишь у нас.
Если всходит над Карпатом,
Вечереет над Уралом,
А в Камчатке ночной час!
Храбрый наш народ и славный,
„Слава" ведь и наша мать.
На полночи, на востоке,
На закате и на юге —
Русская знакома рать.
Цареград дрожал пред нами,

Как Аскольд пред ним стоял,
И под русскими ладьями
Закипал Босфорский вал.
Мы веками отражали
Зло татарских грабежей
И Европу защищали
От алтайских дикарей.
Кто б не знал о славной Сечи
И о русских казаках?
Много их кровавы сечи
Низвергали градов в прах.
Кто бы мог дела все славны
Русского народа счесть?
Они будут величавы
Пока в мире люди есть!

ГЛАВА XII

ГЛУБОКАЯ ДРЕВНОСТЬ

Юрий Миролюбов

ЖИЗНЬ РОДА

(Повѣдка прабы Варвары)

Праба рано, до свѣта вставала, молилась Огнику, разводила печи, и когда горѣло добре, будила женщин, дѣлала варево, а там и Дѣд-Родич вставал, творил молитву, а за ним всѣ.

Поѣвши, всѣ расходились на работы. Дома оставались только старики и дѣти, да еще женки, у кого были малыя дѣти. Всѣ они что-нибудь дѣлали, потому что Дѣд праздности не допускал. Надо было либо плести корзинки, либо шить что, либо латки прилатывать на рубашки да на штаны. Если все было сдѣлано, находилась и другая работа. Кто из козаков был дома, дѣлал ложки, либо миски, а то — кожи мял, либо смолу топил. Кой-кто стал уже и свои улики заводить для роев, которые прилетали из лѣсу. Скоро Русы еще больше медом разбогатели. Домашняя свинья у них в лѣс ходила с поросятами, да иной раз встрѣтит дикого кабана, и приведет от него диковатых, сѣрых свиней. Старого кнура и сами Русы боялись, хоть он и домашній был. Ударит зубами, все тѣло порвет. Иной и поросят пожрет. Потому их держали отдѣльно. Зимой же волки от голоду и заберутся в хлѣв к нему, а на утро от двух-трех волков одна шерсть останется. Кнур их всѣх перебил. Такіе же были и бугаи. На них и волки нападать не отваживались. Русам с ними тоже трудно было. Без них нельзя, а когда они есть, так — берегись. Жеребцы тоже были буйные, и рѣдкіе Русы могли на них скакать. Обычно всѣх сбрасывали.

Утром Дѣд-Родич спрашивал, всѣ-ли здоровы. Если кто был больной, то его сейчас же клали на печь и лечили наварами трав с медом, поили крѣпким старым медом броженым, смазывали мастями, растирали, мяли кости, тѣло, и на другой день уже больному было легче.

К полудню всѣ возвращались с работы. В это время уже было готово варево, борщ, мясо, корни или зеленина. Ѣли все с хлѣбом, а хлѣб был черный, тяжелый. Послѣ ѣли пшенную, либо житную кашу, вареный овес, горох, фасолю, либо чечевицу. Запивали травяным чаем с медом ,либо узваром из сухих яблок, груш, вишен, и слив, или же пили молоко, сваренное в печи. Отдохнув час, шли снова по трудам своим. Если случилось что-либо важное: домовой нашалил, либо-ж вѣдьма появилась, собирались

всѣ и обсуждали, что дѣлать. Если хворала скотина, ее обкуривали дымом от богородки, чернобылья, пижмы, поили сладким медом с теплой водой и рыбным отваром, и давали ягод, или яблок с мукой. Если не помогало, смазывали ее дегтем, отдѣляли от другой скотины. Когда собирались люди для обсужденія разных припадов, Старый Родич объснял, к добру-ли, к худу. Все вообще значило либо доброе, либо худое в жизни. Видѣть бѣлую птичку, к добру. Видѣть рыжаго зайца — к худу. Возле криничек, у рѣчек молились, обычно раздѣваясь и обмывая тѣло. Невѣсту тоже сначала купали, а потом уже вели к свадьбѣ. Возлѣ Дуба собирались, пѣли славу Богу, и жгли богородку, кедровую смолу, а то и Грецкій ладан.

Когда идти на охоту, Старый Дѣд пускал стрѣлу прямо в небо. Куда она упадет, туда и охотники шли. Иногда для этого выводили Бѣлаго Коня. Куда он шел сам, туда и люди шли. Там была добрая охота.

Если кто помирал, его клали в гроб, гроб ставили на лодку, а лодку на санки. Это делалось потому, что мертвому надо было переплывать Большую Рѣку, а затѣм долго ѣхать по Студеной Землѣ. Говорили, что оттуда вернулся только один человѣк, звали его Гигла, либо Гилка, и что он один был на берегу Большой Рѣки,и что эта Рѣка впадает в великое Море-Окіян, и что там нѣт перевозу. У берега начат великій мост через море, и всякій усопшій оставляет там сани, из которых дѣлает добавку до начатаго моста. Когда всѣ люди перемрут, тогда и мост будет кончен. А другіе старые люди думали, что — „тот свѣт, как и наш, и что на том свѣтѣ — тоже надо ниву жать, снопы вѣнить, а вѣнча там — синее, а волы тоже синіе, и течет там Вода-Модрица. Весной же Хорос да Дажбо там поле пашут, землю орают. Лѣтом Купала да Дажбо с Ладой снопы жнут. И наши мертвенькіе тоже в Нави живут, и тоже сѣют, жнут, молотют.

Старый Родич — самый старшій дѣд в роду. Ему только вѣче одно могло сдѣлать указ, а всякій отдѣльный человѣк должен был слушаться безпрекословно всего, что дѣд захочет. Иной раз дѣд дурѣл от годов и власти, и тогда вѣче его скидало. Однако ж дѣды стали назначать себѣ замѣстников, отож сыновей своих. И стали себя звать то воевода, а то и князь-воевода. Бывало, что недовольных набиралось больше, чѣм надо. Тогда они накидывались на дѣда и душили его, а иной раз и с сыном. Бывало, что дѣд дурной и глупо распоряжается. И коли род чуть не гибнет от этого, тогда дѣда убивали, а на его мѣсто другого ставили. Однак, дѣд мог и смертью наказывать виновника. Тогда, коли дѣд был неправедный, вставала против него праба и бунтовала весь род. И тогда дѣда порѣшали. Если же дѣд праведно осудил человѣка, то того убивали шаблей, или же стрѣляли стрѣлами. А если дѣд, вмѣсто порядка в роду, заводил безпорядок, то род его скидал. Не хотѣл идти дѣд добром, его убивали. Тяжко было роду. Не мог род продолжать подчиняться дурному дѣду.

Иной раз, когда жгли покойника на санках и лодкѣ, на кострѣ, так кидали туда и связаннаго неправеднаго дѣда. Горѣл покойник, горѣл и дѣд. Нельзя сказать, чтоб было дуже добре, а только роду жить надо было, и если ему мѣшал дурак-дѣд, то дѣда убирали. Новаго родича хвалили, а потом начинали ругать! Оттого много бѣды знали русы и неустройства.

Русы праздновали четыре раза в году большiе праздники. В Колядины Дни, Святки, когда славили Святовида, Вышняго, Коляду, Крышняго, Хороса и Лютобора, пили квас-суряницу, который начинали приготовлять еще лѣтом, ѣли колбасы, свинину, окорока с кашей, яблоками-дикими кислицами, мочеными в капустѣ к этому дню. Ѣли житную, конопляную, пшеничную кашу с маслом, блины, оладьи, коржи. Медовики из житной муки были главными. Празднества начинались с зари и тянулись три дня. Когда от пива, квасу и суряницы люди уже начинали опохмѣляться, тогда являлись гусляры, пировавшiе до того вмѣстѣ со всѣми, и с ними повѣдчики, кобзари, сказники, пѣвшiе и разсказывавшiе про дѣла древнiя, про великих козаков, что врагов не боялись, про Марка Княжича, который бил ворогов по полсотнѣ одним махом, про богатырей наших, что шли на совбой*) с ворогом перед ратями. Про все, что когда-то было, разсказывали и пѣли они.

Когда праздники кончились, пѣвцов награждали, надѣляли всѣм нужным: хлѣбом, салом, колбасами, мясом, рыбой, кожухами, медом сухим и мукой, и отвозили их по мѣстам жительства, в санках со славой. Иной раз везли с собой горшок меда, и другой со свѣжей опарой, что начала бродить, и оставляли на медвѣжьей тропѣ. На обратном пути видѣли, что Мишка все вылизал и приношенiе принял, и даже потанцевал вокруг, выражая таким образом свое удовольствiе. Медвѣдь — главный звѣрь лѣсов, и если его не умилостивить, то и охота будет небогатой. Однако, медвѣдя будили, когда начиналась охота, коли не было звѣря. Если же звѣрь и послѣ не прибывал, убивали и хозяина лѣса.

Дорóгой всѣ еще были хмѣльны, и пока гусляры играли на гудах, всѣ русы пѣли и славили Коляду-Бога, Вышняго, Крышняго, Радогоща, Святовида и Хороса. Когда вертались домой, входили, говоря:

— Слава Дѣду-Сварогу! Проложили первопуток.

И Старый Родич спрашивал:

— А хозяина видали?

— Мы ехали, не видали, но меду и теста ставили, и когда назад ехали, горшки чистыми были.

— Ну, слава богам, — замечал он, — охота будет неплохая.

— Абы только Лютобор не помешал.

— А мы и его поважим.

---

*) Совбой — поединок.

И ставили в кустах приношеніе Лютобору: творог, оладьи, кашу пшенную с маслом. Коли через ночь все было съѣдено, утром Родич объявил: — „И Лютобор жертву принял" . Тогда же смотрѣли, принял ли жертву Род-Рожанич. Если и Род жертву принял, значит, все будет добре.

Вот, и сталось так, в степу новый народ хозяйничать стал. По ночам костры великіе загорались, днем дымы вставали. Прибѣжал гоняч, сказал, что комыры пришли с оланами, и требуют молодых козаков с припасом, чтоб от ворога обороняться. Кто сгодился с ними, а кто нѣт. Были такіе Родичи, что сказали: „мы — далеко живем. До нас не дойдут, и отказались помогать. А тѣ взяли да и пришли. Родичей похватали, и тут же им головы отрубили. Молодых забрали и погнали на полдень. Там они и остались. Стали Ярусланами. Поженились на оланских бабах да Кумырихах, и стали в степу жить. Тогда-то Веда-Русь Лѣсная собралася и Старшаго Родича всѣх родов выбрала. Ему же и воеводу дала. Так Руса-Веда соединилася не по добру, а степовой силою.

Одна стара Праба по снѣгу гадала, сказала, что больше войны не будет, но что молодюки до степу ушли, и назад не вернутся. Плакали по ним матери, как по мертвым. Сердились батьки на Родичей дурных, что до того Веду-Русу довели, та что-ж подѣлаешь. С того часу и Веда-Руса по-другому жила. Стали в родах сильными воеводы. Стали военную силу изучать. Стали себя и воеводами-князями величать. Стали жс и два крат в год по возу припасу Ярусланам давать. Як весеннее, либо осеннее торжище на Днѣпру, так и возам идти. Ярусланы забирали, родам кланялись, отцам, матерям, а их женки-оланки мало по нашему разумѣли, и дѣти, хоть и понимали Русу, так и оланщину казали. Ну, спасибо батькам, не забывали, что руского роду. Так и весь час до нас признавались. А если бывал ворог в степи, так они его били нещадно, и до Лѣсной Борянской Русы не пускали. А звалася она Борянщина, бо жила у Борянскому Лѣсу. И теперь еще тот лѣс прозывается Брянским. Великую силу имѣла Борянщина. Она так волохов побила, что за Дунаем была, и великія богатства привезла назад. Отож и волохи повидали, что Русы им не сломать. И не будь того, погибла-бы Руса, як обря. Так Ярусланщина нас спасала, первая за нас ставала, и послѣдняя уходила с поля. Однако-ж олани с каждаго рода Русы получали воз припасу и корму. И коли Яруслань приходила с Дунаю, так давала Русѣ и десять возов на род. Хотѣла Руса котлы, доставала котлы, то-меча, шабли, щиты, ножи. Сама-ж Руса ковала лучше, як Греци. Наши мечи были крѣпкими, з оцилу, а грецькіе крохкіе и ломкіе. Скотина грецькая была худая, невеличка, и всей корысти в ней, что дыряная шкура. Олей и вино были добрыми, соль також, и кожа, а посуда ихняя великая да тяжелая, каменная и Русѣ неудобная. Так за Оланя стала Руса, як и все, до Дунаю ходити, была та война долгая, аж до праправнуков. И ходила Руса с Брянщины с женками, с возами, коровами, абы и молоко было, и с дѣтьми, абы видѣли, что за война. Ранитые шли прямо

до воза, и там их жинка лечила, и кто хворый, також шел. И поили его бузиной, сухой малиной, девясилом, а гляди, козак и поздоровѣл. Обратно же, если семья оставалась на Брянщинѣ, то могли ее вороги побить и до отрочества забрать. Так батько шел, и семья шла. Греци же, если Руса была на Дунаю, на нее Гуняци наштвавали. Дадут золота, сребра, а те самьи вынищут. Потому и шли семьи на возах за батьками. Да и куда-ж добро дѣвать, коли в руки попадается?

Много Русы Брянской загинуло в той войнѣ долгой. Много и семей пропало. Грец похвалялся, что колограды захватывал.И неправда то. Захватывал он, когда черна немочь на Русу нападала, и люди вымирали от нее. Выживал только тот, кто часнык крѣпкій ѣл. Но гдѣ было достать часныка, коли все кругом было разбито и пограблено? Тогда и погибала Руса. А Грець придет и похваляется: „а то я все побил", да поскорѣе огня подложит, чтоб сгорѣло все, да чтоб люди думали, что и вправду, грец побил. Руса брала и золото, и серебро,но больше всего добро разное, сукна, оксамиты, горшки мѣдные, а такого, что не вѣдомо, что с ним дѣлать, не брала. Такое она рушила, била, жгла в огнѣ. Годяки тоже там же ходили, и все время безперестану мясо жрали, и хворали сильно. А Руса наберет перею до котлов, трижды выварит, а когда навар густой, только тогда в него мясо кладет. И Руса не хворала. У нея как будто зеленый борщ всегда был, а не одно мясо. Не было травы, Руса варила липовый лист, либо кропиву. Гдѣ Руса зерно найдет, там его на муку меж двома каминями дерет, хлѣб квасит, печет. А Годяки так зерно прямо варят, да нажрутся, да еще воды попьются, спать лягут, и потом животами мучатся. Руса же пекла то, что печено должно быть, и варила то, что должно варить.

За тѣ часы много Брянской Русы пошло чайками на Гречину, и не раз она ходила, а двадцать, а может и тридцать раз. О том старыя пѣсни поются. И если погибала Руса, так от дурных воевод. А гдѣ были умные, там Руса верталась с великой корыстью. Вертались с ними и рабы-отроки, и Русы их поселяли дальше на запад от себя, до Холодного Моря. Там они и сегодня живут. А коли Борусеница-Брянщина верталася до дому, было у нее всего вдосталь, и только шабли надо было перековывать, а то Грець их не дѣлал, как надо. Скотину грецкую також ѣли, а не плодили. Руськая была и сытнѣе, и крѣпче, и больше ростом. Ту сохраняли. А грецькую нельзя было с нашой мѣшать. Порода портилась. Такіе ж и люди были, мелкие да сухіе, и их до крѣпкой Русы мѣшать нельзя было. Потому их и селили до Холоднаго Моря. С той войны Руса и гречку привезла и стала ее сѣять. А до того Грець хитрый был, и продавал Русѣ уже драную гречку, чтоб Руса ее сѣять не могла, и продавал дорого. Привезли Русы и деревья, яблони, груши, маслину, только деревья тѣ морозов наших не перенесли, и пропали. Однакож, пшеницу посѣяли и она выросла. Греческая пшеница была безусая. Ее теперь зовут бѣло-

коркой. Грецовы бараны тоже долго не прожили у нас. Им было дуже холодно в зимѣ. Зато добрыя козы выжыли. Они и шерсть добрую давали. А сколько козаков погибло в Грецах, скоро и не посчитаешь. Годов тридцать Руса собирались с силами, а потом, как расплодилась, снова пошла на Волохи и Ромы. И тож еще больше добра принесла до дому. А что дома нужно? В лѣсу нужны стрѣлы, мечи, копья, ножи, чтоб от звѣряборониться, да это и все. Даже котлы, если нѣт, можно глиняные употреблять, а вмѣсто каменных тарелок деревянными обходиться.

Юрий Миролюбов

О ЮЖНО-РУССКОМ ЭПОСЕ

Наши ученые до первой мировой войны почти сплошь „норманисты", говорили: „на юге России эпоса не сохранилось."

Это было голословное утверждение, ибо никто из господ профессоров не потрудился съездить в деревню, поискать, послушать и записать. Нам, жившим именно в деревне, и вблизи народа, известно, что на юге России было сколько угодно легенд, верований, преданий, сказок, сказов (даже длинных), изустных поэм, передававших древнюю традицию русов. Этими преданиями и эпосом никто не интересовался! Профессор „барин" и не мог их услышать, так как мужики при нем умолкали. Баре, де, считают это „баловством" значит, „при господах" об этом нечего и заикаться. Этому помогали еще воспоминания о недавнем крепостном праве. Были еще деды, ходившие в молодости „на барщину". Простой человек не скоро начинает верить барину.

Древнейшим передатчиком традиций племени был сказатель, или бард; он пел, вторил себе на гуслях, кобзе или бандуре и пересказывал речитативом прошлое племени: битвы, победы, переселения, тяжкие и радостные минуты.

При сказателе был еще прорицатель, указатель воды, он же водичар, знахарь-травоед. Уже к первой мировой войне зачастую бард и знахарь были в одном лице. В настоящее время, на 46 году советской власти, они вывелись повсюду, между тем они были **пережитками родовой структуры народа.** За ними была глубокая древность.

Таким образом народный эпос оставался в народе, но до „господ" не доходил. Среди разнообразных событий прошлого, удержавшихся в народном эпосе юга Руси, было и такое: „За (часы) царя Панька, та земля була тонка, ногами копнешь и — воду пьешь". Это явное воспоминание если не ледяного периода, то во всяком случае, болотно-лесного (дреговичи, „дрегва" — болото). Там действительно были повсюду места, где вода была близко поверхности. Достаточно было копнуть, чтобы в ямке собралась вода. Таков характер местности в полесских лесах. Там обычных

погребов не делают, ибо зимой, весной и осенью в них будет вода. Для хранения картошки вырывают в земле неглубокую, но широкодонную яму, ее обмазывают толстым слоем глины, втаптывают в него соль, и насыпав соли на дно, накладывают мелких веток, соломы, и выжигают. Когда работа кончена, вычищают это помещение. Глина от огня запекается, а соль дает „полуду", через которую вода не проходит. Помещение заполняют картошкой с древесным углем (чтобы не гнила!) и закрывают сверху соломой. В таком хранилище, хотя бы кругом все текло, обычно бывает сухо, и картошка хорошо сохраняется всю зиму.

Южно-русский эпос, особенно в сказах (например, „Сказы Захарихи") сохранял черты прошлой жизни, обычаи древности, и разные события, о которых мы больше ничего не знаем.

Крестьянская организария, или деревенский „мир" была еще отголоском „вервия", или „матицы", заменившей род, как начальную форму союза семей для самозащиты. Еще ходили „десятские" и „соцкие" с медалями и суковатой палкой в руке, а на краю села стоял столб, и на нем ржавая вывеска: „деревня Гуляево, домов столько-то, мужского пола столько-то, женского — столько-то. Все это сохранилось со времен архаических, когда первыми князьями Киевской Руси — Кием и другими — взымался налог натурой, с каждого „дыма", т. е. очага, следовательно — семьи. Тогда же было введено и деление воинов — мужчин, по десяткам и сотням, а их вожаки были „десяцкими" и „соцкими". Эти названия существовали в Стрелецких полках до Петра Первого, а в деревне они остались до революции 1917 г. Таким образом южно-русский эпос еще имел на что опереться — „мир", „дым" и другие пережитки древности. Все это было, конечно, **еще языческим, но языческим оно было в прошлом, а в настоящем оно стало народным,** на чем жила, как **на повче,** русская народность. Между тем архиереи и губернаторы всячески эти обычаи и „русскую почву" искореняли, лишая таким образом русский народ его почвы. Это тоже одна из причин, почему народ не доверял „господам".

Зимой, ранней весной и поздней осенью делать людям было нечего. Молодежь сходилась на „вечерницы", обычно у какой-либо вдовы. Там девчата вышивали, вечеряли, танцевали, пели песни, и там же кто-либо рассказывал „про старовину стародавнюю". Здесь и царствовал полностью эпос, фольклор, сказы, сказки, поведки, думы, предания. Это были несомненно еще **языческие** собрания,хотя о прежних богах там говорилось мало. Попасть туда „барину" было просто невозможно. Мне приходилось бывать, поэтому могу сказать, что там никакого „рукам хватания" не было, все было чинно, весело, но без всякого распутства, описываемого христианским проповедником (см. примечания Ильи Тероха, „Славяне и Карпаты", Нью Йорк, 1941 г.). Хлопцы и девчата меня на вечерницы приглашали, потому что я среди них жил, вырос, и они меня любили, как своего. Народ чувствовал, что я его уважаю, и он меня уважал. Я не был в его глазах „паном", хотя

меня они часто величали „панычем". Южно-русский эпос рождался в этой среде, потому что так все шло еще от дедов.

Потребность в театре и музыке у народа была, а удовлетворить ее он не мог иначе, как своими силами и средствами. Здесь было и хоровое пение, и гармонья, и бандура или кобза. Случалось присутствовать при весьма интересных песнях, как в смысле языка, так и содержания. Там же я слышал и Захариху, которая позже жила у нас, во дворе, в летней кухне, где и скончалась. Пользовалась она от нас решительно всем, что нужно, и помогала раз в неделю печь хлебы, которые всегда пекли в большой печи, в летней кухне. Летом же готовили во дворе, на „кабице", печи на открытом воздухе. Мать очень любила Захариху и сама она к нам привязалась всем сердцем. Это была чудесная женщина, энергичная, добрая, веселая и очень разумная.

На вечерницах она декламировала то на распев, то речитативом свои Сказы. Первоначально, будучи мальчиком, я не понимал великого значения этих сказов, но когда Тихон Петрович Попов, наш инспектор и учитель истории, услышал от меня про Захариху, он заставил меня записывать сказы. Вскоре их набралась целая большая записная книга. Судьба была мне благоприятна: я все потерял, но почему-то сохранил эту книгу! Теперь я ее изучаю, вспоминаю, и стараюсь расшифровать стертые от времени, карандашные записи. Разобранное я печатаю то там, то здесь, как удастся, и несколько сказов напечатал в „Жар-Птице", когда редактировал ее, т. е. от 1956 по 1959 г. включительно. Другие сказы были напечатаны в „Свободном Слове" (Ньюварк, Нью Джерзей), карпаторусским журналом.

О сказах я говорил в Праге проф. Нидерле, в 1921-22 г.г., но он прочтя их, вернул мне, **не сказав ни слова.** Он был „норманистом", и **Сказы шли в разрез с его работой!** Проф. Д. П. Вергуну он сказал: „если я их приму всерьез, **мне тогда надо переделывать все мои работы по** "Slovanské starožitnosti"! **Наоборот,** Д.П. Вергун был в востроге от Сказов и требовал, чтобы я трудился, не уставая, над изучением славян и их прошлого. Мир праху его! Это был восторженный друг всего славянского!

Такова история южно-русского эпоса. Мною сделан кой-какой отбор материалов, и все, конечно, остается непечатанным.

Содержание южно-русского эпоса, по Сказам Захарихи, — героические сказы про степных царей, русов, Ярусланов, про „Ириев, Скочев, Кѣльцев", и „Сказы про князя Кия".

Сан-Франциско, Калифорния, США, 1963.

Ю. Миролюбов

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ЛЮДИ ПРОШЛОГО

В этом кратком рассказе я буду говорить о простых людях в деревне, которых знал. Право же, о простых людях мало кто пишет. Между тем, это были люди интересные, часто столь мудрые, что и среди образованных таких не было. Такова была наша **„Прабка" Варвара.** Она издавна, еще с крепостного права, была в семье деда нашего, по отцу, и затем перешла к нам, в семью, на правах нашей семейной боярыни. И вправду, она была как древная боярыня. Росту высокого величественной осанки, добрая до беспредельности, но твердая в решениях. Она воспитала отца, и последний ее уважал настолько, что когда „прабушка" скончалась, то не знал куда деваться и что делать. Мы, дети, любили ее до самозабвения. Она была нашей Хранительницей огня, она была источником традиций, и всегда ратовала за „дедовщину", то-есть, за исполнение древних обрядов. Она же знала множество преданий и легенд. От нее я узнал о древнем русском прошлом более, чем в университете. Мои работы по родному фольклору и древней нашей истории и преистории, целиком направлены ею, и во многом я ей обязан, так как задавленная „норманистами" наша история не давала той полноты знания прошлого, которое я получил от прабки Варвары.

Вторая женщина, преподавшая мне огромные знания фольклорно-легендарного характера, была старуха **Захариха.** Я так и не знаю ее настоящего имени, да это и неважно, в конце концов. Она переехала к нам во двор, жить в летней кухне. Это была настоящая сказительница южно-русских бывальщин. Если прабка Варвара передавала предания и сказки, а также обычаи прошлого, то Захариха передавала настоящую альтерированную историю и преисторию в сказках. К великому счастью, записи мои, иной раз хоть вкратце, ее сказов, сохранились. В этих сказах вырисовывается древнейшее прошлое русов, имена царей, князей, воевод, описание войн, нашествий и других событий. В настоящее время я привожу в порядок эти сказы, и если будет возможность, напечатаю их.

Дед **Канунник,** живший за селом, в курене, где он стерег бакши, то-есть, огороды, в которых расли помидоры, огурцы, кабачки, тыквы, арбузы и дыни — знал много разных сказок, иногда легенд и поверий. Однако и он был полон фольклористического материала, и всегда охотно говорил о нем.

Кобзарь Олекса, заходивший к нам временами, иной раз три и четыре раза в год, пел песни древнего, до — Рюриковского эпоса Киевской Руси. Мне удалось записать, если не все (куда же там, все!), то главнейшее из его песен. Это у него я узнал, что „Русы-Аразы,* или Ойразы, или же Озары, с острова Араз, на севере". Это был древнейший отголосок нашего прошлого. Он же

говорил, что „Русы — дети Света и Солнца Разума, и на их острове кланялись солнцу и боялись Лиха Семиглавого, Змеи, Матери Змея — Горыныча, тоже семиглавого". Он же утверждал, что трезуб князя Кия оттуда же, и обозначал он Яворуну, божество неба, Орион, видимый в северном углу неба.

— Отож Бог сказал: видишь отѣ звезды?

Царь Свагор ответил: „видю".

— Ну, так зроби себе такой трезуб, и им будешь править людьми.

Итак царь Сварог стал править людьми при помощи трезуба, знака царской власти.

Это кобзарь Олекса пел, как „боги стали царями русов, щуров и пращуров наших, и как русы сами были „внуками дажьбожьими". Этих несколько замечательных простых русских людей сообщили мне сведения, каких я нигде не встречал. Конечно, является моим долгом сообщить их, ибо из-за революции вряд ли уцелеет что-либо от древнейшего русского фольклора. Между тем изучение фольклора насущная задача науки, ибо в нем часто находятся звенья прошлых событий, неизвестных официальной науке.

Друг с другом эти русские люди не сообщались, но говорили о сходных событиях и фактах. Так, дед Канунник говорил об ирисе, что это „Перунка", перун-цвет, о чебреце (богородской траве), что это — „Ладин-цвет", о волошках (синий василек, хлебный василек), что это — „Велес-цвет", а о девясиле — что это — девять раз дивный цвет, или „диво-цвет". Позже нам довелось слышать в Словакии песню, где девясил назывался „деватеродивный цвет". Таким образом, эти фольклорные выражения из Задонья перекликаются с общеславянскими. Значит, они идут из глубокой древности.

Дед Канунник особенно любил возиться с лекарственными травами, которых у него сушилось множество. Те же травы собирала прабка Варвара с нашим отцом, и отец прекрасно знал траволечение, и применял его весьма часто к больным. Все, что было в книгах о траволечении, он изучил. Прабка сама знала много, и поучала отца, как именно и когда собирать травы, и против каких болезней какие травы употребляются.

Мне выпало счастье знать этих замечательных людей, многое из их рассказов запомнить, другое записать, и вообще вжиться в их представления и психологию. Позже я узнал с удивлением, что эти люди знали древнейшие события преистории русов. Так, например, Захариха сказала однажды: Князь Кий одвоевал Русскую землю, позвал каменщика и сказал: — „отож

---

*) В венгерском языке слово „русский" на письме передано как "orosz", также и произносится. Но в Венгрии, в местах расселения уже омадьяренных половцев, то же самое слово звучит как „арас" (ед. число) — арасок (мн. ч.) — О.Г.

выбей в **белом камне след** моей ноги, поставь трезуб, Солнце, и чтоб моя нога была вдесятеро больше, а после мы поставим камни **те на границах Земли** нашей.” Эти камни Захариха называла „конами”. „Кон”, вероятно значил — „каган” (тюркское сл.), или же князь. Такие камни найдены.

Юрий Миролюбов

СКАЗЫ ПРАБКИ ВАРВАРЫ

Колышутся буряны, шепчутся и зеленый дервий им отвечает и буркун желтый да белый. Говорят они катранам, колокольчикам синим, такое слово: „Растет пырей, растет цикорий желтый, голубой на кровях великих растут они! Тут ходили богатыри русские, тут воевали воины, казаки вольные. Бились они за степ родной, за семьи свои, стада, волю голубую. И всю жизнь бились. Как рожала мать сына, так и плакала, что от руки ворожей падет он. Как рожала дочку, так плакала, что рано вдовой будет. Убьют ее мужа, и хоть род-племено не даст гладом загинуть, но и жизни не будет веселой своей. С востока идет враг постоянный, жестокий. Каждый день война с ним! Каждый день — кровь, раненые, убитые.

На западе другой ворог все время встает, назад пройти хочет, в степ, где раньше жил. На юге — вороги греки. На Дунаю — ром, волохи, и везде война, война без конца-краю, страх, ужас, смерть, разорение. И когда козак идет в сторожу, берет мяса и воды на три дни. Может, ранят, та никто и воды не подаст.

Сидят вояки в траве, травой обмотались, и на шапки травы нацепили, глядят вперед, днем и ночью. А придет ворог, бьются за землю свою тоже и днями и ночами...

Не имут порады русы ниоткуда. Только на полночи Веда своя. Там — мирно и тихо. Там — леса и Боруса в них. Кругом же — направо, налево, прямо — вороги. Нет от них спасу. Треба вечно с ними за свое, родное биться. Сам царь, князь, воевода так живут. Сидят, либо ж лежат на возу. Кругом него — последня ратя. И коли ж ворог идет, так и царь попереду, свое племено защищает. И куды ж денется, коли ворога много? Зовет боруса до себе: идите до нас, коли силы нет! Мы вам поможемо. Та, коли ворог нализет, так и идет Руса Степовая до Борусы. Там отпочивает. И тож в лесу травы мало, много зверя дикого. Та коли ворога не мает, так треба со зверем пратись. Тай на охоте много люди погибает. И тамо не иди, и семо не сиди. Та не дай Бог, побьют! Пропали коровы, кони, овцы, пропали жоны, дети.Старых зарежут, грудных немовлят побьют, а подростков та середущих продадут в рабство грекам. И те у нас на берегы морски сели, и жадно ждут, коли людей, як скот пригонят, и вже лади

приправили, и зараз людьми набили, в море погнали... Глядай, потом, можно побачишь побачишь братов, сестер, та жену молодую.

Ну, а щож робити? Камо ити? На кого надеяться? А то грец подговорит, одно племено на другое ударить, а коли ж они бьются, так подпустят ащей третье племено, та побьют таборы. И коли ж тые кончут войну, та вжеж и родичев не мают! Один грец радуется, доставши отроков задешево.

С того часу стали племены и таборы с собою брати. Аще колиж могли, так до Веды на полноч, в леса засылали. Теж в зиму скоты до леса не погонишь. Треба сено, а сѣно в степу. Побачили племена и роды, ащеб загынути час приходит, и сговорялися, абы всѣм вмѣсте воевати за самомалую войну. Цари-князи пили братское вино, а побраталися, стали всѣ за одно. А теж присылали цари коропатски гоныча, и сказали, что силы на волоха вже не мают. А то пострадалася сила их за двѣсти годов. И не было им часу отпочинути. И також брянский царь отповѣл, же иде и пошел за силою великою степовою на волохи.

Коропы же забрали добро свое и шли таборами до Веды, и там на брянщину, абы отпочинути по цѣлому вѣку войны. И вжеж земли по Дунаеви, а коло Дунаева были знищены а в городнях не было ани людей, одни звѣри. И таборы брянские шли, надѣв на коней кожану одягу, и стрѣлы волоски не могли кони достать. Скоро видѣли волохи, яко брянщина есть сила новая, и не могли допереду достатися, и одошли назад до Тисы. Тоди ж брянщина вдарила грозно и была доразу далеко за Дунаем, на полудни. Храбрость брянщины и днесе вѣдома. Волохи не могли быть большими. Боруса Брянская шла на смерть, волохи же хотѣли жить. Гнало их начальство, а самым им и не хотѣлось. Шли русы до полудни, обы землю рать, а волохи хотѣли побить русу, а Землю Скутску, а скот руський, та людь зотрочить, та робить на волоха-пана заставить. Так тож Русѣ было лѣпше смерть принять, и полила щедро бурян своею кровью Руса, своей и чужою. А с того растут сильно буряны, а с того квѣтут красно, бо то — кровь наша в них. Ото ж мило нам бачить степу. Костьми нашими повный степ. А там, где ж кровь наша лилася, там Руська Земля есть. Поскачи, юначе, до степу того, а сбий вражи головы, а одрѣжь руку, которая землю ту забрать себѣ хочет. Пролый кровь свою и чужую. Так тебѣ дѣды сказали. Бог прийде справа тебѣ и поможет. Бийся! тягни допереду! А то есть сдревня заведено так, и николи не измѣнится.

Собирали цари-князи волоских отроков, а кто грамотѣ знал, заставляли писать. По степу цѣлому гончи скакали, вѣсти давали о войнѣ. Шла каждого дня война. Сто годов шла война такая, шли таборы и колы, всѣ вояки поранены, табор забирал их, лечил, кормил и шел до Веды, на полночь и на его мѣсто шло другое племено, тако ж люди рождались и умирали за часы вой-

ны, и никто против того и слова не казав. Выбору не было, треба было „фрячити",[1]) идти битися.

Было так, ащеж цѣлы племены загинули. Так исавуры всѣ пропали. Но коропы не пропали, — они в горах поховались, и на Вѣду отошли. Волохи брехали, же их знищили. Ганьба была волохам, як не могли побити коропов. От той ганьбы и брехали. Кажну войну волохи посчитали за побѣду, а як их били, так про то не повѣдали. Легы ставили стѣны, ярки рыли, а наша Руса — табор колом ставила, а захотѣла, так колом ѣхала. куда хотѣла. Волохы не знали, як битись с Русою. Восени вѣтры починали дуть полуночные, так Руса траву запалит, и все горит перед нею, а она колом идет слѣдом, звѣря посмаженого, птицу, зайцев Руса подбирает, чистит, ѣст, а волохи идут и голодуют, и треба было их бити, небож волохи бо Руську Землю забрали и люду познищили. Руса подбирала битый скот, кони, звѣри, та кидала до воды. Колиж леги хотѣли за Русою погнаться, та не могли воды достать напиться, вся мертвиною отравлена была. Руса пырей косила, трикрат з него ощаву варила, а траву выкидала, та колиж стане густа, давала до того мясо, сало и добрый борщ ѣла.

Волохи же с мертвого скота мясы рѣзала, ѣли, отравовались, животами помирали. Колиж сича наставала, так Руса сильна, хоробра была, а волохи усотва мечи поднимали, а не могли стрѣлювать. Та не день то было, не мѣсяц, ани год, а триста годов с лишком.

Отож таки травы, будяки, та буряны наши сильные. На нашей та волоской крови повыросли. Спит слава в могилах тѣх, в будяках, До конца свѣту спать будет.

И колиж Руса шла за Дунай, по морю чайки козацкие шли, и на кожной по полсотни вояк было, и было тѣх чаек пять тысяч, абож половина тьмы. Много добра взяла Руса тот крат,анеж греця та волоха не знищила. Сильный еще был ворог. Долго ащеж билась Руса. Долго лила кровь чужанскую, и свою по Дунаю, аж черленый став Дунай тот.

---

*) фрячити — воевать (Ю.М.)

НАРОДНАЯ ТРАДИЦИЯ

Самому пристальному вниманию гг. историков

Народ бережно хранил свою историю в сказах, песнях, легендах, в привычных формах. Так, солдатские письма, московские-ли, южнорусские-ли одинаково употребляли одни и те же выражения, и эти письма указывали на близкое родство северных и южных руссов. Я говорю о письмах, что сам писал для солдат под их диктовку: — „кланяется вам сын ваш Иван, от бела лица до сырой земли!" Откуда эта? Что это? Объяснение мне подсказало одно из таких писем. Уже пожилой солдат диктовал: „кланяется вам брат ваш от белого лица и Януша Рыбного до суры-земли, матери нашей!" Тут я что-то вспомнил. Нашел я в записной книжке по фольклору, которую возил з собою, еще детскую запись песни кобзаря Олексы:

„...Та за Януша Рыбного, що вытерпел
Часы злые под Русою,
Коли йшла она из Ойразу,
Из Озарю до Ирия, Раю птичьего,
Та до Резы, до Хаты, до Шубы...
Тай до Дону, Днипра широкого.
Нехай ота кобза, ота гудьба
Слова славные преспевует,
Та нехай Русу нашу поддержуе!
Нехай самогудьба их опакует!
А мы тем пращурам поклонимося
От лица белого человека, яко семе,
Та до Сурои земли-Бабы-Славы,
Великой нашей матери,
Аж от Януша Рыбного,
От Кущобца Копытного,
От белого лица низкий поклон!
Слава ему потерпевцу нашему

Вот эти слова я вспомнил и вдруг... понял! Формула была преисторическая. Она содержала слова: ...от лица белого человека до Божественной Четы, солнца Суры[1]) и Земли-Матери — низкий поклон".

Вот чего не хватало в письме солдата, который сказал мне: „Ты вашброд, наших писем писать не умеешь! Уж не обижайся!" А я этих слов попросту не записал, и тем нарушил многотысячелетнюю традицию народную.

---

[1]) В Снинском округе (Пряшевская Русь) по сей день бытует фамилия Сура (О. Г.).

Фельдфебель Заруба, о котором я напечатал под одноименным названием рассказ в газете „Россия", есть лицо подлинное. Я только не мог напечатать (из за требуемой газетной краткости рассказа), что он же мне говорил: „напрасно вы, вашбродь, пропустили — „от бела лица, до сырой земли", солдаты дуже обижаются! По ихнему, это — **главное в письме!**" То есть, как „главное?" я что-ж дурной, что-ли, понять не могу?". — „Никак нет, вашебродь! Вы еще молодые..." Он не мог сказать: „Ваша грамота — не наша, не народная, а потому вы и не знаете!" Заруба был прав!

ОТРЫВКИ ИЗ ПѢСЕН КОБЗАРЯ ОЛЕКСЫ

Ой плачет, плачет мати
Рано на зари, сына снаряжаючи.
Та берет она земли в хустку,
Та Благословляет сына ею,
А так возговоряет вона:
Ѣзжай, сыну милый,
Ѣзжай батька глядать
Десь поѣхав на сход сонцю,
Тай до дому дорогу забыв! —
Ѣдет сын по степу широкому,
Та не день ѣдет, два мѣсяцы,
Тай с ним другой конь добрый,
Абыж змѣна была первому.
Ѣдет сын, людей пытается,
Тай находит батька пораненого
У чужих людей, на возу лежачого.
Берет сын батька, на конь садит,
Сам рядом идет на коню своем,
И тако до дому вертается.
Довез до дому, буркуну нарвал,
Подорожнику широкого,
Звѣробою цвѣтучого, деревию.
Стала мати с медом травы варити,
Стала батька поить, лѣкувати,
Тай стал он выдужувати.
Были счастливы батько с матерью,
Аще сына такого имают.

А тож мати — Земля Руська,
А тож батько с сыном — сонце та люди руськи.
А не любили б вони Землю Русу,
Тай не було б и нас, брате,

На свѣтѣ совсѣм, ани вспомину.
Споминьмо Меджака, то звона мира
Тай Свану — Лыбедь нашу
Яку Гадяча коньми розорвала.
А вспоминьмо усѣх, кого ж за Русу
За землю нашу вороги повбили!
Слава им и память!
Слава тричи а память навѣки!

***

„. . . Та були-ж наши щуры, та пращуры, прады та прабы у горах высоких, та пасли вони там скотину-ходобу ,та був у них царь — Мандарь, тый цар сказал, щоб Руса до пивдня ишла, бо птица-сокол соняшный йому тое повѣдала. Так ишла Руса аж до Шуму . . .

***

Повий, вѣтре, та над степом,
Над степом широким.
Повий, вѣтре, на стары могилы,
А в них же русская слава лежит.
А в них люди-русы,
Хоробрые вояки лежат;
Впали вони за царя Сварога,
За царя Вентаря, за царя Вершу,
За царя Гороха, та за царя Панька,
Та за Януша Рыбного, що вытерпѣл
Часы злые под Русою,
Коли йшла вона из Ойразу,
Из Озарю до Ирия, Раю птычого,
Та до Резы, до Хаты, до Шубы,
Тай до Дону, Днипра широкого.
Нехай ота кобза, ота гудьба
Слова славнии преспѣвует,
Та нехай Русу нашу поддержует!
Нехай самогудьба их опакует!
А мы тѣм пращурам поклонимося
От лица бѣлого чоловѣка, яко семе,
Та до Сурои Земли-Бабы-Славы,
Великой нашей Матери,
Аж от Януша Рыбного,
От Кущобца копытного,
От бѣлого лица — низкий поклон!
Слава йому потерпѣвцю нашому,
Слава потерпѣвцю великому!

ОТРЫВОК ИЗ ПЕСНИ КОБЗАРЯ ОЛЕКСЫ

Отож гетьман Любодянский
Послал гоньгчей до Ярусланев,
Ащеб рекли, яку бѣду Руса мает
От Магы-Угры злое,
Що людей рѣжет, та скот бере,
Ащеж того Магы-Угры досит
А вжеж и дня не сбуло,
Як налѣтала Ярусланя
по — три комонь на ту Магу.
А теж била ее та кривавила,
Тай гоняла посеред степу,
Та не давала ей ни минуты дыхнути.
Скоро побила Яруслана все,
Скот забрала до полону,
Тай продала того грецю,
А скотыну отдавала Руси,
Та тож хвалювала руса Лободяна
Ярусланy тричи слава.
А гетман Загура рѣк,
Абы Ярусланy Руса почитала
А николиж ее не забыла.

„СКАЗ ЗАХАРИХИ ПРО КАРПАТ-ГОРУ ДА КУЩОБУ"

— Отѣ старыя травы, що берегут кости хоробрых вояков,
та ростут кругомъ, окрывши щелопы,
та меча ржавые, и зброю старую,
так отѣ травы — буркуны, лопухи высокие
знают, як собиралася сила степовая великая,
на волоха злого, на ворога старого,
на набѣжщика, налѣзича непорядного.
И то Кущоба-Царь сказав, аще будет сам вести хоробрых,
И шли до него зо всего степу хоробрые вояки.
и тамо головы свои сложили бояни,
и тож волохи видѣли, яще прийдет новая сила,
так пройдет она за Дунай синей и оберет Межу та Дячину,
и той силы волох не поборет.
И кажен день была там вала великая, и волохи
не змагалися витязиться, и могли только
за стѣны сховатись, а сядеться,
и оттам — отудь боронитися.
И тож скоро-скоро сила Кущобская, а сила Фрякова позменьшилася.
И тоди-ж позвали гоньгчи квѣт весь степовый,
до поля, до сѣчи великойи.
Прыйшла нова сила Кущобская, и волохи погнала на Карпат-Гору,

Царя волоска убила, и пройшла до Тыши и даль за
Дунай.
Таж земля названа была Дячина,
бо тамо, дякы Богу, фрякы-вовки вояки незадарма
головы поклали.
Была там побѣда великая, и волохи оттам — туды
отбѣгали,
яко овцы от вовков лютых.
И забрала фряга веньская Усю землю с Карпат-Горой
и с Дунаем синим, и выйшла до Земли, іеж назвала
Фрякою.
А колиж война, прява кончалася, прийшла Гадяча
та хотѣла також волоха здобывати.
Так стала Гадяча на Фряки налѣзати та их штовхати.
Та была великая Сѣча,
тай была-ж Гадяча прогната.
Отож слава богам нашим, а воякам хоробрым,
а Кажному роду, що вояков подавал
до поля сѣчевого, до славного!
И тыж, Земле Дякова, велика еси,
и еси бо Русена — Земля нашая,
и житя в тебе немает тихого,
яко еси, Земле Сѣчи, а крове вашей,
и ворога, волоха крове!
А поыта сытно кровами до гирдла,
и жажды немаешь виче,
и отож Русова Земле еси.
Хоронь-бо деревием щелепы наши,
кости, мечи, а браню ржаву,
и то все якож останется от хороброго.
Они текли со смѣхами на ворога.
а смерти не почитали за страх.
И тож веньска сыла была,
як до смерте билися с надѣею,
же бо боги то зрят и Русу милуют!
Незапоминьмо бо того николи,
а славу богам окажемо!

СКАЗ ЗАХАРИХИ „ПРО РУСУ СТЕПОВУЮ”

— Ходит в степу Руса Степовая,
и кричит на нее пардом в ночи
Лихо Самочитое, и ставает против нему
Диво Дивно, Лиху противится,
а Лихо Самочитое пардом стелится,
а Лихо Самочитое в травѣ ползет,
а Лихо Самочитое сбоку подлѣзает.

И диво на него Дивное насядает,
И біет его мечом Перунковым,
и біет кійком вышневым Бога Вышнього,
и то Лихо Самочитое отходит,
и Русу понехает, и с другой стороны,
ужимаючись пардою, ползет.
Так ночь цѣлую Руса не спит,
на тысячи огней глядит во тьму,
и то-костры ворогов вдалеку,
и кажен костер — сто ворогов, хранит,
и много их, за сотню тысяч стало,
а отбитися от них — тяжко Русіи!
А вжеж Руса овец на возы покидала,
а вжеж возы до Борусы поѣхали,
до дубовых лѣсов, до тернов гущих,
а до той славной Городечни на Донцю,
а гдѣ Руса Лѣсная-Боруса сидит,
а гдѣ мечи свои на Гуняци точит.
И тож течет Гуняця на Русу комоньми,
и тож біется Руса в степу без перестану,
и идет Руса Лѣсная на помогу,
и вжеж Гуняци заставилися,
видют, якова тая другая Руса, хоробрая,
а не могут на ней витязити.
И тож пришла Руса Кіева с Князем,
а та Руса Днѣпрянская також сильна,
та Гуняци налѣзати заставаются,
та Гуняци вжеж миру питаются.
А як миру питалися Гуняцы Отилови,
так Кіяны, а ни Боруса миру не хотѣли.
Так шли Гуняци Отилови на полудень,
а с Тиверою та Покутою сговорялися.
Та шли Гуняци на Ромы войною,
а и тѣ Русы полуденные с ними шли,
и Везунча с ними, и Улича, и Хорвы,
а Руса Степовая, та Руса Борусая,
аж Кіянская Руса не ходили.
Не знали они еще, якый Отила тый,
а чи слово свое держит, а чи не держит,
и великая там добыча, а леж-ли невеликая,
ащеж с тою Ромой дѣлают Гуняци,
а чи покоряется она, а небож нѣт.
И слыхано было, як Гуняци слово держут,
и вороги біют, а Отила страву руску ѣст,
и меды рускіе піет, яко мы.
И тож отказал князь Гуняци не трогати,
а вжех с ними в союзу не быти.
Та колиж Тивера хочет, так то ее дѣло,

а намо ни Лебыди, ни Кіеву то не идет,
а ни Руса Борусяна, ни Степовая
до Гуняци не пойдет, а не жадает.
И так Пошла Руса на Дунаю с Гуняками,
а Руса Степовая та Кіянская не пошла.
И было так, ащеб Диво Дивно кажну ночь
въ степу прядало, та грожалося,
на Лихо Самочитое нападало Диво,
а от Русы гнало, абыж зла не дѣяло,
и так Русы зла не знали от него.
Тож Греци все зло доставали сами,
ащеб грабували их Руськи Племены,
и много скота, коней, всякого добра дбалися,
та до Кіеву гнали, продавали задарма.
А Русы на Кіеву сѣдѣли тихо и глядѣли,
ащож на Панщинѣ та на Межах дѣется,
и в Норчи, и за Дунаем синимъ.
Плакали тегдыж Греци, як колися Русы,
и не знали, кам главу дати, абыж цѣла была.
И так то было, докы Отил на западъ Сонця одошел,
а тамо он же посчез с людьми,
и колиж назад пришел, так помер,
а его якася дѣвчина завраждила.
И с того часу Гуняци посчезли,
и Руса их уже не страшилася".

СКАЗ ЗАХАРИХИ ПРО КЫЯ В ЦАРЬГОРОДУ

Аще ж почал княжити князь Кый у городу Кыеву,
та почал у городу дбати ставбица,
та почав порѣкати Братам своим,
абы-ж тѣ Браты Чех с Хорватом
також на тую войну зготовлялися великую,
та бы-ж царя Греця побити,
бо царь той багато Руси обѣщав,
а ничого с того не зробил доконца вобьщо,
а ту Русу обманувал прямо пред очима всѣх.
И одмовили Браты князю Кыю — Чех с Хорватом,
аще-ж они — Чехы та Хорвы хоробры,
а им от Грець зла немает ниякого,
а отож Кый сам пратися может,
а Браты за ним до Царьгороду та до того Греця не будут,
а тая война им не подобается.
Осердился князь Кый, розгнѣвався крѣпко,
и хотѣл он Братов наказовать,
а дружина его ему так порѣкала:
— „Сами пойдемо, так сами-ж все заберемо".

Та почали люди чолны-лади ставити.
Отож чолны-лади ставили та пущали
на Днипрову на воду полную.
А тож весна була ясна и вода высокая.
А князь Кый на родню шел дополудню
и там люди свои пратися добре навчал.
Браты-ж Кыевы завистни были отой раз,
на прыпад, колы Кыю щастя витязное буде,
а тож Грецям крамарям порѣкли,
яко Кый до при выпіедши Грецькое,
та — абыж царь Грецюв також порався.
Послали Греци крамари до царя свого
людей вѣрных комонных до Пересѣчю,
а колиж можна, так и до Дунаю синього.
Отож Кый войско навчав свое хоробрее,
а тож прийшли люде до порогив,
а и порогы прейшли вольно водою великою,
и тако плывли чолны, а комонніи
берегом крутым помалу йшли.
Дознался царь Грецькый про войско Кыево,
свое войско збирал, а так порѣшал:
— „Пойдемо до него сами а обачимо".
Як пройшов князь Кый Перунов остров,
так побачили его Греци идучого,
а до Грецкого царя гоном верталися,
а ему о том расказували, та жеж Кый идет
с войском великим а сильным.
А порѣк царь Грецький так войску свому:
— „Аж побачите Русы, так крычит славу,
а меча на них не вздымайте до при,
а може мы с ним зговоряемось тый крат
та будемо не битися, а миритися".
Тѣм часом Кый с вояками шел водою,
а комоньство шло берегом аж до Царьгороду.
И бачили Русы ,як Греци до них поспѣшали,
и як ставали та славу кричали тричи,
и тож князь Кый усы поглажував,
а тако рѣкал Воеводам своим:
— „А тож Грець нас добре витает!
А не будемо його бити зараз,
а подивимося на не первое".
А Греци славу кричали, мечами дзвенькали,
по щитам своим разом били,
а щеж поперед на богатых конях
у золоти та срибли одягнуты,
вояки ихніи выѣждяли до князя,
а тамо на земле прядали а рѣкали:
— „Будь здоровый, князь Кыевскій Рускій,

„а хай тобѣ всяка пошана та слава,
„и також народу твоиму и воякам!"
Одрѣкал им Кый князь Рускій Кіевскій:
— „Нехай буде слава и царю вашому Грецкому,
„а хай буде здравый народ його та вояки!"
А рѣкли йому сланци Грецкіи царски:
— „Пойди за нами до царя нашого!"
А Кый им одрѣк: „Не пойду я до него,
„а хай он сам придет!"
И стали Русы, а Грецкій царь прийшов,
и с великою почтивостію Кыя витав,
и до покоив водил, и угощал,
и Русов три дни вином поили,
а мясами розныіми годували та птицею,
и рыбою, и свининою доброю,
и тож два тыжни праздновали Греци,
а по тих празднованьях осказав Кый:
— „Добре Греци прыймали, добре витали,
„А царь Грецкій мене братом называв,
„и по нашим жалобам правду робив,
„и дарунки про всѣх людей дарували,
„так и мы с шануваньем одыйдемо".
Молодіи вояки нарѣкали на то,
аще ж с Греком не билися,
а вжеж стари повидали так:
— „Добре зробив ты, княже, той раз.
„А як було-б, не знаемо,
„А может Греки нас щеб побили!
„А тако-ж зо славою йдемо,
„и тебе, Князю, прославили!"
Стари люде повѣдают, щеж за три лѣта
ходив Кый до Царгороду трикрат,
а билися Русы с Грецьом крѣпко,
а тож первей крат ходили со славою
и додому вернулися с дарунками.
А с той поры Чехи та Хорваты с Русою
недобре жили, та неладно,
и коли-ж Браты вмерли,
так Чехи с Хорватами одешли дальше,
за самую за Карпат-Гору.

СКАЗ ПРО БАБУ СТЕПОВУЮ

Стоит Баба каменная, стоит — поглядает
на степ на той на зеленый, на могилы,
ащо ж то за степ такой, ащо ж за могилы?
А то — рускій степ, а тѣ могилы руськія,

и в них — Богатыри наши спят до часу,
аж до Суда Господнього Страшного.
И то — поглядала Баба каменная, и-то видѣла,
и никому того не сказала Баба,
бо не знала языка человѣчого, языка руського,
и протож стоит она да думает думу степовую,
думу степовую, думу вѣчную, и тягостну, як камень!
Коли-ж прийдет час отот великій,
та будет трястися земля от грому желѣзного,
та будет трава падать от ржаня коньского,
та будет вѣтер звенѣть от крику военского,
та тож будут идти рати руськыя на послѣдній бой,
на бой жестокий за Землю Руськую единую,
и в тый час восстанут Богатыри с могил,
и в тый час закрычит Баба степовая:
— „Ой, лыхо мое, лышечко! Та куды-ж они идут?
„Та коли-ж назад будут они, вояци оти?
„Та може-ж никто и не вернется назадъ?
„Та — й не вернется, не прийде вже!
„Та будут по них жинки та матери плакать,
„Тай будут по ных сироты одни малыя . . .”
Так ото-ж будет кричати Баба степовая,
а потом прийде Страшный Суд Господній,
бо битися русам аж по-конец вѣку,
аж до Суда Страшного Божьего . . .
А то слыша, раскроются могилы, сдвинутся,
посыпется земля, травы упадут,
и выйдут оттуда Богатыри рускіе великіе,
и станут они за воякам тѣми,
и будут ждать ,аж упадут всѣ,
а тогда они на их мѣсто заявлятся,
и скажут: „Суди, Боже, нас грѣшных,
„а нам треба еще раз за тую Русу упасти!
А нам треба за не, родную, еще раз умерти!”
И скажет Бог: „Буду вас судить також,
„и послѣ всѣх судить буду,
„бо як вы-же дважды хотите вмерти,
„а того еще николи не свѣтѣ не було!”
И благословит их Бог Милостивый,
„и простит им Сам грѣхи их земные!”

СКАЗ ЗАХАРИХИ „ПРО КѢЛЬЧУ ТА СТЕПИ”

— Ой, як пришла весна, и Руса скотину гнала,
на попасы межи Днѣпром та Днистрою,
и стари Родичи Роды сбирали,
и Русам побродням наказовали:

— „Ходить, Русы ,до Днистра борзого,
Ходить до Днѣпра Славутного,
а до Дунаю Синяго не ходить!
Бо Дунай Синий Волоскій — грозливый,
бо за Дунаем Синим — Волох сидит,
а на тую, на Русу глядит,
абы ее оберем забрати,
а в себе робити заставити,
и молодых холостити,
а старых та малых до корня побити . . .”
— „А щеб, Родичи, Волох нас не стигнет!
А ще бо нас не подоляет, як мыслит,
а мы его, Волоха, позбіемо!
А нам во том и Кѣльча поможет!” —
Отповѣдяли на то молоди Русы Родичам,
тай шли дерзко до степу за скотиною.
Отож стала Руса у Великой Могилы,
и гды колись Комыри билися,
с Осавурами против ворога степового,
и там под ту Могилу их ховали,
аж тризневали они три дни там.
И первого поховали Царя Комыря,
и воколь его кони вбитые с мечниками,
и воза Царскаго ставили в ярок той,
а с ним — жену вбитую ворогами,
и всяких воинов, яки вбитые были,
поставили охраною навоколь,
и так Царь шел до Нави с ними.
Русы ту Могилу хоронили от поганебенья,
и там только тризневали, коли час был,
и никто сквернить ее не смѣл,
и Руса за тоб голову сняла недоброму,
а из Рода выгнала бы такого мужа.
Отож пришла Руса на мѣста тѣ,
поставила халабуды, стала жити.
и скоро видит, Кѣльча идет.
и Руса Кѣльчу увитала, и поважала,
а Кѣльча ставилася праздновати.
Отож вранци стал Кѣльча спѣвати,
Коньскую Голову от халабуды до халабуды
с плясом носити, и знахари Кѣльчи
стали провѣщяти на будучину,
а так, жеб Лихо Самочитое
николи през Диво Дивное,
девятеросвятое не проходило.
И Руса на то глядяла, и поважовала,
а тож Кѣльча вдячна Русѣ была за то.
А колиж три дне проходило,

Кѣльча Русу на страву звала,
и вся Руса налѣво одъ Царя Кѣльчи
за столы садилася долгіе.
Тож Руса Кѣльчѣ славу кричали тричи,
и видѣла, як знахори траву косили,
невеликим стогом ставили вокруг,
а видѣла Руса, як вороги приходили,
а Кѣльчу та Русу гладяли, а найти не могли.
Бо за тѣж стоги травные не могли заглянути.
Та бѣгали с ножами, та кричали вороги:
— „Кыка есть а мыки нѣту! Гдѣ же мыка?"
И то значит: „Ножи есть, а мяса нѣту".
„Отож вороги бѣгали, а за стоги не могли глядѣть,
а за ними Кѣльча та Руса была.
И тож старый вѣдач Кѣлчій стал,
а вышневым птутиком помавал,
так вороги подѣлялися на два,
а одни на други налетели с мечами,
а рубалися, а сѣклися, аж заслабли,
а тодѣ Руса на конь садилася,
и остатних ворогов вырубала!
И тры крать Кѣльча Русѣ славу кричала.
И благословила Кѣльча Русу на вѣки вѣк.
И Руса сдружалася с Кѣльчей тож навѣк.
А також от ворогов слобонялися вмѣстѣ".

СКАЗ ЗАХАРИХИ ПРО КНЯЖГОРОД НА РУСИ-РѢКѢ

Ото ж послѣдняя паля дубовая
с того часу на порошину сгнила,
тай камень той, на якому вона лежала,
струхлявився, на пѣсок роспався,
и вже ж не одна гора посчезла,
и богато рѣчок повысохло,
а ты, род человѣчій, живешь еще
и про князя Кыя в Княжгородѣ не забыл еси.
А было так, аще прыйшов Кый
З Роды свои, племена, на Русу-рѣку,
и находил тамо стар-градо,
а теж бо Княжгород на Русѣ,
и то была стара вежа,
Та ярок кругом неглыбокый,
та дривытни — пали дубовыя
Кругом насторч натыкани.
И то все было так старе
аже само валилося от рук,
и кажен мог оти пали урвати,

тай до дому однести — огницу палити.
И тож Кый зряв, и тако рѣк вон:
— Люди нерадивы, люди ленивы,
идит уси до роботы, абыж Княжгороду
ани ворог ниякый легцѣ не подбався! —
Тай шли люди и труждалыся,
И скоро вежу збудовали крѣпцю,
тай городнечу зробили повну.
Та став тамо Кый и видит,
ащо розны племены до граду лѣзут.
Та огнав одно, так другое лѣзет,
а побив його, так и третее.
Одойшов тоды Кый далѣ до полноче,
и там у Борыщагы на Днѣпру,
на Славути-батькови град новый ставив,
и та ставба Кыевом сталася,
Кыевом славутным у Полянах.
А прийшла до Кіева Брянщина,
подивилась, покивала и хлѣба привезла,
рыбы сухой, зеленины, абы кіяне
гладом не терпѣли, не страдали.
И почали русы-кіяне землю рати,
просо сѣять, скотину плодить,
и гряницы берещи от ворога.
А скоро Руса с полуноче шла,
тай тая под Кія ставилася.
Скоро и Брянщина прихожовала,
и та князеви Кію подлягалася.
Стало князтво кіевское великое,
сильное та могутное одразу,
и вороги його боялися крѣпще.
Далася до Кія Волоть Горыня,
тай Летичя Древлянская.
И скачут гонычи до князя, та кричат:
— Отож Зміюка до Горыни лѣзет!
Лѣзет она великая, тай люди хватает! —
Забрав Кій меча-кладенца с собою,
забрав войско комоньске, тай поскакав,
тай зміюку вбив, тай живот йому споров,
тай люди живые з него выпущав.
А та зміюка у бляхах мѣдных,
а на тых бляхах орля одбито.
Атож розумѣй, аще бо можешь.
Слава Кію, слава коропам!
а що тѣ ворога зміюку забивали,
а родну русу бѣды позбавляли.

записал **Юрий Миролюбов**

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава I. Русский — русин — руснак.

Глава II. Галицкая Русь

Глава III. Украинизация южной и западной Руси

Глава IV. Душа народа

Глава V. История Карпатской Руси

Глава VI. Вековая борьба с Римом

Глава VII. Культурно-политические деятели Закарпатской Руси

Глава VIII. Мы и униатсво

Глава IX. Карпатская Русь и Чехословакия

Глава X. Карпатская Русь в чешском ярме

Глава XI. Древняя Русь

Глава XII. Глубокая древность